This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 1455.205

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

The Bequest of

Samuel Hazzard Cross

Professor of Slavic
Languages and Literatures

1930–1946

П. Л. ЛАВРОВЪ.
(П. Миртовъ.)

ПАРОДНИКИ-ПРОПАГАНДИСТЫ
1873—78 ГОДОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Т-ва Андерсона и Лойцянскаго“, Вознесенскій пр., 53.
1907.

Sfar .55.205

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
47*1

1498
48.12
37

Содержаніе „Народниковъ-Пропагандистовъ“:

		стр.
	Нѣсколько словъ читателю	3
1.	До 1873 года	5
2.	Русское заграничное революціонное движеніе 1873—77 годовъ	53
3.	«Впередъ!»	79
4.	Литературная полемика	136
5.	Движеніе въ народъ	184
6.	Переходъ къ другой эпохѣ	271

Народники-пропагандисты 1873—77 г.г.

Нѣсколько словъ читателю.

Напомню читателю то обстоятельство, что онъ имѣетъ передъ собою въ рядѣ статей этого отдѣла не попытку исторіи данной эпохи, а лишь *матеріалы* для этой исторіи, причемъ, въ значительной мѣрѣ, лишь такіе матеріалы, которые могли сохранить и собрать люди, отрѣзанные отъ Россіи и имѣющіе мало возможности обращаться за нужными свѣдѣніями къ наиболѣе достовѣрнымъ и богатымъ источникамъ. Съ иными свидѣтелями событій, о которыхъ приходится говорить еще опасно для нихъ даже установить сношенія. Подпольная литература того времени составляетъ теперь во многихъ случаяхъ рѣдкость, которую добыть не легко, а иногда и совсѣмъ невозможно. Поэтому, вообще читатель долженъ довольствоваться лишь тѣмъ матеріаломъ, который былъ доступенъ авторамъ статей, входящихъ въ этотъ отдѣлъ и который, неизбѣжно, очень неравномѣренъ для различныхъ частей одного и того же этюда.

Для эпохи, о которой будетъ итти рѣчь въ этомъ очеркѣ, наличный матеріалъ представляетъ два элемента, до нѣкоторой степени независимые одинъ отъ другого. Это была эпоха, когда заграничная соціалистическая литература развилась одновременно съ массовымъ движеніемъ русской соціалистической молодежи въ народъ; но эти два явленія, вызванныя однимъ и тѣмъ-же историческимъ теченіемъ, происходили, каждое самостоятельно, лишь въ нѣкоторой степени оказывая вліяніе другъ на друга.

Относительно этихъ двухъ элементовъ, пишущій эти

строки поставленъ въ совершенно различное положеніе. Для литературнаго движенія 1873—1877 годовъ, за границей у меня существуютъ большею частью данныя въ достаточномъ числѣ и мои личныя воспоминанія позволяютъ мнѣ дополнить эти данныя. Но совершенно иное приходится сказать о движеніи въ народѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Россіи. Корреспонденція того времени изъ Россіи и офиціальныя данныя процессовъ доставляютъ лишь отрывочныя черты. Автору пришлось обратиться къ личнымъ воспоминаніямъ нѣкоторыхъ участниковъ движенія, и я не могу не высказать самой искренней благодарности тѣмъ изъ нихъ, которые не отказались помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Этотъ очеркъ вышелъ бы полнѣе, если бы другіе, отчасти обѣщавшіе мнѣ содѣйствіе, не нашли невозможнымъ оказать мнѣ его, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Само собою разумѣется, что дополнительныя свѣдѣнія, полученныя мною, могли служить уясненіемъ лишь въ нѣкоторыхъ эпизодахъ, тогда какъ другіе представляютъ неустранимые пробѣлы. Надѣюсь, что читатель отнесется снисходительно къ этимъ неизбѣжнымъ слѣдствіямъ условій, при которыхъ писанъ этотъ очеркъ. Я позволяю себѣ надѣяться и на то, что въ будущемъ можно будетъ дополнить сказанное здѣсь новыми подробностями, которыя, впрочемъ, по моему мнѣнію, едва-ли могутъ измѣнить картину общаго характера событій *и ихъ* хода.

1. До 1873 года *).

Характеристическою чертой нашего времени, приходится признать развитіе и распространеніе соціализма. Всѣ области человѣческой мысли и культуры, въ про-

*) Матеріалы, которыми я пользовался цитированы слѣдующимъ образомъ:

„Обвинительный актъ по дѣлу о преступной пропагандѣ“ по процессу 193; вырѣзки изъ газетъ—„Обв.“

Періодическія изданія: „Колоколъ“—„Кол.“; „Народное Дѣло —„Нар. Д.“ Для „Впередъ!“ цитаты, относящіяся къ томамъ неперіодическаго сборника, обозначены римскими цифрами порядка томовъ; отдѣлъ второй („Что дѣлается на родинѣ?“) обозначенъ буквою А.; отдѣлъ третій („Лѣтопись рабочаго движенія“) буквою Б.; цитаты изъ двухнедѣльной газеты—арабскими цифрами № послѣдней. Слѣдующее за тѣмъ число указываетъ страницу отдѣла тома или столбецъ газеты. Для изданій бакунистовъ „Наука и насущное революціонное дѣло“ (1870)—„Наука“; „Государственность и Анархія“ (1873)—„Гос. и ан.“; прибавленія къ этому тому—„Пр.“; „Историческое развитіе Интернаціонала“—„Ист. р.“. Для якобинскихъ изданій—„Задачи революціонной пропаганды въ Россіи“ (1874)—„Зад.“ (отвѣтъ на это „Русской соціально революціонной молодежи“ (1874)—„Рев. Мол.“); „Набатъ“—„Наб.“ (съ указаніемъ номера); „араторы бунтовщики передъ русской революціей“—„Ор.“; „Анархія Мысли“—„Ан.“;—„Революціонная расправа“—„Р. Р.“; „Община“—„Общ.“ (съ указаніемъ номера). „Вѣстникъ Народной Воли“—„В. Н. В.“ (съ указаніемъ тома и стр.—Это изданіе—„Мат.“ и „Съ Р.“ (съ указаніемъ выпуска и страницы).

Брошюры и отдѣльныя изданія кромѣ только-что упомянутыхъ: *Тихомировъ*; „Conspiratеus et policiceus“ (1887)—„Consp“; *С. Степнякъ*: „Подпольная Россія“—„Под. Р.“; „Воспоминанія *Вл. Дебогоріи-Мокріевича*“ (1894)—„Восп.“; „Календарь Народной Воли“ (1883)—„Кал.“; „Процессъ пятидесяти“ (1877)—„Пр. 50“; „Софья Иларіоновна Бардина“ (1883)—„Бардъ“; „На родинѣ“ № 1—3 (1882—83)—„На Р.“ (съ указаніемъ номера). Газету „Работникъ“, не смотря на всѣ старанія, я достать не могъ. Такъ какъ она была бы особенно полезна для главы 4, то я обращаюсь печатно къ читателямъ, прося ихъ, если будетъ возможно, доставить мнѣ ее на самое короткое время.

цессѣ рѣшенія своихъ соціальныхъ задачъ, обусловлены теперь соціальнымъ вопросомъ въ его общихъ чертахъ и въ тѣхъ особенностяхъ, которыя соціальный вопросъ получаетъ въ каждой странѣ подъ вліяніемъ ея предшествующей исторіи. Всѣ крупныя событія жизни народовъ, въ наше время совершающіяся подъ какимъ бы-то ни было вліяніемъ, окрашиваются неизбѣжно тѣмъ обстоятельствомъ, что эти событія совершаются въ средѣ, въ которой пробудилось и съ каждымъ годомъ все болѣе устанавливается сознаніе противуположенія классовыхъ интересовъ рабочихъ и обладателей орудіями труда, и невозможности устранить борьбу этихъ классовъ ни государственными, ни національными, ни какими-либо идейными соображеніями. Едва ли можно понять надлежащимъ образомъ, какое либо современное явленіе въ любой области мысли и жизни, не усвоивъ его болѣе близкаго или болѣе отдаленнаго отношенія къ соціальному вопросу.

Здѣсь сдѣлана попытка сгруппировать матеріалы для очерка эпохи, характеризованной для Россіи именно тѣмъ, что въ русской молодой интеллигенціи задачи прогресса для Россіи уяснились по ихъ отношенію къ принципамъ соціализма въ его новѣйшей формѣ, именно въ формѣ классового противуположенія представителей труда и представителей капитала.

Эти задачи прогресса для Россіи стали съ фатальною необходимостью передъ русскою интеллигенціей съ тѣхъ самыхъ поръ, когда въ ней, какъ во всякой исторической интеллигенціи, проснулась жажда развитія. Онѣ приняли характеръ съ той эпохи, когда русская интеллигенція сознала себя, какъ элементъ цивилизаціоннаго теченія, общеевропейскаго, человѣческаго. Этотъ опредѣленный характеръ задачи прогресса сохранили для русской интелигенціи, съ перваго момента своей постановки до настоящей минуты; но въ этотъ промежутокъ времени онѣ уяснялись лишь постепенно и могли окончательно уясниться, какъ задачи рабочаго соціализма, только въ послѣднія три десятилѣтія.

Для русской интеллигенціи 70-хъ годовъ осталась на первомъ планѣ культурная роль, принятая ею на себя съ конца XVII-го вѣка—быть посредницею между процессомъ работы научной, нравственной и философской мысли передовыхъ борцовъ человѣчества, и многомилліонными массами русскаго народа. Московское царство при своемъ переходѣ въ бюрократически-полицейскую петербургскую имперію, оставило эти массы, чуть ли не во всѣхъ ихъ слояхъ, по отношенію къ мысли и культурѣ, при самыхъ смутныхъ противунаучныхъ воззрѣніяхъ византійской схоластики, при самыхъ деморализующихъ привычкахъ къ восточной политической и общественной обрядности, при религіозныхъ переживаніяхъ въ самой безжизненной ихъ формѣ *). Пробужденная къ новой жизни притокомъ научныхъ и политическихъ идей, русская передовая интеллигенція была охвачена въ началѣ петербургскаго періода иллюзіею, что только что упомянутую культурную роль она можетъ играть вмѣстѣ съ правительствомъ, при его энергичномъ содѣйствіи. Но ей скоро пришлось въ этомъ разувѣриться. Она могла сдѣлаться культурною силою для прогресса родины лишь дѣйствуя независимо отъ полицейско-бюрократической власти, дѣйствуя *противъ* послѣдней. И она приняла на себя эту историческую роль. Самымъ блестящимъ образомъ и вполнѣ сознательно выполнила ее въ особенности русская интеллигенція 40 хъ годовъ XIX вѣка проповѣдью гуманныхъ идей; затѣмъ ея преемники 50-хъ и 60-хъ годовъ проповѣдью научно-философскаго міросозерцанія въ его самыхъ передовыхъ формахъ, устраняя всѣ фантастическія созданія религіозной фантазіи и всѣ метафизическія увлеченія, еще оказывавшія сильное вліяніе на интеллигенцію 30-хъ годовъ. Эти поколѣнія создали въ Россіи умственную атмосферу, которая выработала въ ихъ лучшихъ представителяхъ неразрывную связь двухъ великихъ принциповъ человѣческаго развитія: принципа научной критики и принципа самоотверженнаго служенія идеѣ. Она дала возможность по-

*) Ср. между прочимъ статью *А. Н. Пыпина* въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1894 годъ, и въ слѣдующихъ.

слѣдующему поколѣнію, оставаясь по необходимымъ условіямъ русскаго политическаго строя на почвѣ идейнаго соціализма, тѣмъ не менѣе оказаться воспріимчивымъ къ этому соціализму въ его научныхъ формахъ. Требованія научной критики были такъ-же прочно усвоены поколѣніями Герценовъ, Грановскихъ, Бакунинныхъ, а затѣмъ Чернышевскихъ и Добролюбовыхъ, какъ и требованія служенія общественному благу. Реалистическая русская беллестистика была въ то же время проникнута идейными силами. Матеріалистическое пониманіе природы не мѣшало Герценамъ писать „Кто виноватъ?“ и „Съ того берега“. У развитыхъ русскихъ людей установилось убѣжденіе, что для нихъ научно-философское міросозерцаніе нераздѣльно отъ стремленія осуществить передовые идеалы личной и общественной нравственности; нераздѣльно отъ борьбы за раціональныя формы общественныхъ отношеній, за справедливѣйшій общественный строй. Однако лишь къ 70-мъ годамъ приходится, можетъ быть, отнести усвоеніе передовою русскою интеллигенціею болѣе опредѣленнаго убѣжденія, что это осуществленіе, эти формы, этотъ строй могутъ имѣть мѣсто лишь путемъ торжества соціалистическихъ принциповъ, путемъ побѣды организующейся арміи труда надъ арміей обладателей и охранителей капитала. Гуманная проповѣдь идеалистовъ борцовъ за эмансипацію крестьянина и женщины, индивидуалистическое изученіе природы, проповѣдь матеріалистовъ-нигилистовъ базаровскаго пошиба, находившихся преимущественно подъ вліяніемъ Писарева, развилось лишь въ *эту* эпоху въ реалистическую проповѣдь движенія въ народъ. Это движеніе проповѣдывали во имя обязанности заплатить долгъ этому народу, лежащій на интеллигенціи; во имя обязанности послѣдней вызвать въ русскомъ работникѣ, въ русскомъ крестьянинѣ, то самое сознательное отношеніе къ міру и къ общественнымъ задачамъ, которое создавала на западѣ армію „пролетаріата всѣхъ странъ“. На нашей родинѣ слѣдовало возникнуть и организоваться, какъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, классу рабочему, который созналъ-бы свое необходимое противоположеніе всѣмъ другимъ общественнымъ классамъ, а въ тоже время свое право и свою обязанность погло-

тить всѣ прочіе классы. Культурная роль русской интеллигенціи по отношенію ея къ народу не только не понизилась, но уяснилась для нея болѣе опредѣленно, когда эта интеллигенція стала интеллигенціею соціалистическою. Для русской интеллигенціи осталась точно такъ-же на первомъ планѣ задача отвоевать у абсолютизма ту политическую свободу, которую въ большей или меньшей степени уже отвоевали себѣ во второй половинѣ XIX вѣка народы всѣхъ цивилизованныхъ странъ міра. Создавая бюрократическо-полицейскую имперію по европейскимъ образцамъ начала XVIII-го вѣка, Петръ I не могъ устранить неизбѣжнаго послѣдствія, что, вмѣстѣ съ бюрократическо-полицейскими формами, новая европейская культура вносила въ Россію и всѣ тѣ политическія задачи, всю ту борьбу за власть между классами, сословіями и группами, которая составляла главную ткань внѣшнихъ событій европейской исторіи послѣднихъ вѣковъ. Немного лѣтъ прошло со смерти Петра I, когда Ягужинскіе уже говорили: «Батюшки мои, прибавьте намъ какъ можно воли», а Дм. Мих. Голицины предлагали императрицамъ «пункты» *). XVIII вѣкъ еще не кончился, когда подъ формалистикой франмасонства представители интеллигенціи пытались собственною иниціативою, устраняя всякое правительственное содѣйствіе, создавать просвѣтительные центры и теченія въ русскомъ обществѣ и вызывали этими самыми стремленіями къ общественной иниціативѣ жестокое преслѣдованіе со стороны пріятельницы Вольтера и Дидро **). Но эти «пункты» верховниковъ и эти «требованія воли», о которыхъ они мечтали, имѣли въ виду лишь интересы небольшого меньшинства, для самыхъ крайнихъ лишь права «шляхетства», подъ которымъ стонали милліоны крѣпостныхъ. Просвѣтительныя мечты Новикова и его пріятелей стояли въ прямомъ противурѣчіи и съ существующимъ закрѣпощеніемъ этихъ милліоновъ и съ требованіями научнаго міросозерцанія, которое одно имѣло будущность въ человѣчествѣ. И вотъ

*) Ср. *И. Милюковъ*: „Попытки государственныхъ реформъ при воцареніи Императрицы Анны Ивановны,“ 8.

**) См. статью *Якушкина* о „Новиковѣ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ.“

задача «свободъ» въ XIX-мъ вѣкѣ уже неизбѣжно усложняется: рядомъ съ проэктомъ «конституціи» у декабристовъ стоитъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Въ «Союзахъ благоденствія» толкуютъ о «язвѣ крѣпостного состоянія», выставляются проэкты «сдѣлать поземельную собственность нѣкоторымъ образомъ общею всѣмъ». Соціальная задача юридической эмансипаціи народа становится однимъ изъ догматовъ политическаго либерализма *). Эта задача выступаетъ на первый планъ для представителей гуманныхъ идей въ эпоху капральства Николая I. Она для нихъ заслоняетъ даже задачу прямой борьбы съ абсолютизмомъ. Противъ крѣпостничества Тургеневъ произносилъ свою «Аннибалову клятву».

Противъ него идетъ агитація во всей либеральной литературѣ. Петрашевцы заявляютъ, что «не имѣли умысла на бунтъ» и ставятъ настоятельными требованіями лишь «уничтоженіе крѣпостного права, введеніе гласнаго судопроизводства и дарованіе свободы слова».

Когда Александръ II приступаетъ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, къ эмансипаціи крестьянъ, даже самые независимые заграничные агитаторы восклицаютъ: „Ты побѣдилъ Галилеянинъ», и высказываютъ готовность итти не за «Пугачевымъ», не за «Пестелемъ», а за «Романовымъ». Но освобожденіе крестьянъ — соціальный элементъ программы русскихъ либераловъ 50-хъ годовъ — не предполагало еще никакого соціалистическаго взгляда на общественныя задачи (какъ оно не предполагало этого и въ другихъ странахъ, гдѣ это самое освобожденіе скрывало сознанный или несознанный мотивъ способствованія образованію класса *свободныхъ* пролетаріевъ для мануфактуръ и фабрикъ капиталистовъ, не обладавшихъ крѣпостными, подобно землевладѣльческой аристократіи). Это было лишь минимальное идейное

*) О декабристахъ, какъ предшественникахъ позднѣйшей революціонной интеллигенціи въ политическихъ, а отчасти и соціальныхъ задачахъ, имѣется въ виду дать спеціальную статью (А. З). Намъ доставлена по этому предмету очень интересная работа, но она, по своему объему, далеко превосходитъ размѣры того, что мы можемъ напечатать и поэтому требуетъ, по необходимости, переработки.

условіе, безъ котораго не имѣли никакого смысла, ни соціалистическая пропаганда русскихъ сен-симонистовъ и фурьеристовъ, ни практическое приложеніе къ общественнымъ задачамъ философскихъ построекъ русскихъ шеллингистовъ и гегельянцевъ, ни даже нравственная задача сторонниковъ гуманныхъ идей въ литературѣ и жизни.

Но вотъ это условіе выполнено. Новая пореформенная Россія встаетъ передъ глазами новаго поколѣнія развитыхъ людей, съ ея раззореніемъ крестьянина, съ его хроническимъ голоданіемъ, и, слѣдовательно, съ неотложнымъ экономическимъ вопросомъ: чей трудъ создалъ всѣ богатства и какая часть ихъ приходится на долю того, кто ихъ создалъ? Тогда только воскресаетъ въ новомъ видѣ задача «побольше воли», какъ задача воли для *всѣхъ* русскихъ и притомъ, такой «воли», которая была бы и экономическою эмансипаціею для трудящихся массъ. Появляется подпольная литература листковъ и прокламацій «Молодой Россіи» въ связи съ волненіемъ университетовъ. Организуется чисто политическое тайное общество «Земля и Воля», начала 60 годовъ, цѣль котораго была формулирована слѣдующимъ образомъ людьми, которые должны были хорошо знать дѣло *).

«Оно столько же стремилось къ самосозванному Народному Собранію, сколько хотѣло помѣшать возможной случайности созванія правительствомъ оффиціальнаго земскаго, т. е. дарованія какой-либо непристойной конституціи... Оно открыто сознавало, что Народное Собраніе обусловливается предварительнымъ уничтоженіемъ правительства... Оно хотѣло, такимъ образомъ, вызвать Народное Собраніе для того, чтобы народъ самъ, собранный въ лицѣ своихъ избранныхъ довѣрителей, поставилъ главныя основы для своего новаго быта».

Средствомъ для достиженія этой цѣли должны были быть «крѣпко сплоченная и широко развѣтвленная организація пропагандистовъ» въ средѣ интеллигенціи, кото-

---

*) Въ „Народномъ Дѣлѣ“ № 23, стр. 33 и слѣд.

рая должна была способствовать «позднѣйшему образованію другой широкой *Народной Организаціи вооруженныхъ борцовъ*, такъ какъ жизненный элементъ среди образованныхъ сословій... только одинъ и могъ нести въ народъ сознанный революціонный помыселъ».

Это чисто-политическое движеніе усложнилось связью съ польскимъ вопросомъ, въ которомъ въ это время не было и не могло быть ничего соціальнаго. Протесты противъ подавленія народностей польской и украинской входили важнымъ элементомъ въ студенческія движенія начала 60-хъ годовъ. Если, по словамъ „Народнаго Дѣла» (стр. 35), партія „Земли и Воли“ признавала своимъ долгомъ «подготовленіе революціи въ Россіи на коренныхъ соціалистическихъ началахъ», то не видно ни изъ какихъ данныхъ, чтобы «тайное потебневское общество» или «офицерскій комитетъ» имѣли въ виду классовую борьбу представителей труда и капитала. Не соціалистическая пропаганда, а обвиненіе въ политическомъ заговорѣ было выставлено противъ М. Л. Михайлова, противъ Н. Г. Чернышевскаго, противъ Николая Серно-Соловьевича для ихъ ссылки въ Сибирь. Лишь съ разрушеніемъ этой политической комбинаціи, опиравшейся, по плану участниковъ, на организацію революціонной интеллигенціи, соціальный вопросъ опять выступаетъ на первый планъ, вслѣдствіе все большаго усвоенія убѣжденія, что интеллигенціи приходится, при самой своей организаціи, опираться на народъ. Въ 1864—66 годы, рядомъ съ организаціей «Ишутинцевъ», тѣ же самые революціонные кружки, изъ которыхъ вышелъ Каракозовъ, начинаютъ пропаганду среди народа, сперва чисто культурную, заводятъ школы для обученія безграмотныхъ, сближаются съ народомъ въ ассоціаціяхъ, въ ремесленныхъ, даже фабричныхъ предпріятіяхъ. Когда 4 апрѣля 1866 г. *) вызываетъ разгромъ и этихъ организаціонныхъ попытокъ, то обличено безсиліе лишь ихъ *политической* стороны; но молодые люди, идущіе въ тюрьмы, въ Сибирь, водворенные въ разные глухіе углы Россіи, уносятъ съ собою повсюду уже болѣе опредѣленныя убѣж-

*) Выстрѣлъ Каракозова. Прим. издат.

денія относительно задачъ своей дѣятельности. Это— первое проявленіе агитаціоннаго *народничества*: надо итти въ народъ; надо сближаться съ народомъ, уясняя себѣ его потребности; лишь этимъ путемъ можно помочь печальному положенію отечества. Теперь въ немъ каждую минуту диктаторомъ отъ имени императора можетъ явиться Муравьевъ. Либеральныя реформы, сегодня дарованныя, могутъ быть завтра отняты по волѣ каприза или случайнаго раздраженія . . . . . Теперь и временное дозволеніе сравнительно большей свободы слова, преподаванія, ассоціаціи обращаются въ Россіи въ ловушку для тѣхъ, кто думаетъ воспользоваться этимъ кажущимся либерализмомъ. Теперь, наконецъ, народъ, лишенный средствъ ознакомиться съ общественными задачами и съ заграничными попытками рѣшить ихъ, лишь потому остается безсильнымъ передъ своими эксплуататорами, что не знаетъ существенныхъ условій этой эксплуатаціи. Задачи пропаганды въ народѣ, лишь случайно прерванной политехническими попытками интеллигенціи, оставались главными задачами новаго поколѣнія, а, вслѣдствіе историческаго теченія, именно въ эти годы охватывавшаго все съ большею силою цивилизованный міръ, эта пропаганда должна была неизбѣжно проявлять все болѣе опредѣленно *соціалистическій* характеръ. Когда позже теченіе соціалистическаго народничества, обнаруживъ свои недостатки, снова смѣнилось теченіемъ, въ которомъ политическіе вопросы стали рядомъ съ экономическими (въ эпохи второй «Земли и Воли» и «Народной Воли»), это позднѣйшее движеніе не могло уже представить въ своей комбинаціи этихъ вопросовъ ту случайность и неопредѣленность, которую мы замѣчаемъ въ предыдущія эпохи 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годовъ. Передъ поколѣніемъ конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ была уже вполнѣ прочная и ясно-сознанная почва принциповъ рабочаго соціализма, выработанная въ срединѣ 70-хъ годовъ. «Кающіеся дворяне» и люди, рѣшившіеся «уплатить свой долгъ русскому народу» изъ неопредѣленныхъ «нигилистовъ» и «народниковъ», въ существенныя воззрѣнія которыхъ элементъ соціалистическій входитъ рядомъ съ другими, сдѣлались вполнѣ сознательными *соціалистами*, участниками великой борьбы классовъ,

которая охватывала міръ. *Это* именно было дѣломъ средины 70-хъ годовъ, т. е. эпохи, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

До сихъ поръ всѣ политическія и умственныя движенія въ нашемъ отечествѣ выростали изъ элементовъ, переданныхъ намъ съ запада, хотя можно разглядѣть при этомъ перенесеніи общечеловѣческихъ идей на русскую почву, характеристическія особенности, обусловленныя спеціальною средою, встрѣчаемою этими идеями на новой почвѣ, причемъ уже проявлялось иногда и обратное дѣйствіе. Но общеисторическое теченіе и не можетъ уклониться отъ этого фатальнаго условія. Если московское царство и Петербургская имперія употребляли всѣ усилія, первое, чтобы не дать развиваться въ Россіи критической мысли, и вторая, чтобы заимствовать изъ цивилизованныхъ странъ исключительно пріемы техники и полицейское управленіе, то не мудрено, что прогрессъ въ Россіи могъ имѣть мѣсто лишь путемъ перехода въ Россію идей, выработанныхъ тамъ, гдѣ онѣ имѣли возможность выработаться.

Принципы соціализма не составляютъ въ этомъ случаѣ исключенія. И они пришли къ намъ съ запада, въ той послѣдовательности, какъ они тамъ появились.

„Изъ Франціи, разумѣется не изъ Франціи Луи Филиппа и Гизо, а изъ Франціи Сенъ-Симона, Кабэ, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржа Занда, лилась на насъ вѣра въ человѣчество; оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ *)".

Уже то обстоятельство, что тутъ фигурируетъ „въ особенности Жоржъ Зандъ", указываетъ, что экономическій вопросъ въ этомъ первоначальномъ русскомъ соціализмѣ былъ заслоненъ другими.

Точно также впослѣдствіи Фейербахъ былъ для соціалистовъ 60-ыхъ годовъ болѣе непосредственнымъ учителемъ, чѣмъ Лассаль и Марксъ; манифестъ же коммунистовъ 1847 г., съ его опредѣленною постановкою

---

*) *Щедринъ*: „За рубежомъ".

вопроса, едва-ли былъ кому-либо изъ нихъ извѣстенъ. Въ кружкѣ Петрашевцевъ, который былъ однимъ изъ центровъ соціалистическихъ идей въ Россіи, главныя выставленныя требованія, были: уничтоженіе крѣпостного права, введеніе гласнаго судопроизводства и дарованіе свободы слова, т. е. требованія нисколько не выходившія изъ предѣловъ самой скромной программы либеральной буржуазіи. Правда, 7 апрѣля 1849 г., въ день рожденія Фурье произносились рѣчи въ честь „новаго міра имъ открытаго", высказывалась надежда, что „рухнетъ и развалится все это дряхлое громадное вѣковое зданіе и многихъ задавитъ оно при разрушеніи"; надежда на „скорое торжество". Но соціалистическіе утописты въ это время для Европы были чѣмъ-то уже совсѣмъ устарѣлымъ, такъ какъ борьба классовъ тамъ принимала все болѣе сознательный характеръ; Парижъ пережилъ іюньскіе дни; формула: „пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!" была уже напечатана, хотя имѣла очень незначительное распространеніе. Для соціализма, какъ и для европейской исторіи вообще, приближался новый періодъ.

Уже гораздо опредѣленнѣе соціализмъ этого наступающаго періода отразился въ книгѣ Герцена „Съ того берега"; „Колоколъ", хотя и имѣлъ преимущественно характеръ политическій, оставался все таки органомъ „неисправимаго соціалиста" и до самаго конца своего существованія (даже, можетъ быть, всего болѣе, какъ увидимъ ниже, въ свои послѣдніе годы) признавалъ соціализмъ своимъ „гражданскимъ катехизисомъ". Бакунинъ былъ еще въ 40-ыхъ годахъ знакомъ съ швейцарскими соціалистами кружка Вейтлинга, а, по возвращеніи въ Европу изъ Сибири, вступилъ въ организацію Интернаціонала вскорѣ послѣ его основанія, при чемъ, конечно, не могъ не внести въ эту организацію своего прирожденнаго „наслажденія разрушеніемъ". Въ политико-экономическихъ и публистическихъ статьяхъ Чернышевскаго экономическій элементъ соціализма, какъ критика буржуазной экономики, выступилъ совершенно опредѣленно *). Въ 1868 году появился и первый органъ на

*) Герцену, Чернышевскому, Бакунину, точно такъ-же, какъ и эпохѣ реформъ (1855—63) и первой эпохѣ реакціи царствованія Александра II имѣется въ виду посвятить особыя статьи (А. 5—9).

русскомъ языкѣ, приступившій опредѣленно къ программѣ Интернаціонала. Это было „Народное дѣло“, первый номеръ котораго вышелъ 1-го сентября 1868 года въ Женевѣ.

Оно объявляло (стр. 1):

«единственными вопросами, лежащими въ основаніи всѣхъ прочихъ, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ..... вопросъ объ освобожденіи многомилліоннаго рабочаго люда изъ подъ ярма капитала, наслѣдственной собственности и государства».

Программа изданія начиналось словами:

«Мы хотимъ полнаго умственнаго, соціально-экономическаго и политическаго освобожденія народа» (6).

и формула «соціально-экономическое освобожденіе» пояснялась словами, напечатанными крупнымъ шрифтомъ:

«Земля принадлежитъ только тѣмъ, кто ее обрабатываетъ своими руками—земледѣльческимъ общинамъ. Капиталы и всѣ орудія работы работникамъ-рабочимъ ассоціаціямъ».

Политическій элементъ программы опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

«Вся будущая политическая организація должна быть ни чѣмъ другимъ, какъ свободною федераціею вольныхъ рабочихъ какъ земледѣльческихъ, такъ и фабрично-ремесленныхъ артелей (ассоціацій)».

Далѣе это разъяснялось какъ «окончательное разрушеніе государства», «искорененіе всякой государственности», требованіе «полной воли для всѣхъ народовъ, нынѣ угнетенныхъ въ Россійской имперіи» и «федерація снизу вверхъ» для тѣхъ, которые «*захотятъ* быть членами русскаго народа» (7).

Въ первомъ-же выпускѣ начатъ былъ рядъ статей, задача которыхъ была критика «правительственныхъ реформъ», о которыхъ тутъ-же высказывалось: «Государство хотѣло только разыграть и дѣйствительно разыграло комедію» (11). Во второмъ (№№ 2—3; октябрь 1868) журналъ объявилъ себя «органомъ революціонной пропаганды» (25) и связывалъ въ руководящей статьѣ («Пропаганда и организація. Дѣло прошлое и дѣло нынѣшнее») свое появленіе съ упомянутою выше «орга-

низаціею пропагандистовъ» начала 60-хъ годовъ, которая должна была подготовлять «народную организацію вооруженныхъ борцовъ». Съ третьяго выпуска (№№ 4—5; 6 мая 1869) начались два ряда статей («Политика мѣщанства и политика соціализма» и «Отдѣлъ интернаціональной ассоціаціи»), устанавливавшихъ солидарность издателей съ рабочимъ движеніемъ Интернаціонала. Русскіе соціалисты вмѣстѣ съ тѣмъ входили элементомъ въ міровую борьбу труда съ капиталомъ.

Но особенности страны, въ которой выработался этотъ элементъ, соціальныя условія, которыя выработали его именно такимъ, какимъ онъ представлялся въ концѣ 60-ыхъ годовъ, характеръ личностей выдвинутыхъ обстоятельствами на первое мѣсто въ развивающемся движеніи, отозвались неизбѣжно на формахъ проявленія русскаго революціоннаго соціализма съ первыхъ-же фазисовъ его участія въ этой великой міровой борьбѣ.

Въ «Манифестѣ коммунистовъ» 1847 года, формулировавшемъ все послѣдующее соціалистическое движеніе знаменитымъ изреченіемъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!», это изреченіе было обращено къ пролетаріату. Этотъ пролетаріатъ былъ продуктомъ развитія ремесленной и фабричной индустріи, а возможность его «соединенія» обусловливалась на западѣ болѣе или менѣе обширною почвою политическихъ свободъ, отвоеванныхъ одними народами и неудержимо распространившихся на другіе даже помимо юридическихъ нормъ, вслѣдствіе общаго историческаго теченія. Сознаніе рабочихъ, какъ класса, экономическіе интересы котораго были противуположны интересамъ другихъ классовъ, было основнымъ требованіемъ, и дополнительная аксіома, прибавившая къ первому воззванію: «эмансипація рабочихъ должна быть дѣломъ самихъ рабочихъ», была ничѣмъ инымъ, какъ болѣе опредѣленною формулировкою этого самаго классового сознанія рабочихъ. Передъ этими *экономическими* мотивами соціалистическаго движенія отступили на второй *планъ* всѣ остальные его элементы. Такъ, нѣмецкіе соціалисты, въ огромномъ большинствѣ, были

послѣдователями того антропологическаго матеріализма, выросшаго на почвѣ развитія лѣвой стороны гегельянцевъ, самымъ талантливымъ представителемъ котораго былъ Людвигъ Фейербахъ. Точно также во всѣхъ отрасляхъ европейскаго соціализма господствовало сознаніе, что традиціонные семейные порядки не соотвѣтствуютъ уже новому пониманію правильнаго общественнаго строя и что положеніе женщины должно радикально измѣниться при господствѣ соціалистическихъ принциповъ. Однако, въ 60-ые года экономическій вопросъ борьбы классовъ и организація труда настолько уже заслонила эти задачи философскаго міросозерцанія и революціи въ семейномъ строѣ, что стала немыслима въ соціалистическомъ движеніи Европы, которое все болѣе дѣлалось *рабочимъ* движеніемъ, та полемика о «Новомъ Христіанствѣ», которая играла такую видную роль въ 30-ыхъ годахъ у сенсимонистовъ и позже у сторонниковъ и противниковъ Кабэ, и то радикальное значеніе вопроса объ отношеніи между полами, которое когда-то повело къ расколу между Анфонтеномъ и Базаромъ, а позже создала въ Америкѣ секты перфекціонистовъ и другія тому подобныя. Всѣ теоретическіе, политическіе, культурные элементы европейскаго соціализма въ эту эпоху рѣшительно заслонялись экономическою задачею противуположенія класса рабочихъ, въ его попыткахъ организоваться, классу его экономическихъ эксплуататоровъ.

Но именно эта характеристическая черта европейскаго соціализма 60-ыхъ годовъ отсутствовала въ Россіи. Юридическія условія для всего населенія были таковы, что всякая неоффиціальная иниціатива реформъ общественнаго быта была почти совсѣмъ не возможна. Огромная масса этого населенія пережила нѣсколько вѣковъ закрѣпощенія и внѣ микроскопическихъ элементовъ сельскаго міра и рабочей артели ни о какой зародышной организаціи рабочихъ не могло быть и рѣчи. Московское татарско-византійское царство и петербургская полицейски-бюрократическая имперія въ продолженіи тѣхъ-же вѣковъ искоренили, повидимому, въ народѣ всѣ старинныя вѣчевыя и казацкія традиціи самоуправленія и отстаиванія своихъ правъ. Всѣ человѣчныя идеи, за которыя боролись люди 40-хъ годовъ, всѣ политическіе

идеалы, которые ласкали воображеніе небольшого меньшинства въ самой средѣ господствующихъ классовъ, были идеями и идеалами, почерпнутыми не изъ русскаго преданія, не изъ мѣстнаго развитія страны, а изъ европейской эволюціи мысли. Ни многомилліонное крестьянство, ни сравнительно небольшое число рабочихъ, занятыхъ на казенныхъ горныхъ и оружейныхъ заводахъ и на частныхъ фабрикахъ, не имѣли никакой подготовки и никакой возможности выступить собственными силами, какъ *сознательный классъ*. Соціализмъ, постепенно проникшій въ Россію въ теченіе XIX-го вѣка, не могъ до 70-хъ годовъ проявиться въ ней, какъ соціализмъ *рабочій*. Это проявленіе могло имѣть мѣсто лишь въ формѣ *идейнаго* историческаго теченія, воспринятаго тѣми группами, которыя однѣ были доступны этому теченію; оно могло проникать въ общество исключительно тѣми путями, которые были *ему* свойственны какъ теченію идейному, и въ такой формѣ, которая соотвѣтствовала общественному положенію группъ, являвшихся при этомъ иниціаторами.

Соціалистическія идеи, подобно всѣмъ другимъ исторически выработаннымъ въ человѣчествѣ прогрессивнымъ идеямъ, проникли въ Россію при посредствѣ передовыхъ группъ интеллигенціи господствующихъ классовъ. Орудіемъ этого проникновенія и распространенія могла сдѣлаться лишь передовая литература, дѣйствовавшая на среду, которой было доступно сравнительно—высшее образованіе. Соціалистическое движеніе въ Россіи неизбѣжно должно было поэтому обратиться при своемъ появленіи прежде всего къ вопросамъ, вызваннымъ интересами этого сравнительно высшаго класса, къ борьбѣ за раціональное міросозерцаніе, за свободу и искренность чувства, къ вопросамъ объ умственной и нравственной выработкѣ личности, къ вопросамъ философскимъ, семейнымъ, культурнымъ. политическимъ и лишь затѣмъ могло перейти къ экономическимъ, тогда какъ именно послѣдніе въ Европѣ выступили уже на первый планъ, какъ требованіе организаціи рабочаго пролетаріата и какъ требованіе его эмансипаціи его собственными силами. Именно поэтому русская литература XIX вѣка до 70-хъ годовъ получила то исключительное

значеніе, которое побудило автора очерка этой литературы 1848--55 годовъ (очерка недозволеннаго къ распространенію) сказать объ ней:

„Русская литература является центральнымъ проявленіемъ всѣхъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ русскаго духа... Литература была въ то время единственнымъ *общественнымъ* учрежденіемъ въ Россіи, единственнымъ проявленіемъ, единственнымъ органомъ общественной мысли".

Именно потому въ движеніи оппозиціонной мысли въ Россіи этой эпохи такую видную роль играютъ волненія въ русскихъ университетахъ до того, что молодежь высшихъ школъ выступаетъ и въ организаціи революціонныхъ силъ начала 60-хъ годовъ, какъ самый серьезный элементъ (чего не могло уже быть въ Европѣ съ 1848 г.); что эти соціалисты-революціонеры пытаются прежде всего создать въ средѣ интеллигенціи «организацію пропагандистовъ», которая лишь позже имѣетъ въ виду перейти въ «Народную организацію вооруженныхъ борцовъ»; что даже въ первыхъ номерахъ «Народнаго Дѣла» университетскія дѣла и университетскія волненія имѣютъ для редакціи весьма крупное общественное значеніе.

Именно потому въ „нигилистическомъ" движеніи 60-хъ годовъ вопросы о матеріалистическомъ міросозерцаніи, объ изученіи природы или общества, какъ объ основѣ саморазвитія, о типѣ Базарова, какъ образцѣ или какъ каррикатурѣ, получаютъ первостепенное значеніе въ заботахъ передовой молодежи; Фейербахъ, Молешотъ и Бюхнеръ становятся настольными книгами, когда еще никто не знакомъ съ «Манифестомъ коммунистовъ»; наконецъ и позже, въ программѣ «Народнаго Дѣла» на первое мѣсто поставлено „умственное освобожденіе", т. е. исповѣданіе «атеизма и матеріализма», которое не встрѣчаемъ на этомъ мѣстѣ нигдѣ въ программахъ рабочаго движенія Европы. Слѣды этой особенности встрѣчаются даже въ программѣ «Впередъ!» («Вп I, 3).

Именно потому соціализмъ проникаетъ въ большинство русской интеллигенціи прежде всего не какъ вопросъ революціи экономической, а какъ задача революціи

семейной, какъ борьба «отцовъ» и «дѣтей», какъ проповѣдь искренности и свободы въ личныхъ отношеніяхъ, выступая то какъ право свободнаго наслажденія, то какъ аскетизмъ, отрицающій аффектъ личной привязанности во имя служенія общественному дѣлу *).

Именно потому вообще соціализмъ русскій въ своей проповѣди и въ своемъ распространеніи придаетъ такое громадное значеніе личному поведенію, личной «жизни по природѣ и правдѣ», воплощенію личностью въ частную дѣятельность требованій, поставленныхъ этой личности соціалистическими принципами; требованіямъ, которыхъ почти нигдѣ не видимъ у соціалистовъ западной Европы въ 60-хъ годахъ, когда соціалистическая нравственность обусловливалась почти исключительно искреннимъ и дѣятельнымъ участіемъ въ расширяющейся и заостряющейся классовой борьбѣ. Особенности русскаго соціализма отъ европейскаго въ 60-хъ и 70-хъ годахъ существенно обусловливались тѣмъ, что послѣдній развивался на почвѣ организацій рабочаго класса, отстаивавшаго свои *интересы* противъ *интересовъ* обладателей орудіями труда; первый-же выступалъ какъ идейное теченіе въ интеллигенціи, какъ нравственное убѣжденіе, выработанное людьми развитыми или жаждущими развитія, какъ требованіе, *ими* поставленное, правильной личной жизни и справедливаго общественнаго строя. Лишь постепенно это идейное—соціалистическое движеніе съ почвы побочныхъ вопросовъ соціализма перешло къ сознательному выставленію на видъ его основныхъ, экономическихъ вопросовъ. Однако къ 1873 году это уже имѣло мѣсто. Съ 1868 года существовалъ въ Россіи уже литературный органъ, продолжавшій дѣло Чернышевскаго и Добролюбова, органъ, о

*) Не лишена правдоподобія гипотеза, что огромное мѣсто, которое придавалм женскому вопросу поколѣнія 50-хъ и 60-хъ годовъ въ литературѣ и въ жизни, не осталось безъ вліянія на то обстоятельство, что въ началѣ 70-хъ годовъ, какъ указано ниже, *женскій* кружокъ Перовской, Корниловыхъ и ихъ пріятельницъ положилъ основаніе группировкѣ такъ называемыхъ „*Чайковцевъ*“, а черезъ нѣсколько лѣтъ опять таки *женскій* кружокъ цюрихскихъ „фригей“ и позднѣйшихъ „московокъ“ впервые поставилъ на первое мѣсто въ русскомъ соціалистическомъ движеніи задачу правильной организаціи.

которомъ въ «Воспоминаніяхъ землевольца» *) было сказано:

«Отрицаніе и критика буржуазнаго строя и либерализма... принимаютъ (въ немъ) крайне острый, напряженный характеръ. Соціалистическая симпатія, съ одной стороны, вопіющіе факты заграничной жизни, ярко иллюстрирующіе „систему наибольшаго производства"— съ другой, безповоротно рѣшаютъ отрицательныя ихъ отношенія къ буржуазному типу общественной организаціи и къ нравственно-полицейской доктринѣ его—либерализму. Либерализмъ подвергается тщательной критикѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія и по самымъ разнообразнымъ поводамъ... *Рѣзкое разграниченіе интересовъ общества* отъ интересовъ *народа*, какъ *рабочей* массы— вотъ тотъ основный неизмѣнный критерій, съ точки зрѣнія котораго разсматриваются, изслѣдуются и освѣщаются всѣ болѣе или менѣе крупныя общественно-экономическія явленія. Такимъ образомъ, соціалистическія симпатіи, если не соціалистическое міросозерцаніе, служатъ несомнѣнно той высшей инстанціей, къ которой они аппелируютъ всякій разъ, когда представляется затрудненіе при постановкѣ или рѣшеніи той или иной соціальной проблемы».

Личности, которыя были выдвинуты въ первые ряды русскаго движенія въ концѣ 60-хъ годовъ, прибавили къ этимъ его общимъ особенностямъ свои индивидуальныя черты, которыя, обнаруживаясь въ средѣ эмиграціи, вдали отъ родной почвы и настоящаго общаго дѣла, почти неизбѣжно вызвали столкновенія болѣе или менѣе прямыя.

Герценъ, вынесшій на своихъ плечахъ весь первый періодъ созданія заграничной русской вліятельной прессы, по своему блестящему таланту и по силѣ мысли не могъ не занимать самаго виднаго мѣста. Но оставивъ Россію въ 1847 г. и принимая съ той же эпохи участіе въ

*) Мы уже имѣли случай ими пользоваться. См. *Е. Серебряковъ*: „Общество земли и воли" въ № 4 „Матеріаловъ", стр. 4 и слѣд.

различныхъ эпизодахъ борьбы европейской передовой мысли, онъ, въ концѣ 60-хъ годовъ, имѣлъ передъ собою и въ Россіи и заграницею новыя теченія, сущность которыхъ ему уже трудно было усвоить надлежащимъ образомъ. Въ концѣ 40-хъ годовъ въ Европѣ рядъ незначительныхъ оттѣнковъ связывалъ еще наиболѣе крайнихъ представителей буржуазнаго радикализма съ соціалистами разныхъ толковъ и фракцій. Къ одному и тому-же міру принадлежали и соціалисты Герценъ, Прудонъ, Луи Бланъ съ одной стороны, и противники соціализма въ родѣ Маццини, и послѣдній рыцарь гуманитарнаго либерализма стараго типа, Гарибальди, чуждый теоретическихъ вопросовъ соціализма, но готовый биться за всякую передовую идею. Послѣ организаціи Интернаціонала этотъ міръ распался на два лагеря, вражда которыхъ росла съ каждымъ днемъ. И въ Россіи тѣ группы, которыя выработались подъ вліяніемъ Чернышевскаго и Добролюбова, особенно послѣ ссылки перваго и смерти второго, тотъ «нигилизмъ», который боролся орудіемъ „Свистка", признавалъ своимъ типомъ Базарова или видѣлъ въ немъ каррикатуру, были вовсе не похожи на кружки, въ которыхъ участвовалъ или съ которыми боролся авторъ «Кто виноватъ?» и философскихъ статей о природѣ, ни даже на тѣхъ корреспондентовъ Герцена въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, которые чуть-ли не видѣли въ реформахъ Александра II *окончательное* торжество русскаго либерализма, опасаясь всякихъ дальнѣйшихъ требованій какъ „преждевременныхъ» и которые въ своей корреспонденціи съ издателемъ «Полярной звѣзды» и «Колокола» *) обнаруживали вполнѣ дряблость русскаго либерализма, сдѣлавшую его безсильнымъ помѣшать какъ реакціи конца 60-хъ годовъ, такъ и всему ея дальнѣйшему развитію до нашего времени. Обличеніе стараго либерализма, немедленный протестъ противъ всякаго отклоненія правительства отъ реформаціоннаго пути, попытка организовать систематическую агитацію въ обществѣ на почвѣ крайнихъ поли-

*) Ст. „Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева къ Ал. Ив. Герцену (1892) и примѣчанія М. Драгоманова.

тическихъ и экономическихъ требованій — таковы были задачи, послѣдовательно выступавшія передъ поколѣніями, которыя развились въ Россіи послѣ отъѣзда изъ нея Герцена, и въ формѣ, принимаемой почти неизбѣжно этой борьбою, было многое, что противорѣчило его натурѣ и оскорбляло его привычки мысли. Герценъ продолжалъ повторять, что «Колоколъ остался чѣмъ онъ былъ—органомъ *соціальнаго развитія въ Россіи*» (Янв. 1865 г.); признавалъ, что пропаганда идей и организація «круговъ» для этого одинаково важны; что «наши десять заповѣдей, нашъ гражданскій катехизисъ – въ соціализмѣ» (1 іюня 1865 г.); что „общественная задача западной цивилизаціи въ Россіи состояла въ *объясненіи соціальныхъ началъ русскаго быта и въ усвоеніи соціальныхъ идей Запада*» (1 авг. 1865 г.). И другіе голоса въ «Колоколѣ» провозглашали, что «соціализмъ—разумная необходимость» (1 окт. 1865 г.) или посвящали разбору «происхожденія соціализма» и тому, «что онъ такое» цѣлый рядъ статей. Еще позже Герценъ опредѣлилъ «русскій соціализмъ» какъ тотъ, который «идетъ отъ земли и крестьянскаго быта, отъ фактическаго надѣла и существующаго передѣла полей, отъ общиннаго владѣнія и общиннаго управленія—и идетъ вмѣстѣ съ работничьей артелью на встрѣчу той экономической *справедливости*, къ которой стремится соціализмъ вообще и которую подтверждаетъ наука». Онъ характеризовалъ среду, находившуюся подъ вліяніемъ Чернышевскаго, какъ среду «городскую, университетскую, среду развитой скорби, сознательнаго недовольства и негодованія», которая «состояла исключительно изъ работниковъ умственнаго движенія, изъ пролетаріата интеллигенціи, изъ способностей» (1 февр. 1867 г.).

Пріостанавливая изданіе «Колокола», оглядываясь на 2002 страницы его десятилѣтія 1857—1867 годовъ, и формулируя еще разъ его направленіе, Герценъ говоритъ: «Колоколъ былъ и будетъ прежде всего органомъ *русскаго соціализма и его развитія*, соціализма аграрнаго и артельнаго, сельскаго и городского, государственнаго и областного» (1 іюля 1867 г.). Но именно въ эти годы, когда онъ рѣзче и опредѣленнѣе подчеркивалъ свои соціалистическія убѣжденія и аграрный

элементъ, ихъ характеризовавшій, около него начала образовываться пустота. «Апогей» 1857—1863 годовъ постепенно переходилъ въ «перигей». Польское дѣло 1863 года было характеристическимъ явленіемъ въ этомъ измѣненіи (хотя не существенною его причиною). Въ то время, какъ самые горячіе умы (изъ тѣхъ самыхъ, которые составили потомъ заграницею наиболѣе рѣзкую оппозицію вліянію Герцена во второй половинѣ 60-хъ годовъ) вели битву противъ абсолютизма въ рядахъ возставшихъ поляковъ (подобно тому, какъ пробовалъ сдѣлать это и Бакунинъ) и потому находили отношеніе Герцена къ польскому дѣлу слишкомъ платоническимъ, его прежніе «либеральные друзья, испугавшись реакціонной проповѣди Каткова и его усиливающагося вліянія, протестовали противъ того, что «Колоколъ» компрометируетъ себя сочувствіемъ полякамъ. Уже въ октябрѣ 1864 г. начали ходить слухи, что «Колоколъ» прекращается (15 окт.). Черезъ годъ пришлось сознаться, что „враги захватили съ собою девять десятыхъ друзей“ (1 дек. 1865 г.). Положеніе стало еще хуже съ перенесеніемъ дѣла изъ Лондона въ Женеву. Въ іюлѣ 1867 г. оказалось необходимымъ пріостановить изданіе, которое затѣмъ, переходя изъ рукъ въ руки, никогда уже не могло занять своего прежняго положенія. Но отошли не только «либеральные друзья». Все болѣе опредѣленная политическая оппозиція въ поколѣніи, воспитанномъ Чернышевскимъ и потомъ выступившемъ съ «Молодой Россіею», съ „Великорусомъ“ и съ «Народнымъ Дѣломъ», раздражалась тѣми уступками, которыя, какъ казалось, дѣлалъ Герценъ. Она не могла уже допускать, чтобы знаменосецъ общественной оппозиціи обращался съ письмомъ къ Александру II (21 мая 1855 г.), чтобы онъ вступилъ въ мирныя пренія съ Ив. Аксаковымъ (15 апр. 1867 г.). Для русскихъ революціонеровъ представителемъ ихъ умственнаго теченія за границею становился уже не Герценъ.

Въ 1861 году послѣ 13 лѣтъ тюрьмы и ссылки появился снова заграницей Бакунинъ. Онъ еще ранѣе Герцена оставилъ Россію, еще менѣе его могъ знать новыя теченія, въ ней образовавшіяся; но для него всякое революціонное дѣло во имя какого угодно прин-

ципа (соціалистическаго, радикальнаго, національнаго или какого-либо другого) было дѣло ему милое и близкое. Его прошедшее окружало его для всѣхъ недовольныхъ въ Россіи блестящимъ ореоломъ. Его чарующее вліяніе на личности и сила внушенія, которою онъ обладалъ, немедленно создали около него группы приверженцевъ, которые въ его безусловно-революціонномъ строѣ мысли находили привлекательность большую, чѣмъ у Герцена, съ его язвительнымъ остроуміемъ, въ достаточной мѣрѣ проникнутымъ скептицизмомъ, и съ его симпатіею къ болѣе изящному радикализму.

Нисколько не внося въ свое разногласіе раздраженія, эти два старшіе героя тогдашней эмиграціи были, независимо отъ своей воли, сторонниками двухъ различныхъ направленій, и ихъ полемика (напечатанная лишь впослѣдствіи) читалась съ жаромъ русскими эмигрантами всѣхъ оттѣнковъ. Ихъ обоихъ, какъ признавалъ Герценъ*) «занималъ одинъ и тотъ-же вопросъ», единственный „*серьезный* вопросъ, существовавшій на историческомъ череду". Но для Герцена это было «время окончательнаго изученія... которое должно предшествовать эпохѣ осуществленія». Онъ спрашивалъ себя въ 1869 году: «готова ли та среда, которая по положенію должна первая ринуться въ дѣло?» Онъ понималъ соціальную битву преимущественно, какъ битву, чтобы «войти въ ширь пониманія въ *міръ свободы въ разумѣ*». Онъ формулировалъ свое разногласіе съ Бакунинымъ въ словахъ:

«Ты рвешься впередъ по прежнему со страстью разрушенія, которую принимаешь за творческую страсть... ломая препятствія и уважая исторію только въ будущемъ. Я не вѣрю въ прежніе революціонные пути и стараюсь понять *шагъ* людской въ быломъ и настоящемъ для того, чтобы знать какъ итти съ нимъ въ ногу».

За нѣсколько дней до смерти Герценъ долженъ былъ съ горькимъ чувствомъ писать товарищамъ, стоявшимъ передъ тѣми-же вопросами, какъ и онъ:

«Мозгъ мой отказывается понимать многое изъ того, что вамъ кажется яснымъ», и ему приходилось возмущаться противъ «иконоборцевъ», дошедшихъ до «гоненія

*) „Къ старому товарищу" въ „Сборникѣ посмертныхъ статей", стр. 283 и слѣд.

науки», тогда какъ для него существовали, «одинъ голосъ и одна власть—*власть разума и пониманія*».

Бакунина эти соображенія не останавливали и не могли остановить. Но и онъ не былъ уже въ это время единственною рѣзко опозиціонною силою, передъ которою блѣднѣло вліяніе Герцена.

За границу явились, какъ новый слой эмиграціи, ученики Чернышевскаго и Добролюбова, сторонники первой «Земли и Воли» и русскіе, стоявшіе въ рядахъ польскихъ повстанцевъ 1863 года. Извѣщая «центральный комитетъ общества «Земли и Воли» 28 іюля 1863 г. о своемъ благополучномъ бѣгствѣ за границу, Николай Утинъ былъ не только новымъ одинокимъ эмигрантомъ, которому подобно прежнимъ приходилось создавать себѣ почву дѣятельности и связи съ покинутою родиною. Онъ явился представителемъ существующей уже въ Россіи революціонной организаціи и, привыкнувъ къ тому вліянію, которое онъ имѣлъ въ университетской молодежи Петербурга, даровитый и самолюбивый молодой человѣкъ готовился не къ подчиненной роли рядомъ со старыми эмигрантами. Вся новая эмигрантская молодежь приносила въ своемъ «нигилизмѣ» за границу не духъ дисциплины, а рѣзкую рѣшительность придать эмиграціи, въ связи съ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи, характеръ, котораго не знали представители знаменитыхъ 40-ыхъ годовъ, какими были и Герценъ и Бакунинъ. Это молодое непокорство еще рѣзче выступило въ болѣзненной натурѣ Александра Серно-Соловьевича, которое довело его впослѣдствіи до психіатрическаго пріюта, а ранѣе того обнаруживалось въ желчныхъ памфлетахъ противъ Герцена, и въ грубой полемикѣ съ Н. Еще новый раздражительный элементъ революціоннаго авторитаризма, безцеремонной игры личностями для революціонной цѣли и феноменально—непреклонной энергіи вошелъ въ эмиграцію съ появленіемъ тамъ Нечаева. И вотъ 1868—70 годы представляютъ рядъ заграничныхъ литературныхъ предпріятій, появляющихся и исчезающихъ, переходящихъ изъ однѣхъ рукъ въ другія и самымъ составомъ своихъ редакцій обнаруживающихъ трудно-примиримыя разногласія направленій. Бакунинъ съ Утинымъ начинаютъ «Народное Дѣло»

осенью 1868 г. Первый номеръ его, по собственнымъ словамъ Бакунина («Наука и насущное революціонное дѣло» вып. 1, стр. 1): «почти исключительно принадлежитъ» ему, однако, вліяніе новыхъ элементовъ, пришедшихъ въ эмиграцію изъ Россіи за послѣдніе годы, было очень замѣтно. Уже во второмъ выпускѣ Бакунинъ публично отрекается отъ участія въ изданіи. Въ маѣ того-же года Л. И. Мечниковъ и Н. основываютъ «Современность». Въ декабрѣ Герценъ предлагаетъ Огареву пріостановить изданіе «Колокола». Въ ноябрѣ 1869 года «Народное Дѣло», вооружаясь противъ вліянія Нечаева, печатаетъ рѣзкій запросъ Герцену, Огареву и Бакунину. Черезъ 2 мѣсяца послѣ того умираетъ Герценъ, и смерть великаго борца за дѣло русскаго народа и русской интеллигенціи проходитъ почти незамѣтной для Россіи и даже для русской эмиграціи, главный центръ которой онъ составлялъ въ продолженіи болѣе 20 лѣтъ. Съ его смертью «Колоколъ» передается Огаревымъ въ руки Бакунина и Нечаева, съумѣвшаго подчинить своей энергіи Бакунина, и въ маѣ окончательно прекращаетъ свое существованіе. Въ его послѣднихъ номерахъ находимъ нѣсколько документовъ по дѣлу Нечаева и вліяніе послѣдняго на изданіе несомнѣнно. Въ № 5 (отъ 2 мая) встрѣчаемъ въ немъ объявленіе о брошюрѣ Бакунина «Наука и насущное революціонное дѣло“ № 1 *). Вскорѣ за тѣмъ (по свидѣтельству лицъ, лично стоявшихъ близко къ Бакунину), онъ разрываетъ компрометировавшую его связь съ Нечаевымъ. Съ другой стороны, начинается самая желчная вражда противъ Бакунина со стороны Н. Утина, который въ послѣдующіе годы все болѣе разжигаетъ враждебность противъ него со стороны К. Маркса и Фр. Энгельса, пока, «поумнѣвъ», не измѣняетъ и этимъ своимъ союзникамъ, соціализму и русской революціи вообще, доставляя одинъ изъ раннихъ примѣровъ крупнаго ренегатства въ рядахъ рус-

*) Такъ какъ эта брошюра представляетъ одно изъ самыхъ опредѣленныхъ изложеній теоретической программы русскихъ бакунистовъ 1873–76 годовъ, то я считаю удобнѣйшимъ, привести изъ нея цитаты въ одной изъ слѣдующихъ главъ, говоря о позднѣйшей дѣятельности этой фракціи, хотя брошюра и появилась въ 1870 г.

скихъ соціалистовъ—увы! не послѣдній. Но въ Россіи имя Бакунина получаетъ все болѣе широкое значеніе. Въ Петербургѣ въ кружкѣ, собиравшемся у Лазаря Гольденберга, ведутся горячія пренія по поводу его статей въ первомъ выпускѣ «Народнаго Дѣла». Его рѣчи на конгрессахъ мира и свободы и Интернаціонала проникаютъ въ отдаленные уголки страны *). Въ воспоминаніяхъ «Землевольца» находимъ слѣдующія строки, характеризующія тотъ взглядъ, который господствовалъ относительно Бакунина въ Россіи:

«Мы лично не знали Бакунина, но то, что мы слышали отъ другихъ, напоминаетъ что-то сказочное, эпическое. Это—Святогоръ, котораго не могла снести Русская земля. Въ старину такіе люди становились атаманами «*воровскихъ шаекъ*», вольницы, защитниками народныхъ правъ и бичами его притѣснителей. Въ настоящее время, при благопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, такіе люди становятся народными трибунами. Такимъ, дѣйствительно, былъ Бакунинъ на Западѣ. Онъ тамъ хорошо извѣстенъ. Буржуазная Европа приходила въ ужасъ при одномъ только имени этого «апостола всеобщаго разрушенія» **). Его считаютъ творцомъ анархическаго движенія въ Италіи, Испаніи и Франціи. Онъ пользовался громадной популярностью среди рабочихъ особенно итальянскихъ. Такой человѣкъ естественно, долженъ былъ оказывать громадное вліяніе на молодежь».

Но 1870—71 года должны были быть и для Европы и для Россіи годами, когда внѣшнія историческія катастрофы не могли не подѣйствовать энергически на работу мысли. Паденіе императорской Франціи, вызывавшей ненависть всего мыслящаго, и смѣна ее республикою, при возникновеніи рядомъ съ этимъ новаго, еще болѣе грубаго и возмутительнаго, нѣмецкаго цезаризма, разомъ перенесло симпатіи русской оппозиціонной молодежи снова къ Франціи. Когда-же Коммуна 1871 г.

*) Слова въ ковычкахъ принадлежатъ Лавеле („Revue de deux mondes“).

**) Отрывки изъ нихъ, между прочимъ, были переведены въ отдаленномъ Кадниковѣ для воспитанниковъ Вологодской учительской семинаріи.

развернула надъ Парижемъ красное знамя соціальной республики (какъ ни была въ сущности недостаточно проникнута соціалистическими идеями организація возмутившагося Парижа), когда въ далекихъ углахъ Россіи стали разсказывать о попыткѣ неисправимаго революціонера Бакунина вызвать революцію въ Ліонѣ и стали читать «Международную войну» Маркса, тогда въ мысли русской соціалистической интеллигенціи, на почвѣ совершившихся историческихъ фактовъ, съ новою ясностью и съ новою энергіею возникло сознаніе интернаціональнаго стремленія и потребности бороться съ реакціоннымъ направленіемъ, все возмутительнѣе искажавшемъ пресловутыя «реформы» Александра II. Этому содѣйствовалъ и процессъ Нечаевцевъ, который, съ одной стороны, вызвалъ въ русской читающей публикѣ вопросы о задачахъ общественнаго строя и о способахъ борьбы противъ правительства, до тѣхъ поръ не представлявшіеся многимъ умамъ, съ другой-же стороны, возмущеніе въ интеллигентныхъ кружкахъ противъ пріемовъ, употреблявшихся Нечаевымъ по отношенію къ товарищамъ, выставило для этой интеллигенціи на первый планъ нравственный вопросъ о дозволительномъ и недозволительномъ для революціонера. По свидѣтельству Л. Э. Шишко, Нечаевъ пробовалъ заводить сношенія съ кружкомъ Чайковцевъ и вообще въ Петербургѣ, но неудачно. Дебогорій-Мокріевичъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ» (стр. 7 и слѣд.) передаетъ смѣшанныя впечатлѣнія отъ нечаевскаго процесса слѣдующимъ образомъ: «Большинство подсудимыхъ оказывалось простымъ орудіемъ въ рукахъ Нечаева, которому удалось избѣжать суда, скрывшись за границу. Но если показанія подсудимыхъ, съ одной стороны, и раскрывали передъ публикой нѣкоторыя непривлекательныя стороны дѣла и, въ частности, поведенія самого Нечаева, прибѣгавшаго къ мистификаціи и обману своихъ товарищей,—то, съ другой стороны, эти—же подсудимые указывали на нужду и страданія народной массы, какъ на единственную причину, побудившую ихъ принять участіе въ заговорѣ. Смѣлое поведеніе на судѣ Успенскаго и Прыжова, двухъ главныхъ обвиняемыхъ, окончательно завоевывало симпатіи къ нимъ, дѣлая изъ нихъ мучениковъ за народъ.

Конечно, можно было не соглашаться и спорить противъ пути, избраннаго ими для достиженія народнаго блага, можно было находить его даже ложнымъ, но съ нравственной стороны они были всецѣло правы, такъ какъ дѣйствовали согласно со своими убѣжденіями и не отступали передъ препятствіями; болѣе того—не задумывались пожертвовать своею жизнью ради дѣла, въ которое вѣрили. Это горячее отношеніе къ дѣлу, это самопожертвованіе составляло положительную сторону нечаевцевъ и невольно звало къ подражанію. Народъ нашъ, дѣйствительно, нуждался и страдалъ; это я видѣлъ собственными глазами. Для добычи куска хлѣба онъ работаетъ съ ранняго утра до вечера, отъ зари до зари съ небольшими перерывами для обѣда: и такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ, до самой смерти. У него нѣтъ времени для образованія или чтенія, нѣтъ досуга для развлеченій. Ужасная жизнь!... И всякій честный человѣкъ, дѣйствительно, долженъ работать на пользу этого несчастнаго замученнаго народа. Вотъ это—то стремленіе, шевелившееся раньше гдѣ-то на днѣ души, было окончательно пробуждено во мнѣ нечаевскимъ процессомъ.»

Однако, преобладало отрицательное отношеніе къ тактикѣ Нечаева. «Всѣми порицалось поведеніе Нечаева, какъ оно выяснилось на судѣ, тщательно скрывавшаго свои поступки отъ товарищей по дѣлу и державшаго ихъ въ полномъ невѣденіи относительно своихъ намѣреній. Слово «нечаевщина» сдѣлалось нарицательнымъ и стало употребляться въ тѣхъ случаяхъ, когда желали обозначить какую-либо дутую затѣю, построенную на обманѣ товарищей».И позже, въ «Сытыхъ и голодныхъ» (стр. 424 и слѣд.), отрицательное отношеніе къ «нечаевщинѣ» было вполнѣ опредѣленно *).

Указанному возбужденію умовъ молодежи въ значительной мѣрѣ содѣйствовали въ эти самые годы — рядомъ съ журнальными статьями о Лассалѣ и съ романомъ Шпильгагена, въ которомъ онъ фигурировалъ какъ герой, рядомъ съ романами Швейцера и другихъ—появ-

*) Извѣстно, что въ 1883 г. многіе соціалисты и революціонеры возмущались, встрѣтивъ потретъ Нечаева въ „Календарѣ Народной Воли".

леніе русскихъ переводовъ самихъ произведеній Лассаля, перваго тома „Капитала“ Маркса, распространеніе книги Флеровскаго (Берви) о положеніи русскаго рабочаго и, можетъ быть, нѣкоторыхъ другихъ произведеній того-же времени *).

Подъ всѣми этими вліяніями въ мысли русской передовой интеллигенціи произошло возбужденіе, о которомъ можно было сказать впослѣдствіи (въ 1879 г.) **).

„Едва-ли для какой-либо страны годы, прошедшіе послѣ Парижской Коммуны, имѣли столь важное значеніе какъ для Россіи. Лица, оставившія Россію въ 1870 г., имѣли передъ собою страну, гдѣ оппозиціонное движеніе какъ-бы замерло или значительно ослабѣло... Въ 1870 г. трудно было имѣть надежду на быстрое возникновеніе сильнаго оппозиціоннаго движенія. Тѣмъ не менѣе оно произошло, и мнѣ нечего напоминать моимъ слушателямъ о его разливѣ въ послѣдніе годы“.

Возбужденіе въ живой молодежи было тѣмъ сильнѣе, что оно являлось протестомъ развитой интеллигенціи противъ реакціи свыше и противъ бездѣятельности общества. Въ послѣднемъ распространялось разочарованіе въ реформистскомъ направленіи правительства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и упадокъ духа. Наглядно раззорялся народъ подъ растущимъ вліяніемъ „чумазыхъ“ и новаго закрѣпощенія крестьянина кулаку***). Относительно упадка духа въ обществѣ недавно напечатанныя въ „Русскомъ

*) Такъ, напримѣръ, свидѣтели сообщаютъ, что въ 1872 г. въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ училищѣ „Лассаля читали *всѣ*,“ точно такъ же, какъ романъ Шпильгагена „Одинъ въ полѣ не воинъ“ и соціалистическій романъ Швейцера „Эмму“. Осенью 1873 г. тамъ было уже 2 экземпляра перваго тома „Капитала“. Тамъ-же въ 1870 году ходилъ по рукамъ номеръ „Народнаго Дѣла“. „По свидѣтельству И. В. Б хановскаго въ 1872 г. въ Кіевѣ между студентами совершенно открыто ходили по рукамъ сочиненія Лассаля; и „Воспоминанія“ (14) Дебагорія Мокріевича (цитата изъ которыхъ, сюда относящаяся, будетъ приведена ниже) подтверждаютъ это.

**) „18 марта 1871 г.“ страница 201 и слѣд.

***) Для характеристики послѣдняго см. недавно появившуюся книгу *Г. П. Сазонова*: „Ростовщичество-кулачество“ (1894).

Архивѣ" (сент. 1894) „Памятныя записки С. М. Сухотина" замѣчаютъ слѣдующее въ срединѣ 1872 г.

«Равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ и нерасположеніе правительства къ серьезнымъ, бодрымъ и патріотическимъ дѣятелямъ представляютъ мало утѣшительнаго..... Говоря объ этомъ грустномъ положеніи, я передаю всеобщій отголосокъ».

То-же находимъ въ „Воспоминаніяхъ Землевольца". Авторъ ихъ пишетъ:

„За всеобщимъ оживленіемъ, ознаменовавшимъ конецъ 50-ыхъ и начало 60-ыхъ годовъ, въ виду открывшихся тогда широкихъ перспективъ, послѣдовала всеобщая апатія и упадокъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Всѣмъ стали слишкомъ очевидны вся пустота либеральныхъ реформъ и безплодность либеральныхъ усилій. Искренніе либералы наши пришли въ ужасъ и отчаяніе. Вмѣсто „широкихъ задачъ", къ которымъ наша либеральная партія была всегда такая охотница (по крайней мѣрѣ, на словахъ), вмѣсто великихъ цѣлей, она занялась скучной и кропотливой детальной разработкой тѣхъ либеральныхъ учрежденій, негодность которыхъ и безъ того бросалась въ глаза".

Въ эпоху этого-то упадка духа, въ оффиціальномъ и въ либеральномъ слояхъ русскаго общества, среди молодежи, воспитывавшейся на соціально-нравственной проповѣди Чернышевскаго, Добролюбова и ихъ продолжателей, обнаружились первые симптомы новаго движенія. „Землеволецъ" въ своихъ „воспоминаніяхъ" резюмируетъ этотъ переходъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Паденіе крѣпостного режима сдѣлалось исходнымъ моментомъ полной и всесторонней ликвидаціи всѣхъ старыхъ дореформенныхъ общественныхъ устоевъ и симпатій. Складывается новая жизнь, полная противорѣчій и загадокъ, глубокой скорби, невыносимой тоски. Работа русской передовой мысли въ связи съ европейской раскрываетъ намъ истинный смыслъ происходившихъ передъ нами явленій; показываетъ намъ всю мизерію «десяти лѣтъ реформъ», взаимное соотношеніе вновь образовавшихся общественныхъ наслоеній и ихъ политико-экономическое значеніе, умственную ихъ силу, нравственное содержаніе и, наконецъ, *возможную* ихъ

роль въ ближайшемъ будущемъ. Этимъ, до извѣстной степени, предрѣшается нашъ окончательный роковой шагъ. Не сразу, само собою, мы выступили на этотъ путь. Необходимо было, во первыхъ, чтобы передъ нами развернулась съ неотразимой наглядностью картина народныхъ бѣдствій и общаго разстройства; необходимо было, во вторыхъ, чтобы мы убѣдились путемъ опыта, личнаго или преемственнаго—все равно, въ недѣйствительности *легальныхъ* формъ борьбы; необходимо было, наконецъ, въ третьихъ, пережить намъ мучительный процессъ внутренней работы со всѣми его (процесса) сомнѣніями и колебаніями, надеждами и опасеніями, чтобы выступить безповоротно на путь революціонной борьбы».

Первымъ характеристическимъ признакомъ этого общаго теченія было появленіе въ разныхъ мѣстностяхъ, особенно въ университскихъ городахъ—насколько извѣстно, независимо одинъ отъ другого—кружковъ самообразованія, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣли въ виду распространеніе знаній и между рабочими. Въ виду того и другого стало вырабатываться съ большею или меньшею опредѣленностью особое «дѣло», именно дѣло распространенія, какъ между учащеюся молодежью, такъ и среди городскихъ рабочихъ упомянутыхъ центровъ, полезныхъ книгъ по возможно дешевой цѣнѣ—«книжное дѣло». Въ однѣхъ мѣстностяхъ довольно долго это «книжное дѣло» ограничивалось интеллигенціей и кружками самообразованія. Но въ другихъ распространеніе знаній среди рабочихъ—старое дѣло „воскресныхъ школъ", подавленное правительствомъ еще въ первой половинѣ 60-ыхъ годовъ—стало очень скоро не только важнымъ, но и господствующимъ элементомъ. Вмѣстѣ съ этою чисто-культурною пропагандою, совершенно естественно стало рости распространеніе книгъ, появившихся легально, но затѣмъ изъятыхъ изъ обращенія, а впослѣдствіи и начинающей появляться «подпольной литературы». Пропаганда-же среди рабочихъ для своего облегченія вызвала мысль объ образованіи мастерскихъ, гдѣ, съ одной стороны, идейная пропаганда, (какъ куль-

турная, такъ, впослѣдствіи, и революціонная) становилась главнымъ дѣломъ, а индустріальная цѣль лишь фикціей и маскою, съ другой-же, въ небольшихъ размѣрахъ получали возможность осуществляться опыты модельныхъ соціалистическихъ мастерскихъ.

«Землеволецъ» пишетъ слѣдующее объ этомъ первомъ фазисѣ движенія, когда университетская, отчасти и гимназическая, молодежь начинаетъ «кружковаться». „Цѣль кружковъ—матеріальная взаимопомощь и умственная и нравственная поддержка. Изъ ежемѣсячныхъ взносовъ членовъ образуются кассы, которыя отчасти идутъ на поддержку товарищей, но, главнымъ образомъ, на устройство библіотекъ. Члены кружковъ періодически собираются въ сходки для совмѣстныхъ занятій, чтенія журналовъ, газетъ и вообще для обмѣна мыслей. Цѣль занятій *саморазвитіе*. Школьная наука не даетъ отвѣтовъ на массу вопросовъ, волнующихъ и мучающихъ пытливый умъ и чуткое сердце молодежи.... Личность должна быть широко и разносторонне развита. Безъ этого не мыслима нравственная ея чистота, не мыслимо, стало быть, и *личное* счастье, и *общественная* польза. *Идеалъ личнаго самосовершенствованія становится, такимъ образомъ, ближайшимъ средствомъ для цѣлей общественной пользы.* Но самый общественный идеалъ остается пока темнымъ, не выясненнымъ. Нужна для этого еще долгая работа мысли. Вырабатывается программа серьезныхъ занятій; экономія, исторія, соціологія, философія становятся предметами страстнаго изученія. Составляются рефераты по разнымъ отраслямъ знанія и читаются въ кружкахъ. Возбуждаются вопросы, идутъ споры, объясненія и толкованія. Мысль, разъ начавши работать, конечно не можетъ остановиться въ одной какой-либо сферѣ. Вопросы изъ области теоретическихъ знаній, вызываютъ неизбѣжно цѣлый рядъ вопросовъ практическаго свойства. Жизнь врывается въ эту чисто теоретическую работу мысли, оживляетъ ее, придаетъ ей большую энергію и силу. Явленія общественной жизни, текущія событія политическаго міра одинаково становятся предметами тщательнаго изученія. Умственный кругозоръ расширяется, мысль крѣпнетъ, убѣжденія формулируются. Является роковой воп-

росъ: что дѣлать?" „Реформы правительственныя и заявленія либераловъ очень громко и обширно выставляли на видъ заботу о «народномъ благѣ".

„Вездѣ и во всемъ народъ, „народное благо". Симпатіи молодежи всегда стояли на сторонѣ народа. Страданія его трогали ее, темнота мучила. Неопытная, не уяснивши еще себѣ вполнѣ идеаловъ практической дѣятельности, молодежь тѣмъ не менѣе чувствовала, что центръ тяжести ея будущей дѣятельности, народъ, больной, темный, нуждающійся народъ... . *Культурная дѣятельность, съ цѣлью поднять матеріальный, умственный и нравственный уровень народа, стала ея девизомъ.* Были, впрочемъ, уже тогда такіе изъ молодежи, которые относились скептически къ *возможности* у насъ плодотворной культурной дѣятельности".

Самое обширное вліяніе и распространеніе имѣли кружки, образовавшіеся въ Петербургѣ. Повидимому, ихъ зародышами были кружки женщинъ. Это было довольно естественно при томъ энергическомъ идейномъ теченіи въ пользу эмансипаціи женщинъ, которое было характеристическою чертою и гуманитарной литературы 40-ыхъ и 60-ыхъ годовъ, и „нигилизма" 60-ыхъ. По крайней мѣрѣ, авторъ „Подпольной Россіи" въ главѣ, посвященной С. Л. Перовской, пишетъ, что „кружокъ Чайковцевъ, имѣвшій такое важное значеніе, въ первый періодъ движенія" развился изъ „зерна", составленнаго сближеніемъ Перовской съ семействомъ сестеръ Корниловыхъ («Под. Р.», 74 и слѣд.).

„Перовская вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми студентами, въ томъ числѣ Николаемъ Чайковскимъ, оставившимъ свое имя будущей организаціи, была однимъ изъ первыхъ членовъ этого кружка, имѣвшаго, впрочемъ, вначалѣ скорѣе характеръ братства, чѣмъ политическаго общества.

„Кружокъ, задавшійся сперва исключительно пропагандой среди молодежи, былъ не великъ. Выборъ новыхъ членовъ производился съ разборомъ и всегда единодушно. Устава никакого не существовало, да и небыло въ немъ надобности, потому что всѣ рѣшенія принимались не иначе, какъ единогласно.

«И правило это, столь мало практичное, ни разу не повлекло за собою ни столкновеній, ни даже неудобствъ.....

«Отношенія между членами были самыя братскія. Искренность и безусловная прямота составляли ихъ первое основаніе. Всѣ знали другъ друга, какъ члены одной и той же семьи, если не больше, и никто не хотѣлъ скрывать отъ другихъ ни одного своего шага не только въ общественной, но даже и въ частной жизни. Такимъ образомъ, малѣйшая слабость, малѣйшее проявленіе эгоизма или недостаточной преданности дѣлу замѣчались, указывались, иногда вызывали порицаніе, но не менторское, а братское, внушаемое любовью и искреннимъ огорченіемъ и потому дѣйствующее на душу.

«Эти идеальныя отношенія, невозможныя при обширной организаціи, обнимающей собою массу людей, соединенныхъ лишь общностью цѣлей, дѣйствительно, исчезаютъ вмѣстѣ съ расширеніемъ политической дѣятельности упомянутаго кружка. Но они были какъ нельзя болѣе способны вліять на нравственное развитіе личностей. Они-то создали такихъ людей съ сердцами изъ золота и стали, какъ Купріяновъ, Чарушинъ, Сердюковъ и столько другихъ, которые во всякой другой странѣ были-бы гордостью, украшеніемъ націи».

Въ 1871 и 1872 годахъ образовались кружки долгушинцевъ и чайковцевъ, первый сразу какъ кружокъ тайный и имѣвшій въ виду печатаніе книгъ для агитаціи *), второй, незамѣтно перешедшій отъ культурнаго «книжнаго дѣла» къ дѣлу соціалистически-агитаціонному. На необходимость агитаціонной литературы для народа указалъ, по свидѣтельству имъ сообщенному, Л. Б. Гольденбергъ, бѣжавшій изъ Петрозаводска въ Петербургъ лѣтомъ 1872 г. Тогда уже долгушинцы сообщали ему, что Петербургскій кружокъ помогалъ въ Россіи изданію и распространенію «Азбуки Соціальныхъ наукъ» Флеровскаго и устроилъ типографію въ Цюрихѣ. «Азбука Соці-

*) Въ одной изъ слѣдующихъ главъ будетъ указано, что авторы „Сытыхъ и голодныхъ“ именно съ появленія кружка долгушинцевъ считаютъ начало русскаго революціоннаго движенія.

льныхъ наукъ» была издана точно такъ-же, какъ переводы «Исторіи французской революціи» Луи Блана, „Экономическихъ противорѣчій“ Прудона, „Рабочаго вопроса“ Лангe, были сдѣланы и напечатаны средствами кружка, но „были всѣ задержаны въ типографіи, такъ что очень немногіе экземпляры ихъ ходили въ Петербургѣ по рукамъ въ видѣ рѣдкости“ *). Цюрихская типографія, о которой сказано выше, существовала (по другимъ свѣдѣніямъ) уже въ 1871 г. Она находилась сначала подъ руководствомъ Александрова, перешла весной 1872 г. въ Женеву и, вслѣдствіе недовольства Александровымъ (прежде игравшимъ въ Россіи, какъ разсказываютъ, замѣтную роль) передана Л. Гольденбергу. Тогда появились брошюры: „Стенька Разинъ“, „Мученикъ Николай“, позже „Какъ должно жить по закону природы и правды“, „Русскому народу“, „Исторія Крестьянина“ (передѣлка Эркмана Шатріана), «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Революціонный пѣсенникъ» и. т. д. Но распространялись чайковцами и легальныя произведенія Дж. Ст. Милля (Политическая экономія съ примѣчаніями Чернышевскаго), Флеровскаго («Положеніе рабочаго класса въ Россіи», имѣвшее значительный успѣхъ), Шерра, Шелгунова, Михайлова, Лассаля (томъ I сначала былъ дозволенъ), Цебриковой, Наумова (особенно «Дѣдушка Егоръ»), Нефедова, Худякова и др. Типографія Долгушинцевъ въ Россіи просуществовала очень недолго, но женевская типографія выпустила до 17 разныхъ изданій въ продолженіи 1872—76 годовъ и нѣкоторыя изъ нихъ печатались въ числѣ 15000 экземпляровъ (третье изданіе «Сказки о четырехъ братьяхъ») независимо отъ того, что выходило изъ наборной бакунистовъ и «Впередъ!»

О кружкѣ—или, вѣрнѣе, о кружкахъ—чайковцевъ, одинъ изъ самыхъ раннихъ участниковъ этого движенія, Л. Э. Шишко, сообщаетъ слѣдующее:

«Онъ возникъ изъ кружковъ самообразованія и, по мѣрѣ своего развитія и нравственной выработки составлявшихъ его лицъ, складывался въ крѣпкую революці-

*) Сообщено Л. Э. Шишко. По другимъ свѣдѣніямъ, первый томъ Луи Блана былъ очень распространенъ.

онную организацію. Задачи его вырабатывались имъ самимъ; онѣ не были взяты ни изъ какой готовой программы и измѣнялись сообразно все большему и большему знакомству его съ условіями русской общественной жизни. Такъ, напр., въ первое время своего существованія, кружокъ разсчитывалъ на возможность земской легальной дѣятельности и очень увлекался проэктами артельныхъ товариществъ, тщательно изучалъ брошюры Яковлева, Верещагина и др. по этому предмету,— пока не убѣдился въ невозможности серьезнаго развитія этого дѣла въ Россіи. Затѣмъ очень большую роль въ его ранней дѣятельности занимало вліяніе на студенческую молодежь, образованіе кружковъ саморазвитія среди учащейся молодежи и вообще распространеніе революціонныхъ идей среди интеллигенціи. Съ этой цѣлью возникло въ этомъ кружкѣ и значительно развилось такъ называемое «книжное дѣло». Оно заключалось, во 1-ыхъ, въ томъ, что кружокъ печаталъ и распространялъ на свой счетъ нѣкоторыя изданія, и, во 2-хъ, въ томъ, что онъ входилъ въ соглашеніе съ издателями и закупалъ у нихъ съ уступкой большія партіи ихъ изданій, распространяя ихъ потомъ по удешевленной цѣнѣ и часто въ кредитъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціяхъ...

«Члены этого кружка вели сначала пропаганду исключительно въ городѣ. Они разселялись маленькими группами въ центрахъ фабричнаго населенія: на Выборгской сторонѣ, за Невской заставой, за Московской заставой, на Васильевскомъ островѣ,—и знакомились съ рабочими, приглашая ихъ къ себѣ на квартиры. Труднѣе всего было начало, когда революціонеры совсѣмъ не имѣли связей съ рабочими; послѣ-же, при возникновеніи этихъ связей, дѣло значительно упрощалось тѣмъ, что рабочіе сами приводили своихъ знакомыхъ и, такимъ образомъ, расширяли кругъ захваченныхъ пропагандою рабочихъ. Съ рабочими, приходившими на квартиры, обыкновенно занимались, по ихъ желанію, разными школьными предметами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вели внушительные разговоры»

Но вскорѣ «пропаганда среди студенчества стала терять тотъ живой интересъ, какой она имѣла раньше, такъ какъ дѣлалось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что

движеніе должно было выйти изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыхъ оно развивалось до того времени».

Число кружковъ увеличилось. Начались бурныя пренія делегатовъ разныхъ кружковъ на сходкахъ по Можайской ул., особенно-же въ Казарменномъ переулкѣ на Петербургской сторонѣ. Натансонъ былъ интернированъ, такъ какъ онъ взялъ на себя отвѣтственность за распространеніе изданій, сдѣлавшееся извѣстнымъ полиціи. Стали появляться агитаціонныя мастерскія (прежде всего, повидимому, сапожная).

Петербургскіе кружки вступили въ сношенія съ кружками другихъ городовъ, и сама собой явилась мысль о томъ, чтобы охватить всю Россію сѣтью федеративныхъ кружковъ. Въ прокламаціи, выпущенной долгушинцами, было сказано («Вп.» П, А. 79). «Къ вамъ, интеллигентные люди, которые вполнѣ поняли крайнюю ненормальность современнаго порядка вещей—къ вамъ мы обращаемся и приглашаемъ васъ итти въ народъ, чтобы возбудить его къ протесту во имя лучшаго общественнаго устройства... Такъ пусть-же люди, которымъ дорога правда, для которыхъ проводить истину въ жизнь стало органическою потребностью, пусть эти люди идутъ въ народъ, не страшась ни гоненія, ни смерти».

Авторъ „Подпольной Россіи» говоритъ о чайковцахъ того переходнаго времени, которое какъ разъ предшествовало движенію въ народъ (12 и слѣд.):

«Зимою 1873 года, въ одной изъ бѣдныхъ лачужекъ, разбросанныхъ по окраинамъ Петербурга, значительное число рабочихъ еженедѣльно собиралось вокругъ князя Петра Кропоткина, излагавшаго имъ принципы соціализма и революціи. Богатый казакъ Обуховъ, почти умиравшій отъ чахотки, дѣлалъ то-же самое на берегахъ своего родного Дона. Поручикъ Леонидъ Шишко поступилъ ткачемъ на одну изъ петербургскихъ фабрикъ, въ видахъ той-же пропаганды. Два другихъ члена того-же общества Дмитр. Рогачевъ съ однимъ изъ своихъ друзей *) отправились въ качествѣ пильщиковъ въ Тверскую губернію для пропаганды среди крестьянъ».

---

*) Это былъ, на сколько извѣстно, будущій авторъ „Подпольной Россіи“.

Въ этой средѣ выработались личности, нравственная личность которыхъ выступаетъ тѣмъ ярче, чѣмъ глубже былъ въ это время въ обществѣ упадокъ духа, о которомъ сказано выше. Здѣсь не мѣсто говорить о Перовской, которая должна была стать еще гораздо выше въ слѣдующій періодъ. Оставимъ въ сторонѣ и тѣхъ, которые участвовали въ дальнѣйшемъ фазисѣ движенія. Но упомянемъ, хотя въ немногихъ словахъ о двухъ изъ тѣхъ личностей, которыя особенно характеризировали трудную работу этого подготовительнаго времени, о Сердюковѣ и Куприяновѣ.

Первый изъ нихъ оставилъ особенно крупный слѣдъ въ пропагандѣ среди рабочихъ. О дѣятельности въ кружкѣ Чайковцевъ Анат. Ив. Сердюкова, «одинъ изъ Чайковцевъ» высказывается, въ его некрологѣ, слѣдующимъ образомъ («Общ.» № 5, 15 и слѣд.).

«Въ этомъ кружкѣ ему принадлежитъ та неотъемлемая заслуга, что онъ первый взялся за дѣло соціалистической пропаганды среди рабочихъ. Плодотворность его усилій докажутъ всѣ рабочіе, знавшіе его и съ честью работающіе теперь на поприщѣ соціалистической пропаганды. Первые союзы рабочихъ пропагандистовъ были основаны при непосредственномъ участіи Анатолія Ивановича и по его иниціативѣ. Крайняя простота и риторизмъ въ образѣ жизни, прямой симпатичный характеръ, трезвый взглядъ на вещи, несмотря на молодые годы, помогли скоро оріентироваться Сердюкову и среди его новыхъ знакомыхъ. Мало-по-малу, между нимъ и лучшими представителями рабочихъ установились прочныя и дружескія отношенія, непрерывавшіяся потомъ.

«Такимъ образомъ, въ томъ дѣлѣ, которое несомнѣнно составляетъ главную заслугу кружка Чайковцевъ передъ русской соціально-революціонной партіей, первымъ иниціаторомъ долженъ, по справедливости, считаться покойный Анатолій Ивановичъ. Но этимъ не ограничивалась его соціалистическая дѣятельность. Въ кружкѣ онъ очень долго завѣдывалъ заграничными его сношеніями, и въ это дѣло была вложена не малая лепта его труда...

«Это былъ человѣкъ, по натурѣ сильно увлекающійся, страстный; но увлеченіе это сказывалось въ немъ не

внѣшними проявленіями и вспышками энтузіазма. Поверхностный наблюдатель легко могъ бы принять его за человѣка флегматичнаго и неподвижнаго. Страстное отношеніе къ интересующему его дѣлу Сердюковъ проявлялъ въ беззавѣтной преданности ему, въ томъ, что оно охватывало всѣ его мысли. Что бываетъ еще рѣже, со страстными и увлекающимися людьми—въ пылу самаго крайняго разгара борьбы онъ никогда не измѣнялъ началамъ гуманности и самой широкой любви къ людямъ. Вѣчно строгое отношеніе къ себѣ, доходящее до самоистязанія, не мѣшало ему снисходительно относиться къ другимъ.»

Относительно Мих. Вас. Купріянова труднѣе сказать, въ какой изъ отраслей дѣятельности кружка Чайковцевъ онъ выказалъ менѣе вліянія, чѣмъ отмѣтить ту, которою онъ преимущественно занимался. Авторъ его некролога говоритъ слѣдующее («Общ. № 6—7, 14 и слѣд.).

«Михаилъ Васильевичъ былъ аутодидактъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Всѣми своими знаніями, образованіемъ и убѣжденіями онъ былъ обязанъ исключительно себѣ. Никто не можетъ похвалиться, что имѣлъ на него какое-нибудь вліяніе. Читалъ онъ очень много, но это было и естественно при его способѣ чтенія; каждая книга служила ему не только источникомъ новыхъ свѣдѣній, но и темой для собственныхъ размышленій, сравненій, наблюденій и выводовъ.

«Очень молодымъ человѣкомъ вошелъ онъ въ кружокъ Чайковцевъ, но мало было людей, даже старшихъ его по возрасту, обладавшихъ его силой воли и характера. Многихъ съ перваго разу поражала въ немъ его суровость, привычка подвергать какъ собственныя, такъ и чужія мысли и чувства самому безпощадному логическому анализу. Не разъ приходилось слышать ему упреки въ пессимизмѣ, скептицизмѣ и резонерствѣ; хотя на дѣлѣ скептицизмъ не мѣшалъ Михаилу Васильевичу быть безконечно преданнымъ идеямъ соціализма. Люди, ближе моего знавшіе покойнаго, всегда видѣли въ немъ крайне сердечнаго и любящаго человѣка, но умѣвшаго строго дисциплинировать себя, умѣвшаго относиться со строгой справедливостью и безпристрастіемъ къ горячо любимымъ людямъ.

«Несмотря на крайнюю молодость покойнаго, всѣмъ намъ приходиться сознаться, что мы очень и очень многимъ обязаны ему въ нашей дѣятельности. Михаилъ Васильевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ глубоко преданныхъ дѣлу людей, которые ради него не пренебрегаютъ никакими тяжелыми и неблагодарными обязанностями. Поэтому, за какую отрасль дѣятельности Чайковцевъ мы бы ни взялись, всюду мы непремѣнно встрѣчаемся съ Михаиломъ Васильевичемъ, всюду мы видимъ слѣды его трудовъ».

Воспоминанія Ланганса*) даютъ намъ возможность очертить генезисъ и южнаго кружка, развившагося самостоятельно, находившагося сперва лишь въ весьма незначительныхъ сношеніяхъ съ петербургскими кружками и вступившимъ съ ними въ болѣе тѣсную связь уже въ совершенно выработавшемся состояніи. «Первыя сѣмена броженія были заброшены на югъ мѣстною молодежью, посѣщавшею петербургскій университетъ, академію и технологическій институтъ. Послѣ студенческой исторіи 69 года были возвращены на родину въ Херсонъ нѣсколько человѣкъ молодежи, изъ которыхъ я назову Соломона Чудновскаго, Л. Дическуло. Появленіе сосланныхъ произвело не малую сенсацію въ средѣ учащейся молодежи и даже въ обществѣ. Они являлись поборниками чего-то высшаго и болѣе свѣтлаго, діаметрально противоположнаго рутинѣ мелкой провинціальной жизни; молодежь, чуткая ко всему живому, безъ всякаго труда, по собственному импульсу, группировалась вокругъ сосланныхъ, и въ скорости образовалась небольшая группа гимназистовъ, заинтересованная чтеніемъ книгъ, но чтеніемъ по выбору. Какъ все новое, выходящее къ тому-же изъ рамокъ дозволеннаго гимназическимъ начальствомъ, чтеніе это, веденное довольно регулярно на такъ называемыхъ сходкахъ облекалось таинственностью.

---

*) Осужденнаго на вѣчную каторгу по дѣлу А. Михайлова. Онъ умеръ въ Шлиссельбургской крѣпости (см. „Съ Р. на Р. № 1, стр, 3). Воспоминанія Ланганса намъ были переданы въ автографѣ, къ сожалѣнію отрывочномъ.

«Года черезъ два изъ лицъ, рѣшительнѣе другихъ вышедшихъ на путь самостоятельнаго мышленія, пристрастившихся къ осмысленному чтенію (въ 1870—72 годахъ), образовался въ Херсонѣ кружокъ, который правильнѣе было бы назвать кружкомъ «саморазвитія и самообразованія». Лица, входившія въ него, были мѣстные жители, знакомые другъ съ другомъ чуть не съ дѣтства, почти всѣ товарищи по гимназіи... Насъ связывали, помимо дружбы, одинаковость міровоззрѣнія и вытекающая отсюда одинаковость цѣлей. Цѣль-же, которую мы себѣ тогда поставили, была слѣдующая: путемъ толковаго серьезнаго чтенія и изученія общественныхъ наукъ выработать изъ себя, помимо школы, людей, полезныхъ народу и обществу. Въ виду этого, первымъ дѣломъ кружка было образовать библіотеку избранныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей... Библіотека въ скорости пошла блистательно».

Затѣмъ

«въ средѣ первоначальныхъ основателей библіотеки произошелъ расколъ, результатомъ котораго было выдѣленіе изъ всей группы вышепоименованныхъ лицъ. Въ рукахъ этихъ послѣднихъ осталась и библіотека. Трое изъ членовъ этой выдѣлившейся тѣсной группы—Андр. Франжоли, А. С. и я переѣхали въ 70—71 году въ Петербургъ и поступили въ Технол. Инстит., но черезъ годъ вернулись. Съ этого времени начинается болѣе тѣсная связь нѣкоторыхъ петербургскихъ *) друзей съ нами. Дѣятельность кружка оживляется; кромѣ распространенія въ публикѣ книгъ извѣстнаго направленія при посредствѣ собственной библіотеки, кружокъ ставитъ себѣ цѣлью собирать и правильно вести сходки молодежи (гимназистовъ и гимназистокъ), на которыхъ читались и реферировались книги въ родѣ «Историчес. Писемъ» Миртова, „Положеніе рабочаго класса въ Россіи» Флеровскаго, «Политич. экономія» Чернышевскаго; читались романы въ родѣ «Одинъ въ полѣ не воинъ», «Что дѣлать», «Эмма» Швейцера. Здѣсь же ставились и разрѣшались сообща вопросы непосредственно соприкасавшіяся съ соціализмомъ, вопросы

*) Кравчинскаго, Чарушина и др. (прим. въ автографѣ).

личной и общественной нравственности, о справедливѣйшемъ распредѣленіи поземельной собственности и формѣ владѣнія ею. Члены кружка жили то на одной квартирѣ, то на разныхъ, но никогда не забывали принципа, положеннаго въ основу ихъ общежитія и взаимныхъ сношеній—полнѣйшей общности и нераздѣльности имущества. Въ это время всѣ мы жили частными уроками, исключая П. Рябкова, бывшаго городскимъ землемѣромъ. Въ 1872 году кружокъ занимался, между прочимъ, распространеніемъ цензурныхъ «народныхъ» книгъ. Появились онѣ у насъ на югѣ въ 72 году и привезены впервые нами изъ Питера.

Съ того времени онѣ исправно пересылались намъ питерскимъ кружкомъ, занимавшимся ихъ распространеніемъ по провинціямъ. Это былъ кружокъ Натансона... Изъ заграничныхъ изданій появились такимъ-же путемъ Уставъ Международ. Общества Рабочихъ, «Отщепенцы» и монографированная рѣчь Ламеннэ—«Слово вѣрующаго къ народу». Послѣдняя вещь была привезена къ намъ чуть-ли не Чарушинымъ зимою 72 года. Въ это время нашъ мѣстный кружокъ занятъ былъ вопросомъ о пропагандѣ въ народѣ и о наилучшихъ формахъ и способахъ «сближенія» съ нимъ. Всѣ мы были того мнѣнія, что лучшій способъ узнать народъ и его нужды, сблизиться съ нимъ и быть ему полезнымъ, это — самому идти въ народъ въ качествѣ рабочаго или народнаго учителя. Чарушинъ, пріѣхавшій къ намъ, сообщилъ намъ, что къ тому-же пришли и питерцы. Въ это время, говоря о положеніи дѣлъ въ Питерѣ и о намѣреніяхъ петербургскихъ друзей, онъ не упоминалъ о „кружкѣ“, не говорилъ такъ-же, что сносится съ нами отъ его имени. Не упоминалось-же объ этомъ, я думаю, просто потому, что существованіе «кружка» разумѣлось само собою; то-же, что онъ посѣтилъ насъ не безцѣльно, а въ интересахъ одинаково близкаго всѣмъ намъ вопроса объ организаціи силъ для дѣятельности въ народѣ, — чувствовалось безъ словъ. Вотъ почему мы тогда-же совершенно вѣрно истолковали себѣ пріѣздъ Чарушина. Энергія и желаніе осуществить возможно скорѣе на практикѣ свои завѣтнѣйшіе планы замѣтно увеличились съ его пріѣздомъ, ибо мы увидѣли, что мы не одни,

что начало организаціи однородныхъ силъ для совмѣстной дѣятельности уже закладывается. И до его пріѣзда кружокъ имѣлъ нѣкоторыя сношенія съ окрестнымъ и мѣстнымъ населеніемъ (мѣщанами, рабочими литейнаго и пильнаго заводовъ).

Цензурныя народныя книжки распространялись въ изрядномъ количествѣ; даже нецензурныя имѣли нѣкоторый кругъ читателей среди мѣщанства (изъ нихъ помимо пѣсенника, рѣчь Ламеннэ, „Стенька Разинъ“, Вроцкаго и передѣланная). Все-же ни къ чему прочному, существенному притти не успѣли, тѣмъ болѣе, что условія небольшого городка, въ которомъ насъ всѣхъ знали на перечетъ, мало тому благопріятствовали. Одесса въ этомъ отношеніи стояла неизмѣримо выше и мы уже подумывали перекочевать туда всѣмъ кружкомъ. Въ это время посѣтилъ насъ Феликсъ Волховской. До того времени я его лично не зналъ, слышалъ же о немъ, какъ о бывшемъ нечаевцѣ, прекрасно державшемъ себя на судѣ..

„Волховской приглашалъ насъ такъ-же въ Одессу, говоря, что поле дѣятельности, какъ въ интеллигенціи, такъ и въ народѣ, тамъ несравненно шире“.

Мало-по-малу члены этого перваго зародышнаго кружка южныхъ пропагандистовъ перебрались чуть-ли не всѣ въ Одессу, которая и сдѣлалась главнымъ центромъ агитаціи на югѣ Россіи.

„Еще въ послѣдній мѣсяцъ моего пребыванія въ Херсонѣ были сдѣланы въ Одессѣ первые шаги къ образованію правильно организованнаго тайнаго общества. Иниціатива принадлежала Ф. Волховскому. Начались одна вслѣдъ за другою сходки на квартирѣ Феликса; въ нихъ принимали участіе Феликсъ, его жена, Андр. Франжоли, А. С., Дм. Желтеновскій и Чудновскій. Съ моимъ пріѣздомъ вошелъ въ организацію и я. Это было въ августѣ или сентябрѣ 73 года“.

Гораздо менѣе правильности и продуманности встрѣчалось въ кіевскихъ кружкахъ по „Воспоминаніямъ“ Дебогорія Мокріевича. Онъ говоритъ (4 и слѣд.):

«Только въ 1869 году кіевское студенчество оживилось. Насколько помнится, дѣло началось съ организаціи кассы самопомощи. Къ этому же времени въ нашъ университетъ стали опредѣляться изгнанные послѣ безпорядковъ изъ петербургскаго университета; элементъ этотъ еще болѣе оживилъ нашу среду: начали зарождаться литературные кружки или кружки самообразованія; появились одна за другою — студенческая касса, кухмистерская, библіотека. Правда, всѣ книги нашей библіотеки свободно укладывались на шести полкахъ... Книги были самыя заурядныя.

Нецензурныхъ изданій у насъ не было... Иногда намъ казалось, что полиція и жандармы слѣдятъ за нашей библіотекой; это насъ очень интриговало, возбуждало интересъ. Въ такія минуты библіотека... пріобрѣтала въ нашихъ глазахъ уже совсѣмъ цѣнное значеніе...

«Выше упомянуто было, что среди кіевскаго студенчества въ 69-мъ году стали устраиваться литературные кружки. Въ подобномъ кружкѣ, состоявшемъ изъ семи, восьми человѣкъ, принималъ участіе и я. Мы собирались одинъ разъ въ недѣлю, читали что нибудь и послѣ того бесѣдовали по поводу прочитаннаго. Мы преслѣдовали цѣль саморазвитія. Правда, среди насъ часто поднимались разговоры о предстоящей общественной дѣятельности, но въ этомъ отношеніи нами не принималось никакихъ практическихъ рѣшеній и мы разсматривали вопросъ лишь съ теоретической стороны. Мы считали себя обязанными въ будущемъ работать для пользы и блага народа, но далеко не предрѣшали заранѣе средствъ и путей, посредствомъ которыхъ надѣялись достигнуть этой задачи... Все шло какъ то спокойно, обыденно. Будущая моя общественная дѣятельность рисовалась мнѣ смутно, неопредѣленно.

Такъ дѣло стояло до 1871 года, когда, наконецъ, данъ былъ толчекъ, направившій мою жизнь по извѣстному пути».

Нечаевскій процессъ и событія въ Западной Европѣ вызвали въ 1871 году оживленіе. Образовался кружокъ „американцевъ“ собиравшихся основывать въ Новомъ свѣтѣ коммуну русскихъ революціонеровъ, которая была

бы не только идеальнымъ соціалистическимъ обществомъ, но, кромѣ того, и пособіемъ русскому движенію. «Американцы» говорили («Восп.» 10).

«Коммуна наша въ Америкѣ будетъ, такимъ образомъ, представлять изъ себя что-то вродѣ сборнаго пункта или, вѣрнѣе, такого центральнаго учрежденія, изъ котораго мы будемъ черпать наши силы: въ ней мы будемъ находить свою нравственную опору, она-же будетъ снабжать насъ деньгами для разъѣздовъ».

Къ «американцамъ» присталъ и авторъ «Воспоминаній».

«Пріѣхавъ въ Кіевъ, мы принялись за пропаганду нашего «американизма», прежде всего, конечно, въ томъ литературномъ кружкѣ, членомъ котораго я состоялъ. Тутъ сразу обнаружилось разногласіе. Мы, «американцы», признавали физическій трудъ обязательнымъ для всякаго; большинство членовъ кружка высказались противъ этого мнѣнія; только двое примкнули къ намъ, съ остальными мы разошлись... Мы, однако, не пришли въ уныніе отъ этого полнаго неуспѣха и съ юношескимъ пыломъ кинулись на розыски и вербовку людей подъ свое знамя. Унывать въ то время было мудрено. Среди университетской молодежи то и дѣло выростали новые кружки; по разнымъ угламъ Кіева то и дѣло устраивались всевозможныя ассоціаціи: тутъ висѣла вывѣска швейной мастерской, организованной на кооперативныхъ началахъ; тамъ была прачешная или сапожная. Правда, эти ассоціаціи такъ-же быстро разрушались, какъ и создавались, но отъ этого мало измѣнялось положеніе дѣлъ: жизнь била ключомъ.

«Исходя изъ того взгляда, что дипломы деморализуютъ людей, давая возможность занимать привилегированныя положенія, я рѣшилъ бросить университетъ. Впрочемъ, все равно мнѣ было некогда посѣщать лекціи: я состоялъ членомъ нѣсколькихъ литературныхъ кружковъ и все время тратилъ на пропаганду „американизма“, шатаясь съ одного собранія на другое.

«Въ пропагандѣ и поискахъ за новыми членами мы натолкнулись въ Кіевѣ на кружокъ, занимающійся распространеніемъ среди молодежи книгъ извѣстнаго характера, какъ напр.: «Положеніе рабочаго класса въ

Россіи», «Азбука соціальныхъ наукъ», сочиненія Лассаля и т. под. Этотъ кружокъ находился въ сношеніяхъ съ петербургскимъ кружкомъ такого-же направленія, впослѣдствіи получившимъ названіе Чайковцевъ. Вышеупомянутый кіевскій кружокъ всѣми силами старался препятствовать успѣху „американизма" среди молодежи. Но едва-ли не самымъ ярымъ нашимъ противникомъ явился тогда Каблицъ. Покойный Каблицъ... въ то отдаленное время состоялъ вольнослушателемъ въ кіевскомъ университетѣ и пользовался репутаціей одного изъ самыхъ крайнихъ радикаловъ и революціонеровъ, и съ нимъ-то у насъ и происходили стычки. Онъ былъ страшно горячій спорщикъ, и, какъ это обыкновенно бываетъ съ людьми, не въ мѣру горячими въ спорахъ, не хотѣлъ признать справедливымъ ни одного изъ нашихъ положеній, возражая намъ рѣшительно противъ всего. Мы говорили о пропагандѣ и дѣятельности среди народа; онъ противопоставлялъ этому работу въ правительственныхъ сферахъ и толковалъ объ облагодѣтельствованіи народа сверху, путемъ декретовъ и реформъ. Его мы называли въ шутку „царистомъ", такъ какъ свои воззрѣнія онъ однажды формулировалъ такой фразой: «Александръ I, Николай I, Александръ II, Чернышевскій I»; при послѣднемъ имени онъ очень ехидно улыбнулся, находя аргументъ неопровержимымъ. Но насъ было трудно запугать именами и мы возражали, что и Чернышевскій, не сдѣлаетъ для народа больше того, что сдѣлаетъ всякій другой. Этотъ взглядъ вытекалъ у насъ изъ того положенія, что всякій человѣкъ есть результатъ окружающихъ обстоятельствъ, и въ данномъ случаѣ мы сводили вопросъ все къ той-же деморализаціи, которая, по нашимъ понятіямъ, должна была постигнуть и Чернышевскаго, разъ-бы онъ попалъ въ опредѣленную среду.

«Нужно сказать, что къ программамъ, толковавшимъ объ облагодѣтельствованіи народа сверху путемъ декретовъ, молодежь относилась въ то время крайне неодобрительно, равно какъ и ко всякаго рода централистическимъ теоріямъ и стремленіямъ... Съ понятіемъ о централистической организаціи связывалось представленіе о безконтрольности, а, слѣдовательно, и о полномъ про-

сторѣ для обмана... На повиновaніе и дисциплину организаціонную смотрѣли не хорошо; послѣднее доходило у нѣкоторыхъ до такой степени, что они склонны были отрицать какую-бы то ни было организаціонную попытку. Выработка устава или установленіе какихъ-либо правилъ многими встрѣчалось очень недружелюбно; подчиняться правиламъ – значило признавать дисциплину.—«А! понадобился уставчикъ!?» съ ироніей восклицалъ на собраніи кто-либо изъ присутствующихъ, и стоило подчасъ не мало усилій, чтобы принятъ былъ хоть слабенькій «уставчикъ»... «Изъ книгъ, пользовавшихся популярностью среди молодежи, болѣе другихъ читались по кружкамъ сочиненія Милля «Политическая экономія» и «Объ утилитаризмѣ», «Историческія письма» Миртова, I томъ Лассаля. Особенно характерной нахожу я роль, которую играла эта послѣдняя книга; изъ Лассаля мы черпали аргументы въ пользу нашихъ народническихъ воззрѣній, несмотря на то, что Лассаль, говоря въ своей книгѣ о рабочихъ, всюду разумѣетъ только фабричный пролетаріатъ, а ничуть не крестьянъ, на которыхъ въ другомъ мѣстѣ прямо указываетъ, какъ на элементъ реакціонный постольку, поскольку они (во время такъ называемыхъ крестьянскихъ войнъ въ Германіи) старались повернуть назадъ колесо исторіи. Это существенное разнорѣчіе мы игнорировали тогда, и все то, что Лассаль говорилъ о рабочемъ сословіи, переносили на наше крестьянство, являвшееся для насъ нашимъ обездоленнымъ «четвертымъ сословіемъ». Мы особенно близко къ сердцу принимали разсужденія Лассаля о томъ, что рабочій, отдавшійся борьбѣ за интересы своего сословія, другими словами—за свои собственные интересы, совершаетъ этимъ даже высоконравственный актъ, ибо служитъ дѣлу общечеловѣческаго интереса,—такъ какъ въ настоящую историческую эпоху рабочее сословіе является носителемъ прогресса, подобно тому, какъ буржуазія была прогрессивнымъ элементомъ въ прошломъ вѣкѣ. Мы, читая это, представляли вмѣсто рабочаго—крестьянина, вмѣсто западноевропейской буржуазіи—наши привилегированныя сословія, и въ качествѣ „кающихся дворянъ“, съ одной стороны, занимались самобичеваніемъ, съ другой, крѣпли въ своей вѣрѣ

въ народъ, признавая его и лучше, и нравственнѣе насъ".

Въ началѣ 1872 г. въ Кіевѣ-же положено было (по словамъ «Обвинительнаго акта въ дѣлѣ о преступной пропагандѣ» (процессъ 193) начало той „коммунѣ", къ которой принадлежали Брешковская, Судзиловскій и др., и о которой будетъ сказано ниже.

Подобная-же работа мысли шла въ разныхъ городахъ Россіи. Такъ, напримѣръ, въ самарской гимназіи существовалъ уже въ 1872 г. кружокъ самообразованія, который долженъ былъ въ слѣдующемъ-же году получитъ агитаціонный характеръ. „Землеволецъ", упоминаетъ объ образовавшемся въ Харьковѣ кружкѣ приказчиковъ.

«Впередъ» писалъ объ этой эпохѣ и о ближайшихъ къ ней годахъ *):

„...Росла пугливость правительства. Росли съ каждымъ годомъ подозрительность полиціи, усиленія мѣръ противу всякаго проявленія недовольства. Неизбѣжно росло и недовольство. И вотъ усилія правительства увѣнчались успѣхомъ. Запретная русская литература, процвѣтавшая въ послѣдніе годы Николая, имѣвшая очень кратковременный и не распространенный успѣхъ въ началѣ 60-хъ годовъ, снова появилась въ Россіи... Въ Россіи циркулируютъ листки, брошюры, книги на русскомъ языкѣ, только что оставившіе типографскій станокъ, съ прямымъ призывомъ къ революціонному дѣлу».

Это движеніе въ Россіи находилось въ живомъ взаимодѣйствіи съ русскими колоніями молодежи, поселившимся, особенно, въ швейцарскихъ университетскихъ городахъ. Въ то самое время, когда Швейцарія выдавала русскому правительству Нечаева, а въ Гаагѣ готовился конгрессъ Интернаціонала, на которомъ внутренняя борьба послѣдняго должна была окончательно привести къ громадному расколу, около Бакунина и его ближайшихъ сторонниковъ сгруппировалась «Цюрихская славянская секція» Интернаціонала **). Она, конечно, немедленно примкнула къ Юрской федераціи и тѣмъ самымъ

*) См. „Впередъ!" т. II „Что дѣлается на родинѣ? 79.
**) О ея программѣ смотри ниже.

стала въ ряды враговъ Карла Маркса и Генеральнаго Совѣта Интернаціонала. Гаагскій конгрессъ 1872 г. исключилъ изъ великаго соціалистическаго союза Бакунина и его сторонниковъ. Однимъ изъ первыхъ проявленій этой международной вражды въ рядахъ швейцарской колоніи русскихъ студентовъ и эмигрантовъ было нападеніе нѣкоторыхъ членовъ славянской секціи на Утина въ Цюрихѣ, возмутившее наибольшую долю довольно многочисленной цюрихской колоніи русскихъ.

При этихъ условіяхъ выступилъ въ 1873 г. съ знаменемъ «русскаго соціализма» и съ кличкою «Впередъ!» новый органъ русской подпольной литературы въ то самое время, когда совершенно независимо отъ этого въ Россіи неудержимое общественное теченіе вызывало массовое движеніе оппозиціонной молодежи въ «народъ» во имя соціалистическихъ идей и борьбы съ абсолютизмомъ.

2. Русское заграничное революціонное движеніе 1873—77 годовъ.

Въ мартѣ 1872 г. делегаты изъ Россіи предложили пишущему это организовать изданіе русскаго заграничнаго журнала. Это приглашеніе было довольно неожиданно, и составъ лицъ, отъ которыхъ оно исходило, былъ далеко не ясенъ для предполагавшагося редактора новаго изданія. Онъ написалъ проэктъ программы «Впередъ!», предполагая, что въ Россіи, въ средѣ тѣхъ литературныхъ кружковъ, которые были наиболѣе радикальными, организовалась или организуется партія, которая имѣетъ въ виду имѣть свой органъ за границей. Это предположеніе оказалось невѣрнымъ, но полученныя свѣдѣнія о движеніи въ молодежи, о которомъ говорилось въ предыдущей главѣ, заставляли думать, что почва для революціонной соціалистической литературы въ Россіи образовалась. Тогда сдѣлана была попытка, сойдясь съ русскими бакунистами на почвѣ соціалистическихъ принциповъ и устроивъ на почвѣ этихъ принциповъ съ ними modus vivendi, издавать за границей русскій органъ, имѣющій въ виду «подготовлять» соціальную революцію въ Россіи въ интеллигенціи и въ народѣ. Попытка эта была сдѣлана въ новой предположенной программѣ. Но и эта попытка оказалась неудачною. Бакунисты требовали въ журналѣ болѣе рѣшительнаго вліянія, чѣмъ то, на которое считалъ возможнымъ согласиться редакторъ. Принципіальныя начала сообща обсуждены не были вовсе. Но возникли двѣ враждебныя фракціи. «Впередъ!» появился съ программою рабочаго соціализма, выставивъ задачу «подготовленія» соціальной революціи въ Россіи и имѣя противъ себя враговъ не только въ рядахъ либерально-буржуазной

литературы, но и въ рядахъ русскихъ революціонеровъ, отчасти ставившихъ для Россіи политическія задачи борьбы съ абсолютизмомъ выше принциповъ соціализма, отчасти же проповѣдывавшихъ, во имя анархическаго соціализма, непосредственное обращеніе къ революціоннымъ пріемамъ, отрицая болѣе или менѣе медленныя мѣры „подготовителей". Таковою оставалась программа «Впередъ!» во всѣхъ пяти томахъ этого изданія, а также въ 48 номерахъ двухъ-недѣльной газеты, выходившей въ 1876 и 1878 годахъ *).

---

*) Группа моихъ товарищей, издателей этого сборника, возложила на меня обязанность составить для него очеркъ русскаго движенія 1873—78 годовъ, къ одной отрасли котораго я стоялъ очень близко. Какъ ни желательно для читателей и для меня самого, чтобы этотъ очеркъ сохранилъ настолько же объективный и безличный характеръ, насколько это предполагается для всѣхъ другихъ главъ „Матеріаловъ", тѣмъ не менѣе почти неизбѣжно для ясности дѣла внести въ настоящій трудъ, хотя бы въ видѣ примѣчаній, такія указанія, мѣсто которыхъ было бы скорѣе въ какихъ-либо „мемуарахъ" или „воспоминаніяхъ" (вовсе не имѣвшихся и не имѣющихся въ виду, что до меня касается), чѣмъ въ объективномъ разсказѣ о ходѣ событій. Это я и намѣренъ сдѣлать въ немногихъ замѣткахъ, которыя читатель, интересующійся лишь общимъ ходомъ дѣла, можетъ и пропустить.

Мои личныя литературныя сношенія и работы въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ не вызвали большой близости между мною и тою радикальною группою литераторовъ, которая въ это время имѣла самое рѣшительное вліяніе на русскіе умы. Правда, враждебность, съ которою отнесся „Современникъ" къ моимъ первымъ работамъ, значительно ослабѣла среди представителей его направленія. Мнѣ удалось за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста Чернышевскаго нѣсколько сблизиться съ нимъ; послѣ его ареста я имѣлъ удовольствіе увидѣть въ числѣ моихъ сотрудниковъ по Энциклопедическому Словарю одного изъ самыхъ моихъ сердитыхъ критиковъ „Современника", тогда какъ другой критикъ „Русскаго Слова", работавшій вмѣстѣ со мною во время моей ссылки въ Вологодскую губернію въ „Отеч. Запискахъ", руководимыхъ тогда уже Некрасовымъ, Салтыковымъ и Елисѣевымъ, высказалъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, самое деликатное вниманіе къ моимъ работамъ (мы столкнулись два раза на обработкѣ одного и того же сюжета, и Писаревъ оба раза, какъ мнѣ передавали, сейчасъ же уступилъ мнѣ обработку этихъ вопросовъ, совершенно безъ моего вѣдома и при отсутствіи между нами и прежде и потомъ всякой личной связи). Тѣмъ не менѣе я очень хорошо зналъ, что мои работы пріобрѣли между сторонниками самыхъ боевыхъ литературныхъ группъ (какъ я это

Въ эту эпоху русскія колоніи молодежи, способной образовать болѣе или менѣе живые центры движенія, преимущественно группировались въ Швейцаріи и особенно въ Цюрихѣ. Тамъ, при большомъ приливѣ учащихся молодыхъ людей и молодыхъ женщинъ около университета или политехникума, стояли рядомъ и тѣ соціалистическія группы, которыя приступили къ программѣ «Впередъ!», и тѣ, которыя по отношенію къ соціализму, остались подъ непосредственнымъ руководствомъ Бакунина и его ближайшихъ сторонниковъ.

замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ „Съ Род. и на Род.“ № 3 стр. 155) „скорѣе репутацію умѣреннаго и нѣсколько педантичнаго кабинетнаго дѣятеля. Я зналъ, что даже мои личные пріятели, принадлежавшіе къ этой группѣ, отсовѣтовали тогдашней редакціи „Недѣли“ помѣщать въ этомъ журналѣ рядъ моихъ статей, которыя были озаглавлены „Историческія письма“. Я не могъ внутренно отказаться отъ убѣжденія, что я, можетъ быть, былъ-бы въ состояніи быть полезнымъ русскимъ радикаламъ не только на почвѣ вполнѣ легальной литературы; однако, въ этомъ случаѣ я понималъ, что всякій можетъ сильно ошибаться относительно своихъ способностей, а къ тому же никогда въ жизни я не позволялъ себѣ называть свое участіе въ ихъ дѣлѣ людямъ, которые думали, что могутъ очень хорошо безъ него обойтись. Поэтому, уѣзжая заграницу и до самаго марта 1872 г. я оставался въ полномъ убѣжденіи, что мое участіе въ революціонномъ движеніи въ Россіи неизбѣжно и навсегда ограничится лишь кое-какимъ литературнымъ сотрудничествомъ въ подпольной литературѣ, но что руководство какой-либо отраслью этой литературы никогда не можетъ перейти въ мои руки, вслѣдствіе недостаточнаго знанія даже моими пріятелями въ этой средѣ моего настоящаго взгляда на революціонную и нереволюціонную дѣятельность и недостаточнаго ихъ довѣрія къ моимъ способностямъ въ этомъ направленіи.

Именно поэтому я былъ вовсе не приготовленъ къ неожиданности, что изъ Россіи явятся ко мнѣ делегаты съ предложеніемъ составить программу революціоннаго изданія и руководить имъ. Рѣшиться надо было сейчасъ на основаніи разговоровъ съ очень небольшимъ числомъ лицъ, которые были подъ рукой и которымъ я могъ довѣрять. Два молодыхъ украинца (одинъ изъ С. Подолинскій), бывшіе въ то время въ Парижѣ, предложили свое энергическое содѣйствіе по переговорамъ въ Россіи и по организаціи матеріальныхъ средствъ для изданія (Подолинскій оказался самымъ дѣятельнымъ и энергическимъ пособникомъ въ эти трудные мѣсяцы). Что касается до литературнаго содѣйствія, то я не считалъ себя въ правѣ сомнѣваться, какія группы выступили въ бой при этомъ предпріятіи. Всѣ мои связи съ людьми радикальнаго образа мыслей ограничивались литературою. Мои

Тамъ-же, наконецъ, встрѣчались и тѣ элементы, скорѣе разсѣянные, чѣмъ составлявшіе организованную группу, которые вынесли изъ предшествовавшихъ фазисовъ русскаго движенія наклонность отодвигать соціалистическіе принципы, организацію рабочихъ и классовую борьбу на второй планъ, ставя для Россіи на первое мѣсто продолженіе борьбы противъ абсолютизма: элементы будущаго русскаго якобинства, «Набата». Второстепеннымъ центромъ въ Швейцаріи были Локарно, «столица анархизма», гдѣ преимущественно жилъ Баку-

---

сношенія съ „Землей и Волей“ начала 60-хъ годовъ (завязанныя черезъ А. П. Энгельгардта) были такъ ничтожны, что отсюда обращеніе ко мнѣ было немыслимо. Вообще радикальная молодежь Петербурга была вовсе не близка ко мнѣ въ послѣдніе годы моей петербургской дѣятельности, и я не имѣлъ случая сблизиться съ нею ни во время моей ссылки, ни при проѣздѣ чрезъ Москву и Петербургъ при отъѣздѣ заграницу. Общее впечатлѣніе, мною полученное при этомъ проѣздѣ, было скорѣе подавляющее: ни на какое энергическое движеніе, казалось, нельзя было разсчитывать въ февралѣ—мартѣ 1870 г. Кто же могъ быть въ числѣ иниціаторовъ новаго предпріятія? Я построилъ себѣ гадательную теорію, которая оказалась впослѣдствіи ошибочною. Для меня иниціатива могла принадлежать лишь той группѣ литературныхъ радикаловъ, которую я зналъ, и энергію которыхъ я могъ оцѣнить въ то время, когда они относились ко мнѣ недружелюбно. Садясь за программу „Впередъ!“ въ моей комнатѣ на Chausée d'Antin въ мартѣ 1872 г. я представилъ себѣ дѣло такъ. Ростущая реакція принудила представителей радикальной литературы убѣдиться, что борьба на почвѣ литературы легальной въ данную минуту уже недостаточна. Они въ два года послѣ моего отъѣзда изъ Россіи организовались вѣроятно для литературной и политической борьбы. Но никто изъ нынѣшнихъ участниковъ движенія не можетъ или не желаетъ бросить Россію и отрѣзать себѣ пути возвращенія въ нее, ставъ явно во главѣ предпріятія, которое, появляясь заграницей, имѣетъ наибольшіе шансы быть столь же эфемернымъ, какъ тѣ изданія, которыя одно за другимъ появлялись и исчезали послѣ упадка „Колокола“. Они обращаются ко мнѣ, потому что я *уже* отрѣзалъ себѣ путь возвращенія на родину и видятъ во мнѣ лишь литератора, въ сущности не расходящагося съ ними въ оппозиціи существующимъ порядкамъ, и, можетъ быть, способнаго литературно вести новый органъ. Согласясь въ программѣ, которую они отъ меня ожидаютъ, они имѣютъ, конечно, въ виду поддерживать журналъ *своими* работами по русскимъ вопросамъ, подвергая эти вопросы критикѣ съ точки зрѣнія способной теперь имѣть такое-же вліяніе на общество въ формѣ подпольной литературы, какое имѣла легальная радикальная пресса въ

нинъ, и Женева, гдѣ работала русская типографія, основанная петербургскимъ кружкомъ и перешедшая изъ подъ руководства Александрова (оставшагося въ Цюрихѣ) въ руки Лазаря Гольденберга; тамъ же оставались разбитые элементы утинскаго кружка, вполнѣ враждебнаго бакунистамъ, но съ которыми и сторонники «Впередъ!» не желали очень сближаться (хотя Ник. Утинъ предлагалъ отдать свою типографію въ ихъ распоряженіе), такъ какъ слишкомъ безцеремонная вражда Утина противъ Бакунина вызвала противъ него

60-хъ годахъ. Мнѣ они имѣють въ виду, вѣроятно, поручить лишь ту часть дѣла, которую имъ, пребывающимъ въ Россіи, вести неудобно. Имѣя это въ виду, я долженъ брать въ соображеніе ту „растущую силу“ литературно-политической оппозиціи, которая, по моимъ предположеніямъ, образовалась въ Россіи за послѣдніе два года; мои же личныя убѣжденія въ ихъ оттѣнкахъ и особенностяхъ я могу проводить лишь какъ сотрудникъ дѣла. Въ этомъ отношеніи я ставилъ себѣ задачею лишь одно: придать заграничному органу обще-соціалистическій характеръ, предоставляя обработку внутреннихъ политическихъ вопросовъ русскаго движенія людямъ, находящимися на мѣстѣ. Я говорилъ себѣ, что если моя программа не понравится, а я не найду возможности взять за руководство тѣ взгляды, которые выработаны иниціаторами, ко мнѣ обратившимися, то все дѣло ограничится тѣмъ, что я откажусь отъ его предложенія, а они поищутъ себѣ иного литературнаго представителя заграницей. Если же мои предположенія о литературно-политической организаціи и о „ростущей силѣ“ въ Россіи окажутся ошибочны, то дѣло ограничится проэктомъ программы, и ничто не обязываетъ меня вести его далѣе.

Когда къ осени 1872 г. Подолинскій привезъ мнѣ въ Лондонъ свѣдѣнія о полученныхъ результатахъ, то мои предположенія оказались совершенно фантастическими: литературные радикалы вовсе не собирались организоваться для борьбы на почвѣ подпольной прессы. За то имѣлись самыя благопріятныя свѣдѣнія о возбужденіи среди молодежи, о „ростущей силѣ“ среди нея, объ отсутствіи единства въ этомъ движеніи за недостаткомъ вліятельнаго органа, наконецъ, о существованіи живыхъ и энергическихъ молодыхъ группъ уже не только среди эмиграціи, а въ самой Россіи. Я получилъ впечатлѣніе (можетъ-быть, недостаточно критически провѣривъ разсказы моего молодого пріятеля), что изъ этой молодежи, волнующейся, энергической, но лишенной единства и опредѣленности въ направленіи, пришелъ ко мнѣ призывъ, что я тутъ какъ будто дѣйствительно *нуженъ*, за неимѣніемъ другихъ болѣе компетентныхъ; что внѣ бакунистскихъ и нечаевскихъ группъ—инымъ сторонамъ дѣятельности которыхъ сочувствовать и содѣйствовать я не могъ—даже въ

сильное раздраженіе во всей эмиграціи (вслѣдствіе этого даже безобразная кулачная расправа бакунистовъ съ Утинымъ осенью 1872 г.—о чемъ упомянуто выше — вызвала въ русской колоніи не столько возмущенія, какъ оно было бы при другихъ условіяхъ).

Цюрихъ сдѣлался довольно случайно въ эту эпоху главнымъ центромъ заграничнаго политическаго движенія русской молодежи. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ туда пріѣхали двѣ—три женщины съ желаніемъ серьезно изучить медицину при условіяхъ болѣе удобныхъ, чѣмъ

той самой средѣ, которая до сихъ поръ охватывалась общими началами бакунизма, есть элементы, способные примкнуть къ иному направленію, мнѣ болѣе сочувственному. Предо мною становился вопросъ: не слѣдуетъ-ли, не обязательно-ли мнѣ содѣйствовать, насколько хватитъ способностей, этой новой „ростущей силѣ“, развивая ее въ томъ направленіи, которое мнѣ казалось наиболѣе правильнымъ? Не слѣдуетъ-ли, не обязательно-ли при отсутствіи единства и опредѣленности направленія въ движеніи, постараться, хотя бы съ большими шансами неудачи, выработать эту опредѣленность и единство? Нѣкоторыя совершенно личныя обстоятельства вызвали именно въ эту эпоху во мнѣ склонность принять участіе въ движеніи, которое мнѣ рисовали словесно и письменно какъ возможное. Съ Парижемъ меня ничто тогда не связывало. Въ концѣ 1872 года я поѣхалъ въ Цюрихъ съ рѣшимостью посмотрѣть своими глазами на тѣ группы (всѣ примыкавшія болѣе или менѣе къ бакунистскому движенію), которыя могли дать матеріалъ для редакціоннаго и для техническаго персонажа „Впередъ!“, и на мѣстѣ оцѣнить возможность соединиться въ общее литературное дѣло съ тѣми личными силами, которыя присутствовали среди бакунистовъ. Пріѣхавъ въ Цюрихъ, я нашелъ многое какъ разъ соотвѣтствующее тому, что мнѣ сообщали мои корреспонденты. Въ средѣ бакунистовъ Цюриха существовалъ расколъ, едва прикрываемый внѣшними приличными отношеніями, и нѣсколько весьма замѣчательныхъ личностей (мужчинъ и женщинъ), на которыхъ мнѣ указывали уже письменно (одинъ знакомый еще изъ ссылки въ Тотьму), обѣщали быть весьма надежными, умными и энергическими помощниками, причемъ очень быстро оказалась и возможность провѣрить ихъ личныя связи въ Россіи. Второй украинецъ (изъ примкнувшихъ къ программѣ „Впередъ!“ еще въ мартѣ), обѣщавшій преимущественно матеріальную поддержку изданію, оказался пустымъ болтуномъ, и на средства, получаемыя этимъ путемъ, оказалось невозможнымъ разсчитывать. Тогда одна изъ моихъ новыхъ молодыхъ пріятельницъ поѣхала въ Россію добывать матеріальную поддержку съ ручательствомъ продолжать ее въ будущемъ и вернулась очень быстро съ блестящимъ успѣхомъ. Около „Впередъ!“, еще только предполагавшагося, не выставив-

представляла для этого Петербургская Военно-Медицинская Академія. Эта энергическая иниціатива въ области научныхъ работъ женщинъ, въ которой главную роль играли С. и Б., имѣла блестящій успѣхъ вслѣдствіе замѣчательныхъ качествъ ума и характера этихъ личностей. Немедленно изъ всѣхъ концовъ Россіи хлынули въ Цюрихъ, по слѣдамъ С. и Б., молодыя женщины, жадныя до умственнаго развитія. Это движеніе еще усилилось впослѣдствіи, когда занятіямъ женщинъ въ русскихъ университетахъ и академіяхъ возникли еще большія

шаго своей окончательной программы, повидимому, стали группироваться надежныя силы и заграницей, и въ Россіи. Очень скоро оказалось, что эти силы были не особенно значительны; что большинство послѣдующаго движенія 1873—76 годовъ имѣло мѣсто на почвѣ стараго бакунизма. Мнѣ до сихъ поръ не вполнѣ ясно, гдѣ именно въ Россіи зародилась мысль обратиться ко мнѣ съ предложеніемъ составить программу заграничнаго органа и основать его, но, по нѣкоторымъ слухамъ, иниціатива принадлежала нѣкоторымъ личнымъ литературнымъ пріятелямъ и читателямъ „Историческихъ писемъ“ (объ успѣхѣ которыхъ я, впрочемъ, всѣ эти годы вовсе не зналъ), вообще группѣ незначительной по численности и нисколько не приготовленной къ серьезной организаціи дѣла. Но тогда оцѣнить это изъ Цюриха было очень трудно. Оставалось опредѣлить вполнѣ точно отношенія редакціи „Впередъ!“ къ бакунистамъ, крѣпко державшимъ въ рукахъ знамя, выставленное ихъ знаменитымъ представителемъ. Дѣйствовать съ ними вполнѣ за одно было, повидимому, невозможно. Я не могъ допустить, по моимъ соображеніямъ о трудности руководства изданіемъ, никакого рѣшительнаго вмѣшательства съ ихъ стороны въ редакціонное дѣло и предвидѣли, что распаденіе произойдетъ на почвѣ организаціи администраціи журнала. Но я считалъ очень важнымъ показать, что въ принципіальномъ отношеніи нѣтъ причины враждебности существовать между нами. Второй проектъ программы „Впередъ!“ былъ написанъ именно въ тѣхъ видахъ, чтобы устранить по возможности всякую явную враждебность и устраивать между двумя фракціями мирный modus vivendi. Этотъ проектъ имѣлось въ виду обсуждать сообща прежде всего; я надѣялся, что на этой почвѣ соглашеніе возможно; а разъ оно было-бы признано, менѣе острымъ становился уже дальнѣйшій вопросъ о способѣ веденія редакціоннаго дѣла, способъ, на которомъ расколъ былъ почти неизбѣженъ. Не желаю входить въ обсужденіе возможныхъ причинъ, по которымъ представители бакунистовъ не соглашались на этотъ порядокъ обсужденія вопросовъ, но они потребовали постановки на первую очередь вопроса о редакціонномъ дѣлѣ. Расколъ совершился, и принципіальная сторона изданія вовсе не была обсуждаема сообща, такъ что во все продолженіе су-

препятствія. Молодые люди имѣли меньше поводовъ промѣнять русскіе университеты на иностранные, но, съ другой стороны, возникшее среди русскихъ женщинъ стремленіе въ Цюрихъ не могло не захватить хотя отчасти и молодыхъ людей; съ другой же, туда влекло-какъ вообще влечетъ многихъ русскихъ за границу - желаніе подышать хотя нѣсколько лѣтъ свободно, не опасаясь доносовъ, обысковъ и арестовъ, въ республикѣ, на которую не распространялось вліяніе ростущей въ Россіи реакціи. Всѣ поводы, которые вызывали на родинѣ университетскія вол-

---

ществованія бакунистовъ и впередовцевъ заграницею и въ Россіи никогда не было опредѣленнымъ образомъ установлено, въ чемъ существенно расходятся ихъ политическія и соціальныя программы, а столкновенія происходили по второстепеннымъ пунктамъ, какъ то по вопросу о важности или ненужности пріобрѣсти знанія, въ агитаціонной тактикѣ и т. п.

Когда расколъ произошелъ, и когда въ теченіи первой половины 1873 г. изъ Россіи приходили все болѣе опредѣленныя извѣстія о томъ, что кружки русской молодежи гораздо ближе къ взглядамъ „бунтарей“, чѣмъ „подготовителей“, когда болѣе близкое знакомство съ пріѣзжавшими изъ Россіи сторонниками „Впередъ!“ убѣдило меня, что въ самомъ персоналѣ этихъ сторонниковъ и въ ихъ тактикѣ существуютъ какія-то причины, способныя вредно подѣйствовать на успѣхъ нашего дѣла, я съ каждымъ днемъ болѣе убѣждался, съ какими огромными трудностями придется бороться редакціи его для поддержки его существованія и особенно для установленія ему нѣкотораго вліянія. Внутренно я вовсе не надѣялся тогда, что онъ просуществуетъ четыре года. Если-бы я за годъ передъ тѣмъ узналъ положеніе дѣла, какъ я узналъ его весною 1873 г., я бы навѣрно отклонилъ отъ себя это дѣло, не считая ни полезнымъ, ни возможнымъ начинать его. Если-бы это имѣло мѣсто въ октябрѣ 1872 г., то довольно сомнительно, чтобы я счелъ себя въ силахъ вести его при данныхъ условіяхъ. Но весной 1873 г. я уже не считалъ себя въ нравственномъ правѣ отказать въ моемъ самомъ живомъ содѣйствіи умной и энергической молодежи, сгруппировавшейся около органа, существовавшаго еще лишь въ общемъ планѣ, молодежи, разорвавшей со вчерашними товарищами, гораздо болѣе многочисленными и сильными, чѣмъ они, при чемъ, внѣ меня, на ихъ сторону не стала ни одна сколько-либо извѣстная литературная сила. Я чувствовалъ нравственную обязанность бороться всѣми своими силами вмѣстѣ съ людьми, ставшими около меня и добровольно подчинившимися моему единоличному руководству, когда мое прошедшее не давало имъ никакого ручательства въ моей компетентности для подобнаго *политическаго* дѣла. Я рѣшился взять на себя всю тяжелую отвѣтственность веденія „Впередъ!“ вмѣстѣ съ тѣми силами,

ненія, агитаціонныя попытки «Молодой Россіи» и «Великоросса», стремленіе соціалистовъ въ народъ и т. п., вырабатывали въ русской цюрихской молодежи, разъ она скоплялась здѣсь въ достаточномъ количествѣ, еще болѣе удобную почву для волненія, чѣмъ русскіе столицы и университетскіе города. Цюрихъ же, по сравненію съ другими заграничными центрами русскихъ колоній, имѣлъ то отрицательное преимущество въ отношеніи условій агитаціи, что онъ представлялъ сравнительно почву еще свѣжую; она не была заражена настолько, какъ Женева и ея окрестности, борьбою старыхъ фракцій 1864—70 годовъ, борьбою, которая въ Романской Швейцаріи сохранила элементы переживанія несравненно болѣе прочные, чѣмъ зародыши якобинизма, существовавшіе въ Цюрихѣ. Собственно въ Цюрихъ русская молодежь ѣхала учиться и только учиться, какъ съ этой же цѣлью, въ предшествующее и въ это самое время, рвалась она въ русскіе университеты, а женщины въ Россіи пытались завоевать себѣ право учиться рядомъ съ мужчинами въ этихъ университетахъ и въ медицинской академіи. Но

которыя были на лицо, пока болѣе важныя, принципіальныя причины не явились-бы помѣхою продолженія этого сотрудничества.

Подъ этимъ вліяніемъ я написалъ для печати третью программу „Впередъ!“ какъ изданія, задачей котораго было — „подготовлять“ соціально-революціонный переворотъ въ Россіи.

На меня сильно нападали за эти три *различныя* программы „Впередъ!“. Эти нападки были-бы вполнѣ справедливы лишь въ томъ случаѣ, если бы въ этихъ программахъ во всѣхъ трехъ случаяхъ имѣлась въ виду одна и таже цѣль. Но дѣло было совсѣмъ иное. Первая программа была программой предполагавшагося изданія, исходящаго изъ русскаго литературнаго радикализма 60-хъ годовъ, выступающаго теперь какъ боевая партія въ подпольной литературѣ въ 1872 г. Личныя мнѣнія редактора были здѣсь элементомъ второстепеннымъ. Вторая программа была программою изданія, которое, не подчиняясь многимъ пунктамъ бакунизма 1872 г., имѣло въ виду сохранить единство соціально-революціоннаго движенія въ Россіи въ принципіальномъ отношеніи: личные взгляды редактора могли въ ней проявиться лишь въ той мѣрѣ, въ какой они не вредили этому единству. Лишь третья программа была личною программою редактора, принимавшаго полную и исключительную отвѣтственность за помѣщеніе въ изданіи одного и за непомѣщеніе другого.

историческое движеніе въ эту же самую эпоху неизбѣжно вело къ тому, чтобы во всякомъ скопленіи живой молодежи, по какому бы поводу оно ни произошло, возникало теченіе мысли, съ одной стороны, оппозиціонное правительству, съ другой—получающее соціалистическую окраску, особенно въ Европѣ, гдѣ съ половины 60-хъ годовъ вся историческая жизнь стала все болѣе обусловливаться вопросами соціализма. Иниціаторки научнаго движенія русскихъ женщинъ въ Цюрихѣ напрасно просили соціалистическихъ агитаторовъ оставить Цюрихъ въ сторонѣ, чтобы не мѣшать тамошнему скопленію молодежи въ виду *научныхъ* занятій. Онѣ правильно предвидѣли, что русское правительство разгромитъ этотъ *научный* центръ, какъ только онъ сдѣлается центромъ соціальной и политической агитаціи. Но не возникнуть эта агитація не *могла*, какъ только произошло скопленіе русскихъ интеллигентныхъ силъ. Если бы дѣло шло не объ основаніи «Впередъ!», эта агитація происходила бы на почвѣ сталкновеній (тогдашняго) анархизма съ марксистами, на почвѣ нечаевщины, на почвѣ полусоціалистическихъ якобинскихъ фракцій, подобныхъ тѣмъ, которыя стояли на первомъ планѣ въ 1864—72 годахъ. Такъ или иначе, въ сферѣ безстрастной науки, чуждой политическимъ вопросамъ, *не могла* оставаться приливающая туда молодежь, а потому и вполнѣ реакціонное въ 70-хъ годахъ правительство Александра II *не могло* предоставить безпрепятственно русской молодежи ѣхать въ Цюрихъ «учиться».

Какъ бы то ни было, но, вслѣдствіе комбинаціи указанныхъ поводовъ, въ концѣ 1872 и въ 1873 года въ Цюрихѣ образовалась довольно многочисленная колонія русской учащейся молодежи. Часть города, носящая названіе Оберштрассэ, особенно улица Флюнтернъ, сдѣлалась какъ бы русскимъ городомъ. Въ аудиторіяхъ университета и политехникума (преимущественно въ медицинскомъ факультетѣ), на улицахъ, на Цюрихскомъ озерѣ слышалась сплошь да рядомъ русская рѣчь. По вечерамъ распѣвали русскія пѣсни. На высотахъ Форстгауэра, откуда открывался великолѣпный горизонтъ, окаймленный Сентъ-Галльскими Альпами, каждый вечеръ изъ наборной «Впередъ!» шли съ пѣснями группы моло-

дыхъ наборщицъ *). Въ ихъ рядахъ были очень многія изъ тѣхъ, которыя должны были черезъ нѣсколько лѣтъ выступить въ процессѣ 50 (Бардина, Лидія Фигнеръ, двѣ Любатовичъ, три Субботины, Александрова, Каминская и др.) Онѣ тогда уже образовали болѣе сплачивающуюся группу, о которой я еще скажу ниже. Брэмеръ-Шлюссель былъ центръ бакунистовъ, гдѣ руководящею личностью былъ Россъ (Сажинъ), которому Бакунинъ передалъ почти всю русскую отрасль своихъ дѣлъ, и въ кругу товарищей котораго были особенно замѣтны Смѣцкая, Ралли, Гольштейнъ, Эльсницъ. Двѣ русскія библіотеки были открыты для сторонниковъ двухъ соперничающихъ фракцій. До 200 слушателей собиралось на русскіе рефераты о «роли славянъ въ исторіи», о «началахъ христіанства», объ «эволюціи мысли вообще», и на пренія по разнымъ текущимъ вопросамъ. Здѣсь, въ аудиторіи часто присутствовала Вѣра Фигнеръ, въ которой ничто еще не позволяло предвидѣть одну изъ самыхъ крупныхъ будущихъ дѣятельницъ русскаго революціоннаго движенія. Она и многія другія (въ томъ числѣ и Александръ Кропоткинъ) стояли внѣ соперничающихъ фракцій или поддерживали пріятельскія сношенія съ обѣими.

Конечно, это скопленіе молодежи, совершенно неопытной и проникнутой за немногими исключеніями, лишь аффектомъ служенія обществу и великимъ идеямъ, не могло не представлять въ иныхъ случаяхъ нѣсколько комичныхъ явленій, тогда какъ въ другихъ можно было въ нѣкоторыхъ группахъ разглядѣть уже зародыши будущаго общественнаго героизма. Явленія перваго рода вызывали юмористическіе очерки въ умахъ трезвыхъ, долженствовавшихъ въ послѣдующее время оставить рѣзкую черту въ исторіи русскаго движенія.

Такъ, Вѣра Фигнеръ впослѣдствіи писала объ этой эпохѣ, между прочимъ:

«Кажется, я не *неглижировала* своимъ образованіемъ: въ Цюрихѣ была даже членомъ особеннаго ферейна изъ однѣхъ женщинъ, русскихъ студентокъ, цѣлью котораго

*) Ниже я называю лишь тѣхъ, которыхъ считаю себя въ правѣ назвать, такъ какъ ихъ роль въ тогдашнемъ движеніи вполнѣ извѣстна правительству.

было тоже научиться логически говорить, потому мужчины и не допускались, какъ конкуренты, которые своимъ краснорѣчіемъ и вѣками накопленной логикой могли препятствовать нашимъ упражненіямъ. И мы упражнялись, увѣряю, добросовѣстно; читали рефераты о самоубійствѣ и о Стенькѣ Разинѣ, о Кабэ и Сенъ-Симонѣ; спорили до хрипоты о теоріи ренты Рикардо, о законѣ народонаселенія Мальтуса и распустили ферейнъ, только дойдя до вопроса о томъ, должно ли при соціальномъ переустройствѣ разрушить цивилизацію, или можно отнестись къ ней снисходительно и сохранить ее для обновленнаго человѣчества. Этотъ вопросъ такъ глубоко затронулъ страсти, что мы точно бѣлены объѣлись: нѣкоторыя пролили даже кровь—не ужасайтесь: изъ носу отъ волненія, а не отъ удара съ чьей-нибудь стороны, спорили, спорили, никакъ не могли перекричать другъ друга, раздѣлились на партіи, объявили, что примиреніе невозможно (о логикѣ и забыли, но, вѣроятно никто не сомнѣвался, что она на его сторонѣ), и послѣ этого уже не собирались вмѣстѣ. Этотъ ферейнъ былъ потомъ окрещенъ названіемъ «дикій», быть можетъ, благодаря нападкамъ на цивилизацію, быть можетъ, потому что изъ него были исключены мужчины, что могли находить несообразнымъ съ идеей равноправности, столь присущей XIX вѣку. Я была тогда умѣренной, стояла за цивилизацію, находя довольно жестокимъ заставлять человѣчество вновь завоевывать то, что оно пріобрѣло съ такими жертвами; но другимъ казалось, что въ ней то и кроется корень соціальныхъ бѣдствій».

Отрывокъ (сравнительно длинный) изъ другого письма ея о цюрихскомъ періодѣ приводится здѣсь цѣликомъ, такъ какъ онъ представляетъ интересную иллюстрацію простыхъ дружески-юмористическихъ отношеній, существовавшихъ между молодыми дѣвушками, изъ которыхъ чуть-ли не всѣ должны были черезъ немногіе годы играть весьма серьезную роль въ русскомъ движеніи.

«Однажды за границей Лидія, я и еще 6 студентокъ отправились вонъ изъ Цюриха, чтобы прожить мѣсяцъ-два гдѣ нибудь въ уединеніи. Мы совершили забавную поѣздку, чему немало способствовало то, что, куда мы ни появлялись, всюду мы производили сенсацію, прояв-

лявшуюся толпой гаменовъ, шествовавшихъ за нами по пятамъ. Такъ мы прибыли пѣшечкомъ въ мѣстечко Лютри, недалеко отъ Невшателя; случай привелъ насъ при поискахъ квартиры въ опустѣвшій по случаю вакацій пансіонъ для дѣвицъ, гдѣ мы за сходную цѣну и поселились. Это было немного смѣшно, потому что отвели двѣ комнаты, гдѣ 8 кроватей составляли настоящій дортуаръ; питали насъ кофеемъ и салатомъ, такъ какъ M-lle Auguste, старая дѣва, стоявшая во главѣ воспитательнаго заведенія, считала, вѣроятно, что для того, чтобы у ея питомицъ духъ былъ бодръ, плоть должна быть немощна, но, какъ вамъ извѣстно, молодые люди, если не отличаются дурнымъ аппетитомъ, то отличаются способностью переносить стоически физическія бѣдствія, и мы переносили, бѣгая тайкомъ въ лавочку за хлѣбомъ, чтобы усмирить желудки, требовавшіе чего нибудь болѣе положительнаго, чѣмъ различнаго рода и въ различныхъ видахъ салатъ. Такъ же терпѣливо сносили мы и то, что передъ вкушеніемъ онаго салата должны были выслушивать молитву, которую M-lle Auguste произносила съ чувствомъ, закрывая глазки и сложивъ руки подъ ложечкой, символически указывая, что тутъ находится первая станція, куда отправится салатъ. Мы были тогда въ возрастѣ, который характеризуется словами: «духовной жаждою томимъ», и находились въ полномъ разгарѣ изученія рабочаго вопроса въ теоріи и на практикѣ. Поэтому засѣданія Невшательской секціи Интернаціонала имѣли для насъ самую непреодолимую силу притяженія. Изъ этого, можно сказать, вытекало драматическое положеніе для насъ, какъ особъ, имѣющихъ пріютъ въ пансіонѣ если не благородныхъ, то, во всякомъ случаѣ, платящихъ нѣсколько сотъ франковъ въ годъ— дѣвицъ. Въ первый же разъ, когда мы отправились на вечернее собраніе, оставшіяся сдѣлались свидѣтельницами сильныхъ душевныхъ потрясеній. Надо вамъ сказать, что Швейцарія самая буржуазная страна въ свѣтѣ по отношенію къ почитанію всего условнаго, приличій и формальной внѣшности, кодексъ которой доходитъ до грубо-смѣшного. Въ 9 часовъ, когда мирные обитатели Лютри уже задремали, а наши и не думали возвращаться, въ пансіонѣ обнаружилось безпокойство, кото-

рое къ 10-ти перешло въ волненіе, а къ 11-ти въ смятеніе, когда въ зданіи мелькали тѣни и огни, въ воздухѣ пахло нашатырнымъ спиртомъ и гофманскими каплями, maman M-lle Auguste завѣдывавшая экономическою частью, металась въ безпокойствѣ изъ комнаты въ комнату, произнося спичи на тему: «что скажетъ княгиня Марья Алексѣевна!» и изображала всѣмъ, имѣющимъ уши слышать, меланхолическую картину погибели репутаціи ея заведенія и провозглашала свое благосостояніе руинированнымъ. А наши пріятельницы, со спокойнымъ духомъ и надеждами на будущее счастье человѣчества, распѣвали себѣ Карманьолу съ M. Guillaume. Къ довершенію всего ночью собралась гроза, и электричество совершенно уже гальванизировало почтенныхъ матронъ. Наконецъ, наши явились (я оставалась дома) и съ облаковъ попали подъ самыя бурныя объясненія, описывать которыя я не берусь: мое перо, какъ говорятъ всѣ порядочные авторы, отказывается служить. Могу сказать только, что нашей общей тетушкѣ Бардиной пришлось выдержать самую упорную баталію, которая кончилась, однако, съ честью, и въ результатѣ была заключена конвенція, примирившая враждующія партіи до конца оплаченнаго мѣсяца. Но все это я пишу между прочимъ, а главное то, что, живя въ количествѣ 8-ми душъ въ 2-хъ комнатахъ, мы хорошо узнали нравы другъ друга и открыли одинъ феноменъ, проявляемый особой, которую мы по пріятельски звали «гусаромъ» за храбрость и за черты лица, которымъ кудрявые, по мужски остриженные волосы и костюмъ, который вы у Лидіи называли одеждой монастырскаго служки, придавали дѣйствительное сходство съ юношей. Вотъ, бывало по утру спрашиваешь ее: „Гусаръ, который часъ?» Гусаръ смотритъ во всѣ глаза и молчитъ. Еще разъ говоришь: „Гусаръ, который часъ?“ Молчитъ. Наконецъ, съ досадой крикнешь еще: „Неужели трудно сказать человѣку, который часъ, когда часы подлѣ васъ?“ Тогда, послѣ промежутка чего-то неопредѣленнаго и которое я могу сравнить только съ тѣмъ, что продѣлываютъ дешевые стѣнные часы сельскихъ школъ и волостныхъ правленій, которые сначала зашипятъ, засвистятъ и, только возбудивъ ваше вниманіе до nec plus ultra,

пробьютъ разъ, два.... тогда раздается съ оригинальной интонаціей: „Вы знаете, я по утрамъ не говорю?!“ Во первыхъ, мы не знаемъ, во вторыхъ, почему это? И почему по утрамъ? Все это осталось не разъясненнымъ и, признаться, забавляло насъ, вызывая взрывы хохота. Хохотала и я...., но теперь я поняла, что можно не говорить не только по утрамъ, но и по полднямъ, по вечерамъ и по цѣлымъ днямъ“.

Именно на группѣ, которая охватила очень многихъ лицъ, упомянутыхъ въ этомъ письмѣ (впрочемъ не Вѣру Фигнеръ и «гусара»), я позволю себѣ нѣсколько долѣе остановиться, потому что, независимо отъ крупной роли этой группы въ движеніи послѣдующихъ годовъ, именно въ ней въ Цюрихѣ произошло подобное же сплоченіе въ виду коллективной дѣятельности въ Россіи, которое имѣло мѣсто и въ кружкахъ въ самой странѣ, о которыхъ сказано было выше.

Членовъ этой группы сблизили не только общія жизненныя убѣжденія, но и горячія личныя симпатіи. Біографы Бардиной и Бэти Каминской характеризовали интимную жизнь этого кружка слѣдующимъ образомъ («Общ.», № 6—7,70; «Бард.» 7 и слѣд.):

„Эти женщины имѣли каждая свою индивидуальную физіономію. Одинѣ выдѣлялись своимъ сильнымъ, ясныхъ умомъ, другія—непреклонною настойчивостью..., третьи удалью и храбростью, четвертыя — пламеннымъ энтузіазмомъ».

Въ Цюрихѣ, гдѣ онѣ сошлись, о каждой изъ нихъ можно было сказать то, что біографъ говорилъ о Бэти Каминской:

«Въ Цюрихѣ встрѣтилъ ее новый міръ, въ которомъ вопросы, такъ смутно волновавшіе ее еще въ родной глуши, волнуютъ и другихъ. Она встрѣтилась здѣсь съ нѣсколькими студентками, такими же молодыми, какъ она, съѣхавшимися съ разныхъ концовъ Россіи, гонимыми тѣми же стремленіями, и незамѣтно сблизилась съ ними. Вскорѣ это сближеніе перешло въ самую тѣсную дружескую связь. Въ ихъ молодомъ и полномъ любви кружкѣ шли горячія бесѣды, чтенія и рефераты по рабочему вопросу.

Каминская и ея подруги сдѣлались самыми пламен-

ными прозелитками соціализма. Но это не были люди, способные удовлетворяться одними теоріями. Самыя теоріи интересовали ихъ только, какъ отвѣтъ на мучившіе вопросы жизни. Поэтому, на ряду съ теоретическими занятіями, шли планы практическаго примѣненія революціоннаго соціализма въ Россіи».

Біографъ Бардиной, далѣе останавливаясь на ихъ личныхъ отношеніяхъ, говоритъ:

«Въ средѣ будущихъ «Московокъ» (какъ зовутъ между собою соціалисты женщинъ московскаго процесса) преобладалъ особый видъ дружбы, который можно назвать *пансіонской*, потому что она отличалась такой исключительностью и экзальтированностью, какія обыкновенно встрѣчаются только между юными пансіонерками. Не то, чтобы эти дѣвушки были ужъ до такой степени юны: нѣкоторымъ было уже лѣтъ по двадцати. Но масса новыхъ, неизвѣданныхъ и глубокихъ ощущеній, нахлынувшихъ на эти молодыя впечатлительныя души, была слишкомъ велика, чтобы таиться въ ихъ собственной груди. Отсюда потребность въ интимной дружбѣ, которая при общей экзальтаціи, вызванной такимъ глубокимъ нравственнымъ переломомъ—естественно принимала тотъ оттѣнокъ восторженности и исключительности, который заставилъ бы улыбнуться болѣе спокойнаго наблюдателя.

Такимъ именно и была Бардина. Ея трезвый, насмѣшливый умъ не выносилъ никакой сантиментальности, и строгое критическое отношеніе къ себѣ и къ другимъ не допускало той безмѣрной идеализаціи, которая служитъ основою всякой черезчуръ экзальтированной дружбы. Бардина казалась гораздо старше, серьезнѣе своихъ лѣтъ среди этой зеленой молодежи, относившейся къ ней поэтому съ оттѣнкомъ почтительности. Въ кружкѣ у нея не было спеціальнаго друга, потому что она распредѣляла свою привязанность справедливѣе и потому равномѣрнѣе, что, конечно, должно было только способствовать ея общему вліянію на кружокъ. Однако съ двумя изъ своихъ подругъ она сошлась ближе, тѣснѣе, чѣмъ съ прочими — это были Лидія Фигнеръ и въ особенности Бети Каминская, ея «любимицы», какъ ихъ называли въ кружкѣ,

Характеренъ этотъ выборъ. Какъ Бети, страстная, порывистая южанка, напоминавшая своей экзальтаціей средневѣковыхъ пророчицъ, такъ и Лидія, натура тихая, ровная, терпимая — обѣ онѣ были самымъ чистымъ воплощеніемъ того типа идеальныхъ, безгранично любящихъ и самоотверженныхъ женщинъ, который такъ часто вдохновлялъ собою поэтовъ и романистовъ. Казалось, трудно было подыскать контрасты болѣе полные, чѣмъ между Бардиной и ея пріятельницами. А между тѣмъ, какъ это всегда бываетъ между близкими друзьями, при всемъ ихъ внѣшнемъ различіи, онѣ, въ сущности, имѣли между собою много общаго. Одна изъ нихъ—Каминская—вѣдь и кончила, подобно Бардиной, самоубійствомъ и при томъ подъ вліяніемъ весьма сходныхъ, чисто идейныхъ, мотивовъ; у обѣихъ служеніе извѣстнымъ идеаламъ было насущной потребностью, помимо которой жизнь теряла всякій смыслъ; у обѣихъ основою характера была строгая правда и прямота по отношенію къ себѣ и своимъ обязанностямъ,—съ тою только разницею, что у одной это вытекало непосредственно, изъ нѣжной любвеобильной натуры, тогда какъ у другой это вылилось въ болѣе суровую форму сознательныхъ нравственныхъ обязательствъ предъ собственной совѣстью».

Таковъ былъ въ его первоначальномъ образованіи и развитіи кружокъ тѣхъ, которымъ тогда давали кличку «фричей» (чуть-ли не по имени хозяйки дома, гдѣ жили вмѣстѣ многія изъ нихъ) и которыя впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, вошли въ исторію подъ именемъ «московокъ» процесса 50 *).

*) По моимъ личнымъ воспоминаніямъ именно разсказъ объ этихъ молодыхъ энтузіасткахъ, посвящавшихъ свое время, свои силы и отчасти свои средства на дѣло, которому онѣ начинали служить, вызвали у Ивана Сергѣевича Тургенева внезапное и вполнѣ самостоятельное рѣшеніе помогать изданію „Впередъ!“ взносомъ 500 франк. въ годъ, что исполнялось имъ до 1876 г. включительно. Ни съ какою „просьбой о содѣйствіи“ никто никогда къ нему не обращался. Документы по этому дѣлу, сообщеніе о которомъ въ парижской „Justice“ въ самый день отпѣванія Ивана Сергѣевича на rue Daru, вызвало противъ меня громы русской прессы, были показаны нѣсколькимъ, всѣми уважаемымъ, моимъ соотечественникамъ, которые, можетъ быть, въ свое время найдутъ возможнымъ засвидѣтельствовать это.

Въ концѣ 1873 г. русская колонія въ Цюрихѣ была такъ значительна, что явилась мысль пріобрѣсти домъ, гдѣ могли бы происходить собранія, помѣщалась-бы библіотека и т. п. Эта афера оказалась очень неудачной въ денежномъ отношеніи особенно послѣ того, какъ надъ цюрихскими студентами грянулъ громъ изъ Россіи.

Въ русскихъ газетахъ онѣ прочли оффиціальное объявленіе, что русское правительство требуетъ, чтобы онѣ оставили Цюрихъ, причемъ оказавшимся непослушными грозило запрещеніе держать въ Россіи экзаменъ на доктора и получать дозволеніе заниматься тамъ медицинскою практикою. Съ первую минуту можно было сомнѣваться, не поведетъ ли энтузіазмъ, волновавшій тогда русскую молодежь, къ крупному фактическому протесту противъ абсолютизма и не вызоветъ ли подобный протестъ, заявленный въ минуту увлеченія, при недостаточномъ взвѣшиваніи послѣдствій, новаго слоя эмиграціи. Редакторъ «Впередъ!» немедленно созвалъ собраніе русской колоніи, стараясь въ рѣчи уяснить положеніе дѣлъ, побудить слушательницъ обдумать послѣдствія того или другого своего рѣшенія и принять это рѣшеніе съ полнымъ сознаніемъ возможныхъ результатовъ. Александръ Кропоткинъ обратился къ нимъ съ убѣдительною просьбою дѣйствовать не сейчасъ, а давъ себѣ время обсудить поступокъ. Большинство рѣшилось подчиниться. Собственно научнымъ занятіямъ русскихъ женщинъ за границей этотъ погромъ не повредилъ. Пріобрѣтенный въ Цюрихѣ опытъ былъ только перенесенъ въ другіе города Швейцаріи и Франціи, а такъ какъ присутствіе русскихъ женщинъ въ мужскихъ аудиторіяхъ не было уже для Европы новостью, то и оппозиція студентовъ-мужчинъ этому присутствію оказалась несравненно слабѣе, чѣмъ она была сначала въ Цюрихѣ или даже въ Петербургской Медицинской Академіи (когда одна С. была студенткою въ обоихъ этихъ мѣстахъ). Бернъ, Базель, Женева, наконецъ Парижъ сдѣлались почвою болѣе широкаго продолженія дѣла, начатаго въ Цюрихѣ. Въ Парижѣ даже русскій посланникъ, князь Орловъ, содѣйствовалъ открытію медицин-

ской аудиторіи для русскихъ женщинъ *). Почва для научныхъ занятій русскихъ женщинъ заграницей значительно расширилась. Однако, русское правительство не смягчилось ихъ покорностью, оно, напротивъ, исполняло для *всѣхъ* ихъ ту угрозу, которую высказало для цюрихскихъ студентокъ лишь на случай ихъ ослушанія. Женщины-доктора всѣхъ европейскихъ университетовъ потеряли черезъ нѣсколько лѣтъ возможность держать въ Россіи экзаменъ на доктора и заниматься медицинской практикой *). Въ 1873 г. русскія цюрихскія студентки покорились. Однако, эта покорность имѣла въ нѣкоторыхъ случаяхъ особый смыслъ. «Фричи», о которыхъ сказано выше, рѣшили вернуться въ Россію и, оставивъ мысль о дипломахъ, нести въ русскій народъ «благую вѣсть» соціализма: это были ученицы будущаго процесса 50. Большинство остальныхъ разъѣхалось по другимъ университетамъ. Цюрихская русская колонія быстро уменьшалась въ числѣ и измѣнилась по характеру. Въ ней стали проявляться тѣ же болѣзненныя явленія скопленія эмигрантовъ, которыя имѣли мѣсто въ разныхъ мѣстахъ въ эмиграціи 1863—72 годовъ. Почва Цюриха сдѣлалась неблагопріятною для дальнѣйшей редакціонной работы, а давленіе русскаго правительства на маленкій кантонъ, выдавшій въ 1872 г. Нечаева, становилось чувствительно и для издателей «Впередъ!». Они перенесли типографію и редакцію въ Лондонъ, гдѣ она и оставалась до прекращенія изданія «Впередъ!», т. е. до 1877 года.

---

*) Въ благодарность за эту помощь одна бывшая бакунистка, получившая степень доктора въ Парижѣ, посвятила свою докторскую тезу посланнику русскаго императора (при чемъ, впрочемъ, раздавала пріятелямъ экземпляры этой тезы, вырвавъ изъ нихъ это посвященіе: у меня были въ рукахъ экземпляры того и другого рода).

**) Интересно было-бы угадать, какъ поступили-бы въ 1872 г. студентки, изгоняемыя изъ Цюриха русскимъ правительствомъ, если бы онѣ предвидѣли, что черезъ нѣсколько лѣтъ русскія женщины, учащіяся за границею, вообще будутъ поставлены въ подобное положеніе. Какъ бы то ни было, но въ 1873 г. энтузіазмъ русской цюрихской молодежи, бросившейся толпами „въ народъ“, въ 1874 г. не дошелъ еще до достаточной степени.

Впродолженіе всего времени, пока центръ русскаго заграничнаго движенія оставался въ Цюрихѣ, и послѣ 1874 г. всѣ фракціи дѣйствовали энергически, проводя каждая свое мнѣніе.

Первый печатный листокъ, вышедшій изъ типографіи „Впередъ!“ было обращеніе къ «Русскимъ Цюрихскимъ студенткамъ» по поводу только-что указаннаго погрома (именно рѣчь, произнесенная при этомъ редакторомъ). Затѣмъ въ іюлѣ 1873 г. появился первый томъ непериодическаго изданія «Впередъ!», въ мартѣ 1874 г. второй. Тогда же изданы «Письма безъ адреса» Чернышевскаго.

Бакунисты издали въ 1873 г. «Государственность и Анархія», «Историческое развитіе Интернаціонала», въ 1874 г. «Анархія и Прудонъ». Къ той-же фракціи, но, насколько извѣстно, независимо отъ вліянія Бакунина, принадлежала «Революціонная группа русскихъ анархистовъ», издавшая брошюры: „Къ русскимъ революціонерамъ“ (1874) и «Парижская Коммуна» (1874).

Женевская типографія выпустила, какъ было сказано выше, 17 изданій.

Якобинцы издали 7 каррикатурныхъ листковъ, направленныхъ сообща противъ редактора „Впередъ!“ и противъ бакунистовъ (особенно Росса), причемъ иныя изъ этихъ каррикатуръ были довольно остроумны съ точки зрѣнія издателя.

Всѣ эти фракціи сносились съ Россіей приблизительно одними и тѣми же путями и, большею частью, при помощи однихъ и тѣхъ же посредниковъ на границѣ, которые получали и переправляли въ Россію транспорты изданій, войдя въ сношенія съ контрабандистами. Въ этой спеціальной функціи особенную благодарность отъ всѣхъ фракцій заслужила тогда Зунделевичъ и Финкельштейнъ Литвиновъ. И въ Россіи пути распространенія изданій для всѣхъ фракцій были почти одни и тѣ-же. Большее или меньшее распространеніе имѣли въ пропагандистскихъ и агитаціонныхъ кружкахъ тѣ или другія изданія не потому, отъ какой заграничной фракціи они получались, но потому, насколько они соотвѣтствовали настроенію молодежи въ Россіи въ это время. Такъ какъ рядомъ съ пропагандо-живымъ словомъ въ

народѣ, распространеніе книгъ, брошюръ и агитаціонныхъ листковъ было главнымъ дѣломъ русскихъ революціонеровъ этой эпохи, то очень быстро организовался способъ этого распространенія, весьма успѣшный и неизбѣжно ослабѣвшій въ послѣдующіе періоды движенія, такъ какъ самыя живыя силы направились тогда на другую дѣятельность. Годы 1874 и 1875 представили въ этомъ отношеніи наилучшую организацію распространенія подпольной литературы. Хотя, конечно, и тутъ были провалы болѣе или менѣе чувствительные *).

Рядомъ съ организаціей распространенія въ Россіи подпольной литературы, довольно искусно были организованы и сообщенія русскихъ мѣстныхъ агитаторовъ съ заграничными группами (особенно съ Цюрихомъ и Женевой). Фабрикація фальшивыхъ паспортовъ процвѣтала. Личности, занимавшія вполнѣ легальное положеніе, являлись подъ фантастическими именами какъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, такъ и въ заграничныхъ русскихъ колоніяхъ. Интернированные въ уѣздныхъ горо-

*) Иные эпизоды были любопытны. Припоминаю одинъ изъ нихъ. Съ границы въ Петербургъ дали знать кружку впередовцевъ, что идетъ транспортъ съ книгами. Приняты были получателями надлежащія мѣры. Транспортъ былъ полученъ. При вскрытіи тюковъ оказались въ нихъ оберточная бумага, пакля и всякая дрянь. Печатнаго не было ничего. Между тѣмъ, не произошло ни обысковъ, ни новыхъ арестовъ, которые можно было бы сблизить съ этимъ, слѣдовательно, транспортъ не былъ въ рукахъ полиціи. Недоумѣвали, куда онъ дѣвался. Вдругъ въ Петербургѣ сталъ ходить слухъ, что въ одной мѣстной гимназіи (если не ошибаюсь, въ Динабургѣ) чуть не у каждаго гимназиста находятся новыя изданія впередовцевъ, что они находятся тамъ у всѣхъ грамотныхъ и продаются по невѣроятно дешевой цѣнѣ. Очень скоро, конечно, объ этомъ узнало начальство гимназіи и запрещенную литературу изъяло изъ обращенія. Оказалось, что шайка воровъ выкрала со станціи тюки, думая найти тамъ цѣнный товаръ, и очень разочаровалась, найдя печатные листы. При отсутствіи всякаго знакомства съ политическимъ характеромъ этой литературы, воры не догадались, какъ извлечь изъ нея выгоду, и стали простодушно продавать на рынкахъ и грамотнымъ людямъ вообще (а гдѣ же въ Динабургѣ грамотные, внѣ гимназіи?) за нѣсколько копѣекъ преступный товаръ. Насколько помню, петербургскимъ кружкамъ впередовцевъ удалось все таки, по полученіи извѣстія, добыть нѣкоторую долю непроданнаго еще транспорта.

дахъ находили, если желали этого, готовые способы бѣжать за границу. Изъ болѣе крупныхъ новыхъ эмигрантовъ въ связи съ соперничествомъ заграничныхъ фракцій, слѣдуетъ упомянуть о появленіи въ Цюрихѣ въ первые мѣсяцы 1873 г. Соколова, около начала 1874 г.— Ткачева.

Первый немедленно вошелъ въ ряды бакунистовъ, сталъ однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ порицателей Лассаля и Маркса, и вскорѣ безобразнымъ фактомъ кулачной расправы съ секретаремъ редакціи «Впередъ!» (при содѣйствіи или попущеніи нѣсколькихъ крупныхъ бакунистовъ), вызвалъ такое возмущеніе въ русской цюрихской колоніи (совершенно помимо политическаго направленія тѣхъ или другихъ лицъ), что на русскомъ собраніи колоніи, огромнымъ большинствомъ постановлено было требовать отъ кружка бакунистовъ, чтобы они удалились изъ Цюриха (конечно это постановленіе ограничилось *моральнымъ* дѣйствіемъ). Пріѣздъ въ Цюрихъ Бакунина на помощь своимъ сторонникамъ оказался безуспѣшнымъ. Вражда фракцій получила такой острый характеръ, что вызвала цѣлый рядъ печальныхъ явленій, отчасти трагикомическихъ. Они послужили точкой исхода и такимъ позднѣйшимъ эпизодамъ (въ концѣ 1873 года и въ началѣ 1874 г.), которые мало по малу исказили идейный характеръ русскаго цюрихскаго движенія, позволили появиться среди колоніи группамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ политическими и соціальными задачами русскаго общества (вродѣ группы „негодницы“) и окончательно къ веснѣ 1874 г. (послѣ разъѣзда изгнанныхъ студентокъ и перехода въ мартѣ типографіи и редакціи «Впередъ!» въ Лондонъ) отняли у Цюриха всякое серьезное вліяніе на русское движеніе.

Ткачевъ, напротивъ, пріѣхалъ какъ сотрудникъ «Впередъ!», и изъ разговоровъ его можно было заключить, что онъ какъ бы присланъ русскими кружками (собственно, не сторонниками «Впередъ!») для внесенія въ это изданіе элемента, болѣе соотвѣтствующаго настроенію духа въ русской молодежи *). Редакція приняла

*) По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, едва-ли, впрочемъ, онъ имѣлъ какое-либо опредѣленное порученіе этого рода.

съ удовольствіемъ сотрудничество талантливаго литератора. Во второмъ № изданія помѣщена была его статья («Изъ Великихъ Лукъ»), другая встрѣтила такое недовольство въ членахъ кружка ближайшихъ сотрудниковъ и наборщиковъ, что редакція, не имѣвшая ни малѣйшаго повода противодѣйствовать этому настроенію, устранила статью. Ткачевъ переѣхалъ съ редакціей въ Лондонъ, поселился вмѣстѣ съ нею и лишь, при первомъ распредѣленіи работъ для третьяго тома непериодическаго изданія заявилъ такія требованія относительно вліянія на общее веденіе редакціонныхъ дѣлъ, что немедленно обнаружилась полная невозможность работать вмѣстѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ разрыва появилась—заготовленная, очевидно, уже ранѣе—брошюра Ткачева «Задачи революціонной пропаганды въ Россіи» (апрѣль 1874 г.), на которую редакторъ «Впередъ!» счелъ необходимымъ (несмотря на свое отвращеніе къ журнальной полемикѣ) немедленно отвѣтить брошюрой «Русской соціально-революціонной молодежи». Русскій якобинизмъ заграницей получилъ начало, какъ направленіе прямо враждебное и «подготовителямъ» и «анархистамъ», и отодвигающее задачи соціализма въ Россіи на второй планъ. Въ слѣдующемъ году появился его органъ «Набатъ»; онъ продолжался съ перерывами до 80-хъ годовъ, причемъ группою «Набата» отдѣльно изданы сборникъ статей (большею частью Ткачева) «Анархія мысли», «Ораторы бунтовщики» и т. дал., «Матеріализмъ и идеализмъ въ политикѣ» Амори (Турскаго), нѣсколько переводныхъ работъ и т. п.

Германъ Лопатинъ, появившійся заграницей изъ Иркутска въ 1874 г. не присталъ, какъ дѣятельный членъ ни къ одной изъ фракцій, враждовавшихъ между собою за границею, но близкія дружественныя отношенія его къ редактору «Впередъ!» позволяли ему сотрудничать въ послѣднемъ и оказывать самое разнообразное содѣйствіе его редакціи, какъ дѣломъ, такъ и совѣтомъ. Ему обязана была редакція доставленіемъ рукопи Чернышевскаго «Прологъ къ Прологу» (1877), которую онъ привезъ изъ Сибири съ порученіемъ пославшихъ рукопись напечатать ее за границей.

Вообще сношенія группы «Впередъ!» съ Россіей къ концу 1874 г. ухудшились. Враждебность бакунистовъ при веденіи сообща дѣла въ Россіи и при общихъ опасностяхъ ослабѣла, а появленіе общаго литературнаго врага въ «Набатѣ» не могло не сблизить группы, бывшія одинаково соціалистическими. Сближеніе въ Лондонѣ съ Марксомъ, живыя сношенія съ нѣмецкими соціалъ-демократами дали сторонникамъ «Впередъ!» въ Европѣ прочное положеніе, на которое трудно было надѣяться его редактору въ концѣ 1872 года и при началѣ дѣла. Безсиліе, обнаруженное бакунистскою фракціей Интернаціонала въ Европѣ, организоваться помимо Генеральнаго Совѣта и устроить сколько-нибудь вліятельные конгрессы, отразилось и въ Россіи ослабленіемъ бакунизма, какъ опредѣленной партіи. Корреспонденціи начали въ большемъ количествѣ притекать въ редакцію «Впередъ!» Обѣщанія сотрудничества и матеріальной помощи были еще значительнѣе. Въ концѣ 1874 года редакторъ предложилъ своимъ товарищамъ по литературной и типографской работѣ перейти къ періодической формѣ изданія. Съ 1 января 1875 года стала появляться *газета* «Впередъ»! 1 и 15 каждаго мѣсяца. Тотъ самый энтузіазмъ, который толкалъ въ 1873—1875 годахъ въ Россіи толпы молодежи въ народъ, который вырабатывалъ изъ цюрихскихъ наборщицъ «Впередъ!» «московокъ» процесса 50 и воплощался предъ судьями въ рѣчахъ Бардиной, Алексѣева и др., тотъ-же самый энтузіазмъ поддерживалъ соціалистическое «подвижничество монастыря» на высотахъ Головэя. Тамъ неутомимо писалъ, въ одной комнатѣ, днемъ и ночью, первый секретарь редакціи Вал. Ник. Смирновъ. Тамъ, въ другой, работали на 4 кассахъ *) наборщики и наборщицы, иногда совершая невѣроятные подвиги. Когда же номеръ газеты былъ набранъ, и утомленные наборщики спали, тамъ до 3 и 4 часовъ ночи метранпажъ (Ал. Лог. Линевъ) подготовлялъ формы, которыя надо было утромъ отправить въ типографію, и отъ времени до вре-

*) Припоминаю одинъ фактъ: бывшій военный, по прозвищу „капитанъ“, никогда не занимавшійся наборомъ до пріѣзда въ Лондонъ, въ одни сутки набралъ, насколько помню, мой отвѣтъ Ткачеву.

мени спускался по лѣстницѣ въ кабинетъ редактора, чтобы сообща устранить возникшія затрудненія (выбросить двѣ-три лишнихъ строки или прибавить новыя для пополненія оставшагося на страницѣ мѣста, или же замѣнить слова съ слишкомъ большимъ числомъ буквы ц другими: шрифтъ былъ въ обрѣзъ, и этой несчастной буквы ц очень часто не хватало, и т. п.). Только этой неутомимости и этому энтузіазму можно приписать, что газета, издаваемая эмигрантами, при весьма немногочисленныхъ литературныхъ силахъ и при очень небольшихъ матеріальныхъ средствахъ, ни разу въ продолженіи двухъ лѣтъ не опоздала выходомъ *). Кромѣ толстаго № 3 непеpіодическаго изданія и 48 №№ газеты (за 1875 и 1876 года) въ это же время изданы особо: «Въ память столѣтія Пугачева», «По поводу Самарскаго голода», «Общественная служба въ будущемъ обществѣ», «Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ»; (это былъ собственно первый — и единственный — выпускъ № 4 «Впередъ!» непеpіодическаго изданія): «Хитрая механика» (2 изданія), «Мудрица Наумовна», «Прологъ къ прологу» Чернышевскаго (1877).

Внѣ издательскаго дѣла лондонская группа «Впередъ!», по мѣрѣ возможности, удѣляла часть своей дѣятельности и на дѣло непосредственной пропаганды. Въ ея Головэйскій монастырь являлись порою тайно представители разныхъ революціонныхъ или болѣе мирныхъ кружковъ русской оппозиціи; позже, какъ будетъ указано, и делегаты изъ дѣйствующихъ въ Россіи группъ. Тамъ можно было видѣть иногда Лизогуба съ его раздражительнымъ больнымъ пріятелемъ Ф. **), недопускавшимъ даже временнаго самостоятельнаго хозяйства общинъ изъ опасенія изъ конкуренціи, способной повредить соціалистической солидарности. Тамъ можно было встрѣтить послѣ разгрома 1874 г. новыхъ эмигрантовъ,

*) Я могу утверждать самымъ рѣшительнымъ образомъ, что безъ только что упомянутой неутомимой дѣятельности В. Н. Смирнова по литературной отрасли работъ и А. Л. Линева по технической „Впередъ!“ не просуществовалъ бы двухъ-трехъ мѣсяцевъ.

**) Объ этомъ Ф. мнѣ сообщали слухъ, будто бы онъ впослѣдствіи, занималъ временно руководящую роль въ какой-то раскольничьей сектѣ.

игравшихъ крупную роль въ движеніи въ народъ 1873—1874 годовъ, о которомъ будетъ сказано ниже. Можно было встрѣтить, вслѣдъ за его знаменитымъ бѣгствомъ, и П. Кропоткина, начинавшаго, послѣ своей дѣятельности въ Россіи въ кружкахъ чайковцевъ—анархистовъ, свою интернаціональную анархическую дѣятельность, доставившую ему міровую извѣстность. Оттуда шли проповѣдывать соціализмъ на собраніяхъ лондонскихъ евреевъ Либерманъ, пріѣзжавшій въ Лондонъ съ мыслью воспользоваться традиціей мессіанизма для толкованія ея въ смыслѣ соціализма, но скоро оставившій этотъ планъ для соціалистической пропаганды въ обычной формѣ, и Л. Гольденбергъ, оставившій женевскую типографію, причемъ подобная проповѣдь подвергала ихъ иногда и личной опасности среди евреевъ, фанатизированныхъ ихъ раввинами. Оттуда Либерманъ поѣхалъ въ Германію основать первый еврейскій соціалистическій органъ. Тамъ являлись временами наборщиками самыя разнообразныя личности: бывшіе военные, будущіе мирные медики или участники земскаго дѣла, уроженцы и уроженки Екатеринбурга или Кавказа. Оттуда заводились сношенія и съ экипажами русскихъ судовъ, пріѣзжавшихъ въ Лондонъ. Тамъ, подъ знаменемъ соціализма, русскіе братались на общественныхъ собраніяхъ съ поляками, сербами, чехами, и посылали вмѣстѣ прокламаціи въ Америку (о чемъ скажемъ ниже). Но, конечно, главнымъ дѣломъ были изданія.

Именно въ эту эпоху русское движеніе самымъ наглядньимъ образомъ развѣтвляется на двѣ отрасли, которыя можно разсматривать особо, хотя зависимость между ними никогда не исчезала. Тогда какъ въ заграничныхъ изданіяхъ шли преимущественно споры о теоретическихъ основахъ русскаго соціализма, и эти основы вырабатывались все болѣе опредѣленно (къ чему мы и переходимъ въ слѣдующей главѣ), въ Россіи всѣ эти теоретическіе вопросы заслонялись драмою жизненнаго движенія пропагандистовъ въ народъ и послѣдовавшихъ за тѣмъ погромовъ. Лишь въ концѣ эпохи, въ рѣчахъ, произнесенныхъ на судѣ обвиняемыми, оказалось возможнымъ констатировать, какая крѣпкая внутренняя связь существовала между указанными двумя отраслями.

3. «Впередъ!».

Чтобы судить о томъ, насколько заграничная группа издателей «Впередъ!» выполняла задачу, ею себѣ поставленную, приходится обратиться къ самому тексту ея изданій въ продолженіе четырехлѣтняго ихъ существованія.

Само собою разумѣется, что въ этотъ промежутокъ времени роль редакціи, по отношенію къ ея сторонникамъ въ Россіи, постепенно выяснялась и опредѣлилась. Программа перваго номера (I, 1—26) и обращеніе къ читателямъ, ей предшествовавшее (I, III—IV), носили въ себѣ ясные слѣды того, что участники редакціи смотрѣли на себя лишь, какъ на литературныхъ выразителей мнѣній группъ, существующихъ и дѣйствующихъ въ Россіи и обнимающихъ взгляды, въ значительной мѣрѣ разнообразные и сходящіеся лишь въ общихъ чертахъ.

«Это не дѣло лица; это не дѣло кружка; это дѣло всѣхъ русскихъ, сознавшихъ, что настоящій порядокъ политическій ведетъ Россію къ гибели; что настоящій общественный строй безсиленъ исцѣлить ея раны.

«У насъ нѣтъ именъ. Мы—всѣ русскіе, требующіе для Россіи господства народа, настоящаго народа; всѣ русскіе, сознающіе, что это господство можетъ быть достигнуто лишь народнымъ возстаніемъ и рѣшившіеся подготовить это возстаніе, уяснить народу его права, его силу, его обязанность.

«Много-ли насъ, мало-ли насъ—сочтете въ день настоящей борьбы.

«Мы—всюду: въ кружкѣ эмигрантовъ, оторванныхъ отъ родины, въ одинокой ссылкѣ, въ безлюдномъ городѣ, въ дальнемъ раззоренномъ селѣ, въ сонномъ уѣздномъ мѣстечкѣ, на базарѣ ярмарки, на площади столицы.....

«Мы далеко отъ васъ; мы среди васъ»....

Въ связи съ этой «безыменностью» лицъ, не считающихъ, что ихъ политическая программа вполнѣ опредѣлилась для читателей фактами ихъ прошлаго, рѣшено было не подписывать статей, а сама программа заключала въ себѣ не столько пункты дѣйствія литературнаго и агитаціоннаго, которые имѣли въ виду издатели, сколько предѣлы разногласія между сотрудниками, предѣлы, которые считаясь возможнымъ допустить при помѣщеніи статей въ *литературномъ* органѣ партіи, еще лишь организующейся въ Россіи. Къ этимъ предполагаемымъ сотрудникамъ обращалась программа со словами («Вп.» I, А., 2.):

«Мы хотѣли бы представить читателю нашу родину, какъ она есть, съ надеждами и стремленіями немногихъ, со страданіями громаднаго большинства, съ тупою спячкою ея «господствующихъ» классовъ, съ ея новоразросшимися паразитами спекуляторами, съ хищничествомъ ея «ташкентцевъ», съ разливающимся развратомъ ея «интеллигенціи», съ ея лицемѣрнымъ абсолютизмомъ, блестящимъ лишь поддѣльнымъ блескомъ, грознымъ лишь общественной апатіей и народнымъ долготерпѣніемъ, безсильнымъ при всемъ своемъ всемогуществѣ».

Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ начинаетъ проглядывать въ обращеніяхъ авторовъ статей къ читателямъ сознаніе, что указаній на дѣйствительныя русскія задачи трудно ожидать въ достаточной мѣрѣ отъ сотрудниковъ изъ Россіи; что между различными проявленіями движенія на родинѣ приходится выбирать и указывать тѣ, которыя пишущему кажутся наиболѣе цѣлесообразными.

Журналъ высказываетъ прямо, что его книжки предназначаются для «интеллигенціи» русской, для «привиллегированной среды» (II, 122), и что именно передъ этими «революціонерами изъ привиллегированной среды» возникаютъ «жгучіе вопросы», которые приходится рѣшать на родинѣ.

Проходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ и уясненіе роли журнала еще болѣе обозначается (III, Б, 148).

«Мы начали наше изданіе далеко неувѣренные въ его успѣхѣ. Мы сознавали многочисленныя препятствія, стояв-

шія на нашемъ пути. Мы знаемъ, что есть не мало людей, намъ сочувствующихъ. Съ большею смѣлостью мы продолжаемъ наше дѣло. Мы надѣемся, что останемся достойными сочувствія, намъ выказаннаго на родинѣ.

„Мы надѣемся, что никогда «Впередъ!» не сдѣлается органомъ тѣснаго и исключительнаго кружка, ареною личной полемики, но всегда останется лишь представителемъ большинства русской соціально-революціонной партіи, органомъ борьбы за опредѣленные принципы и противъ опредѣленныхъ принциповъ, или противъ индифферентизма и непониманія жизненныхъ вопросовъ современнаго общества".

Опредѣлился гораздо болѣе и кругъ читателей, который журналъ имѣлъ въ виду (III, 199):

„Мы обращаемся со нашимъ словомъ къ тѣмъ, кто стоитъ подъ знаменемъ соціальной революціи, и къ тѣмъ, кто хочетъ и еще можетъ стать подъ это знамя".

Съ перваго номера двухнедѣльной газеты редакція уже опредѣленно выставляетъ свое знамя, увѣренная, что это есть въ то-же время знамя „соціальной народной революціи", знамя всѣхъ „борющихся" въ Россіи (№ 1 и слѣд.), и уже отъ имени растущей революціонной силы въ Россіи говоритъ (№ 12, 359 и слѣд.), комментируя слова перваго призыва: „Много-ли насъ, мало-ли насъ" и т. д.:

„Мы не знали тогда числа нашихъ товарищей, не знаемъ его и теперь. Начиная дѣло съ ничтожными средствами, мы говорили себѣ: наше существованіе должно служить доказательствомъ того, что насъ много, потому что безъ этого мы не можемъ просуществовать и нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

„Прошло болѣе двухъ лѣтъ. *Мы существуемъ.*

„Мы сильны не богатствомъ — его можно отнять.

„Мы сильны потому, что мы *всюду*.....

„Мы говорили это тому два года, внутренно убѣжденные, что оно такъ. Мы повторяемъ это теперь, убѣжденные въ этомъ тѣмъ самымъ, что мы просуществовали.

Мы всюду..... Ищите насъ!..... *Мы всюду*..... Боритесь съ нами! Мы всюду; съ нами все живое.... И этимъ мы

побѣдимъ васъ, хотя у васъ есть капиталы, а у насъ ихъ нѣтъ".

Случайные корреспонденты начинаютъ ставить редакціи все болѣе широкія требованія: статей о „соціалистическихъ ученіяхъ", объ „исторіи Интернаціонала", объ „исторіи революціонной мысли и практики въ Россіи" (III, Б, 151). Затѣмъ чуть-ли не „цѣлой энциклопедіи соціальной революціи" (№ 30; 192). Но литературныя силы ея не умножаются, тѣмъ болѣе, что и для движенія въ Россіи, которое принимаетъ все болѣе активный, боевой характеръ, литературная работа становится болѣе второстепенною. Какъ органъ заграничный, „Впередъ"! достигъ къ концу 1875 года, едва ли не всего того, на что онъ могъ разсчитывать въ 1873 г. онъ занялъ признанное за нимъ мѣсто въ соціально-революціонной прессѣ Европы; онъ былъ оффиціально запрещенъ въ Германской Имперіи (№ 36, 385); катковскія „Московскія Вѣдомости" сдѣлались въ своихъ полемическихъ передовыхъ противъ него статьяхъ непроизвольнымъ органомъ распространенія его идей. Сходя въ концѣ 1875 года со сцены предъ измѣнившимся въ Россіи характеромъ движенія изъ пропагандистскаго въ боевое, газета «Впередъ!» могла попытаться опредѣлить свое мѣсто въ этомъ движеніи слѣдующимъ образомъ (№ 48; 781 и слѣд.).

„Его (изданія) жизнь внутренняя тѣсно связана съ гробужденіемъ революціоннаго движенія въ Россіи въ послѣдніе годы. Не „Впередъ!", конечно, пробудилъ его, ни одно изданіе, ни одна частная группа людей не можетъ вызвать историческое движеніе. „Впередъ"! былъ въ ряду другихъ изданій, другихъ вѣяній времени и побужденій, возникавшихъ рядомъ съ нимъ, однимъ изъ эпизодовъ этого движенія, однимъ изъ проявленій исторически возникшей потребности".

При этомъ былъ высказанъ и взглядъ на роль заграничнаго органа вообще въ развивающемся общественномъ движеніи и въ русскомъ движеніи, въ особенности, (№ 48: 784, 786), взглядъ, резюмированный въ слѣдующихъ положеніяхъ:

„1. Въ теоретическихъ руководящихъ принципахъ заграничная пресса можетъ и должна быть представи-

тельницею не только личныхъ мнѣній, но установившейся теоретической программы, на основаніи которой способенъ группироваться, дѣйствовать и организоваться въ партію значительный союзъ личностей, ставящихъ себѣ опредѣленную общественную цѣль.

„2. Въ теоретико-практическихъ общихъ планахъ дѣятельности и организаціи партіи, заграничная пресса, по необходимости, можетъ высказывать лишь *личные* взгляды и угадыванье лицъ, отвѣтственныхъ передъ читателями за свои мнѣнія, но читатели постоянно должны помнить, что эти взгляды и угадыванья должны быть провѣрены мѣстными русскими дѣятелями и получаютъ практическій смыслъ лишь тогда, когда совпадаютъ съ опытомъ этихъ дѣятелей.

„3. Въ болѣе частныхъ, мѣстныхъ, временныхъ и практическихъ вопросахъ, относящихся до Россіи, заграничная пресса можетъ лишь передавать читателямъ взгляды, выработанные въ Россіи лицами, усвоившими опредѣленную программу, и впечатлѣнія, производимыя на опредѣленныя личности и кружки, какъ дѣйствительно совершающимися фактами, такъ и разнообразными слухами и легендами, выражающими настроеніе минуты".

Прежній редакторъ закончилъ свое участіе въ изданіи резюмировкою своего «*личнаго*» взгляда на основные вопросы, разработанные въ изданіи, и счелъ лишь въ эту минуту себя въ правѣ сдѣлать это (№№ 48; 789 и слѣд. и IV: «Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ», 1876).

Всѣ эти основные вопросы съ самаго начала изданія и до его конца ни на минуту не оставлялись въ тѣни.

Конечно, на первомъ мѣстѣ стояло отношеніе изданія къ принципіальнымъ задачамъ *соціализма*.

На первыхъ же строкахъ призыва, которымъ начинается первый томъ (I, III), „Впередъ!" признавалъ своимъ знаменемъ—„знамя соціальнаго переворота для Россіи, для цѣлаго міра". Въ программѣ заявлено было (I, 6 и слѣд.):

„*Соціальный* вопросъ есть для насъ вопросъ первостепенный...

«Содѣйствовать этой борьбѣ (за осуществленіе справедливаго общественнаго строя) есть безусловно главная цѣль нашего изданія.

«Вопросъ *политическій* для насъ подчиненъ вопросу экономическому».

При этомъ указывалось (I, 8) на все большее преобладаніе въ жизни народовъ «экономическаго противуположенія эксплуатирующихъ и эксплуатируемыхъ».

На первыхъ же страницахъ перваго тома «неперіодическаго» изданія «борьба съ монополіею во всѣхъ видахъ въ пользу труда» была выставлена, какъ основная цѣль изданія (I, 2) и въ 1876 г. передъ самымъ прекращеніемъ газеты «Впередъ!» и измѣненіемъ состава редакціи *) эта цѣль выражалась такъ (IV, 160—163):

«Соціализмъ, какъ ученіе *солидарности*, какъ отрицаніе всякой *конкуренціи* между членами солидарнаго общества, долженъ былъ сдѣлаться принципіальнымъ врагомъ всякой монополіи...

„Разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ на борцовъ за начала рабочаго соціализма допущеніе на минуту, что они въ своихъ разногласіяхъ и частныхъ соперничествахъ имѣютъ малѣйшее право употреблять оружіе монополіи *другъ противъ друга*.

„Какъ ни вредны и преступны подобныя дѣйствія въ обществѣ, которое провозглашаетъ основнымъ своимъ принципомъ солидарность всѣхъ своихъ членовъ и отрицаніе монополіи, но эти дѣйствія еще болѣе *опасны* для тѣхъ, которые себѣ дозволяютъ ихъ, въ томъ смыслѣ, что эти дѣйствія укореняютъ въ группахъ соціалистовъ эти самыя привычки мысли, которыя слѣдуетъ уничтожить всего тщательнѣе въ новомъ строѣ и уничтоженіе которыхъ на другой день революціи составитъ одну изъ главныхъ обязанностей того самаго, кто теперь холитъ эти противуобщественныя привычки въ средѣ своихъ товарищей по дѣлу".

Съ перваго же номера начался рядъ статей, въ которомъ предполагалось дать очерки „Изъ исторіи соці-

*) Отчасти подъ вліяніемъ этого самаго вопроса.

альныхъ ученій“ (I, 60—109; III, 45—119) и «Очеркъ развитія международной Ассоціаціи Рабочихъ» (I, 110—177, II, 44—101). Въ то же время помѣщались статьи, разрабатывающія тотъ или другой отдѣльный принципіальный вопросъ соціализма: «Фикціи судебной правды» (I, 178—216), «Кому принадлежитъ будущее?» II, 1—73; «Кто разрушаетъ основы общества?». (II, 156—223); «Неизбѣжная вражда» (III, 1—44). Сюда относится и значительное число передовыхъ статей газеты *). Эти принципіальные вопросы затрогивались по самымъ разнообразнымъ поводамъ.

Такъ, въ первомъ же томѣ, при сравненіи значенія революцій политическихъ, имѣвшихъ мѣсто въ истекшія столѣтія, съ требованіями революціи соціальной, говорилось (I, 255):

«Цѣль геніальныхъ и самоотверженныхъ стараній политическихъ революціонеровъ обоихъ полушарій оказалась не только недостигнутой, но недостижимой. Философскій камень въ политикѣ столь же мало существуетъ, какъ и въ химіи. Нѣтъ и не можетъ быть юридическаго кодекса, который установилъ-бы справедливыя отношенія между людьми.

«Всѣ политическіе революціонеры, какъ всѣ политическіе реформаторы, оставили въ сторонѣ *одинъ* вопросъ, до котораго они не смѣли касаться въ своихъ революціонныхъ программахъ, въ своихъ реформаторскихъ начинаніяхъ. То былъ вопросъ *Соціальный*. То была святыня личной собственности. То была семья съ ея наслѣдственною монополіею, съ ея патріархальнымъ преданіемъ.

«Но этотъ *одинъ* вопросъ заключалъ *все*». Или по поводу «слуховъ о войнѣ» лѣтомъ 1875 г. (№ 10, 294):

«Борьба за идею, искренняя и плодотворная, можетъ быть въ наше время лишь одна: борьба труда съ капиталомъ, борьба пролетарія съ силами создающими, поддерживающими и эксплуатирующими пролетаріатъ. Всѣ прочія партіи, всѣ прочія наличныя силы борятся и мо-

*) Передовыя статьи газеты „Впередъ!“ имѣлось въ виду одно время издать въ видѣ отдѣльнаго сборника, но потомъ эта мысль была оставлена вслѣдствіе ослабленія пропагандистскаго характера движенія въ русской молодежи.

гутъ бороться между собою лишь за право хищничества, за удобства эксплуатаціи».

Изслѣдованія ряда кризисовъ, вызванныхъ капиталистическимъ хозяйствомъ, резюмировались въ слѣдующемъ результатѣ (II, 221 и слѣд.):

«Источникъ всякой собственности есть эксплуатація рабочихъ массъ. Вслѣдствіе этого, форма собственности измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ формы эксплуатаціи рабочихъ массъ. Превращеніе прежнихъ формъ неподвижной собственности въ подвижную, денежную собственность, повлекло за собою развитіе буржуазнаго строя изъ прежнихъ формъ общества. Только съ развитіемъ денежнаго хозяйства сдѣлалось возможнымъ появленіе капитала, *цѣнности*, присасывающей чужой трудъ, *самовозрастающей* цѣнности. Только съ развитіемъ денежнаго хозяйства уничтожились всякія непосредственныя насилія. Какъ собственность, такъ и работникъ стали теперь свободны. Но собственность превратилась теперь въ капиталъ, она эмансипировалась теперь отъ личности, владѣющей ею. Теперь стала присвоивать чужой трудъ не какая нибудь личность, а сталъ присасывать его къ себѣ капиталъ. Личность владѣльца капитала стала теперь безразличной. Разъ это случилось, разъ право собственности, т. е. право присваивать себѣ чужой трудъ, перестало быть привилегіею извѣстныхъ, опредѣленныхъ личностей, а сдѣлалось свойствомъ накопленныхъ цѣнностей, кому бы онѣ не принадлежали, то неизбѣжно принципъ личной собственности долженъ будетъ погибнуть. Капиталъ сдѣлался предметомъ конкуренціи, и въ основу всего общественнаго строя долженъ былъ лечь принципъ свободы конкуренціи, который неизбѣжно долженъ вести къ излишку производства...

Вслѣдствіе самой сущности буржуазнаго строя, чѣмъ больше будетъ развиваться капиталистическое производство, тѣмъ быстрѣе и сильнѣе будетъ идти разруженіе принципа частной собственности; напрасно она проливаетъ для этого потоки крови; разрушеніе частной собственности есть историческая необходимость, необходимость, вытекающая изъ всего развитія экономической жизни человѣчества, и совершаетъ это разрушеніе

сама буржуазія, самый ходъ буржуазной жизни. Все историческое значеніе буржуазіи въ экономическомъ отношеніи въ томъ и заключается, что она расшатываетъ, разрушаетъ частную собственность и подготовляетъ почву для перехода ея въ коллективную". И въ другомъ смыслѣ (IV, 44).

«Соціализмъ въ настоящую минуту имѣетъ предъ собою задачу *спасенія общества* отъ грозящаго ему разложенія во всеобщей конкуренціи, во всеобщей борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, и его первое требованіе есть искорененіе монопольнаго хозяйства, уничтоженіе возможности накопленія богатствъ въ рукахъ особой или коллективной единицы, уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ».

Современный соціализмъ противуполагался прежнимъ формамъ изученія общественныхъ явленій и общественныхъ задачъ, какъ «соціализмъ научный» при чемъ (II, 47): «На научной точкѣ зрѣнія основнымъ началомъ служатъ реальные факты въ ихъ связи существованія и послѣдовательности. Все остальное: общіе законы, гипотезы, связующія построенія получаютъ на столько значенія, на сколько широка опора фактовъ, ихъ поддерживающихъ, и насколько они не пренебрегали всѣми остальными извѣстными фактами», такъ что «настоящая соціологія» есть «соціализмъ» (III, 47).

Соціально-революціонная нравственность противуполагалась нравственности буржуазной въ слѣдующемъ резюмэ (№ 13; 398):

«Мы требуемъ отъ братьевъ выработки крѣпкаго убѣжденія и жизни, согласной съ этими убѣжденіями. Мы стремимся установить царство труда и справедливости на развалинахъ стараго міра, празднаго эксплуататорства и неправды, міра, которому объявляемъ непримиримую войну. Мы говоримъ нашимъ братьямъ: отдавайте на соціально-революціонное дѣло всѣ свои силы, живите для основанія царства труда и оставляйте себѣ лишь необходимое. Въ вашей непримиримой и неумолимой борьбѣ съ врагомъ да хранится въ вашемъ сердцѣ свято единственная святыня - справедливость, которая есть любовь къ нашимъ братьямъ-рабочимъ. И этой святынѣ приносите въ жертву все, если необ-

ходимо: себя, друзей, враговъ. Все, что вы дѣлаете для себя лично внѣ необходимаго, отнято вами у братьевъ; все, что вы дѣлаете для созданія царства справедливости, есть ваша обязанность, пока это не марает ваше знамени, пока это не есть оружіе монополіи, пока это не есть обманъ вашихъ братьевъ, пока это не есть отступленіе отъ начала труда и справедливости, которымъ вы взялись служить».

Отношеніе соціализма къ основному органическому процессу борьбы за существованіе формулировалось слѣдующимъ образомъ (№ 17; 523 и слѣд.):

«Соціализмъ не отрицаетъ всемірную борьбу за существованіе, но онъ продолжаетъ традицію сплачиванія возможно-большихъ группъ солидарныхъ личностей для большаго успѣха въ этой борьбѣ; его особенность заключается лишь въ томъ, что онъ распространяетъ требованіе солидарности *на человѣчество* и требуетъ прекращенія борьбы за существованіе *внутри* человѣчества, какъ давно уже она прекратилась въ кружкахъ людей, связанныхъ личной привязанностью, какъ государственники требовали прекращенія борьбы внутри государства, какъ христіане хотѣли прекратить ее внутри церкви вѣрующихъ. Когда соціализмъ достигнетъ своей цѣли, тогда человѣчеству, сплоченному всеобщею солидарностью, предстоитъ послѣдній и высокій фазисъ борьбы за существованіе въ органическомъ мірѣ, фазисъ борьбы со всѣми нераціональными инстинктами и привычками органическаго міра, чтобы этотъ міръ, лежащій внѣ человѣчества, довести до высшей степени гармоническаго развитія, которое допускается *возможностями*, заключенными въ этомъ мірѣ.

«Соціализмъ есть высшій фазисъ нормальнаго историческаго развитія борьбы за существованіе. Ему подготовленіемъ служили явленія *инстинктивной* солидарности и *прочувствованной* солидарности между особями группы. Его исторія началась съ перваго момента *сознанной* солидарности людей во имя общей идеи, во имя нравственнаго идеала. Онъ самъ себя созналъ, какъ соціализмъ, съ той минуты, когда созналъ, что начало монополіи во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ (аффективныхъ, политическихъ, экономическихъ) есть начало

отрицающее солидарность и недопускающее ея установленія; когда объявилъ войну монополіи во всѣхъ ея формахъ. Онъ сталъ практическою возможностью, когда буржуазная конкуренція подорвала всѣ сознанныя начала солидарности прежняго времени, допускающія монополію, и свела всѣ человѣческія отношенія на экономическую борьбу. Онъ сталъ историческою *силою*, когда нашелъ въ рабочемъ пролетаріатѣ всѣхъ странъ элементъ солидарности будущаго человѣчества, способный обойтись безъ прежнихъ путъ церковнаго и государственнаго порядка, способный сдѣлаться почвою сознательнаго общечеловѣческаго союза и всесторонняго развитія личности...

«Соціалистическое общество должно быть обществомъ солидарныхъ личностей, связанныхъ сознательною готовностью пожертвовать личнымъ наслажденіемъ для общаго блага. Подобное общество, по всѣмъ естественнымъ и историческимъ аналогіямъ, должно имѣть *большіе* шансы въ борьбѣ за существованіе съ обществами эгоистическихъ и конкурирующихъ одна съ другой личностей, пока эти два типа обществъ будутъ стоять рядомъ. Поэтому *естественный подборъ* долженъ повести къ побѣдѣ соціалистическихъ обществъ, а не къ истребленію ихъ, и соціалисты готовы согласиться, что въ этомъ случаѣ «естественный подборъ есть самое лучшее средство для рѣшенія всѣхъ соціальныхъ вопросовъ». Если неизбѣжный «законъ природы» заставляетъ побѣдителей итти впередъ по трупамъ побѣжденныхъ, то соціализмъ пройдетъ къ солидарности человѣчества по трупамъ враговъ этой солидарности, потому что онъ *одинъ правъ* въ послѣдней борьбѣ. Среди различныхъ рабочихъ организацій путемъ естественнаго подбора переживутъ, разрастутся и втянутъ въ себя всѣхъ другихъ тѣ организаціи, типъ которыхъ представитъ наиболѣе шансовъ въ борьбѣ за право пролетаріата, тѣ, которые будутъ заключать въ себѣ наиболѣе элементовъ солидарности. Послѣдняя борьба за существованіе между буржуазіею, неспособною къ солидарности, и сплоченнымъ пролетаріатомъ должна и фатально, и по праву, кончиться въ пользу послѣдняго.

«Фатальный законъ борьбы за существованіе дол-

женъ былъ вести человѣчество къ выработкѣ соціализма и долженъ привести къ его побѣдѣ. Фатальный законъ естественнаго подбора наиболѣе способныхъ пережить составляетъ именно ручательство побѣды соціализма. Великія открытія Дарвина, за которыя съ такою жадностью уцѣпились буржуазные мыслители, думая на нихъ построить «научную» теорію вѣчной конкуренціи между людьми и вѣчнаго эксплуатированія однихъ другими, при внимательномъ изученіи служатъ «научною» опорою соціализму и лучшимъ доказательствомъ того, что лишь солидарность человѣчества, требуемая соціализмомъ, можетъ обезпечить будущность развитія человѣчества».

Но этой роли установителя солидарности трудящагося человѣчества соціализмъ могъ достигнуть, по мнѣнію, высказанному въ журналѣ, лишь вырабатывая въ себѣ сознаніе, что онъ есть *соціализмъ рабочій*, опирающійся на вполнѣ *реальное* начало солидарности между людьми (№ 19; 588 и слѣд.):

«Какое же это новое реальное начало солидарности, долженствующее побѣдить нынѣшній буржуазный міръ съ его разлагающимъ принципомъ—борьбы всѣхъ противъ всѣхъ въ виду личнаго обогащенія?

«Это—*начало общаго труда на общую пользу, отдавая обществу всѣ свои силы для его развитія и беря отъ общества лишь необходимое для личнаго существованія и развитія.* Эта формула въ немногихъ словахъ заключаетъ всю программу соціалистическаго общежитія. «Какъ требованіе общаго труда, соціализмъ сталъ *рабочимъ соціализмомъ* и сдѣлался силою, опирающеюся на ту самую реальную почву, которая съ начала міра вырастила все, чѣмъ жило, живетъ и будетъ жить человѣчество.

«Какъ отдача личностью всѣхъ своихъ силъ на *общую* пользу, рабочій соціализмъ есть ученіе солидарности, связующее все трудящееся однимъ началомъ, и началомъ въ высшей степени реальнымъ, именно началомъ реальнаго труда".

«Какъ задача соціальнаго *развитія*, на которое дол-

жны быть употреблены всѣ личныя силы, рабочій соціализмъ есть прогрессивная историческая сила, которая стремится выработать всѣ высшіе процессы умственные и нравственные на почвѣ матеріальнаго обезпеченія всѣхъ и каждаго».

„ Какъ требованіе отъ общества лишь *необходимаго* для личности, рабочій соціализмъ есть признаніе безнравственности аффекта жадности богатства, безнравственности борьбы за обогащеніе, безнравственности монополіи, отрицаніе конкуренціи, требованіе матеріальнаго обезпеченія для всѣхъ, при установленіи „одного общаго уровня“ въ единственной сферѣ, гдѣ установленіе этого уровня возможно и справедливо—въ сферѣ экономической, матеріальной жизни, при чемъ отсутствіе *всякой* монопольной собственности сдѣлаетъ невозможнымъ возстановленіе экономической конкуренціи со всѣми ея результатами.

„Какъ требованіе отъ общества необходимаго не только для существованія, но и для *развитія* личности, рабочій соціализмъ есть начало всесторонняго и гармоническаго личнаго прогресса, умственнаго и нравственнаго, на уровнѣ одинаковаго матеріальнаго обезпеченія. Онъ устраиваетъ общую *образованность*, минимумъ которой долженъ стоять, по своей реальности, цѣльности и основательности, далеко выше средней образованности нынѣшняго слоя представителей цивилизаціи; и на почвѣ этой общей образованности онъ допускаетъ самое безграничное разнообразіе въ развитіи мысли научной, философской, эстетической, практической съ участіемъ *всѣхъ* работниковъ мысли и въ работѣ физической, въ работѣ, которая доставляетъ *всѣмъ* необходимое. Отсутствіе непроизводительнаго накопленія предметовъ пользованія и роскоши въ рукахъ личностей, устраненіе избытка производства, направленіе техники на общеполезныя цѣли, позволяетъ, вѣроятно, довести для каждой личности число часовъ для физической работы до такого минимума, который оставитъ полный досугъ работѣ личности надъ своимъ собственнымъ развитіемъ и надъ развитіемъ соціальнымъ...

«Двигателемъ рабочаго соціализма могъ сдѣлаться лишь рабочій классъ. и лишь въ тотъ періодъ, когда

фатальный процессъ капиталистическаго производства подвинулъ достаточно далеко раззореніе этого класса. Надо было, чтобы многочисленные мелкіе хозяева-ремесленники были раздавлены въ борьбѣ съ крупными предпринимателями; надо было, чтобы рабочее населеніе бросило дома и пошло скучиваться на фабрики около могучихъ машинъ и усовершенствованныхъ орудій производства, посылая туда взрослыхъ и дѣтей, мужчинъ и женщинъ; надо было, чтобы разросся по всѣмъ странамъ «цивилизованнаго» міра пролетаріатъ, неимѣющій предъ собою даже *возможности* когда-нибудь поправить свое положеніе; тогда только исторія выработала весь матеріалъ, нужный для рабочаго соціализма, какъ исторической силы: многочисленный классъ, который съ каждымъ днемъ все болѣе уясняетъ себѣ безъисходность своего настоящаго положенія, и соціологическую мысль, которая дозрѣла до доказательства всѣхъ фатальныхъ результатовъ буржуазной конкуренціи капиталистическаго хозяйства; до уясненія историческаго процесса, выработавшаго современный пролетаріатъ и всемірную продажность; до логической увѣренности, что настоящій порядокъ совершенно неизбѣжно ведетъ къ разрушенію всѣхъ общественныхъ связей, всѣхъ нравственныхъ побужденій, централизаціи капиталовъ въ рукахъ все меньшаго числа личностей, и къ униженію, отупленію, вырожденію и вымиранію всего остального населенія, которое фатально попадаетъ въ ряды все разростающагося пролетаріата. Научная мысль и жизненный интересъ огромнаго населенія составили въ своемъ союзѣ вполнѣ реальную и достаточно прочную основу новому готовящемуся періоду исторіи общества...

Рабочій соціализмъ беретъ на себя высшія образовательныя, человѣчныя цѣли буржуазной цивилизаціи, именно тѣ цѣли, которыя она поставила, но которымъ противудѣйствовала по самой сущности; и рабочій соціализмъ имѣетъ полную возможность ихъ выполнить, именно потому, что онъ есть *рабочій соціализмъ*, именно потому, что онъ есть ученіе о солидарности всего человѣчества, опирающееся на реальную почву. Онъ есть ученіе о солидарности всѣхъ рабочихъ, независимо отъ языка, отъ національности, отъ расы; ученіе о со-

лидарности всего трудящагося въ борьбѣ противъ общественнаго паразитизма; ученіе о солидарности всего существующаго собственнымъ трудомъ въ стремленіи къ развитію на почвѣ реальнаго труда.

«Да, то, чего не могли сдѣлать ни господство обычая, ни обѣщанія религіи, ни государственная организація, ни національная связь—доставленіе прочной реальной основы для человѣческой (и даже общечеловѣческой) солидарности—это намѣревается и надѣется совершить рабочій соціализмъ, объявляя войну тому началу всеобщей конкуренціи и господства капитала, которое подорвало и вынесло на рынокъ религію, политику, національность—всѣ связующія силы старой общественности».

Подготовленіе соціальнаго переворота на почвѣ рабочаго соціализма «Впередъ!» рисовалъ себѣ слѣдующимъ образомъ (№ 26; 32 и слѣд.):

«Соціальный переворотъ есть неизбѣжный исходъ теперешняго положенія дѣлъ. Его подготовляетъ развивающееся пониманіе задачъ соціологіи. Его подготовляютъ растущіе и распространяющіеся союзы рабочихъ. Его подготовляетъ самый строй современнаго общества, все болѣе обнаруживая разложеніе прежнихъ общественныхъ «основъ», содѣйствуя разложенію своихъ «основъ» самыми своими усиліями поддерживать ихъ, шагъ за шагомъ ведя народы къ расхищенію собственности, къ обращенію государствъ въ лакеевъ биржи, къ разложенію семьи.

«Но этотъ неизбѣжный исходъ нынѣшняго общественнаго порядка лишь тогда можетъ привести къ созданію лучшаго строя на развалинахъ стараго, когда этотъ новый, лучшій строй будетъ подготовляться параллельно съ разрушеніемъ, будетъ развиваться въ то-же самое время, какъ старый строй дезорганизуется, атрофируется и гніетъ, въ подлежащее время, когда разрушеніе стараго строя подвинется достаточно далеко, а силы новаго возрастутъ, разомъ разлетится на куски умирающій организмъ, и мѣсто его займетъ юный организмъ, способный жить и развиваться.

«Оно такъ и дѣлается въ настоящую минуту. Новый

общественный строй подготовляется *теоретически* уясненіемъ мысли *рабочаго соціализма*. Новый общественный строй подготовляется *практически* организаціею соціально-революціонныхъ силъ общества...

«Ученіе рабочаго соціализма, какъ опирающееся на самые реальные элементы жизни и, по тому самому, какъ ученіе вполнѣ практическое и жизненное, вырабатывается двумя методическими пріемами: каждый убѣжденный соціалистъ *уча поучается самъ*, и это ученіе не представляетъ въ средѣ убѣжденныхъ соціалистовъ отношенія небольшой группы педагоговъ къ большой группѣ учениковъ; оно представляетъ начало *взаимнаго развитія* въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова: каждый разъ, когда расширяется кругъ проповѣди рабочаго соціализма, когда группы людей, живущихъ при новыхъ условіяхъ, втягиваются въ него, истины рабочаго соціализма провѣряются и уясняются для его искренняго проповѣдника новыми жизненными фактами и новыми общественными комбинаціями.

«Это самое уясненіе въ собственной мысли соціалистическаго міросозерцанія, при одновременномъ уясненіи другихъ началъ и слѣдствій рабочаго соціализма, составляетъ *первое орудіе* подготовленія соціальнаго переворота, именно орудіе *пропаганды* соціалистическихъ истинъ...

«Пропаганда уясняетъ задачу общественныхъ борцовъ, сплачиваетъ сильнѣе и прочнѣе общественную партію, и тѣмъ самымъ увеличиваетъ ея шансы на побѣду. Въ тоже время она вербуетъ новыхъ борцовъ въ ряды этой партіи и слѣдовательно усиливаетъ ее матеріально. Но при всемъ важномъ значеніи этого орудія для борьбы и побѣды, оно далеко недостаточно, потому что до сихъ поръ во всякомъ обществѣ лишь меньшинство людей руководится въ дѣятельности придуманнымъ убѣжденіемъ и яснымъ пониманіемъ.

«Огромное большинство людей дѣйствуетъ лишь подъ вліяніемъ аффекта и увлеченія. Мало того; и изъ понимающихъ общественную задачу данной эпохи, лишь тѣ могутъ быть полезными дѣятелями при рѣшеніи этой задачи, у которыхъ это *пониманіе* перешло въ *убѣжденіе*, т. е. соединило свой теоретическій элементъ съ

практической потребностью *дѣйствовать* на основаніи усвоенной мысли, страстно желать ея практическаго осуществленія, положить свои силы на это осуществленіе...

«Такимъ образомъ, къ двумъ упомянутымъ элементамъ соціально-революціонныхъ силъ общества, организующимся и разростающимся путемъ *пропаганды*, путемъ уясненія *пониманія* задачъ рабочаго соціализма, присоединяются еще два элемента, которые организуются и разростаются путемъ возбужденія и распространенія чувства солидарности между всѣми страждущими отъ одной и той же причины, отъ однихъ и тѣхъ же условій общественнаго строя. Къ первому орудію подготовленія соціальнаго переворота, къ *пропагандѣ идей рабочаго соціализма*, присоединяется второе орудіе этого подготовленія, *соціально-революціонная агитація*. Она должна итти среди страждущихъ народныхъ массъ, обращая ихъ сознаніе собственнаго страданія въ чувство солидарности со своими товарищами по страданію. Она должна итти среди слоя молодежи, способной сочувствовать практическимъ требованіямъ рабочаго соціализма, способной отречься отъ стараго міра во имя отвращенія къ нему, способной бросить всѣ свои силы на разрушеніе этого отвратительнаго міра во имя революціонной страсти, которая одушевляетъ *вступающихъ* въ новое благовѣстіе. Она должна идти и въ тѣхъ группахъ, которыя самымъ тщательнымъ образомъ вырабатываютъ въ себѣ и другихъ пониманіе истинъ рабочаго соціализма, чтобы не дать возможности развиться въ иныхъ личностяхъ тому отвлеченному филистерству мысли, которое отвращается отъ жизни, отвыкаетъ отъ практической дѣятельности, чтобы предаться *наслажденію пониманіемъ* того, что вовсе не можетъ быть понято надлежащимъ образомъ внѣ жизни и практики.

«По общему соціологическому закону, мысль, наиболѣе ясная въ единицахъ, въ небольшихъ группахъ, распространяется въ болѣе неопредѣленныхъ и отрывочныхъ очеркахъ среди слоя личностей, сочувствующихъ преимущественно ея практическимъ результатамъ, наконецъ, среди массъ, которымъ она является откровеніемъ истинныхъ причинъ ихъ страданія и естествен-

ной необходимости ихъ солидарности; и вся эта система болѣе или менѣе сознательныхъ революціонныхъ силъ связывается въ этомъ отношеніи *пропагандой* уясняющейся мысли, пропагандою, все увеличивающею численность центральныхъ группъ и слоевъ на счетъ остальныхъ, къ нимъ прилежащихъ, но никогда не имѣющею возможности уничтожить различія этихъ группъ и слоевъ.

«По такому-же соціологическому закону ненависть къ существующему порядку и сознаніе солидарности между страждущими отъ этого порядка имѣетъ свою реальную основу въ обширныхъ массахъ, пробуждается разомъ во множествѣ личностей и группъ, какъ только современное положеніе уясняется лучемъ пропаганды, и, затѣмъ, *агитація* во имя этой возбужденной страсти, связывая личности разныхъ группъ и равныхъ слоевъ одною потребностью борьбы противъ существующаго порядка, сплачиваетъ эти группы въ одну *организованную* революціонную силу.

«Соединеніе этихъ двухъ могучихъ орудій организаціи революціонныхъ силъ составляетъ необходимое условіе этой организаціи».

Къ неизбѣжности соціальнаго переворота «Впередъ!» обращался не разъ (см. напримѣръ IV, 86 и др.). Общественныя эпидеміи капиталистическаго строя и роль соціалистовъ при ихъ распространеніи рисовались въ слѣдующихъ чертахъ («Вп. 41):

«Борцами противъ этой эпидеміи, грозящей разрушить всякую общественную связь, всякую солидарность между людьми, явились соціалисты. Они отмѣтили зараженные дома и научили рабочихъ не прикасаться къ проникнутымъ чумными міазмами политическимъ и экономическимъ порядкамъ буржуазнаго общества. Они призвали рабочія сословія въ мѣстные и ремесленные союзы, на конгрессы Интернаціонала, провозгласили солидарность рабочихъ какъ радикальное лѣченіе противъ отравы конкуренціи. Они указали въ общности имуще-

ства, въ общемъ трудѣ на общую пользу, въ свободной федераціи, какъ типѣ всякаго будущаго общежитія—вѣрныя средства для общественнаго оздоровленія. Они вырыли для всѣхъ элементовъ стараго міра, неизлѣчимозараженныхъ конкурренціею и монополіею, обширную могилу, готовую принять въ себя всѣ гніющіе трупы тѣхъ, которые пока еще мучатся въ агоніи, мечутся въ тяжеломъ бреду и воображаютъ, что они здоровы, что будущее принадлежитъ имъ, что именно люди, взявшіе на себя опасный трудъ хоронить старое и подготовлять здоровье новаго—безумцы и отравители. Исторія, между тѣмъ, идетъ своимъ чередомъ и обширная могила наполняется. Валятся въ нее древніе престолы и старыя политическія партіи, потерявшія вѣру въ свои девизы и лишенныя всякой возможности имѣть живыя программы. Валится въ нее старая семья, обратившаяся въ клоаку торга человѣческимъ тѣломъ, въ святилище лицемѣрія и разврата. Валятся въ нее частные промышленники, милліонеры—благотворители народа, уличенные въ эксплуататорствѣ, не имѣя возможности смыть со своихъ банковыхъ билетовъ кровь рабочихъ, заморенныхъ на фабрикахъ и въ подземныхъ копяхъ. Валятся въ нее цари современнаго кредита, обратившіеся въ подготовителей краховъ, раззорившіе и убившіе тысячи обманутыхъ жертвъ. Валятся въ нее представители старой науки, обезсиленные своимъ индифферентизмомъ къ страданіямъ братьевъ, неспособные дышать человѣчной атмосферой внѣ своихъ узкихъ спеціальностей. Валится въ громадную могилу и «четвертая власть» современнаго міра. вездѣсущая пресса, всемогущая публицистика, которая съумѣла низвергать министровъ и королей, конкуррировала по ширинѣ своихъ предпріятій съ государственными бюджетами, но не могла охранить себя отъ заразы продажности и обратилась изъ борца за развитіе въ «пресмыкающееся». Собирается со всѣхъ сторонъ армія могильщиковъ, чтобы разомъ свалить въ эту громадную могилу всѣ непогребенные трупы, всѣ зараженныя тряпки, всю зачумленную утварь вымирающаго міра и чтобы затѣмъ надъ засыпанною могилою развернуть красное знамя здороваго общежитія».

Но при этомъ указывалась, въ виду ея предупрежденія, и

опасность, по самой сущности дѣла, угрожавшая обществу, въ которомъ совершается соціальный переворотъ (№ 27; 70 и слѣд.), именно

«что люди, производящіе наружный общественный переворотъ и строющіе новое общество на развалинахъ стараго, ими ниспровергнутаго, *всѣ до одного* развились подъ неотразимыми вліяніями стараго общества; *всѣ до одного* хранятъ въ себѣ унаслѣдованныя и лично пріобрѣтенныя привычки, влеченія, инстинкты той самой среды, которую они разрушили; что соціальный переворотъ, сегодня совершенный, завтра поставитъ на всѣ ступени новаго строя, во всѣ функціи соціальнаго общежитія людей, которые проникнуты до мозга костей вліяніями безграничной конкурренціи, монополіи во всѣхъ ея формахъ, жаждою наслажденія безъ труда, жаждою господства надъ другими; что не только тѣ, которые связаны чувствомъ общественной солидарности, но и тѣ, которые ее сознали и строго продумали во всѣхъ ея послѣдствіяхъ, могутъ лишь съ трудомъ побѣдить свои привычки и свои инстинкты, въ которыхъ не можетъ имѣть мѣста общественная солидарность; что, поэтому, главнымъ и самымъ опаснымъ врагомъ новаго строя могутъ сдѣлаться, при отсутствіи взаимнаго контроля, унаслѣдованныя и пріобрѣтенныя привычки самихъ строителей».

Для болѣе тщательнаго разбора нѣкоторыхъ принципіальныхъ или практически-существенныхъ вопросовъ журналъ помѣщалъ иногда цѣликомъ и письма противниковъ, сопровождая ихъ отвѣтами. Такъ, въ немъ помѣщено (кромѣ полемики о пользѣ «знанія», о чемъ скажемъ особо) письмо русскаго коммуниста, сторонника позитивной религіи, Фрея (III, 120—143), письмо «молодого скептика», возраженіе противъ отношенія «Впередъ!» къ задачамъ «соціальной революціи» (№ 28; III и слѣд.; № 29; 142 и слѣд.), письма «По вопросу объ условіяхъ революціи въ Россіи», (№ 31, 212), о «Насущныхъ практическихъ вопросахъ» (№ 34; 332 и слѣд.), «Нѣчто о безкровной соціальной революціи» (№ 37; 439 и слѣд.). Въ отвѣтахъ на эти письма редакція, между прочимъ, говорила: «Едва-ли гдѣ нибудь въ мірѣ, въ рядахъ соціалъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ,

есть люди, надѣющіеся не пролить «ни одной капли крови». Все, къ чему *можно*, а поэтому и должно стремиться, это—не пролить «ни одной *лишней* капли» народной крови; и это, конечно, есть заявленное стремленіе «Впередъ!»; въ этомъ, какъ я думаю, я вполнѣ солидаренъ со всѣми его сотрудниками».

Но не только теоретическіе вопросы соціализма и соціальной революціи были предметомъ, къ которому много разъ возвращалась редакція «Впередъ!». Впродолженіи всего существованія этого изданія, какъ въ неперіодической, такъ и въ двухнедѣльной формѣ, въ каждой книжкѣ журнала и въ каждомъ номерѣ газеты особый отдѣлъ посвящался «Лѣтописи рабочаго движенія» и «Повѣсти о народномъ горѣ», при чемъ сообщались возможно обширныя свѣдѣнія о рабочихъ соціалистическихъ конгрессахъ. Въ томахъ журнала отдѣльныя обширныя статьи помѣщались о положеніи соціалистическаго дѣла въ Германіи, въ Австріи, въ Швейцаріи, а въ газетѣ—извѣстія изъ всѣхъ странъ, гдѣ соціализмъ выступилъ болѣе или менѣе ярко или рабочее движеніе представляло факты, интересные съ точки зрѣнія редакціи. Интернаціональный элементъ соціализма ни на минуту не упускался изъ виду въ этомъ органѣ русскихъ пропагандистовъ — народниковъ, и если можно было въ чемъ-либо обвинить его въ этомъ отношеніи, это—въ слишкомъ большой долѣ, отведенной этому элементу во «Впередъ!».

Конечно, не меньшая доля была отведена дѣламъ русскимъ, какъ по вопросамъ, которые были общи соціалистамъ русскимъ съ соціалистами другихъ странъ, такъ такъ и по тѣмъ, которые въ этомъ отношеніи представляли нѣкоторую разницу; но затѣмъ и вообще всему «Что дѣлалось на родинѣ». Подъ послѣдней рубрикой особый отдѣлъ существовалъ, какъ въ неперіодическомъ изданіи, такъ и въ газетѣ во все время ихъ существованія.

Не разъ «Впередъ!» возвращался къ положенію объ общности цѣли всѣхъ соціалистовъ (IV, 146 и слѣд.):

«Обща соціалистамъ-революціонерамъ всѣхъ странъ

лишь *цѣль*, къ которой они стремятся. Эта цѣль есть общество, гдѣ личности связаны общимъ трудомъ, сознаніемъ всеобщей солидарности»...

Онъ пытался разрѣшить и вопросъ, почему именно въ Россіи, совершенно помимо или даже въ противурѣчіи съ классовыми интересами, «учащаяся молодежь доставляетъ такой значительный контингентъ соціалистическихъ агитаторовъ» № 16, 493).

Народническій элементъ русскаго соціалистическаго движенія въ первой же напечатанной программѣ, высказался крупнымъ значеніемъ, которое придавалось крестьянству и общинѣ (I, 11):

«Для русскаго спеціальная почва, на которой можетъ развиться будущность большинства русскаго населенія въ томъ смыслѣ, который указанъ общими задачами нашего времени, есть крестьянство съ общиннымъ землевладѣніемъ. Развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политическій элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общинной собственности частную, дать крестьянству то образованіе и то пониманіе общественныхъ потребностей, безъ котораго оно никогда не съумѣетъ воспользоваться своими легальными правами, какъ-бы они широки ни были, и никакъ не выйдетъ изъ-подъ эксплуатаціи меньшинства, даже въ случаѣ самаго удачнаго переворота—вотъ спеціально русскія цѣли, которымъ долженъ содѣйствовать всякій русскій, желающій прогресса своему отечеству».

И въ другомъ мѣстѣ (I, 218):

«Цѣль общественной дѣятельности для русскаго, искренно желающаго блага своей родинѣ, можетъ быть теперь одна и только одна: сдѣлать русскую землю достояніемъ свободнаго русскаго народа, народа тружениковъ, и перенести на его общины всю политическую силу, которая теперь концентрирована въ рукахъ его повелителей или размѣщена въ чиновничествѣ».

Авторъ статьи: «Кому принадлежитъ будущее?» влагалъ въ уста представителя русской революціонной интеллегенціи, при его обращеніи къ представителямъ раз-

личныхъ европейскихъ теченій мысли, слѣдующія слова (II, 52 и слѣд.):

«На моей родинѣ существуютъ тѣ-же вопросы, но они поставлены иначе. Государственное начало давитъ насъ въ самой грубой его формѣ прямого беззавѣтнаго произвола власти. Клерикализмъ у насъ силенъ никогда не былъ, и наши попы, слѣдуя рабской традиціи Византіи, съумѣли въ тысячу лѣтъ сдѣлаться лишь предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія для народа, который, въ своей горькой долѣ, никогда не встрѣтилъ въ нихъ ни помощи, ни утѣшенія, ни заступничества. Наша соціальная революція должна выйти не изъ городовъ, а изъ селъ. Наша буржуазія поземельныхъ собственниковъ, торговцевъ и промышленниковъ не имѣетъ политической традиціи, не сплочена въ своей эксплуатаціи народа, сама страждетъ отъ притѣсненій администраціи и не развила въ себѣ исторической силы. Изъ ея рядовъ и изъ рядовъ нашего измученнаго, раззореннаго народа вырабатывается наша передовая молодежь, которая не знаетъ сословныхъ различій, провозглашаетъ себя зашитницею народнаго дѣла, его пособницею въ стремленіи жить по человѣчески, и болѣе полувѣка посылаетъ изъ своей среды одно поколѣніе за другимъ въ тюрьмы, въ изгнаніе, въ ссылку, на каторгу, на висѣлицу для того, чтобы открыть своей родинѣ лучшее будущее». И въ томъ же томѣ, разбирая несостоятельность различныхъ элементовъ русскаго общества для мирныхъ реформъ въ пользу народа, авторъ статьи «Голодъ! Голодъ! Голодъ!» пишетъ (II, Б. 72):

«Это общество въ своемъ цѣломъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ силъ, никакихъ возможностей для будущаго; если-бы силы въ немъ были, то онѣ бы проявились *теперь*; если-бы возможности существовали, то онѣ сказались бы въ *настоящую* минуту.—Тѣ немногіе, разбросанные живые элементы, которые въ немъ существуютъ, принадлежатъ не ему; эти элементы, чтобы не заглохнуть и не вымереть, должны выйти изъ этого общества, должны стать *противъ* него, должны пойти на тотъ путь, который мы указывали съ самаго начала, на который мы призываемъ и теперь, какъ на *един-*

ственный путь спасенія нашей родины—на путь *народной соціальной революціи*..,

«Она, одна она, можетъ спасти Россію отъ страшнаго, грозящаго ей бѣдствія».

А въ слѣдующемъ томѣ другой авторъ, развертывая передъ русскими революціонерами всю громадность силъ, противъ которыхъ имъ приходится бороться, пишетъ (III, 244 и слѣд.):

„Мы стоимъ лицомъ къ лицу съ «великою державою», съ одною изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ типическихъ представительницъ преступнаго стараго міра, съ самою могущественною опорою его, съ самымъ могущественнымъ рычагомъ современной могущественной реакціи. Передъ нашими глазами русскіе господствующіе классы и русское правительство, владѣющее всѣми средствами борьбы, имѣющіе за собою всѣ выгоды рутинной организаціи, всѣ преимущества боевого положенія, принимаютъ самыя энергичныя мѣры для еще большаго укрѣпленія и еще сильнѣйшей защиты существующаго порядка вещей».

Особенности русскаго соціалистическаго движенія отъ западно-европейскаго „Впередъ!» видѣлъ въ особой важности для перваго какъ принципіально-нравственнаго элемента, такъ и крестьянства (IV, 190 и слѣдующ.):

«Я позволю себѣ думать, что успѣхъ и особенно *быстрый* успѣхъ нынѣшняго соціально-революціоннаго движенія въ Россіи въ значительной степени зависитъ отъ нравственной силы личностей, которыя вступаютъ въ этотъ союзъ, что пренебреженіе къ этимъ нравственнымъ требованіямъ можетъ... подорвать все соціально-революціонное дѣло.

«Рабочее движеніе въ странахъ нѣмецкихъ, англо-саксонскихъ, скандинавскихъ и романскихъ языковъ, представляетъ такую связь во всѣхъ своихъ частяхъ, что его можно разсматривать какъ *одно* движеніе, поставленное въ достаточно сходныя условія, чтобы получить и формальное объединеніе. Главный элементъ движенія здѣсь всюду—фабричный пролетаріатъ; сельскій же пролетаріатъ здѣсь вовсе не затронутъ движеніемъ, или играетъ въ немъ второстепенную роль. Въ сла-

вянскихъ земляхъ, особенно въ Россіи, сельское населеніе имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, и потому организація соціально-революціоннаго союза должна сообразоваться съ этой особенностью... Въ Россіи дѣло соціально-революціоннаго союза заключается въ организаціи связи между сельскимъ населеніемъ, одинаково страждущимъ въ разныхъ частяхъ Россіи, но лишеннымъ солидарности».

Путемъ къ перевороту въ Россіи «Впередъ!» ставилъ *народную революцію*. Въ его программѣ было сказано (I, 12):

«На первое мѣсто мы ставимъ положеніе, что перестройка русскаго общества должна быть совершена не только съ *цѣлью* народнаго блага, не только *для* народа, но и посредствомъ народа. Современный русскій дѣятель долженъ, по нашему мнѣнію, оставить устарѣлое мнѣніе, что народу могутъ быть навязаны революціонныя идеи, выработанныя небольшою группою болѣе развитаго меньшинства, что соціалисты-революціонеры, свергнувъ удачнымъ порывомъ центральное правительство, могутъ стать на его мѣсто и ввести законодательнымъ путемъ новый строй, облагодѣтельствовавъ имъ неподготовленную массу».

И далѣе (I, 16 и слѣд.):

«Революцій искуственно вызывать нельзя, потому что онѣ суть продукты не личной воли, не дѣятельности небольшой группы, но цѣлаго ряда сложныхъ историческихъ процессовъ. Самая попытка вызвать ихъ искуственно едва-ли можетъ быть оправдана въ глазахъ того, кто знаетъ, какъ тяжело ложатся всякія общественныя потрясенія именно на самое бѣдное большинство, которое приноситъ при этомъ самыя значительныя жертвы. Но искуственно вызывать революціи до сихъ поръ и не предстояло надобности, такъ какъ всевозможныя правительства съ замѣчательнымъ соревнованіемъ доставляли для нихъ постоянно матеріалъ, и страданія народовъ возрастали гораздо болѣе оттого, что народы терпѣли установившійся строй или не довольно рѣшительно возмущались противъ него, чѣмъ оттого, что на-

роды бросались въ безразсудныя революціонныя попытки. Слѣдуетъ также замѣтить, что всякая народная революціонная попытка, даже неудачная, является въ исторіи полезнымъ воспитательнымъ средствомъ общества. Мы не имѣемъ въ виду вызывать искусственно въ Россіи революціонное движеніе, но ни дѣятельность русскаго правительства въ послѣдній періодъ, ни составъ кружковъ, изъ которыхъ оно черпаетъ своихъ дѣятелей, не даетъ ни малѣйшей надежды, чтобы оно обладало достаточнымъ государственнымъ пониманіемъ для того, чтобы не подготовить нашему отечеству тяжелыхъ потрясеній и неизбѣжныхъ переворотовъ. По всей вѣроятности, оно вызоветъ революціонныя попытки... Эти революціонныя попытки могутъ быть неудачны, могутъ вынести на вершину общества кружки и партіи, враждебныя истинной народной программѣ, но могутъ и содѣйствовать осуществленію или, по крайней мѣрѣ, уясненію этой самой программы».

Выработку въ себѣ личности, способной быть полезнымъ дѣятелемъ при этихъ условіяхъ, «Впередъ!» считалъ дѣломъ весьма труднымъ, но обязательнымъ для революціонера (II, 148):

«Тяжела и сурова эта работа. Серьезныхъ и неутомимыхъ работниковъ требуетъ она. Нужны для нее люди, которые умѣютъ честно и серьезно мыслить, которые поняли, что именно революціонная работа есть теперь единственно важная работа въ мірѣ, что именно она требуетъ наибольшаго напряженія умственныхъ силъ; что именно при ней наиболѣе важно обдумывать свой каждый шагъ, свою каждую мысль, каждое слово, что именно здѣсь наиболѣе необходимо неподкупное критическое мышленіе, твердое и прочное убѣжденіе, выработанное на основаніи реальныхъ фактовъ».

И, обращаясь къ «потеряннымъ силамъ революціи», которыя тратятся на неосуществимые «легальные» пути, авторъ статьи говорилъ (II, 235):

«Эти «революціонеры», которыми вы гнушаетесь, вѣрятъ, что народъ, добывшій себѣ право самоуправленія энергическимъ порывомъ, найдетъ въ себѣ весьма достаточно смысла, чтобы воспользоваться завоеваннымъ правомъ, какъ ему будетъ лучше; они вѣрятъ, что здо-

ровый смыслъ въ общественномъ дѣлѣ не составляетъ исключительной собственности «интеллигенціи», которая, большею частью, черпаетъ свои типы общества изъ книжекъ и перекладываетъ на отечественную почву результаты, выработанные другими, тогда какъ всѣ элементарныя формы общежитія выработаны были именно народнымъ смысломъ прежде, чѣмъ среди народа развилась позднѣйшая интеллигенція».

Много разъ возвращался «Впередъ!» къ доказательству, что «легальные» соціальные перевороты въ Россіи невозможны (I, 19):

«Легалисты, *признающіе* русскую имперію, какъ она есть, и считающіе возможнымъ на почвѣ ея подготовленіе соціальнаго переворота, сами не знаютъ, что говорятъ».

Въ немъ разбирался вопросъ (II, 224), почему вслѣдствіе «недовѣрія къ правительству» немыслима добросовѣстная дѣятельность «чиновника», какъ органа правительства на пользу народа. Указывалось, что путь медленнаго культурнаго развитія народа при абсолютистскомъ режимѣ можетъ вести къ неизбѣжному вырожденію (II, 234):

«Повѣрьте, если употреблять вашъ спокойный, безстрастный, страшно-медленный способъ воспитанія русскаго народа для лучшей будущности, то къ тому времени, когда вашихъ избранныхъ, подготовленныхъ, развитыхъ будетъ достаточно—къ тому времени вырожденіе физическое, умственное и нравственное въ русскомъ народѣ дойдетъ до такой степени, что у него уже не будетъ никакого будущаго. Революція тогда, дѣйствительно, будетъ не нужна, но потому лишь, что она будетъ невозможна, какъ невозможно всякое улучшеніе состоянія племени, физически—доведеннаго до полуидіотизма, умственно павшаго, исторически обреченнаго на то, чтобы стать жертвой болѣе счастливой націи»...

И ниже:

«Такимъ образомъ, содѣйствіе убѣжденной интеллигенціи соціалистовъ необходимо для русскаго народа, и роль ея опредѣлена не произволомъ, не ея желаніями,

не ея выгодами, не ея фантазіями, а потребностями народа, законами соціологическихъ процессовъ. Ей нельзя *выбирать* пути, потому что всѣ пути, кромѣ этого, для нея закрыты.

«Тѣ личности изъ русской интеллигенціи, которыя *признаютъ* существующее правительство и готовы содѣйствовать ему въ его «реформахъ», становятся въ ряды враговъ народа, которые всегда несли народу гибель и бѣдствія, не могутъ принести ему ничего другого, если-бы даже *хотѣли*, но не могутъ и хотѣть добра народу, потому что самое существованіе ихъ возможно лишь при постоянной эксплуатаціи народа. На каждомъ, кто вступаетъ искренно въ среду государственной администраціи, лежитъ доля отвѣтственности за тотъ ядъ, которымъ русское правительство отравляетъ всѣ сферы народной жизни, доля отвѣтственности за страданіе, за вырожденіе, за вымираніе народа русскаго.

«Тотъ, кто вступаетъ теперь въ ряды органовъ нашего самоуправленія, не можетъ уже обманываться относительно значенія этихъ органовъ, не можетъ уже вѣрить въ ихъ силу сдѣлать что-либо для народа, или въ желаніе правительства дать имъ какую-либо возможность принести пользу Россіи. Опытъ разрушилъ всѣ иллюзіи. Въ настоящую минуту наши земскіе дѣятели *сознательно* толкутъ воду или забавляются интригами и пустою болтовнею.

«Остаться въ сторонѣ, смотрѣть спокойно на неизбѣжный процессъ истощенія, вырожденія, вымиранія русскаго народа, заниматься дѣломъ, когда уже стало для всѣхъ ясно, что правительство реформъ столь-же безсильно на добро, столь-же неизбѣжно губитъ народъ всякимъ своимъ дѣйствіемъ, всякимъ своимъ движеніемъ, какъ и всѣ прежнія правительства. Но это можетъ сдѣлать лишь индифферентистъ, а я говорю о людяхъ, у которыхъ есть капля любви къ народу русскому, капля убѣжденія въ обязанности помочь ему».

На вопросъ (I, 22):

«Точно-ли приходится ожидать лучшей будущности для Россіи лишь отъ народнаго взрыва, который не можетъ не быть и тяжелымъ и кровавымъ?»

«Впередъ!» съ самаго начала высказался (I, 23):

«Вѣроятнѣе всего, что путь революціи неизбѣженъ для лучшаго будущаго Россіи». Слѣдуетъ однако замѣтить, что для редакціи «Впередъ!» борьба соціалистовъ-революціонеровъ противъ правительства была борьбою не противъ личностей, а исключительно противъ принциповъ. При изложеніи «счетовъ русскаго народа» съ абсолютизмомъ, и въ другихъ мѣстахъ, повторялось (I, 28 и слѣд.):

«Мы не имѣемъ въ виду личной вражды. Для насъ безразлична дѣятельность Павла I или другого *лица*. Личности — едва замѣтные моменты въ исторіи народа. Личное зло, которое исходило изъ фантазій Павла или изъ капральства Николая, могло быть, повидимому, уравновѣшено мѣрами болѣе человѣчныхъ правителей. Но оно уравновѣшено не было. За болѣе или менѣе неспособными, за болѣе или менѣе вредными личностями стояла идея».

«Мы обвиняемъ *абсолютизмъ* русскій, какъ *одно* политическое цѣлое, за зло, сдѣланное имъ Россіи».

И позже, соціальная революція въ Россіи представлялась сотрудникамъ журнала какъ «революція народная (III, A, 185 и слѣд.). «Въ одномъ народѣ есть достаточно силы, достаточно энергіи, достаточно свѣжести, чтобы совершить революцію, которая улучшила бы положеніе Россіи. Но народъ не знаетъ своей силы, не знаетъ *возможности* низвергнуть своихъ экономическихъ и политическихъ враговъ. Надо его поднять. На живомъ элементѣ русской интеллигенціи лежитъ обязанность разбудить его, поднять его, соединить его силы, повести его въ битву. Онъ разрушитъ гнетущій его абсолютизмъ, раздавитъ своихъ эксплуататоровъ и выработаетъ своими свѣжими силами новое, лучшее общество, здѣсь, и *только здѣсь*—спасеніе Россіи».

Еще позже, полемизируя противъ якобинской теоріи захвата власти революціонерами изъ интеллигенціи (№ 28: «Не возможные и возможные пути къ соціальной революціи») «Впередъ» писалъ (№ 28; 106):

«Отсюда слѣдуетъ, что революція должна быть произведена не интеллигентнымъ классомъ, но народомъ, опираясь на существующую въ немъ традицію общинной

и артельной солидарности; интеллигентный-же классъ, въ лицѣ убѣжденныхъ соціалистовъ, можетъ явиться въ ней лишь *иниціаторомъ*, внося въ народъ, путемъ пропаганды и агитаціи, чувство *солидарности всего рабочаго класса земли русской* и сознаніе необходимости устранить возвращеніе старыхъ общественныхъ бѣдствій, положивъ въ основу постройки новаго общества начала *рабочаго соціализма*».

Въ это же время ходъ будущей революціи рисовался передъ воображеніемъ авторовъ приблизительно въ слѣдующихъ чертахъ (IV, 100 и слѣд.): «Допустимъ, что взрывъ произошелъ. Правительство съ господствующими классами такъ тяжело давило на рабочій народъ, а элементы агитаціи, возбуждающіе волненія, были на столько дѣятельны, что рядъ мѣстныхъ бунтовъ вспыхнулъ, независимо отъ стремленія пропагандистовъ соціальной революціи сдержать эти бунты до болѣе солидарной связи между разными мѣстностями страны; онъ произошелъ преимущественно въ мѣстностяхъ, гдѣ вліяніе пропагандистовъ слабо, а число ихъ незначительно; это самое учащеніе бунтовъ указало членамъ революціонной организаціи, что «теченіе историческихъ событій приближаетъ моментъ возможной побѣды революціи. При болѣе обширномъ и энергическомъ бунтѣ въ какой нибудь мѣстности революціонная организація перешла отъ агитаціи въ смыслѣ волненій къ агитаціи въ смыслѣ бунта во всѣхъ пунктахъ, гдѣ организація могла выказать вліяніе. Мѣстный бунтъ, вспыхнувшій въ достаточно значительныхъ размѣрахъ, поддержанъ бунтами, одновременно съ нимъ вызванными въ разныхъ пунктахъ. Войско, въ которомъ происходила своевременно пропаганда, оказалось недостаточно надежнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Его неудача быстро разнесла пожаръ возстанія по обширной территоріи. Подъ руководствомъ организованныхъ членовъ: соціально-революціоннаго союза (состоящаго въ огромномъ большинствѣ изъ крестьянства) группы *сочувствующихъ* цѣлямъ соціальной революціи явились въ селахъ съ вызовомъ захватить въ «общую недѣленную землю» всѣ частныя владѣнія, слить въ единую «общую собственность всего рабочаго люда» всякую собственность. По этому вызову, поддержанному

свѣдѣніями объ успѣхахъ возстанія въ другихъ мѣстностяхъ, поднялись на обширной территоріи батраки, младшіе члены семей, бѣдные хозяева, не имѣющіе возможности при существующихъ порядкахъ прокормиться круглый годъ, не смотря на самый усиленный трудъ, наконецъ, большинство бѣднаго мѣщанства. Запуганные кулаки вмѣстѣ съ «культурными» собственниками и администраціей или погибли при народномъ взрывѣ, или рады спрятаться отъ поднявшейся бури. Члены соціально-революціоннаго союза въ столицахъ и другихъ центрахъ управленія (преимущественно изъ интеллигенціи), если не во всѣхъ, то во многихъ изъ этихъ мѣстностей, устранили и парализовали органы власти. Образовалась территорія довольно обширная (хотя, можетъ быть, не сильная), на которой господствуетъ возставшій рабочій народъ; *большинство* его произвело революцію, при иниціативѣ не малаго числа группъ, знакомыхъ съ практическими задачами соціальной революціи и горячо сочувствующихъ имъ, подъ руководствомъ *организованнаго меньшинства изъ народа* (съ небольшою долею интеллигенціи), которое сознательно стремится осуществить помощью этой революціи программу началъ рабочаго соціализма: *общую собственность, общій трудъ, федерацію трудящихся*».

Сторонники «Впередъ!» призывали въ свои ряды не только опредѣленныхъ сторонниковъ русскаго революціоннаго соціализма, но и тѣхъ, которыхъ онъ называлъ (II, 225) „*возможными* врагами, но еще и *возможными* союзниками». Онъ доказывалъ (II, 230 и слѣд.) этимъ «несогласнымъ», что ихъ дѣятельность или прямо вредна народу, или готовитъ безсознательно «матеріалъ для революціонеровъ». Для успѣшной пропаганды соціализма «Впередъ!» разсчитывалъ особенно на выработку сначала хотя-бы немногочисленныхъ пропагандистовъ изъ народа (II, 247): «Разъ они нашлись, они *сейчасъ-же* становятся, каждый, центрами несравненно болѣе могучими, чѣмъ могли-бы быть мы съ вами и всѣ наши единомышленники изъ интеллигенціи, потому что этимъ пропагандистамъ изъ народа, говорящимъ съ народомъ о его

страданіяхъ, о его врагахъ, о средствахъ вырваться изъ его отчаяннаго положенія, этимъ братьямъ-апостоламъ революціи народъ *всегда* повѣритъ». И въ Іюлѣ 1874 г. одинъ изъ корреспондентовъ журнала какъ будто подтверждалъ ожиданія въ этомъ направленіи (III, А, 271):

«Въ политическомъ мартирологѣ получаетъ право гражданства новая рубрика преступниковъ. Здѣсь попадаются уже не тѣ отпѣтые студенты, на которыхъ махнули рукой и на которыхъ наши держиморды направлялись въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій; нѣтъ, чаще хватаютъ рабочихъ; число арестованныхъ работниковъ составляетъ половину, даже *большую половину* всѣхъ арестовъ!... Истина проникаетъ и туда».

Тогда же корреспонденты доставляли (III, А, 282) и примѣры стойкости нѣкоторыхъ арестованныхъ крестьянъ при допросахъ.

Но при всей этой пропагандѣ «революціоннаго», а не «легальнаго» пути, основнымъ мотивомъ было и осталось упомянутое уже выше положеніе, что дѣло революціонеровъ изъ интеллигенціи—«подготовлять» и *только* подготовлять революцію (I 4):

«Мы знаемъ, что разомъ торжество нашихъ цѣлей осуществиться не можетъ, что для него нужна подготовка, ясное пониманіе возможнаго въ данную минуту. Именно это возможное мы будемъ постоянно имѣть въ виду».

«Существенными и неизмѣнными» признавались съ самаго начала положенія (I, 14 и слѣд.):

«Лишь строгою и усиленною личною подготовкою можно выработать въ себѣ *возможность* полезной дѣятельности среди народа.

«Лишь внушивъ народу довѣріе къ себѣ, какъ личности, можно создать необходимыя *условія* подобной дѣятельности».

«Лишь уясняя народу его потребности и подготовляя его къ самостоятельной и сознательной дѣятельности для достиженія ясно понятыхъ цѣлей, можно считать себя *дѣйствительно полезнымъ* участникомъ въ современной подготовкѣ лучшей будущности Россіи.

«Лишь тогда, когда теченіе историческихъ событій укажетъ само минуту переворота и готовность къ нему народа русскаго, можно считать себя *въ правѣ* призвать народъ къ осуществленію этого переворота...

«Не теоретически только приходится подготовляться человѣку русскаго цивилизованнаго класса для возможности полезной дѣятельности въ народѣ. Онъ долженъ подготовлять себя къ тому и жизнью. Онъ долженъ употребить всѣ старанія, чтобы въ себѣ и около себя сгладить то рѣзкое различіе, которое привычка жизненной обстановки положила между классами въ Россіи. Онъ долженъ умѣть жить съ народомъ, долженъ пріучиться говорить съ нимъ, понимать его, сочувствовать ему не только въ общихъ, но и въ частныхъ вопросахъ...

«Подготовлять успѣхъ народной революціи, когда она станетъ необходима, когда она будетъ вызвана теченіемъ историческихъ событій и дѣйствіями правительства,—такова ближайшая цѣль дѣятельности, которую мы считаемъ обязательною для всякаго, кто желаетъ блага Россіи; для всякаго, кто искренно преданъ народной программѣ, поставленной нами выше».

То-же повторялось снова и снова (I, 23, 224; III, 185; A, 237; V, 120; № 26; 33 и слѣд.; № 29; 134; № 46; 722).

Рядомъ съ обязанностью революціонера намѣренно подготовлять себя для революціи и подготовлять ее въ окружающей его средѣ, указывались и элементы, которые, независимо отъ воли единицъ, подготовляютъ ее (№ 27; 67):

«Соціальный переворотъ самъ собою подготовляется въ Россіи, какъ во всемъ «цивилизованномъ» мірѣ, самыми успѣхами капиталистическаго строя. Но въ Россіи, какъ во всемъ «цивилизованномъ» мірѣ, убѣжденные соціалисты должны употребить всѣ свои усилія, чтобы этотъ переворотъ совершился при наименьшихъ страданіяхъ народа и съ наибольшими шансами быстраго установленія того именно порядка, который заключаетъ наибольшее число элементовъ, составляющихъ сущность рабочаго соціализма». Для Россіи почву соціальной ре-

волюціи нѣкоторые сотрудники изданія видѣли въ двухъ элементахъ: съ одной стороны, въ русскомъ народѣ съ его традиціями, съ другой—въ русской интеллигентной молодежи съ ея идейными стремленіями. Народъ, говорили они (№ 27; 69 и слѣд.):

«сохранилъ единственный *дѣйствительный* элементъ политической жизни, который существуетъ въ Россіи: онъ и въ крѣпостномъ подчиненіи сохранилъ солидарность и самоуправленіе міра, живую общественную единицу мелкой поземельной *общины*, живую общественную единицу подвижной рабочей артели». Но при этомъ (№ 27; 69—70). «именно то огромное большинство русскаго народа, которое заключало въ себѣ всѣ дѣйствительныя экономическія силы націи, весь трудъ ея, осталось внѣ движенія мысли, которое постепенно подготовило въ Европѣ, съ одной стороны пониманіе соціальныхъ вопросовъ рабочаго соціализма, съ другой стороны—сознаніе солидарности *всего* рабочаго класса въ борьбѣ его съ экономическими и государственными эксплуататорами.

«Для огромнаго большинства русскаго народа унаслѣдованное чувство солидарности общиннаго міра или артели въ разныхъ ея формахъ ограничивается самыми тѣсными предѣлами, за которыми начинается область соперничества и борьба за существованіе между голодающими и притѣсненными со всѣхъ сторонъ группами».

Другой элементъ будущаго рисовался слѣдующимъ образомъ (№ 27; 74 и слѣд.):

„Современная молодежь русскихъ интеллигентныхъ классовъ, чувствуя, подобно отцамъ и дѣдамъ, отвращеніе къ существующимъ идеаламъ русскаго общежитія—идеаламъ вліятельнаго лакейства и грабежа въ крупныхъ размѣрахъ—и не сдерживаемая никакими традиціонными политическими и общественными программами въ семьѣ и обществѣ, не имѣетъ причины остановиться, не доходя до самой рѣшительной программы современной мысли, до логически-необходимой программы соціальной революціи. Въ своихъ лучшихъ представителяхъ она самоотверженно примкнула къ этому знамени, несмотря на то, что оно враждебно экономическимъ интересамъ и привычкамъ общежитія того самаго класса, къ кото-

рому принадлежитъ почти вся эта молодежь. И вотъ, изъ семей собственниковъ, изъ общества, вся культура, всѣ знанія, всѣ средства котораго выросли на почвѣ экономическаго и политическаго эксплуататорства, выдвинулась по исторической необходимости новая фаланга борцовъ, которые рѣшились употребить эти средства, эти знанія на то, чтобы подорвать это самое эксплуататорство.

«Эта молодежь заключаетъ зерно, *достаточно—ясно понимающихъ* требованія соціалистической солидарности, понимающихъ и опасности, которыя могутъ грозить рабочему соціализму въ самую минуту совершенія переворота. Она заключаетъ группы *менѣе ясно* понимающихъ эти истины. Она заключаетъ въ значительномъ числѣ *сочувствующихъ* практическимъ требованіямъ рабочаго соціализма. Около нея народъ, *подготовленный* своими страданіями къ воспріятію этого ученія, подготовленный политическою традиціею общины и артели къ развитію соціалистическаго общежитія, подготовленный нравственною традиціею къ революціонной агитаціи.

«На этой молодежи изъ интеллигентныхъ классовъ, выработанной русскою исторіею, лежитъ обязанность связать готовые элементы народной политической силы въ солидарное цѣлое для соціальной революціи, помощью пропаганды требованій рабочаго соціализма и помощью соціально-революціонной агитаціи.

«На ней лежитъ обязанность иниціаторства въ организаціи соціально-революціонныхъ силъ русскаго общества для подготовленія и совершенія переворота. На ней лежитъ обязанность предотвратить опасности, грозящія русскому народу отъ недостатка связи между его частями и отъ недостатка недоступнаго ему знанія.

«На ней лежитъ обязанность предотвратить и въ *себѣ самой* то распаденіе и деморализацію, которыя парализовали стремленія ея отцовъ и дѣдовъ, вслѣдствіе недостатка взаимной поддержки и прочной связи, и которыя составляютъ исторически выработанныя болѣзни класса, изъ котораго она вышла".

И въ другомъ мѣстѣ (II, 240):

«Поэтому нашъ народъ, подавленный въ продолженіи вѣковъ классами, захватившими себѣ все развитіе

мысли, какое приходилось на долю Россіи, ждетъ отъ современной молодой интеллигенціи, чтобъ она обрекла себя на роль революціонныхъ агитаторовъ среди русскаго народа, чтобъ она принесла ему выработанную мысль, накопленное знаніе, ей доступное, уяснила ему его боли, дала опредѣленную форму его недовольству, придала его порывамъ цѣльность и организацію, вызвала изъ его среды представителей *интеллигентнаго революціоннаго крестьянства* и сошла со сцены, отдавъ народное дѣло въ руки народа, организованнаго около этихъ *настоящихъ* своихъ представителей. Это *можетъ* сдѣлать наша молодая интеллигенція; этимъ *можетъ* она помочь народу. Это она и *должна* сдѣлать, если она точно любитъ народъ, если точно она желаетъ ему блага, если не лжетъ, говоря о своихъ соціалистическихъ убѣжденіяхъ. Я вѣрю, что она это *сдѣлаетъ*.

При этомъ авторъ считалъ возможнымъ сказать на основаніи исторіи (II, 241 и слѣд.):

«Во всѣ эти фазисы своего мученичества народъ русскій не переносилъ терпѣливо своего положенія. Онъ протестовалъ, какъ могъ и какъ умѣлъ, но протестовалъ постоянно; и его протесты были нелегальны, потому что русскій государственный строй не нашелъ нужнымъ вмѣстить какую-нибудь легальную форму народныхъ протестовъ. Они были дики и грубы, потому что народъ былъ отрѣзанъ отъ всякаго развитія мысли. Но они были всегда *революціонны*, т. е. отрицали начисто наличный государственный строй... Нѣтъ, никогда не покорялся нашъ народъ терпѣливо; никогда не выносилъ тяжести строя, на него давившаго, безъ энергическаго протеста.

«Только его протесты были отрывочны и дурно разсчитаны; это были неорганизованные взрывы, и потому они могли быть временно удачны лишь тогда, когда и государство было плохо организовано... Но съ тѣхъ поръ знаніе и выработанная мысль вооружили государство и капиталъ средствами, прежде неизвѣстными, и народу приходится противупоставить врагамъ не элементарный инстинктъ массы, а выработанную силу соціалистической мысли, опирающуюся на разностороннее знаніе. Это-то знаніе, эта-то мысль, искусственно выработанная исто-

ріей, необходима народу для успѣха его новаго протеста, для торжества его будущей революціи. Для нея-то нужна ему интеллигенція, выработавшаяся изъ его среды или идущая ему на помощь».

Относительно подготовленія соціальной революціи въ Россіи дѣло формулировалось такъ (№ 28; 108):

«*Первымъ условіемъ* подготовленія соціальной революціи въ Россіи должна быть организація революціоннаго меньшинства, понимающаго задачи рабочаго соціализма, въ *средѣ общинныхъ и артельныхъ центровъ русскаго народа*. Убѣжденные соціалисты интеллигентнаго класса должны найти себѣ товарищей среди рабочаго народа, дѣйствующаго въ общинѣ и артели (во многихъ случаяхъ это уже сдѣлано), и сами должны стать членами общинъ и артелей, чтобы пропаганда, распространяющая число болѣе или менѣе ясно понимающихъ задачи рабочаго соціализма, чтобы агитація, увеличивающая число сочувствующихъ практическимъ требованіямъ соціальной революціи, шла не *извнѣ* привычныхъ центровъ народной солидарной жизни, а *изнутри* ихъ, и чтобы въ ту минуту, когда историческія событія позволятъ сказать: теперь время!—чтобы въ эту минуту народъ, подготовленный страданіями, накипѣвшей злобой, услышалъ призывъ къ революціи не отъ чужихъ людей, которые давно оставили свои общинные и артельные центры, а отъ людей, которыхъ голосъ онъ привыкъ слышать на мірскомъ сходѣ, за артельнымъ столомъ; отъ людей, которые ему *свои* по старой жизненной солидарности.

«Русскіе революціонеры пріобрѣтутъ солидарность и для *своего* союза лишь тогда, когда они войдутъ въ общинные и артельные центры народа, сохранившіе традицію солидарности.

«Тамъ должно образоваться ясно понимающее меньшинство, которое, во имя этого яснаго пониманія, соединитъ въ одно революціонеровъ рабочаго класса всѣхъ концовъ Россіи и тѣмъ самымъ положитъ начало теперь отсутствующей въ народѣ солидарности всѣхъ русскихъ рабочихъ.

«Тамъ, около этого меньшинства, сплоченнаго сознательной организаціей, должно разростаться, путемъ про-

паганды—число понимающихъ, путемъ агитаціи—число сочувствующихъ.

«*Оттуда*, въ надлежащую минуту, долженъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ, по городамъ и селамъ, грянуть призывъ, который, около понимающихъ и сочувствующихъ, подниметъ массы, исторически подготовленныя къ перевороту своими бѣдствіями. И подъ вліяніемъ *своихъ* людей, *давно* имъ знакомыхъ, *давно* близкихъ, массы пойдутъ на бой, который будетъ имѣть *опредѣленную* цѣль, и революція будетъ имѣть возможность совершаться, *дѣйствительно*, на началахъ *рабочаго соціализма*».

Эта мысль была развита еще подробнѣе вслѣдъ затѣмъ (№ 29; «Задачи организаціи соціально-революціонныхъ силъ въ Россіи»), причемъ авторъ преимущественно останавливался на вопросахъ объ организаціи революціонеровъ въ интеллигенціи и въ народѣ, объ агитаціи въ народѣ и въ войскѣ, о возбужденіи народныхъ волненій (въ этомъ смыслѣ былъ употребленъ терминъ «агитація дѣломъ»), объ организаціи прямой «борьбы съ правительствомъ» и о сношеніяхъ съ соціалистами другихъ странъ. Въ дальнѣйшей статьѣ разсмотрѣны были разныя формы соціально-революціонной пропаганды, возможныя на русской почвѣ, и желательныя формы соціалистической литературы въ Россіи, принявъ за основаніе слѣдующія положенія (№ 39; 493 и слѣд.):

«Соціально-революціонное дѣло должно заключаться не въ увлеченіи, продолжающемся нѣсколько минутъ, не въ случайномъ торжествѣ надъ существующимъ порядкомъ—людей, которые, на другой день послѣ побѣды, не будутъ знать, что имъ дѣлать, потому что не составили себѣ никакого опредѣленнаго и яснаго плана дѣйствій... Поэтому въ словесной и печатной пропагандѣ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ ничто не должно быть разсчитано на симпатіи сторонниковъ, способныя сгладить недостатки и покрыть промахи. Надо, чтобы соціально-революціонная пропаганда имѣла самостоятельное достоинство, независимое отъ симпатій и антипатій, ею возбуждаемыхъ».

Но сотрудники «Впередъ!» не всѣ были согласны относительно вопроса, на сколько русская интеллиген-

ція середины 70-хъ годовъ въ состояніи выполнить трудную роль, возлагаемую на нее предшествующими настроеніями предполагаемой народной революціи.

Журналъ много разъ возвращался къ тому положенію (не встрѣчавшему противорѣчія), что «либеральная» русская интеллигенція безсильна помочь народу». Въ первомъ-же томѣ говорилось (I, 9, 20, 21, A, 87):

«Всѣ политическія партіи съ ихъ конституціонными идеалами болѣе или менѣе либеральнаго свойства, всякая попытка замѣнить централизованную и буржуазную имперію централизованной и буржуазной республикой, замѣнить существующее распредѣленіе территорій другими распредѣленіями съ другими центрами и другими законами—все это намъ враждебно въ своемъ основномъ строѣ и индифферентно для насъ въ своемъ проявленіи...

«Мы лишь тогда признали-бы земскій соборъ правомѣрнымъ органомъ и дѣятелемъ русскаго общественнаго переворота, когда онъ состоялъ бы въ большинствѣ изъ представителей крестьянства, сознательно выбранныхъ этимъ крестьянствомъ съ цѣлью произвести общественное преобразованіе, согласное съ потребностями крестьянства, преобразованіе одновременно экономическое и политическое, и въ которомъ экономическія задачи обусловливали-бы политическія формы...

«Въ русской конституціонной партіи по европейскому образцу мы видимъ вообще своихъ прямыхъ враговъ, съ которыми намъ придется бороться при первой возможности серьезнаго столкновенія партій въ Россіи. Уже теперь мы будемъ постоянно противупоставлять ихъ программѣ на нашихъ страницахъ тѣ положенія, которыя мы считаемъ единственно раціональными для лучшей будущности русскаго народа и которыя концентрируются въ одной политической задачѣ: подчиненіе интересамъ крестьянства интересовъ всѣхъ прочихъ сословій; автономная *свѣтская община*, какъ основной элементъ русскаго государственнаго и общественнаго строя. Мы ожидаемъ, чтобы русскіе конституціоналисты поставили *эту* задачу во главѣ своей политической программы.

«Если кто изъ нашихъ легалистовъ-реформаторовъ искрененъ, тотъ убѣдится, что у ихъ партіи нѣтъ буду-

щаго; что при первомъ серьезномъ столкновеніи съ абсолютизмомъ, она должна разбиться, и никто, рѣшительно, никто ее не поддержитъ».

Начиная изданіе газеты, редакція писала (№ 2, 34): «Русская либеральная партія, надежда нашихъ умѣренныхъ легалистовъ, не имѣетъ никакой энергіи для борьбы;... она никогда не въ состояніи не только отстаивать у абсолютизма какія-либо «свободныя права», которыя Россіи дать не хотятъ, но даже не въ состояніи постоять за права легально-данныя, но которыя подвергнуты на каждомъ шагу осмѣянію и поруганію. Она вѣчно будетъ вздыхать и ворчать втихомолку; вѣчно будетъ цѣловать руку палачей Россіи и никогда не рѣшится на какую-нибудь рѣшительную, рискованную борьбу».

Снова и снова доказывалось, что либеральной буржуазіи, капиталистическому строю опасны и свобода мысли, и широкое участіе массъ въ политической жизни, которыя либералы выставляютъ на своемъ знамени (№ 21: «Діагнозъ и рецепты общественныхъ медиковъ»; № 23: «Ученыя фантазіи либеральныхъ оптимистовъ»; № 30: «Фатальное безсиліе либераловъ; № 32: «Русскіе консерваторы и русскіе либералы». Ср. о земцахъ и думцахъ I, A, 34 и слѣд.; II, 229 и слѣд. A, 49 и слѣд. и друг.; объ адвокатурѣ особенно III, A, 205 и слѣд. по поводу процесса Долгушинцевъ). Одна изъ этихъ статей заканчивалась слѣдующими строками, обращенными къ «почтеннымъ, но наивнымъ врагамъ», къ русскимъ либераламъ, (№ 30; 175 и слѣд.):

«Вы фатально приходите къ союзу съ консервативными элементами, къ противодѣйствію собственнымъ вашимъ либеральнымъ, патріотическимъ, филантропическимъ стремленіямъ. Вы становитесь опорами кулачества, иниціаторами окончательнаго раззоренія Россіи. Вы сами вызываете, съ одной стороны, раздраженіе все болѣе обездоленныхъ массъ, съ другой стороны, возмущеніе въ вашихъ болѣе свѣжихъ, болѣе молодыхъ, менѣе рутинныхъ товарищахъ. Вы сами подготовляете въ массахъ почву для проповѣди соціальной революціи; сами бросаете въ ея ряды молодежь, съ отвращеніемъ разглядывающую ваше безсиліе и ваше фатальное отступ-

ничество отъ лучшихъ девизовъ стараго либеральнаго знамени. И вы еще надѣетесь *этими* жалкими средствами бороться заразъ противъ абсолютизма и противъ энергическаго напора соціалистовъ... «На васъ даже нельзя сердиться.—Васъ можно только жалѣть».

Въ другой, обращаясь къ обвиняемымъ по политическимъ процессамъ, было сказано слѣдующее (III, А, 195, 228 и слѣд.):

«Молодежь, вступившая на путь народной пропаганды, должна узнать, садясь на скамью обвиняемыхъ, что ей спасенья нѣтъ, что она осуждена заранѣе. Она должна знать прежде, чѣмъ ее призовутъ на судъ, что она можетъ оградить себя отъ сыщиковъ, отъ слѣдствія, но что никакими юридическими формальностями она не оградитъ себя отъ жестокаго приговора судей. Законъ, говорящій въ защиту обвиняемаго, передъ *этимъ* судомъ не имѣетъ мѣста. Рѣчь адвоката, который сталъ на юридическую почву, есть въ *этомъ* случаѣ пустая болтовня. Дѣлаясь пропагандистами среди народа, будущіе мученики должны знать, что они враги правительства, и что правительство будетъ поступать съ ними, какъ съ врагами. Осторожная форма пропаганды, мягкость требованій имъ нисколько не поможетъ. Противъ нихъ стоятъ явные и тайные сыщики, и въ судѣ надъ ними будутъ засѣдать палачи. Они должны знать это и поступать соотвѣтственно этому положенію дѣлъ...

«Вамъ нечего надѣяться на законъ. И прежній законъ давалъ достаточное мѣсто произволу власти; новый законъ лишь расширяетъ возможность этого произвола.

«Вамъ нечего надѣяться на судей. Они назначены съ цѣлью не судить, а изломать васъ. Они воспользуются всѣми средствами Уложенія *противъ* васъ; они пренебрегутъ всѣми законами, которые могутъ говорить *за* васъ. Они съ тѣмъ сѣли на свое мѣсто, чтобы казнить васъ.

«Вамъ нечего надѣяться на защитниковъ, они будутъ блистать юридическимъ краснорѣчіемъ на почвѣ, на которой никакого результата получиться не можетъ. Они растопчутъ въ грязь самыя дорогія ваши убѣжденія;

они постараются унизить васъ, какъ людей, въ глазахъ слушателей, въ собственныхъ вашихъ глазахъ, они не упустятъ ни одного случая запачкать васъ.

«Вамъ можно надѣяться только на самихъ себя. Законъ не защититъ васъ. Судьи-палачи не пощадятъ васъ. Защитники-говоруны постараются унизить васъ. Отъ первыхъ вы ничѣмъ не можете охранить себя, ставъ предъ судомъ; но вы можете защититься отъ послѣднихъ.

«Вы можете, вы должны завоевать себѣ уваженіе, какъ личности. Вы не можете, вы не должны дозволить бросать грязь на ваше знамя, на ваше убѣжденіе...

«Вы не можете заставить молчать обвинителя, не можете оградить свои убѣжденія отъ оскорбленій, которыя онъ станетъ бросать на нихъ. Но вы можете, вы должны заставить молчать либерала-говоруна, который, подъ предлогомъ «облегченія вашей участи», оплёвываетъ васъ и ваше знамя.

«Откажитесь отъ защитника, который не рѣшится защищать ваши убѣжденія, если не какъ правильныя, то, по крайнѣй мѣрѣ, какъ неизбѣжныя. Откажитесь отъ защитника, который не возьметъ на себя обязанность не говорить ни слова, *ни одного слова*, унижающаго вашу программу, унижающаго вашу личность» *).

Но разница личныхъ взглядовъ между сотрудниками журнала проявилась особенно въ томъ, насколько «революціонная» интеллегенція въ состояніи быть подготовителемъ народной революціи. Въ этомъ отношеніи приведеннымъ выше цитатамъ можно противупоставить отрицаніе „революціонности“ русской молодежи, выраженное въ статьяхъ «Революціонеры изъ привиллегированной среды» (II, 122—155), «Солдатчина» (III, 188—272) и въ нѣкоторыхъ отрывочныхъ мѣстахъ. Опять иной оттѣнокъ имѣли статьи делегата русской студенческой группы (Судзиловскаго), сообщившаго этой группѣ че-

---

*) Вдумываясь въ отношеніи редакціи «Впередъ»! къ русскимъ либераламъ, можетъ быть, есть основаніе замѣтить, что она ошиблась *въ ихъ пользу*, считая ихъ всетаки, если не дѣйствительной, то *возможной* „политической партіей“, сдѣлаться которой они оказались совершенно неспособными.

резъ «Впередъ!» (№ 1—№ 15: „Народъ и студенчество“) отчетъ о своихъ наблюденіяхъ во время самарскаго голода.

Соціалистическое движеніе въ интеллигенціи, точно такъ же, какъ подготовленіе народной революціи противъ экономическихъ эксплуататоровъ, было для сотрудниковъ «Впередъ» тѣсно связано съ политическою борьбою противъ абсолютизма. Необходимость для русскаго народа свести «счеты» съ правительствомъ была указана въ спеціальной статьѣ перваго-же тома (I, 27—52): «Счеты русскаго народа»), и этотъ же характеръ имѣетъ рядъ статей, очерковъ и извѣстій, входящихъ въ составъ постояннаго отдѣла «Что дѣлается на родинѣ?», въ неперіодическомъ изданіи и въ газетѣ. Редакція помѣщала подробные разборы правительственныхъ документовъ или даже помѣщала послѣдніе цѣликомъ (напр. «Законъ о недозволенныхъ сообществахъ“ III, A, 121—160; «Записка, разосланная графамъ Паленомъ» № 15: 459—466; рядъ документовъ о правительственныхъ мѣрахъ, извѣстія о процессахъ, волненіяхъ въ студенчествѣ и въ народѣ и тому под.), точно такъ же, какъ она посвящала статьи русскимъ экономическимъ вопросамъ (напр. „Плоды реформъ“ V, I—120).

Во всѣхъ предшествующихъ пунктахъ программы редакція «Впередъ!» болѣе или менѣе была близка съ воззрѣніями другихъ соціалистическихъ фракцій. Разногласіе, существовавшее между ними по вопросу о пріемахъ «подготовленія» революціи, становилось особенно острымъ, въ области этого вопроса, когда дѣло шло, между прочимъ, о задачахъ расширенія знаній среди революціонеровъ, какъ необходимаго условія удачной борьбы.

Конечно, между фракціями не было разногласія по вопросу о противуположеніи научнаго элемента религіозному. Мысль о томъ, чтобы воспользоваться религіознымъ элементомъ для революціоннаго дѣла, не прихо-

дила въ голову въ это время ни одной фракціи заграничной русской литературы. Традиціи борьбы съ затхлымъ восточныхъ клерикализмомъ перешли цѣликомъ отъ либераловъ прежняго періода къ соціалистамъ новаго. Было уже упомянуто, что на первыхъ страницахъ «Впередъ!» первое мѣсто было посвящено „борьбѣ реальнаго міросзерцанія противъ богословскаго“ (I,3)хотя къ этому вопрссу пишущіе возвращались рѣдко, однако, всюду въ одномъ и томъ-же смыслѣ (I, 5; II: «Кому принадлежитъ будущее?»; III, Б, 3; V, 152; А 153; № 23: «Соціализмъ и историческое христіанство»; № 44: «Христіанскій идеалъ предъ судомъ соціализма», и др.).

Но горячую полемику между фракціями вызвала статья «Знаніе и революція» (I, 217—246), противъ которой было помѣщено (III, 147—152) «Письмо изъ Петербурга» и, рядомъ съ нимъ «Отвѣтъ на разныя критики» (III, 153—187). Едва ли не приходится считать эту полемику результатомъ недоразумѣнія. [1])

Значительный поводъ раздоровъ между европейскими соціалистами того времени, именно бакунинскій «анархизмъ» (имѣвшій совершенно иной характеръ, чѣмъ европейскій анархизмъ въ первой половинѣ 90 годовъ) очень мало касался Россіи и русскихъ революціонеровъ. Они для *своей* задачи были неизбѣжно враждебны государству, какъ оно существовало и функціонировало въ Россіи. Въ европейскихъ же государствахъ, въ противоположность русскимъ либераламъ, они не могли видѣть уже со времени статей Чернышевскаго, никакого общественнаго идеала. Однако, при разборѣ своихъ мѣстныхъ русскихъ задачъ, они не имѣли никакого повода принимать опредѣленное участіе въ борьбѣ между сторонниками Генеральнаго Совѣта Интернаціонала и мас-

---

*) Разсказываютъ слѣдующій анекдотъ: кн. Васильчикова спросили: читалъ ли онъ „Впередъ!“? Онъ отвѣтилъ будто бы: «я взялъ эту книгу, развернулъ, увидѣлъ, что тамъ спорятъ о пользѣ ученія, и не нашелъ нужнымъ читать далѣе». Дѣйствительно, было траги-комично, что въ 1873 году сторонникамъ передового движенія мысли приходилось полемизировать о пользѣ ученія.

сами рабочихъ соціалистовъ, исключенныхъ изъ Интернаціонала послѣ Гаагскаго конгресса. 1)

Редакція «Впередъ!», посвятила вопросу объ отношеніяхъ соціализма къ государственности рядъ замѣтокъ и болѣе значительный цѣлый этюдъ, совершенно независимо отъ другого ряда статей, посвященныхъ фактамъ раскола между западными соціалистами.

Изъ случайныхъ замѣтокъ, проходящихъ черезъ всѣ изданія «Впередъ!», можно указать слѣдующія (I, 7 и слѣд. 189; Б. 95 II, и; III, А, 224; V, 151; № 10; 294).

«Государства *такъ*, *какъ они существуютъ*, враждебны рабочему движенію, и всѣ они должны окончательно разложиться, чтобы дать мѣсто новому общественному строю, гдѣ самая широкая свобода личности не будетъ препятствовать солидарности между равноправными лицами и обширной кооперації для общей цѣли...

«Государства держатся чиновничествомъ и войскомъ, эта—общественная форма, съ помощью которой одна часть общества принуждаетъ другую жить и дѣйствовать, какъ угодно первой...

«Всѣ политическія учрежденія, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до сихъ поръ и существуютъ теперь, суть ничто иное, какъ организація, создаваемая эксплоатируемыми классами общества для существующихъ соціальныхъ отношеній, т. е. для сохраненія возможности эксплуатировать и грабить народныя массы...

«Для *современнаго* соціалиста не «безразличны формы правленія и государственное устройство», но... онъ, во имя своихъ соціалистическихъ убѣжденій, стремится разрушить всякую форму правленія и всякое государственное устройство, несогласное съ соціальными убѣжденіями; а съ ними не согласно ни одно изъ существующихъ государственныхъ устройствъ...

«Не «подрыванія государства» добиваются соціалисты,

*) Лѣтомъ 1873 г. по рѣшенію Генеральнаго Совѣта, переѣхавшаго тогда въ Нью-Іоркъ, перестали быть членами Интернаціонала всѣ національныя и мѣстныя федераціи, секціи и лица, принимавшія участіе въ конгрессахъ Брюсельскомъ, Кордовскомъ и Лондонскомъ, т. е. вся Бельгія, часть Италіи и часть британскихъ секцій.

а «обезпеченія лучшаго общественнаго строя» на развалинахъ современнаго государства, которое не можетъ быть «разрушено» горстью идеалистовъ, но которое рушится, потому что «само въ себѣ носитъ зародышъ разрушенія»...

«Государство въ наше время есть ничто иное, какъ политическое орудіе хищничества, обращенное, *всегда* на свой народъ, обращеннаго на сосѣдей въ минуту политическаго торжества».

Но спеціально этотъ вопросъ былъ разобранъ въ этюдѣ, появившемся въ 1876 году: „Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ“ (1876; онъ составляетъ первый—и единственный—выпускъ тома IV «Впередъ!» непеpіодическаго изданія), тамъ говорилось въ заключеніи (193 и слѣд.):

«Каковы же выводы изъ предшествующаго разсужденія? Какое значеніе имѣетъ государственный элементъ въ общемъ циклѣ міросозерцанія рабочаго соціализма?

«Этотъ элементъ является элементомъ необходимымъ въ теченіе длинныхъ историческихъ періодовъ, необходимымъ въ настоящемъ, необходимымъ въ будущемъ, и лишь въ томъ строѣ, который составляетъ цѣль рабочаго соціализма, этотъ элементъ можетъ быть устраненъ.

«Но особенность государственнаго элемента высказывается въ томъ, что во всѣхъ случаяхъ, при всѣхъ обстоятельствахъ, онъ долженъ быть (для блага общества) доведенъ до возможнаго минимума и, что всѣ другіе элементы, дѣлаясь основаніемъ общественной связи, стремятся довести его до этого минимума... По мѣрѣ того, какъ раціонализмъ начинаетъ проникать въ общежитіе, по мѣрѣ того, какъ реальныя начала получаютъ болѣе и болѣе мѣста въ соціалистическихъ соображеніяхъ, элементъ власти вызываетъ оппозицію со всѣхъ сторонъ и во имя всевозможныхъ началъ. Никто и никогда не ставитъ государство, элементъ власти, общественнаго порядка—цѣлью, оправдывающей собственное существованіе. Обычай для его рабовъ оправданъ тѣмъ самымъ, что онъ существуетъ. Религія освящена въ глазахъ вѣрующихъ тѣмъ, что она для нихъ есть очевидная истина. Общественное благо, справедливость, общественное благосостояніе, экономическія отношенія

представляютъ цѣли, которыя сами по себѣ заключаютъ поводъ стремиться къ нимъ и защищать ихъ. Но всякій законъ, всякое распоряженіе правительства, всякое измѣненіе въ формѣ власти всегда должны быть объяснены чѣмъ нибудь, *внѣ* ихъ заключающимся: поддержаніемъ обычая, волею боговъ, благомъ народа, экономическими и нравственными цѣлями, словомъ—чѣмъ угодно, только не сами собою. Государство, какъ законъ, какъ администрація, какъ судъ, само по себѣ никогда не имѣло смысла, и этотъ смыслъ долженъ былъ быть ему приданъ тѣмъ или другимъ связующимъ общественнымъ началомъ, которое, смотря по формамъ общественной культуры, было господствующимъ. *Это* начало составляло *цѣль*, *благо*, которое было желательно, и мысль о которомъ должна была руководить подданныхъ при ихъ подчиненіи власти, правительство при его распоряженіяхъ, законодателя при обсужденіи кодекса, судью при приложеніи закона, политическаго революціонера при замѣнѣ одной формы власти другою формою. Государство во всѣхъ органахъ и функціяхъ было не болѣе, какъ средствомъ для иной цѣли. Но отсюда уже слѣдовало само собою, что всякое поглощеніе общественныхъ силъ и общественной дѣятельности *средствомъ* для цѣли, совершаемое *на счетъ самой цѣли*, было нераціонально и составляло *злоупотребленіе* государственной власти. Если государство было въ глазахъ соціолога лишь средствомъ для блага народа, то всякое дѣйствіе власти, уклоняющееся отъ этой цѣли, было преступленіемъ и должно было быть сдѣлано невозможнымъ... Иначе говоря, государственной власти, государственному элементу слѣдовало предоставить во всѣхъ случаяхъ какъ разъ лишь размѣры, *крайне необходимые* для достиженія той общественной цѣли, для которой государство должно было служить средствомъ. Логика общественной науки требовала, какъ я сказалъ, чтобы собственно-государственный элементъ былъ постоянно доведенъ до минимума, чтобы общество отдавало сколько можно болѣе *добровольно*, *свободно* обычаю, религіи, общему благу, развитію экономическаго благосостоянія, справедливости и, какъ можно менѣе уступало въ этомъ случаѣ принужденію, власти, *государственному*

элементу. Государственный элементъ былъ во всякомъ случаѣ лишь *необходимымъ зломъ*...

«Такъ какъ полной солидарности въ обществѣ никогда не существовало, то на всѣхъ фазисахъ историческаго развитія прошедшаго времени, власть являлась необходимостью, и государственный элементъ игралъ значительную роль. Но онъ никогда не ограничивался той ролью, которая ему приходилась законно, какъ *дополнителю* недостатка общественной солидарности. Обладатели *фактической* власти постоянно пользовались этой властью, чтобы захватить себѣ болѣе общественнаго вліянія, чѣмъ имъ приходилось по условіямъ общественной культуры. Это неизбѣжно вызывало легальные и нелегальные протесты со стороны представителей обычая, религіи, экономическихъ или нравственныхъ интересовъ въ обществѣ, смотря по тому, который изъ этихъ жизненныхъ и связующихъ элементовъ общества считался высшимъ благомъ, и законною общественною цѣлью въ данную эпоху. Происходила борьба за власть, начало консервативное, начало *механической* связи общества, или элементъ, ограничивающій власть, начало болѣе или менѣе прогресивное, начало *органической* связи общества. Но съ теченіемъ исторіи все болѣе развивалось въ передовыхъ группахъ людей сознаніе, что роль государственнаго элемента, роль принудительной власти въ обществѣ должна ограничиваться лишь *дополненіемъ* недостатка связующей силы другихъ общественныхъ элементовъ; что государственная власть есть лишь средство для другихъ, болѣе жизненныхъ общественныхъ цѣлей; что государство есть лишь необходимое зло ,при недостаткѣ общественной солидарности. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивалось въ исторіи либеральное стремленіе все болѣе и болѣе понизить минимумъ государственнаго элемента въ общественной жизни...

«Современное государство стало противурѣчіемъ самому себѣ, отрицаніемъ самого себя... Всеобщая конкуренція не дозволила возникнуть никакому связующему элементу въ обществѣ. Въ настоящемъ строѣ отсутствуетъ всякое солидарное начало. *Общество* стремится снова обратиться въ *совокупность особей*. Само собою разумѣется, что общественный порядокъ, при которомъ

общество распадается на отдѣльныя особи, долго существовать не можетъ; пока общественный порядокъ существуетъ на нынѣшнихъ основаніяхъ, для него исхода нѣтъ.

«На замѣну ему выступаетъ рабочій соціализмъ. Онъ связанъ съ предыдущимъ строемъ тѣмъ положеніемъ, что и для него экономическія отношенія составляютъ основу всѣхъ прочихъ общественныхъ задачъ, но онъ даетъ вопросу объ экономическихъ отношеніяхъ между личностями совсѣмъ иное рѣшеніе, чѣмъ буржуазная соціологія. Онъ устанавливаетъ новые элементы общественной солидарности и устраняетъ изъ общества всѣ элементы вражды личностей и группъ, которые вызвали совершенное общественное разложеніе, именно устраняетъ монопольную собственность, всеобщую экономическую конкуренцію и общественный паразитизмъ. Рабочій соціализмъ имѣетъ, слѣдовательно, за себя шансы создать прочный общественный порядокъ. Какъ всѣ предшествующіе общественные порядки, онъ съ самаго начала и во всѣхъ фазисахъ своего развитія становитъ себѣ цѣлью доведеніе государственнаго элемента до минимума, но ставитъ эту цѣль съ самаго начала сознательно и при томъ представляетъ возможность довести въ своихъ дальнѣйшихъ фазисахъ этотъ элементъ до минимума несравненно меньшаго, чѣмъ тѣ минимумы, которые представляла предшествующая исторія. Эта возможность представляется опять таки потому, что рабочій соціализмъ стремится развить, помощью общаго труда и свободныхъ союзовъ разныхъ формъ, несравненно высшую степень солидарности для всѣхъ особей, входящихъ въ будущее общество, чѣмъ это можно было сдѣлать какому-либо прежнему строю По мѣрѣ достиженія этой солидарности, минимумъ государственнаго элемента въ обществѣ можетъ и долженъ уменьшаться, но не должно себя обманывать иллюзіею надежды на его уничтоженіе разомъ или путемъ внезапнаго переворота. Внезапные перевороты не создаютъ солидарности. Она развивается постепенно въ рядѣ поколѣній, а пока она не осуществилась въ обществѣ, до тѣхъ поръ, государственный элементъ, элементъ власти и принужденія, вполнѣ исчезнуть изъ общества не можетъ. Онъ не можетъ исчезнуть *наканунѣ* соціальной рево-

люціи, когда соціально-революціонный союзъ въ Россіи или международный союзъ рабочихъ въ Европѣ и въ Америкѣ будетъ представлять армію, готовящуюся къ бою за новый міръ, но всѣ солдаты которой выросли въ старомъ мірѣ конкуренціи, монополіи и паразитизма. Онъ не можетъ исчезнуть и *на другой день* послѣ соціальной революціи, когда побѣдители будутъ окружены внѣшними и внутренними врагами и сами еще будутъ носить въ себѣ слѣды побѣжденнаго міра. Онъ можетъ исчезнуть лишь въ тотъ періодъ, когда солидарность общаго труда въ свободныхъ союзахъ охватитъ все общество. Никто не въ состояніи вызвать этотъ моментъ въ жизни внезапно и безъ предварительнаго подготовленія, но всякій можетъ приблизить его, вырабатывая въ себѣ и около себя то чувство и ту практику солидарности, которыя составляютъ нравственное требованіе рабочаго соціализма и которыя одни, охватывая всѣ органы и всѣ функціи общества, въ состояніи довести наконецъ все убывающій минимумъ государственнаго элемента въ будущемъ обществѣ до нуля."

Относительно раскола въ Интернаціоналѣ «Впередъ!» въ первомъ-же томѣ принялъ слѣдующее положеніе (I, Б, 3):

«Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ полной искренности въ преданности дѣлу пролетаріата всѣхъ личностей, находящихся уже нѣсколько лѣтъ во главѣ движенія, Международной Ассоціаціи Рабочихъ, личностей, когда-то дѣйствовавшихъ дружно, теперь раздѣленныхъ ожесточенною враждою, но, при этой враждѣ, продолжающихъ существенную—и единственно существовавшую борьбу—борьбу настоящаго, рабочаго пролетаріата съ государствомъ и съ капиталомъ. Мы не позволимъ себѣ ни одного оскорбительнаго подозрѣнія относительно людей, заслужившихъ и продолжающихъ заслуживать уваженіе своимъ участіемъ въ этой борьбѣ, хотя мы вовсе не закрываемъ глаза на личное увлеченіе страстью и на многочисленныя ошибки, иногда весьма вредныя для общаго дѣла, сдѣланныя обѣими партіями. Мы постараемся удалить наиболѣе оскорбительныя черты изъ самаго отчета о борьбѣ за преобладаніе той или другой партіи. Мы постараемся даже

устранить по возможности вопросъ о личностяхъ въ этой борьбѣ, передавая читателямъ лишь общіе результаты; но самая борьба составляетъ неуничтожаемый и самый замѣтный фактъ *внѣшней* исторіи рабочаго движенія въ наше время, а потому намъ приходится изложить читателю ея послѣдніе фазисы».

Редакція не разъ напоминала объ этомъ принятомъ ею рѣшеніи (II, Б, 3, 27), старалась остаться вѣрной ему и передала одинаково подробно отчеты о дѣятельности всѣхъ фракцій, о которыхъ она могла получить извѣстіе.

По отношенію къ другимъ соціалистическимъ и революціоннымъ фракціямъ въ Россіи „Впередъ!“ старался осуществить ту политику, которая была формулирована слѣдующимъ образомъ его главнымъ редакторомъ въ послѣднемъ номерѣ газеты (№ 48; 788):

«Каковы-бы ни были иные недостатки «Впередъ!» въ его прежнихъ формахъ, въ *одномъ* едва-ли когда обвинятъ его читатели, именно въ излишнемъ вниманіи къ нападкамъ на него, сыпавшимся со стороны другихъ соціалистическихъ группъ: онъ удѣлялъ этимъ нападкамъ возможно менѣе мѣста и проходилъ молча мимо всего того, мимо чего могъ пройти молча» [1]).

Упомянемъ еще объ одномъ вопросѣ, который, особенно въ послѣдніе годы существованія «Впередъ!» живо интересовалъ его редакцію, какъ практическое примѣненіе принципа интернаціонализма, внесеннаго въ но-

[1]) Лишь на нападенія „русскихъ Якобинцевъ“ редакція сочла (можетъ быть, и тутъ ошибочно) необходимымъ отвѣчать. Ей казалось, что *эти* противники имѣютъ нѣкоторые шансы соблазнить волнующуюся и нетерпѣливую русскую молодежь къ способу дѣятельности, который оторвалъ бы ее отъ всемірнаго историческаго движенія соціализма, не представляя никакого ручательства въ большемъ успѣхѣ въ борьбѣ съ русскимъ абсолютизмомъ. Послѣдующія событія, можетъ быть, позволили убѣдиться, что шансы якобинизма были дѣйствительно значительны и быстро увеличились, какъ только онъ оставилъ въ сторонѣ свою неловкую борьбу противъ всѣхъ направленій русскаго соціализма, но усвоилъ себѣ принципіальныя требованія послѣдняго.

вѣйшую исторію соціализмомъ, къ очень важному *русскому* затрудненію. Это было примиреніе и союзъ поляковъ съ русскими на почвѣ общей борьбы противъ капиталистическаго строя всюду, и противъ русскаго абсолютизма въ частности.

Программа «Впередъ!» уже съ самаго начала высказалась относительно принципа націонализма и относительно славянскаго вопроса въ особенности слѣдующимъ образомъ (1, 10, 24, 25):

«Вопросъ *національный*, по нашему мнѣнію, долженъ совершенно исчезнуть передъ важными задачами соціальной борьбы. Національности представляютъ совершенно-реальную и неизбѣжную почву для каждаго общественнаго процесса. Приходится дѣйствовать въ *данной* мѣстности, на общество, говорящее *даннымъ* языкомъ, выработавшееся до *данной* культуры. Если это не взять въ соображеніе, то цѣль общественной дѣятельности получитъ совершенно отвлеченное значеніе и никогда не осуществится. Въ разныхъ мѣстностяхъ, для разныхъ національностей задачи даннаго мгновенія могутъ быть различны, но каждая нація должна дѣлать *свое* дѣло, сходясь въ общемъ стремленіи къ общечеловѣческимъ цѣлямъ... Эти принципы неизбѣжно требуютъ самой рѣшительной борьбы противъ той національной раздѣльности, противоположности, враждебности, которыя еще слишкомъ часто отзываются въ привычкахъ даже мыслящихъ людей...

«Живыми партіями въ средѣ славянъ мы признаемъ лишь тѣ, которыя пишутъ на своемъ знамени, рядомъ съ девизомъ независимой національности, девизъ соціальной борьбы противъ монополіи частныхъ собственниковъ и капиталистовъ, научной борьбы противъ религіознаго элемента...

«Это разрѣшаетъ и самый трудный, повидимому, для русскаго вопросъ, вопросъ польскій. Кто поставилъ интересы хлоповъ выше интересовъ шляхты, кто бьется за идеалъ европейской федераціи свободныхъ общинъ, тотъ нашъ братъ и союзникъ. Въ будущей федераціонной Европѣ границы между федеративными единицами будутъ имѣть крайне мало значенія. Если бы нашимъ единомышленникамъ пришлось говорить во все-

россійскомъ земствѣ о вопросѣ между Польшей и Россіей, они предположили бы, конечно, чтобы каждая община рѣшила самостоятельно, независимо отъ всей предыдущей исторіи, къ какой національности, къ какому государственному или соціальному центру она потянетъ. При дальнѣйшемъ же самодержавіи общинъ различіе національностей становится лишь блѣднымъ преданіемъ исторіи, безъ практическаго смысла. Защитники преобладанія шляхты и союзники католицизма — враги наши, потому что они, прежде всего, враги народа польскаго».

И позже «Впередъ!» посвящалъ работы, какъ этимъ вопросамъ вообще (№ 16; «Историческій фатализмъ»), такъ въ особенности польскимъ дѣламъ (III, A, 99 и слѣд.; I. 105. Б, 148 и слѣд.; V, 169; № 2; 45 и слѣд.; № 6: 189, № 44: 664 прим.) въ той мѣрѣ, въ какой въ послѣднія проникалъ соціалистическій интернаціонализмъ. Редакція «Впередъ!» вступила членомъ въ «польскій соціалистическій рабочій союзъ» (№ 14; 448) и въ «Dzenniku Polskom» появилось сочувственное заявленіе русскимъ соціалистамъ (№ 17; 533 и слѣд.). Нѣкоторые члены редакціи присутствовали на лондонскомъ собраніи 23 Января 1875 г. White Horse, гдѣ, въ присутствіи Карла Маркса, Энгельса и нѣкоторыхъ членовъ бывшей Парижской Коммуны, Врублевскій связалъ въ своей рѣчи борьбу за независимость Польши съ борьбою противъ экономическихъ притѣснителей народа. Затѣмъ на собраніи 4-го Декабря того же года, гдѣ русскіе и польскіе соціалисты побратались во имя общаго соціалистическаго дѣла, было сказано, между прочимъ (№ 24; 761):

«Мы, приверженцы международнаго рабочаго соціализма новаго времени, можемъ съ полнымъ правомъ почтить, въ ряду нашихъ предшественниковъ, и борцовъ за независимость польскаго народа, въ память которыхъ мы собрались сегодня. На могилахъ старыхъ борцовъ, боровшихся подъ разноцвѣтными знаменами и разнообразными гербами, да соберутся всѣ народы теперь подъ единымъ краснымъ знаменемъ соціальной революціи, знаменемъ солидарности всѣхъ трудящихся и всемірной справедливости. Во имя этого, общаго намъ всѣмъ зна-

мени, привѣтствуемъ прошедшее, насколько оно подготовило настоящее, но выше и прежде всего привѣтствуемъ это настоящее, которое *одно* можетъ рѣшить задачи, поставленныя прошедшимъ. Привѣтствуемъ союзъ солидарныхъ рабочихъ всѣхъ странъ противу всѣхъ силъ стараго міра. Привѣтствуемъ его, товарищи всѣхъ славянскихъ нарѣчій, товарищи всѣхъ европейскихъ языковъ, товарищи всѣхъ расъ человѣчества».

На собраніи 22 января 1876 г. положено было, по предложенію Врублевскаго, начало «Международной лиги соціальныхъ революціонеровъ», которая и конституировалась 5 февраля. Редакція и наборня «Впередъ!» рядомъ съ соціально-революціоннымъ польскимъ обществомъ «Lud polski» подписали 4 іюня 1876 г. воззваніе «Рабочимъ соціалистамъ Соединенныхъ Штатовъ» отъ славянскихъ соціально-революціонныхъ обществъ Лондона (№ 37; 451 и слѣд.).

Но, при всѣхъ этихъ заявленіяхъ интернаціональнаго характера, «Впередъ!» признавалъ себя органомъ *соціалистовъ-народниковъ*, формулируя свое народничество слѣдующимъ образомъ (I, 59):

«Изъ трехъ терминовъ знаменитой уваровской троицы, самодержавіе и православіе осуждены исторіей, осуждены логикой.

«Остается третій—народность».

«Не народность, ненавидящая нѣмцевъ, поляковъ, жидовъ, но народность, какъ солидарное цѣлое равноправныхъ личностей; народность, какъ единство мыслящихъ русскихъ, желающихъ блага и развитія братьямъ, желающихъ человѣчной роли для своего отечества.

«*Эта* народность остается».

Резюмируя предыдущее, можно сказать, что политическая и соціальная программа «Впередъ!» именно такъ, какъ она выработалась постепенно по частнымъ вопросамъ въ продолженіе 5-ти-лѣтняго существованія изданія, была формулирована, какъ «личный» взглядъ гла-

внаго редактора, въ послѣднемъ номерѣ газеты, слѣдующимъ образомъ (№ 48; 489 и слѣд.):

«I. Всѣ усилія соціалистовъ нашего времени должны быть направлены на замѣну нынѣшняго общественнаго строя другимъ, устроеннымъ на началахъ *рабочаго соціализма*, основаніе котораго есть *принципъ коллективизма*: отдавай всѣ силы общему дѣлу, развивайся въ процессѣ этой дѣятельности и бери отъ общества лишь необходимое для своего существованія и развитія,

«2. Общежитіе, осуществляющее этотъ принципъ, и предполагаетъ:

«а, Общность имущества.

«б. Всеобщій колдективный трудъ для всеобщаго развитія.

«в. Солидарность всѣхъ рабочихъ.

«г. Свободную федерацію, какъ типъ всякаго общежитія.

«3. Переворотъ, къ которому стремятся соціалисты нашего времени, не можетъ быть совершенъ легальнымъ путемъ, и потому требованія рабочаго соціализма могутъ быть осуществлены лишь путемъ *соціальной революціи.*

«4. Переворотъ этотъ можетъ быть совершенъ лишь рабочимъ пролетаріатомъ, и потому всякая революція, ставящая себѣ цѣлью осуществленіе началъ рабочаго соціализма, можетъ быть успѣшна лишь въ томъ случаѣ, когда она будетъ *народною революціей.*

«5. Соціальная революція въ Россіи должна быть подготовлена тайной *организаціей революціонныхъ силъ*, дѣйствующихъ путемъ *пропаганды и агитаціи*, пока онѣ не будутъ достаточно велики для производства обширнаго революціоннаго взрыва.

«6. Организація революціонныхъ силъ, имѣющая наиболѣе шансовъ достичь указанной цѣли, должна идти слѣдующимъ путемъ:

«а. Убѣжденные соціалисты революціонеры изъ интеллигенціи составятъ первый кадръ этой организаціи.

«б. Размѣстившись среди народа въ нѣсколькихъ наиболѣе удобныхъ для этого областяхъ Россіи, они сгруп-

пируютъ около себя всѣ лучшія силы народа въ этихъ областяхъ въ революціонныя группы.

«в. Они соединятъ всѣ соціально-революціонныя рускія группы, разсѣянныя въ упомянутыхъ областяхъ и состсящія въ большинствѣ изъ народа, въ обширную соціально-революціонную федерацію.

«г. Пропаганда соціальной революціи на столько проникнетъ въ войско, чтобъ внести въ него разстройство и разложеніе при народномъ возстаніи.

«д. Когда соціально-революціонная организація будетъ достаточно сильна, то она воспользуется неизбѣжными волненіями и возстаніями въ народѣ, чтобы обобщить эти бунты, до тѣхъ поръ не имѣющіе значенія, въ революціонный взрывъ, долженствующій охватить большую часть Россіи.

«7. Мѣстные неудачные бунты не могутъ считаться удобнымъ способомъ подготовленія общаго революціоннаго взрыва въ Россіи и, слѣдовательно, убѣжденный соціалистъ-революціонеръ не имѣетъ права вызывать ихъ, пока соціально-революціонная организація недостаточно сильна для вѣроятной побѣды революціи. Онъ долженъ противудѣйствовать безплодной тратѣ народныхъ силъ въ безнадежныхъ вспышкахъ по пустымъ предлогамъ и безъ всякой вѣроятности побѣды. Но когда въ мѣстности, гдѣ онъ дѣйствуетъ, вспыхнулъ народный бунтъ независимо отъ его воли, вслѣдствіе экономической эксплуатаціи народа или притѣсненій и оскорбленій его представителями правительства и лицами изъ господствующихъ классовъ, то убѣжденный соціалистъ-революціонеръ, истощивъ усилія противудѣйствовать неразумной вспышкѣ, долженъ биться въ рядахъ возставшаго народа и раздѣлять его судьбу.

«8. Дѣло убѣжденныхъ приверженцевъ рабочаго соціализма (большинство которыхъ должно тогда принадлежать народу) въ минуту побѣдоноснаго взрыва революціи будетъ заключаться въ направленіи этого взрыва къ осуществленію революціоннымъ путемъ началъ рабочаго соціализма.

«9. Для исполненія и расширенія перваго кадра со-

ціально-революціонной организаціи, а также для усиленія послѣдующей затѣмъ соціально-революціонной федераціи группъ, убѣжденные соціалисты-революціонеры должны до самаго революціоннаго взрыва всѣми силами распространять среди интеллигенціи соціально-революціонныя идеи и воспитывать въ ней привычки солидарности, путемъ коллективной жизни, коллективной организаціи и постепеннаго введенія всѣхъ способныхъ на это лицъ въ соціально-революціонное дѣло».

4. Литературная полемика.

Въ подпольной русской литературѣ разсматриваемой эпохи была отрасль, на которой почти вовсе не отзывались раздоры фракцій. Это была пропагандистская и агитаціонная литература, назначенная для народа. Не только произведенія ея, издаваемыя въ лондонской и женевской наборняхъ, имѣли очень сходный характеръ, но нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе удачно составленныя ими, имѣвшія по той или другой причинѣ большій успѣхъ, издавались одновременно въ разныхъ наборняхъ. Эти агитаціонныя брошюры появлялись въ нѣсколькихъ изданіяхъ, отражавшихъ до извѣстной степени на себя измѣненія, имѣвшія мѣсто въ настроеніяхъ издательскихъ группъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны послѣдовательныя изданія «Хитрой Механики» (авторъ которой, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ благополучно дѣйствуетъ въ предѣлахъ Россіи, какъ умѣренный и либеральный земецъ, по крайней мѣрѣ, такъ было тому нѣсколько лѣтъ назадъ). Нѣкоторыя изданія ея характеризованы тѣмъ убѣжденіемъ, что для соціальнаго переворота приходится разсчитывать исключительно на народное движеніе, тогда какъ интеллигентная молодежь можетъ играть лишь роль пособника, не имѣющаго никакого самостоятельнаго значенія; т. е., эти изданія отражаютъ настроеніе, подъ которымъ писаны упомянутыя выше статьи въ родѣ «Революціонеры изъ привилегированной среды» («Вп.» II) и которое формулировано Дебагоріемъ-Мокріевичемъ въ его воспоминаніяхъ слѣдующими словами, выражающими отношеніе народниковъ-пропагандистовъ къ рабочимъ:

«Вы—краеугольные камни будущаго строя», нашептывали они рабочему. «Рабочіе—революціонеры! Рабо-

чіе герои! А мы интеллигенты—ни къ чорту не годны. Мы дворяне — всѣ дрянь»... и прочее въ такомъ родѣ.

Въ другихъ изданіяхъ «Хитрой механики», подъ вліяніемъ арестовъ, процессовъ и общаго характера агитаціи въ Россіи, отношеніе къ интеллигенціи уже очень измѣняется, и эта интеллигенція выступаетъ, какъ элементъ революціи, имѣющій значеніе и самъ по себѣ. Затѣмъ, въ этомъ отношеніи наблюдается и еще разъ измѣненіе въ прежнемъ направленіи.

Другія модификаціи въ послѣдовательныхъ изданіяхъ нѣкоторыхъ брошюръ имѣютъ чисто-эстетическій характеръ. Такъ, одно изъ самыхъ отдѣланныхъ произведеній въ этомъ отношеніи (впрочемъ, для интеллигентныхъ читателей, такъ какъ оно не было достаточно приспособлено къ чтенію народомъ, или среди народа), именно «Внушителя словили», встрѣчается съ двумя разными окончаніями, очевидно, лишь по тому соображенію, что болѣе короткій текстъ литературно изящнѣе. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что брошюры, имѣвшія наиболѣе успѣха при распространеніи въ народѣ, были вовсе не тѣ самыя, которыя съ особеннымъ жаромъ читались революціонною молодежью. Къ первой категоріи, по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, принадлежали, особенно упомянутая «Хитрая Механика» и брошюра Л. Тихомирова, циркулировавшая въ разныхъ изданіяхъ подъ названіемъ «Четыре странника» или «Правда и Кривда» *), «Четыре брата» и друг. Первая, направленная преимущественно на разъясненіе крестьянамъ системы податей и эксплуатаціи народа, вызвала подражаніе (напр. брошюру, начинающуюся словами:

*) Не слѣдуетъ смѣшивать съ другою „О правдѣ и Кривдѣ“, составленіе которой, такъ же, какъ „Мудрицы Наумовны“, принадлежитъ автору „Подпольной Россіи“. Само собою разумѣется, что всѣ эти подпольныя изданія для распространенія въ Россіи носили на оберткѣ самыя разнообразныя названія: „Слово на Великій Пятокъ преосвященнаго Тихона Задонскаго“ „Чудесная сказка о семи Семіонахъ“, «О смутномъ времени на Руси», „Первые вѣка христіанства“ и т. под. Нѣкоторыя изданія иллюстрированы агитаціонными виньетками на манеръ лубочныхъ. На иныхъ заглавіяхъ виньетки взяты изъ „Народныхъ чтеній въ Соляномъ городкѣ“.

«Самъ я изъ безсрочныхъ»), не имѣвшія, впрочемъ, такого успѣха, какъ «Хитрая Механика», такъ какъ небыли достаточно приспособлены къ чтенію въ народѣ, и изложеніе было не такъ удачно. Много циркулировала, какъ слышно, «Сказка о копѣйкѣ», хотя ея литературное достоинство гораздо ниже *). Напротивъ, въ народѣ, говорятъ, имѣли очень небольшой успѣхъ «Мудрица Наумовна», «О правдѣ и кривдѣ», иные отрывки которыхъ читались и перечитывались съ жаромъ среди соціалистической молодежи (по крайней мѣрѣ, за границей), или «Внушителя словили» и другіе разсказы, вошедшіе въ изданіе «Работникъ» **).

Общею характеристикою этихъ изданій можно признать прежде всего опредѣленный характеръ агитаціи, какъ противъ русскаго абсолютизма, такъ и противъ капитализма; во вторыхъ, склонность изображать ожидаемую революціонную катастрофу въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ, и еще, пожалуй, изображеніе недовольства и революціоннаго элемента въ русскомъ крестьянствѣ далеко болѣе широкимъ и сильнымъ, чѣмъ его увидѣли въ дѣйствительносстн тѣ, которые шли „въ народъ", словомъ такимъ, какимъ-бы они *желали* его видѣть.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ этихъ чертъ.

Разбирая систему налоговъ въ Россіи съ точки зрѣнія эксплуатаціи народа и роль войска, авторъ «Хитрой Механики» говоритъ (2 изд., 28—31): «Тяжело, братъ, подумать, какъ это самодержавіе да дворяне такъ умѣютъ нашего брата испортить, что въ немъ и человѣческаго подобія не найдешь, что готовъ онъ своего кормильца — мужика отца и мать зарѣзать, и что рука у него не дрогнетъ. Да, тяжело, братъ, какъ вникнешь-то, что мы эдакъ сами себя рѣжемъ, грабимъ, бьемъ, и все для того, чтобы нашимъ врагамъ и наши деньги, и нашихъ

---

*) Мнѣ совсѣмъ не извѣстно, кто ея авторъ, и даже, когда она появилась. На экземплярѣ, у меня имѣющемся, стоитъ дата 1870 „Изданіе второе". Но на это положиться нельзя.

**) Мнѣ его извѣстно два выпуска 1875 и 76 годовъ. Одно изданіе вышло въ Женевѣ, но „Внушителя словили", издано и въ Лондонѣ. Этого „Работника" не слѣдуетъ смѣшивать съ журналомъ того же названія.

дѣтей отдавать... Ну, да подожди; придетъ пора, возьмемся и мы за умъ...

«Эхъ! Да подожди, проснется народъ, да скинетъ съ плечъ своихъ выносливыхъ этихъ пьявицъ—баръ, да кулаковъ и заживетъ тогда весело, да припѣваючи. Только помни, Андрей, чтобы богатыхъ тогда не было, потому—зарубить себѣ на память—что это вездѣ и все, гда такъ и было и будетъ, что кто богатъ, да силенъ-тотъ отъ податей всегда будетъ льготенъ, всю ту тяжесть на бѣдныхъ наложитъ. Помни это!..

«Хитрую механику настроили чиновники съ боярами, да фабриканты съ кулаками, чтобы свалить на наши крестьянскія спины всѣ расходы на ихъ барское житье, на ихъ кулаческое пированіе.

«И таково хитра эта механика, говорилъ мнѣ Степанъ, что оставь ты въ ней хоть ниточку, сейчасъ, глядишь, вся она выростетъ снова. Прогони баръ, прогони піявицъ - чиновниковъ, оставь только однихъ кулаковъ нашихъ крестьянскихъ — и оглянуться не успѣешь, какъ у тебя безпремѣнно опять всѣ старые порядки будутъ.

«Да, хитрая эта механика. Чтобы крестьянскому люду полегчало, всю ее надо прочь, какъ есть всю. Коли чиновники да бояре объявятъ какіе ни на есть тамъ законы, будто бы для льготности нашему брату—это они намъ только глаза отводятъ. Коли богачи да люди властные вздумаютъ передъ народомъ такое колѣнце выкинуть, будто они изъ своей мошны да ему сиволапому помочь хотятъ,— это они еще пуще прежняго къ рукамъ прибрать хотятъ. Нѣтъ и не будетъ добра крестьянству отъ его исконныхъ враговъ, отъ его мучителей вѣковѣчныхъ».

Л. Тихомировъ, при встрѣчѣ четырехъ братьевъ, которые пошли въ четыре стороны свѣта «искать, гдѣ лучше», и поиски которыхъ кончились тѣмъ, что они вмѣстѣ съ арестантами въ кандалахъ идутъ по «дорожкѣ Владимірской», влагаетъ въ ихъ уста слѣдующія слова («Четв. Стр.» 61 и слѣд.):

«Что же, братцы, говоритъ Иванъ, нигдѣ нѣту мѣста для бѣднаго, видно всѣ мѣста богатыми заняты. Исходили мы всю Русь-матушку, и одно мы повсюду видѣли: вездѣ богатые грабятъ бѣднаго, вездѣ грабятъ народъ

міроѣды проклятые, тѣ дворяне, фабриканты и хозяева! Они держатъ рабочій людъ въ кабалѣ, обираютъ до ниточки, да передъ нимъ еще величаются и ругаютъ его мужикомъ дуракомъ. А начальство разное, вмѣстѣ съ чиновниками о своей лишь выгодѣ думаютъ и о бѣдныхъ людяхъ не заботятся, и всегда они стоятъ за богатаго, защищаютъ лютыхъ грабителей, и законовъ также понаписывали, чтобы бѣдныхъ связать по рукамъ, по ногамъ, головой ихъ выдать грабителямъ...

«А народъ! Сердце ноетъ, какъ вздумаешь, какъ покорно онъ переноситъ гнетъ, всякой сволочи онъ покоряется и не чувствуетъ своей силушки. Глупъ народъ, братья милые, трусъ народъ православный, и спитъ онъ сномъ непробуднымъ, словно въ сказкѣ богатырь заколдованный; словно вши и блохи мелкія, его кровь сосутъ міроѣды грабители, а народъ спитъ и не чувствуетъ...

«Только все же, братцы любезные, все же наступитъ конецъ беззаконію. И ударитъ грозный часъ, пробудится народъ, онъ почуетъ въ себѣ силу могучую, силу необоримую, и раздавитъ онъ тогда всѣхъ грабителей, всѣхъ мучителей безжалостныхъ; рѣки крови прольетъ онъ въ гнѣвѣ своемъ и жестоко отомститъ притѣснителямъ...

«Министры съ боярами, фабриканты и помѣщики, всѣ монахи лицемѣрные, всѣ мучители народные, всѣ получатъ воздаянія за грѣхи свои тяжелые. Всѣхъ ихъ сотретъ народъ съ лица земли и потомъ заживетъ припѣваючи.

«Не сдержать клѣткѣ орла могучаго, не сдержать тюрьмѣ добра молодца. Мы уйдемъ, братцы мои, на Русь-матушку, мы пойдемъ будить православный народъ: «Ужъ вы встаньте, встаньте, мужики черные, вы оставьте свою трусость глупую, вы почуйте свою силу могучую. Поднимайтесь, православные, какъ божья гроза, и уничтожьте всѣхъ своихъ недруговъ!...

«Съ той поры они ходятъ по русской землѣ, они будятъ вездѣ мужиковъ-крестьянъ, ихъ зовутъ они на кровавый пиръ. Они ходятъ на Югѣ, на Сѣверѣ, на Востокѣ, ходятъ на Западѣ; ихъ никто не знаетъ, не вѣдаетъ, но всякъ слышитъ громкій голосъ ихъ; и отъ голоса этого мужикъ ободряется, подымаетъ свою голову опу-

щенную, закипаетъ въ немъ кровь ключемъ, и готовъ онъ идти за волю свою, за землю и льготы крестьянскія. И когда просвѣтятъ они всѣхъ крестьянъ, загудитъ, зашумитъ Русь-матушка, словно море синее заколышется, и потопитъ волнами могучими оно всѣхъ своихъ лютыхъ недруговъ».

Въ «Сказкѣ и копѣйкѣ» читаемъ слѣдующее (3):

«Сталъ чертъ думать крѣпкую думу: какъ бы ему испортить родъ человѣческій. Семь лѣтъ думалъ чертъ, не ѣлъ, не пилъ, не спалъ... и выдумалъ—попа. Потомъ еще семь лѣтъ думалъ и выдумалъ—барина. Потомъ еще семь лѣтъ думалъ и выдумалъ—купца».

Мужикъ выражается о богѣ (17):

«Насъ Богъ бережетъ, потому безъ мужика ему не то, что на свѣчку, а и на ладонъ не откуда взять. А то, безъ мужика, Богъ, точно, давно бы перевелся совсѣмъ».

И далѣе (51):

«Тошно тебѣ жить отъ помѣщиковъ, поповъ да начальства всякаго, говоритъ старецъ мужику. А отъ купцовъ да міроѣдовъ и того тошнѣй.

«Содралъ съ тебя попъ поросенка, а купецъ уже тутъ, какъ тутъ: одинъ содралъ съ себя улей меду, а другой такъ и портки съ тебя снялъ.

«Заставилъ тебя баринъ плотину чинить, а купецъ ужъ тутъ какъ тутъ—сруби и ему избу.

«Попъ сдеретъ блинъ, купецъ каравай.

«Баринъ сдеретъ снопъ—купецъ копну...

«И пошелъ мужикъ по селамъ, городамъ, деревнямъ и хуторамъ и всюду говорилъ онъ:

«Проснись, проснись, народъ православный!! Чего маешься ты, надъ работой непосильной надрываючись, народъ простодушный!

— «Ужъ не ждешь-ли ты, что бары, попы, да купцы сжалятся надъ тобой и отдадутъ тебѣ то, что они отняли у тебя?

— «Ужъ не ждешь-ли ты, что чиновникъ защититъ тебя отъ друзей своихъ?

— «Пойдемъ-же, братцы, во всѣ стороны великаго царства русскаго и будемъ говорить народу, что настала пора подняться намъ противъ злодѣевъ нашихъ.

— «Пусть каждый, до кого дойдетъ голосъ мой, поклянется въ сердцѣ своемъ проповѣдовать братьямъ своимъ всю правду, какъ апостолы проповѣдывали.

— «Пусть каждый поклянется принять муку и смерть за братьевъ своихъ, какъ принимали апостолы!!

— «И тогда всей землей, какъ одинъ человѣкъ, поднимется вся Русь-матушка и никакая сила вражья не устоитъ противъ насъ!

— «Тогда-то настанетъ на землѣ царство божіе, царство правды и любви, и не будетъ на ней плача, ни болѣзней, ни скорби, ни страданій!!».

По поводу освобожденія крестьянъ въ брошюрѣ «Чтой-то братцы» авторъ пишетъ (9,13):

«Обошли насъ ловко господа, чисто дѣло обдѣлали и славу нажили за освобожденіе, и карманъ ихъ набили пуще прежняго: надѣлили насъ пескомъ да каменьями, по три десятины на душу да заставили оброкъ платить не хуже прежняго: выкупать ее, значитъ, родимую нашу-то землю матушку, что отцами да дѣдами съ испоконъ вѣка воздѣлана, съ кровью и потомъ вспахана, слезами омочена!..

«Пока нами управлять будутъ бояре да чиновники не будетъ у насъ ни земли, ни воли, ни хлѣбушка. Они тысячи лѣтъ нами правили, и все время мы только стонали да бѣдствовали, а они себѣ жили припѣваючи да посмѣивались...

«Мы и сами своими дѣлами справимся, сами будемъ о своихъ нуждахъ заботиться. Мы потребуемъ, чтобы у всѣхъ у нихъ, что теперь надъ нами распоряжаются, была отнята власть всякая.

«Владѣть будемъ мы всей землей-матушкой сообща, жать будемъ мы всѣмъ обществомъ, и будетъ у насъ тогда воля, земля, да и хлѣбушка, и не будетъ на Руси ни крестьянъ, ни помѣщиковъ, а всѣ будутъ тогда люди русскіе—люди свободные, и у всѣхъ насъ будутъ однѣ права, однѣ обязанности...

«Скоро, братцы, придетъ это времячко.

«Со всѣхъ сторонъ поднимается сила крестьянская: взволновалась Русь-матушка, зашумѣла какъ море великое. А поднимется да расправится, такъ не будетъ съ ней ни сладу, ни удержу.

«Только будемте дружно, какъ братья родные, стоять за наше дѣло великое. Вмѣстѣ-то мы сила могучая, а порознь насъ задавятъ враги наши лютые».

Во второмъ разсказѣ «Работника»: „Раекъ“ нарисована слѣдующая сцена (18—20):

«И вотъ толпа—толпа разбѣжалась... Чу! Заборы затрещали... Колья въ рукахъ, топоры, косы...

«За мной! за мной! кричитъ Ѳедоръ. Народъ хлынулъ, куда-то бѣжитъ, бѣжитъ... Вотъ показалась усадьба..

«Жги, жги ее! шумитъ народъ: Будетъ имъ! Довольно!»

«Запылали хоромы... Пламя такъ и перескакиваетъ... Вонъ рухнула крыша... «Ай! ай! мошенники»! кричитъ кто-то. Ба!... да никакъ помѣщикъ?..

— «Попался голубчикъ!—бросился Ѳедоръ:—Надругаться надъ нами... а! Вали его...

«Вдали по дорогѣ летитъ пыль столбомъ, кто-то скачетъ... колокольчикъ такъ и звенитъ, такъ и звенитъ...

— «Исправникъ!

«Онъ... онъ!.. ближе, ближе... Подъѣхалъ... «Что вы, подлецы!... забыли...» Не дали ему кончить: косой голову отхватилъ кто-то... Кровь потекла...

«Дальше! Дальше! кричитъ Ѳедоръ... Опять бѣгутъ... вонъ село, церковь...

«Попа сюда, попа!...

«Попъ блѣдный дрожитъ, крестится...

— «Бей въ набатъ, сукинъ сынъ! — приказываетъ Ѳедоръ:—Звони!...

«Повинуется попъ... Чу! чу! гудитъ колоколъ, гудитъ. гудитъ... Изъ деревень прибываетъ народу все больше, больше... у кого топоръ, коса... у! сколько набралось!

— «Махнемъ, махнемъ, ребята!

— «Пора! Пора!—слышатся голоса... Горятъ усадьбы.. дымъ... галки летятъ... Вдругъ... Что это?.. кто-то крикнулъ: «Солдаты! Солдаты!... И впрямь!... Ахъ, какъ блестятъ ружья!.. А это, это?

«Полковникъ верхомъ...

— «Впередъ! Впередъ! гудитъ толпа...

«Стой! командуетъ полковникъ...

«Солдаты встали...

— «Что вы... черти! За кого вы!... Аль души-то въ васъ нисколько? Къ намъ, къ намъ!...

«Ружья полетѣли вверхъ...

«Смирно!.. На лѣво круго..омъ!

— «Мы тебѣ дадимъ смирно! . отвѣчаютъ солдаты...

«Полковникъ поскакалъ... Въ догонку пустилъ кто-то пулю...Бацъ!—слетѣлъ начальникъ... Лошадь понеслась дальше..,

— «Молодцы!.. Дальше, ребята, дальше!...»—кричалъ Ѳедоръ.

«Мудрица Наумовна» была какъ-бы молодою попыткою эпопеи соціальной революціи, *) гдѣ стояли рядомъ чисто - фантастическіе элементы, реальныя картины и идеализированные образы соціалистическихъ борцовъ разныхъ типовъ. Сначала въ рядѣ сценъ изображена эксплуатація рабочихъ на западѣ въ ея самыхъ возмутительныхъ формахъ, и главное лицо разсказа приходитъ, сперва, къ заключенію (33):

«Тутъ только я понялъ, что работники всегда должны остаться въ рабствѣ у тѣхъ, кто можетъ по своей волѣ заставлять ихъ голодать»:

Далѣе, появленіе интернаціонала изображено слѣдующимъ образомъ (44 и слѣд.):

«Чего ты плачешь, тихо спросилъ меня Николай.

— «Плачу я о народѣ своемъ, который я люблю, сказалъ я. Плачу о томъ что и его ждетъ то же самое, потому и онъ въ кабалѣ у богатыхъ! Горе, горе ему! Горе и мнѣ, потому что я могу только плакать о немъ!

«Николай подошелъ ко мнѣ, отвелъ руки мои и сказалъ:

— «Не плачь!

«Я поднялъ голову, потому что что-то невѣдомое было въ его голосѣ.

— «Нѣтъ! не погибель ждетъ народъ, сказалъ онъ, потому что онъ можетъ спастись отъ своихъ мукъ. Не

*) Само собою разумѣется, что лирическія отраженія движенія этой эпохи были многочисленны. Мнѣ жаль, что недостатокъ мѣста не дозволяетъ мнѣ привести нѣсколько стихотвореній, сюда относящихся и напечатанныхъ въ „Изъ за рѣшетки“ (1877) и въ другихъ „Сборникахъ“ и „Пѣсенникахъ“, во „Впередъ“ и т. п. Нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ вниманія не только по содержанію, но и по эстетическому достоинству.

плакать о немъ, а помочь ему долженъ ты. Пойдемъ и я все открою тебѣ».

«Мы пошли по дорогѣ, освѣщенной полнымъ мѣсяцемъ.

«И разсказалъ мнѣ Николай, какъ послѣ долгихъ мукъ, рабочіе поняли, наконецъ, что не будетъ конца ихъ мученіямъ, коли не соединятся они и не поднимутся противъ враговъ своихъ. Какъ рѣшили они составить союзъ, куда вошли бы рабочіе всего міра, потому что у всѣхъ рабочихъ одни и тѣ же враги — абсолютизмъ, помѣщики, купцы, одна и та же цѣль — избавиться отъ всѣхъ ихъ.

«Разсказалъ онъ мнѣ, какъ росъ не по днямъ, а по часамъ этотъ союзъ. Какъ, подобно громадному дереву, развѣтвлялся онъ все шире и шире, и все глубже и глубже пускалъ онъ корни свои. Какъ среди всѣхъ народовъ есть уже участники его, и какъ свѣтъ расходится отъ нихъ, подобно свѣту отъ звѣздъ, разсѣянныхъ по темному небу.

«И разсказалъ онъ мнѣ, какимъ ужасомъ наполнились сердца злодѣевъ, потому почувствовали они, что приближается ихъ конецъ. Какъ стали они гнать и преслѣдовать участниковъ этого союза, потому знали злодѣи, сколько злобы накопили они противъ себя въ сердцахъ народа.

«И разсказалъ онъ мнѣ, какъ хватали они распространителей этого союза, какъ судили они ихъ судомъ неправеднымъ, какъ сажали они ихъ въ тюрьмы, гдѣ не видѣли они свѣту бѣлаго, какъ ссылали ихъ въ безлюдныя страны, гдѣ самый воздухъ пропитанъ былъ смертью, куда и звѣри боятся забѣгать, куда и птицы не смѣли залетать...

«—Такъ будь-же нашимъ товарищемъ! сказалъ мнѣ Николай. Великое и опасное дѣло задумали мы, но не страшно и голову сложить за него. Смотри на эту березу: уже пожелтѣли листья на ней и готовы упасть, но не успѣетъ она покрыться новыми листьями, какъ страшный пожаръ запылаетъ по всей странѣ.

«Не успѣетъ замерзнуть этотъ ручей, какъ кровь широкимъ потокомъ устремится на него и выйдетъ онъ изъ береговъ своихъ; потому приближается страшная

смертельная борьба между рабочимъ людомъ и утѣснителями его.

«Уже по всей странѣ разсыпались наши друзья и товарищи...

Очень эфектно совѣщаніе рабочихъ передъ бунтомъ*), (хотя тутъ болѣе сопоставлены идеализированные типы, чѣмъ реальные рабочіе той или другой страны), гдѣ противуполагаются одинъ другому слѣдующіе взгляды (73 и слѣд.):

«Ни одинъ бунтъ не погубитъ столько народу, сколько гибнетъ каждый годъ отъ каторжной работы на нашихъ злодѣевъ.

«Андрей кончилъ свою рѣчь, какъ-бы не человѣкъ говорилъ. Глаза его налились кровью. Голосъ былъ, какъ ревъ дикаго звѣря. И всѣхъ насъ, какъ огнемъ, прожгло его слово.

«Тогда поднялся Николай. Лицо его было печально.

«—Нѣтъ, не на то зовемъ мы васъ, братья,—тихимъ голосомъ началъ онъ, не крови злодѣевъ жаждемъ мы, а жаждемъ мы правды. Вотъ почему, братья, соединимся! Только тогда побѣдимъ мы враговъ нашихъ, враговъ рода человѣческаго...

«Братья! дѣти и внуки проклянутъ насъ за муки свои, потому скажутъ: они могли освободить себя и насъ, но не сдѣлали этого! Скажите же: хотите-ли вы воли, хотите-ли счастья для себя и для дѣтей своихъ! Или же все, все и самую храбрость отняли у васъ ваши притѣснители»?

Позже умирающій революціонеръ говоритъ товарищу (96 и слѣд.):

«—Не плачь. Лучшей смерти и не можетъ быть для человѣка. Уже близокъ конецъ мой. Я чувствую, какъ слабѣетъ мой голосъ. Такъ выслушай-же, что я скажу тебѣ.

«Не приходи въ уныніе. Наше дѣло не можетъ погибнуть, потому на нашей сторонѣ правда, а на сторонѣ враговъ — ложь. Правда что солнце: заволокли его черныя тучи, но не скрыть имъ его. Подуетъ вѣтеръ и

*) По личнымъ воспоминаніямъ, чтеніе этого отрывка производило особенно сильное впечатлѣніе на моихъ молодыхъ товарищей.

разгонитъ ихъ, и ярко засвѣтитъ оно на радость и веселіе всякой твари.

«Иди-же и проповѣдуй то, что мы проповѣдывали; и если ты будешь умирать вдали отъ людей, какъ я, то знай, что коли-бъ ты прожилъ до глубокой старости, то не дожить тебѣ до лучшаго часа.

«Какъ изъ сѣмени, брошеннаго въ землю, выростаетъ новый хлѣбъ, такъ изъ крови твоей вырастутъ новые бойцы. Напрасно возрадуются враги. Чѣмъ больше будутъ свирѣпствовать они, тѣмъ быстрѣе увидятъ свѣтъ всѣ бродящіе во тьмѣ, тѣмъ быстрѣе будетъ расти наше святое воинство! И скоро, скоро придетъ день, когда народъ поднимется по зову нашему, и, какъ гроза, буря разноситъ въ щепки гнилую лодочку, такъ и онъ размечетъ враговъ своихъ. Я чую уже, я вижу этотъ великій день!»

Далѣе, на собраніи Интернаціонала въ Брюсселѣ представители всѣхъ странъ приходятъ къ слѣдующему рѣшенію (106 и слѣд.):

„Весь теперешній порядокъ, это—ядовитое дерево. Вѣтка на немъ—это купцы. Стволъ—это помѣщики. А корень—это самодержавіе...

Затѣмъ авторъ обращается къ «русскому работнику» со словами (120 и слѣд.):

«Русскій работникъ! Если ты любишь своего отца и мать, если любишь братьевъ и дѣтей своихъ, если ты любишь сестеръ своихъ и невѣсту, то подумай о мукахъ, которыя ждутъ братьевъ твоихъ!

«Спаси же ихъ отъ этихъ мукъ, если не окаменѣло сердце твое, если ты не оглохъ къ стонамъ братьевъ своихъ.

«Ты долженъ и ты можешь спасти ихъ, ибо приближается великое время, какого не видывала еще земля, время послѣдней борьбы всего рабочаго люда со всѣми утѣснителями его.

«Уже заволокло небо черными тучами; уже слышны раскаты грома, и дрожатъ всѣ богатые и власть имѣющіе, ибо чувствуютъ они, что начинаетъ прозрѣвать народъ; чувствуютъ, что близокъ страшный часъ, часъ расплаты за кровь, за муки, за слезы, за все, что вынесъ отъ нихъ народъ.

«Иди же, и куда бы не забросила тебя жизнь—прихотливица, въ городъ или въ деревню, на фабрику или на заводъ—всюду открывай глаза братьямъ своимъ. Говори имъ, что одно спасеніе имъ отъ всѣхъ ихъ мукъ... Говори имъ, что только одна причина всѣхъ ихъ страданій — покорность помѣщикамъ, хозяевамъ. Когда-же соберется довольно силы, тогда поднимайся, русскій народъ. Очисти землю русскую! Съ тѣмъ вмѣстѣ очистится она и отъ лжи, которая наполняла ее.

«Наступитъ тогда новое царство—царство правды и любви, царство правды и справедливости. Наступитъ такое счастье, какого не видѣло еще ни одно человѣческое око. Иди-же и возвѣщай братьямъ своимъ, что приближается это царство, но скажи имъ, что не войти имъ въ него, пока не побѣдятъ они трехглаваго змѣя, который стоитъ у входа въ него».

Авторъ въ концѣ переходитъ къ очерку будущаго «царства Любуши»:

„И такъ, при работницкомъ порядкѣ не будетъ дѣлежа. Всѣмъ: и землей и фабриками, и заводами, будутъ владѣть міромъ, артелью. То, что сработаютъ, будетъ дѣлиться поровну между всѣми, чтобы не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Но ты сейчасъ увидишь, что такъ будетъ только въ началѣ; скоро пройдетъ время, когда люди будутъ владѣть всѣмъ, какъ братья владѣютъ своимъ добромъ: каждый будетъ дѣлать, сколько можетъ, и брать, сколько ему нужно. Но объ этомъ рѣчь впереди. Теперь же, повторяю, будущій работницкій порядокъ отличается отъ теперешняго тѣмъ, что надъ рабочими нѣтъ и не можетъ быть никого, кто отнималъ бы у нихъ то, что они сработаютъ».

Авторъ пытается нарисовать это царство, какъ просвѣтленное наукой, искусствомъ и любовью между людьми, и заключаетъ слѣдующими строками:

«Вотъ земля обѣтованная, которая уготована всѣмъ народамъ земнымъ. Блаженны дѣти наши, которыя войдутъ въ нее! Блаженъ и тотъ, кто, какъ Моисей, издали увидитъ ее съ высокой горы! Ибо спокойно сомкнетъ онъ очи свои съ вѣрой и надеждой на счастіе рода человѣческаго. Но трикратъ блаженъ ты, если трудами своими ты помогалъ народу приблизиться къ этой зем-

лѣ; если ты отрекся отъ себя и пошелъ открывать свою правду братьямъ своимъ. Вѣчный міръ снизойдетъ въ душу твою, ибо будешь знать ты, что трудишься и страдаешь за счастіе рода человѣческаго! Люди, развращенные теперешнимъ порядкомъ, люди съ окаменѣлымъ сердцемъ, глухіе къ стонамъ братьевъ своихъ, скажутъ тебѣ: «Безумецъ, опомнись! Что тебѣ до другихъ? Думай о себѣ самомъ, вѣдь, ты можешь добиться счастья, а ты идешь на вѣчныя лишенія! Ты отказываешься отъ всѣхъ радостей семейной жизни, отказываешься отъ почестей и богатства, которыя, быть можетъ, ждутъ тебя впереди»!...

«Да, ты отказываешься отъ всего этого. Не на пиръ среди умирающихъ съ голоду братьевъ зовемъ мы тебя, на великое служеніе имъ. Не будешь ты имѣть семьи; не будешь знать ни крова, ни пристанища, и враги народа будутъ тебя гнать, голоднаго и холоднаго, изъ города въ городъ, изъ села въ село. И горшее постигнетъ тебя: изъ братьевъ твоихъ, за которыхъ ты душу радъ положить, выйдутъ враги тебѣ, потому возьмутъ ихъ злодѣи и опутаютъ ихъ умъ ложью, и заставятъ служить себѣ. Но, когда будутъ травить тебя, какъ дикаго звѣря, враги твои, и ты, босой и голодный, будешь убѣгать отъ нихъ, и не будешь ты имѣть, гдѣ преклонить голову, то и тогда не позавидуешь ты всѣмъ лицемѣрамъ, спокойно живущимъ потомъ и кровью братьевъ своихъ, ибо истинно говорю тебѣ, ты будешь счастливѣе ихъ. Когда враги твои схватятъ тебя и закуютъ тебя, и бросятъ тебя безъ пищи и питья въ черную тюрьму, то и тогда ты не позавидуешь имъ, ибо, истинно говорю тебѣ, ты будешь счастливѣе ихъ. Когда осудятъ тебя на смерть, привяжутъ тебя къ столбу и подъ ногами твоими выроютъ могилу твою, и убійцы твои направятъ на грудь твою дула ружей своихъ, и взглянешь ты въ лицо ихъ, то истинно, истинно говорю тебѣ—ты будешь счастливѣе ихъ, ибо нѣтъ большаго счастья, какъ погибнуть за братьевъ своихъ. И убьютъ тебя!... Замолкнетъ голосъ твой! Безсильно опустятся руки, и выпадетъ изъ нихъ знамя освобожденія рода человѣческаго, которое держалъ ты! Но тѣнь твоя подниметъ его! Заговорятъ кровавыя раны на груди твоей!

И бодрость и отвага польются въ ряды друзей твоихъ, и ужасъ, и смятеніе—въ среду враговъ»!

Совершенно подобный же характеръ, но оставаясь внѣ всякаго фантастическаго и беллетристическаго элемента, имѣетъ брошюра «О правдѣ и кривдѣ»*).

Изъ литературы полемической противъ направленія, разсмотрѣннаго въ предыдущей главѣ, приходится особенно обратить вниманіе на двѣ фракціи: именно на «бакунистовъ» и на «набатчиковъ».

Литература бакунистовъ была связана самымъ тѣснымъ образомъ, какъ съ полемикой заграничныхъ русскихъ политическихъ фракцій въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ, когда еще не начиналось въ Россіи движеніе въ народъ, такъ, въ особенности, съ тою междоусобною борьбою въ рядахъ западно-европейскихъ и американскихъ соціалистовъ, которая привела къ расколу въ интернаціоналѣ, обусловила на западѣ постепенное выдѣленіе «анархистовъ» изъ общаго движенія организованныхъ рабочихъ и нынѣшнее ихъ положеніе. Отсюда два явленія въ литературѣ этой фракціи, на которыя нельзя не обратить вниманія: во-первыхъ, значительная ея доля принадлежитъ скорѣе къ исторіи развитія западнаго соціализма въ 70-хъ годахъ, чѣмъ къ исторіи *русскаго* движенія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь; во-вторыхъ, изданія бакунистовъ, появившіяся въ 1873 г. и назначенныя преимущественно для пропаганды соціалистическихъ идей въ Россіи въ эту эпоху возбужденія молодежи (какъ „Историческое развитіе интернаціонала“) были составлены преимущественно изъ переводовъ литературныхъ статей, а также изъ рѣчей Бакунина, относящихся къ 1868 и 1869 годамъ, когда расколъ въ западномъ интернаціоналѣ еще не имѣлъ мѣста, такъ что

*) Къ этой же литературѣ, собственно, относится „Сирые и Голодные“ (1875 г.), о которой будетъ сказано нѣсколько позже; но уже по самому своему значительному объему эта книга никогда не могла быть предметомъ сколько-либо крупнаго распространенія въ народѣ, и болѣе характеристична, какъ признакъ направленія мысли среди агитаторовъ, которымъ имѣла въ виду служить пособіемъ для изустныхъ разсказовъ.—Беллетристика и статьи только что указаннаго рода занимаютъ немалое мѣсто и въ газетѣ „Работникъ“, нѣсколько номеровъ которой мнѣ удалось достать въ самое послѣднее время.

самыя характеристическія для русскаго движенія черты бакунистской литературы тогда наиболѣе опредѣленно высказывались въ произведеніяхъ, собственно къ этой эпохѣ не относящихся, какъ, напр., въ брошюрѣ Бакунина 1870 года „Наука и насущное революціонное дѣло". Послѣднее всего удобнѣе объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1866—70 годахъ русскихъ бакунистовъ не отвлекала еще отъ *русскаго* дѣла ихъ роль европейской соціалистической партіи, борющейся съ марксистами; что касается до эпохи (1874 и слѣдующихъ годовъ), когда реальное движеніе въ народъ вызвало на почвѣ опыта измѣненіе въ постановкѣ соціалистическихъ задачъ въ Россіи, то тогда русская бакунистская литература представляетъ очень мало произведеній.

Основною точкою исхода теоріи и тактики русскихъ революціонеровъ, бакунистская литература выставляетъ борьбу съ государственностью и съ «реформаторами-государственниками», которые («Наука» 2—5) «думаютъ, что государство есть лучшее и даже единственное средство для достиженія народныхъ цѣлей и для осуществленія высокихъ народныхъ судебъ; и потому ставятъ всегда и вездѣ на первомъ планѣ преуспѣяніе и силу государства, какъ единственно возможной основы для блага народнаго».

Имъ противуполагаются «революціонеры», но при этомъ послѣдніе: «дѣлятся, въ свою очередь, на двѣ категоріи: на доктринеровъ и на людей живого, насущнаго дѣла. Революціонерами-доктринерами я называю тѣхъ, которые дошли до революціоннаго пониманія и до сознанія необходимости революціи не изъ жизни, а по книжкамъ».

Одни изъ нихъ менѣе серьезные: эти «тѣшатся невинною игрою въ революціи»; болѣе серьезные «знаютъ и объяснятъ вамъ, какъ нельзя лучше, почему въ настоящее время всякій, порядочный человѣкъ долженъ быть революціонеромъ. И, странная вещь! Зная это такъ хорошо, они рѣдко съ необыкновеннымъ трудомъ становятся сами настоящими революціонерами... Ихъ революціонная страсть по преимуществу отвлеченная, головная, и только рѣдко серьезная».

Противъ этихъ именно „доктринеровъ" направлена

брошюра Бакунина. Онъ формулируетъ изъ ученіе слѣдующимъ образомъ:

«Дѣйствительность безъ сомнѣнія мерзка, но она сильна, и мы противъ нея безсильны. Сила же не заключается въ произволѣ того или другого лица, а въ совокупности всѣхъ дробныхъ общественныхъ силъ, стремленій и настроеній, которыхъ она есть порожденіе и полнѣйшее выраженіе. Она существуетъ, какъ непремѣнный результатъ всего живущаго и дѣйствующаго въ обществѣ; значитъ, никакая личная сила не въ состояніи ее уничтожить, и было бы смѣшно со стороны одного или нѣсколькихъ лицъ пытаться ее уничтожить... Не тратя силъ на безплодные бунты, устремите ихъ исключительно на измѣненіе общественной среды, которая, въ видѣ паразитовъ и гноя, порождаетъ такихъ уродовъ. Будемъ дѣйствовать неусыпно и неутомимо, но дѣйствовать разумно, осторожно и хладнокровно, не ожидая плодовъ на будущій день и довольствуясь мыслью, что наши усилія подготовляютъ разумный общественный строй для будущихъ поколѣній... Отказавшись отъ всякой политической и служебной дѣятельности, которая для насъ, въ настоящее время, ни въ правительственномъ, ни въ анти-правительственномъ смыслѣ рѣшительно невозможна, предадимся изученію и живой пропагандѣ печатью, словомъ и жизнью, зрѣлыхъ соціальныхъ идей... Станемъ учиться, помогать учиться другимъ. Научимъ невѣждъ, поддержимъ бѣдныхъ. Такимъ образомъ, мы образуемъ въ непродолжительное время фалангу молодыхъ людей, честныхъ дѣятелей, знающихъ, чего имъ желать, чего имъ хотѣть, куда имъ стремиться. Разумѣется, главнымъ предметомъ изученія у нашихъ кружковъ будетъ Россія, ея исторія, ея настоящее положеніе. Мы всѣ толкуемъ о ней, каждый хочетъ ее освобождать, и никто не знаетъ ея, не знаетъ, что дѣйствительно нужно народу, чего онъ хочетъ и куда неотвратимый фатумъ исторіи его ведетъ? Вотъ, когда мы дѣйствительно узнаемъ его, узнаемъ его прошедшее и настоящее, тогда намъ будетъ легко угадать его будущее, а разъ его угадавъ, мы, съ знаніемъ и непотрясаемой вѣрой, осмысленной этимъ знаніемъ, вступимъ на поприще дѣла, и тогда мы будемъ всемогущи, тѣмъ

болѣе, что къ тому же времени, вѣроятно, дозрѣетъ сознаніе народное, зрѣющее нынѣ гораздо быстрѣе, чѣмъ прежде. Да, наконецъ, и мы сами, занимаясь, съ одной стороны, своимъ собственнымъ образованіемъ, можемъ, съ другой, болѣе или менѣе способствовать его скорѣйшему созрѣванію... Если насъ будетъ много, если мы своими мирными, но вмѣстѣ съ тѣмъ, непреклонно къ одной и той же цѣли стремящимися фалангами покроемъ всю русскую землю и пойдемъ дружно, опираясь другъ на друга, опираясь на законъ и на свое несомнѣнное право, сильные мыслью, служащей намъ звѣздою — путеводною, — мы побѣдимъ всѣхъ противниковъ, всѣ препятствія; мы будемъ сильнѣе правительства и *додумаемся*, наконецъ, до народа, до возбужденія жизни народной».

Далѣе авторъ резюмируетъ „ученіе революціонныхъ доктринеровъ и позитивистовъ“ въ три положенія („Наука“, 20—21):

„1) всякій народъ имѣетъ то правительство, которое онъ, по настоящей степени своего образованія, можетъ имѣть;

„2) всякое правительство есть прямое выраженіе суммы, или, вѣрнѣе, комбинаціи народныхъ требованій, и

„3) всякое правительство есть продуктъ равновѣсія, установившагося между разнородными общественными силами.

„Изъ всего этого доктринеры выводятъ, что, пока въ данной странѣ не измѣнятся: степень образованія, направленіе народныхъ потребностей и равновѣсіе общественныхъ силъ, до тѣхъ поръ правительство измѣнено быть не можетъ“.

Этому ученію „доктринеровъ“ авторъ противуполагаетъ („Наука“, 6) историческія наблюденія о „зарожденіи новыхъ силъ“ путемъ „сговора“ и „послѣдующаго за нимъ непремѣнно созданія плана дѣйствій, а потомъ и наилучшаго распредѣленія и механическаго или разсчитаннаго устройства немногочисленныхъ силъ, сообразно съ созданнымъ планомъ“.

Государство авторъ представляетъ, какъ орудіе, помощью котораго «сговорившееся», «организованное» меньшинство, добывшее себѣ монополію образованія, эксплуатируетъ неорганизованныя массы.

«Мало-по-малу, и тѣмъ сильнѣй, чѣмъ дольше, большинство эксплуататоровъ по рожденію и по унаслѣдованному ими положенію въ обществѣ, начинаютъ вѣрить серьезно въ свои историческія и прирожденныя права. И не только они сами, массы, эксплуатируемыя ими, подвергаясь вліянію той же традиціонной привычки и тлетворному дѣйствію злоумышленныхъ религіозныхъ ученій, начинаютъ также вѣрить въ права своихъ эксплуататоровъ и мучителей; и продолжаютъ вѣрить въ нихъ до тѣхъ поръ, пока мѣра ихъ мукъ не переполнится и страданія всякаго рода не пробудятъ въ нихъ другое сознаніе.

«Это новое сознаніе пробуждается и развивается въ народныхъ массахъ чрезвычайно медленно. Вѣка проходятъ прежде, чѣмъ оно совсѣмъ не пробудится, оно ломаетъ все, никакая сила не можетъ ему воспротивиться. Поэтому главная задача государственной мудрости состоитъ именно въ томъ, чтобы помѣшать всѣми средствами пробужденію разумнаго сознанія въ народѣ, или, по крайней мѣрѣ, чтобы замедлить его до нельзя.

«Медленность же развитія разумнаго сознанія въ народѣ происходитъ отъ двухъ главныхъ причинъ. Во первыхъ, народъ задавленъ тяжелой работой и еще болѣе тяжкою заботою о жизни. А, во вторыхъ, онъ самымъ политическимъ и экономическимъ положеніемъ своимъ обреченъ на невѣжество». («Наука», 9—20).

«Знаніе—сила, невѣжество—причина общественнаго безсилія. Невѣжество, главнымъ образомъ, мѣшаетъ народу сознать свою повсемѣстную солидарность, свою громадную численную силу; мѣшаетъ ему сговориться и создать организацію бунта противъ организованнаго грабежа и утѣсненія — противъ государства». («Наука», 10).

«Точно также, какъ въ государствѣ, народъ обреченъ на невѣжество, точно такъ же сословія государственныя, самимъ положеніемъ своимъ, призваны двигать впередъ дѣло государственной цивилизаціи. До сихъ поръ не было другой цивилизаціи въ исторіи, кромѣ цивилизаціи сословной. Народъ настоящій, чернорабочій народъ былъ для нея до сихъ поръ только орудіемъ и жертвою.

Онъ черною и тяжелою работою своей создалъ матеріалъ для общественнаго просвѣщенія, которое въ свою очередь, увеличивая все болѣе и болѣе преобладаніе государственныхъ сословій надъ нимъ, вознаграждаетъ его нищетою и оковами.

«Еслибъ сословное просвѣщеніе подвигалось постоянно впередъ, а народное сознаніе было-бы лишено всякаго развитія, то рабству народному не было бы конца; напротивъ, оно должно-бы было становиться, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, все глубже и глубже. Къ счастью, ни сословія не подвигаются постоянно впередъ, ни народъ не остается недвижимъ. Въ самомъ ядрѣ сословнаго просвѣщенія есть червь, сначала еле замѣтный, но разростающійся вмѣстѣ съ нимъ и разъѣдающій и разрушающій его подъ конецъ совершенно. Червь этого ничто иное, какъ привилегія, неправда, эксплуатированіе и притѣсненіе народа, составляющія самую суть всякаго сословнаго существованія, а поэтому также и всякаго сословнаго сознанія... Сословная сила обращается мало по малу въ дряхлость, въ развратъ и въ безсиліе».

«Настоящими предводителями народнаго освобожденія могутъ быть только люди изъ народа.. По мѣрѣ того, какъ умъ и сила сословные падаютъ, подымается народный умъ, а за нимъ и народная сила. Въ народѣ, какъ бы ни развивался онъ медленно, и хотя книжное образованіе для него недоступно, движеніе впередъ никогда не останавливается. У него есть двѣ настольныя книги, по которымъ онъ учится безпрестанно: первая— горькій опытъ, нужда, притѣсненія, обиды, грабежъ и мученія, претерпѣваемыя имъ каждодневно; другая книга: это—живое изустное преданіе, переходящее отъ поколѣнія къ поколѣнію и становящееся съ каждымъ новымъ поколѣніемъ полнѣе, разумнѣе и шире.

«О чемъ могутъ спорить сословныя партіи между собою? Только о богатствѣ и власти. Что же такое богатство и власть, какъ не два неразлучные вида эксплуатированія народнаго труда и народной неорганизованной силы... Въ основаніи всѣхъ историческихъ вопросовъ, національныхъ, религіозныхъ и политическихъ, лежалъ всегда, не только для чернорабочаго народа, но и для всѣхъ сословій, и даже для государства и церкви, самый

важный, самый существенный—вопросъ экономическій... Чернорабочій народъ, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, былъ безсиленъ, потому что былъ въ нищетѣ, и оставался онъ нищимъ потому, что у него не было организованной силы. Мудрено-ли, послѣ того, что во всевозможныхъ вопросахъ онъ видѣлъ и видитъ, главнымъ образомъ, и прежде всего вопросъ экономическій—вопросъ о хлѣбѣ... Всякій народъ, взятый въ своей совокупности и всякій чернорабочій человѣкъ изъ народа--соціалистъ по своему положенію.

«Я отнюдь не пренебрегаю ни наукой, ни мыслью. Знаю, что ими, главнымъ образомъ, человѣкъ отличается отъ всѣхъ другихъ животныхъ, и признаю ихъ единственными путеводными звѣздами человѣческаго преуспѣянія. Но знаю, вмѣстѣ съ тѣмъ, что онѣ холодно свѣтятъ, когда не идутъ рука объ руку съ жизнью, и знаю, что самая правда ихъ становится безсильною и безплодною, когда она не опирается на правду въ жизни. Существенная разница между образованнымъ соціалистомъ, принадлежащимъ, хоть даже по одному образованію своему, къ государственно-сословному міру, и безсознательнымъ соціалистомъ изъ чернорабочаго люда, состоитъ именно въ томъ, что первый, желая быть соціалистомъ, никогда не можетъ сдѣлаться имъ вполнѣ, въ то время, какъ послѣдній, будучи вполнѣ соціалистомъ, не подозрѣваетъ о томъ и не знаетъ, что есть соціальная наука на свѣтѣ, и даже никогда не слыхалъ самаго имени соціализма.

«Весь соціальный вопросъ сводится на вопросъ чрезвычайно простой. Толпы народныя обречены были до сихъ поръ, всегда и вездѣ, на нищету и на рабство. Онѣ составляли вездѣ и всегда огромное большинство въ сравненіи съ притѣсняющимъ и эксплуатирующимъ ихъ меньшинствомъ. Значитъ, численная сила была всегда, какъ и теперь, на ихъ сторонѣ. Почему-же не воспользовались онѣ ею до самой настоящей минуты для того, чтобы свергнуть съ себя разорительное и ненавистное иго»?

Причину «долготерпѣливости массъ» авторъ видитъ въ „народномъ невѣжествѣ“ и въ томъ, что, вслѣдствіе «того-же самаго невѣжества».

«народъ не видитъ и не знаетъ главныхъ источниковъ своихъ бѣдствій и ненавидитъ часто только проявленія причины, а не самую причину».

Авторъ утверждаетъ, что въ настоящее время (1870) въ пониманіи народныхъ массъ

«впервые поставился опредѣленно и ясно соціальный вопросъ, вопросъ, который одинъ соотвѣтствуетъ ихъ первоначальному и многовѣковому инстинкту, но который впродолженіи вѣковъ, отъ самаго начала государственной исторіи, былъ заслоненъ религіозными, политическими и патріотическими туманами. Туманы разсѣяны, и вся Европа охвачена нынѣ соціальнымъ вопросомъ. Народныя массы въ настоящее время вездѣ начинаютъ понимать настоящую причину всѣхъ своихъ бѣдъ, начинаютъ понимать свою солидардость и сравнивать свое число необъятное съ ничтожнымъ числомъ своихъ вѣковыхъ грабителей... Но если онѣ уже дошли до такого сознанія, что же имъ мѣшаетъ освободиться теперь? *Недостатокъ организаціи, трудность сговора*».

Авторъ напоминаетъ, что въ средѣ «сословій» происходили иногда удачные «бунты», но отъ этихъ „политическихъ переговоровъ“ для «народа» собственно „не могло произойти никакого добра“, такъ какъ

«какъ-бы революціонно ни было настроеніе сословій, какъ бы они ни ненавидѣли той или иной государственной формы, само государство для нихъ свято: цѣлость, сила, всѣ интересы его провозглашаются ими единодушно, какъ высшіе интересы... Ни одна революція, какъ-бы она насильственна и дерзка ни была въ своихъ проявленіяхъ, не смѣла наложить святотатской руки на ковчегъ государства».

«И противъ такой громадной организаціи, вооруженной рѣшительно всѣми возможными средствами, умственными и матеріальными, законными и беззаконными, и, въ крайнемъ случаѣ, всегда могущей разсчитывать на единодушное содѣйствіе всѣхъ, или почти всѣхъ, государственныхъ сословій, долженъ бороться бѣдный народъ, правда, сравнительно безчисленный, но безоружный, невѣжественный и лишенный всякой организаціи! Возможна-ли побѣда? Возможна-ли такая борьба? Нѣтъ дѣла до того, что народъ проснулся, что онъ сознаетъ, наконецъ,

свою бѣду и причину своей бѣды. Сознанія мало: надо силы. Правда, силы стихійной въ народѣ достаточно-несравненно болѣе, чѣмъ въ самомъ правительствѣ, взятомъ вмѣстѣ со всѣми сословіями; но сила стихійная, лишенная организаціи, не есть настоящая сила. Она не въ состояніи выдержать долгой борьбы противъ силы, гораздо слабѣйшей, но хорошо организованной. На этомъ неоспоримомъ преимуществѣ силы организованной надъ стихійною силою народа, основано все государственное могущество. Поэтому, первое условіе народной побѣды, это *народный сговоръ* или *организація народныхъ силъ*.

«Эта организація совершается нынѣ въ Европѣ посредствомъ *Интернаціональной Ассоціаціи рабочихъ*».

Обращаясь къ положенію дѣлъ въ Россіи, авторъ разбираетъ приведенные выше выводы русскихъ «доктринеровъ и позитивистовъ».

Онъ противуполагаетъ образованіе „книжное", образованію «исторически-опытному» и говоритъ („Наука", 22, 23):

«Отъ степени исторически-опытнаго образованія народа зависитъ его способность къ разумному освобожденію...

«Степень дѣйствительнаго, т. е. исторически-опытнаго образованія народа, дѣйствительнымъ образомъ проявляется въ высказываемыхъ имъ *потребностяхъ*».

Во имя этихъ «потребностей» народа русскаго, авторъ спрашиваетъ («Наука», 23):

«Да что-же такое, наконецъ, вся внутренняя русская исторія какъ не бунтъ нескончаемый чернорабочаго люда противъ государства и всѣхъ сословій?»

Авторъ заявляетъ свое согласіе съ положеніемъ «доктринеровъ», „что „всякое правительство есть продуктъ равновѣсія, установившагося между разнородными общественными силами". Да, съ этимъ положеніемъ я совершенно согласенъ и на основаніи его зову на борьбу и надѣюсь побить всѣхъ доктринерствующихъ революціонеровъ".

Онъ говоритъ:

„Нѣтъ ни малѣйшей возможности сомнѣваться въ глубокой непримиримой ненависти народа ко всему оффиціальному міру и ко всему вообще, что выражаетъ

и представляетъ у насъ государство, значитъ къ самому государству.

„Русскій народъ имѣетъ вообще о правительствѣ какое-то смутное и совсѣмъ не выгодное для него представленіе. Онъ видитъ въ немъ собраніе знатныхъ дворянъ...

„Кто сколько-нибудь знаетъ Россію, долженъ былъ убѣдиться, что изъ всѣхъ европейскихъ народовъ наименѣе религіозенъ именно нашъ великорусскій народъ...

„Нынѣ, болѣе чѣмъ когда-нибудь, народъ ненавидитъ правительство.

„Что нужно народу? На это „Колоколъ" въ 1862 г. отвѣчалъ: „Народу нужна земля и воля"! Больше ничего. Но посмотримъ, что заключается въ этихъ словахъ. Народу нужна земля, *вся земля*; значитъ, надо уничтожить дворянство, и теперь уже не только одно дворянство, но и ту довольно значительную часть купечества и кулаковъ изъ народа, которые, пользуясь новыми льготами, въ свою очередь стали помѣщиками столь же ненавистными и чуть-ли еще не болѣе притѣснительными для народа, чѣмъ помѣщики стародавніе. Народу нужна воля, *настоящая*, полная воля; значитъ; надо уничтожить чиновничество и войско. Значитъ, надо уничтожить государство.

„Но способенъ-ли русскій народъ къ революціи? Кажется, въ этомъ сомнѣваться нельзя... Вопросъ не въ способности его бунтовать, а въ способности создать организацію, которая могла-бы доставить его бунту побѣду, и не случайную только, а продолжительную и окончательную. Въ этомъ именно и, можно сказать, исключительно, сосредоточивается весь нашъ насущный вопросъ".

Въ „Государственности и анархіи" (1873) мы встрѣчаемся съ тою же самою оцѣнкою роли государства въ жизни народовъ.

„Государство, съ одной стороны, соціальная революція, съ другой—вотъ два полюса, антагонизмъ которыхъ составляетъ самую суть настоящей общественной жизни въ цѣлой Европѣ" (29).

„Между монархіей и самой демократической республикой существуетъ только одно существенное различіе: въ первой чиновный міръ притѣсняетъ и обираетъ народъ для вящей пользы привилегированныхъ, имущихъ классовъ, а такъ-же и своихъ собственныхъ карамановъ; въ республикѣ же онъ будетъ точно такъ-же тѣснить и обирать народъ для тѣхъ же карамановъ и классовъ, только уже во имя народной воли. Въ республикѣ мнимый народъ, народъ легальный, будто бы представляемый государствомъ, душитъ и будетъ душить народъ живой и дѣйствительный. Но народу отнюдь не будетъ легче, если палка, которою его будутъ бить, будетъ называться палкою народною“ (34).

Для соціальной революціи заявляется какъ необходимость („Гос. и Ан.“ 47 и сл.):

„Общенародный идеалъ, вырабатывающійся всегда исторически изъ глубины народнаго инстинкта, воспитаннаго, расширеннаго и освѣщеннаго рядомъ знаменательныхъ происшествій, тяжелыхъ и горькихъ опытовъ; нужно общее представленіе о своемъ правѣ и глубокая, страстная, можно сказать религіозная вѣра въ это право. Когда такой идеалъ и такая вѣра въ народѣ встрѣчаются вмѣстѣ съ нищетой, доводящей его до отчаянія, тогда соціальная революція неотвратима, близка и никакая сила не можетъ ей воспрепятствовать... Народное дѣло состоитъ единственно въ осуществленіи народнаго идеала, съ возможнымъ въ народѣ-же самомъ коренящимся исправленіемъ и лучшимъ, прямѣе и скорѣе къ цѣли идущимъ направленіемъ его.

Программою соціальной революціи признается („Гос. и Ан.“, 74):

„направленіе совершенно новое и прямо идущее къ уничтоженію всякаго эксплуатированія и всякаго политическаго или юридическаго, равно какъ и правительственно-административнаго притѣсненія, т. е. къ уничтоженію всѣхъ классовъ посредствомъ экономическаго уравненія всѣхъ сословій и къ уничтоженію ихъ послѣдней опоры—Государство“.

Партія формулируетъ свои характеристическія черты слѣдующимъ образомъ («Гос. и Ан.», 219):

«Мы—революціонеры—анархисты, поборники всена-

роднаго образованія, освобожденія и широкаго развитія общественной жизни; а потому враги государтва и всякаго государствованія»...

И этотъ анархизмъ (весьма различный отъ нынѣшняго) считается результатомъ «соціально экономической науки», которая, имѣя возможность ставить лишь «отрицательныя положенія»,

«дошла до отрицанія самой идеи государства и государствованія, т. е. управленія обществомъ сверху внизъ во имя какого-бы то ни было мнимаго права, богословскаго или метафизическаго, божественнаго или интеллигентно-ученаго, и вслѣдствіе того пришла къ противуположному положенію—къ анархіи, т. е. къ самостоятельной свободной организаціи всѣхъ единицъ или частей, составляющихъ общины, и ихъ вольной федераціи между собою, снизу вверхъ, не по приказанію какого бы то начальства, даже избраннаго, и не по указанію какой-либо ученой теоріи, а вслѣдствіе совсѣмъ естественнаго развитія всякаго рода потребностей, проявляемыхъ самой жизнью» (Пр., 1—2).

«Если есть государство, то непремѣнно есть господство, слѣдовательно, и рабство; государство безъ рабства, открытаго или маскированнаго, немыслимо—вотъ почему мы враги государства». (278).

Но уже тутъ полемика идетъ не только противъ государства абсолютистскаго, сословнаго или буржуазнаго, а такъ же противъ того «Volks staat», которое было поставлено на знамени нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, какъ «диктатура пролетаріата».

Интернаціоналъ продолжаетъ для автора быть главнымъ двигателемъ современной исторіи. «Славянскому пролетаріату» дается совѣтъ сблизиться съ нимъ. Но въ то же самое время изъ Интернаціонала исключается нѣмецкая партія соціаль-демократовъ (77, 89); не только «союзъ», но даже сближеніе съ нею порицаются, для настоящей эволюціи Интернаціонала надежды возлагаются на Италію и Испанію (24, 39, 84 и сл.); противуположеніе славянъ—естественныхъ противниковъ государства — нѣмцамъ — государственникамъ — выступаетъ какъ характерная черта (57, 79, 97, 120).

Война противъ «доктринеровъ—теоретиковъ» про-

должается, но къ нимъ теперь (1873) уже относятся не только политическіе и философскіе либералы и радикалы, не только буржуазная «Лига Мира и Свободы», противъ которой направлялъ свои удары Бакунинъ въ статьѣ въ «Egalité» 1869 г. (См. «Ист. р.» 16—24), не только сторонники «буржуазной политики» и «буржуазной кооперації», исключенія которыхъ изъ Интернаціонала онъ требовалъ въ другой статьѣ того же журнала и того же года (см. «Ист. р. 60») но также и нѣмецкіе соціаль-демократы, и русскіе соціалисты,

„маскирующіе свой эгоизмъ доктринерною, бездушною, безсмысленною ученою болтовнею“ (Пр. 6).

Этому „доктринерству“ противуполагается самобытное развитіе народа (Пр. 9 и слѣд.):

«Самые прославленные геніи ничего ияи очень мало сдѣлали до сихъ поръ собственно для народа, т. е. для многомилліоннаго, чернорабочаго пролетаріата. Народная жизнь, народное развитіе, народный прогрессъ принадлежатъ исключительно самому народу. Этотъ прогрессъ совершается, конечно, не путемъ книжнаго образованія, а путемъ естественнаго наростанія опыта и мысли, передаваемаго изъ рода въ родъ, необходимымъ образомъ расширяющагося, углубляющагося по содержанію, усовершенствующагося и облекающагося въ свои формы, разумѣется, чрезвычайно медленно, путемъ безконечнаго ряда тяжкихъ и горькихъ историческихъ испытаній, доведшихъ, наконецъ, въ наше время народныя массы, можно сказать, всѣхъ странъ, по крайней мѣрѣ, всѣхъ европейскихъ странъ, до сознанія, что имъ отъ привилегированныхъ классовъ и отъ нынѣшнихъ государствъ, вообще отъ политическихъ переворотовъ, ждать нечего, и что онѣ могутъ освободиться только собственнымъ усиліемъ своимъ, посредствомъ соціальной революціи. Это самое опредѣляетъ всеобщій идеалъ, нынѣ въ нихъ живущій и дѣйствующій.

«Существуетъ-ли такой идеалъ въ представленіи народа русскаго? Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ и нѣтъ даже необходимости слишкомъ далеко углубляться въ историческое сознаніе нашего народа, чтобы опредѣлить его главныя черты.

«Первая и главная черта, это—всенародное убѣжденіе, что земля, вся земля, принадлежитъ народу, орошающему ее своимъ потомъ и плодотворяющему ее собственноручнымъ трудомъ. Вторая, столь же крупная, черта—что право на пользованіе ею принадлежитъ не лицу, а цѣлой общинѣ, міру, раздѣляющему ее временно между лицами. Третья черта, одинаковой важности съ двумя предыдущими, это—quasi—абсолютная автономія, общинное самоуправленіе, и, вслѣдстіе того, рѣшительно враждебное отношеніе общины къ государству».

Для достиженія цѣли предполагается единственно—раціональный путь—«боевой, бунтовской» (Пр. 19):

«Въ него мы вѣримъ и только отъ него мы ждемъ спасенія.

«Народъ нашъ явнымъ образомъ нуждается въ помощи. Онъ находится въ такомъ отчаянномъ положеніи, что ничего не стоитъ поднять любую деревню. Но, хотя и всякій бунтъ, какъ бы неудаченъ онъ ни былъ, всегда полезенъ, однако, частыхъ вспышекъ недостаточно. Надо поднять всѣ деревни. Что это возможно, доказываютъ намъ громадныя движенія народныя подъ предводительствомъ Стеньки Разина и Пугачева. Эти движенія доказываютъ намъ, что въ сознаніи нашего народа живетъ, дѣйствительно, идеалъ, къ осуществленію котораго онъ стремится, а изъ неудачъ ихъ мы заключаемъ, что въ этомъ идеалѣ есть существенные недостатки, которые мѣстами и мѣшаютъ успѣху».

Таковы «патріархальность», «общинный и мірской деспотизмъ», особенно-же «замкнутость общинъ, уединеніе и разъединеніе крестьянскихъ мѣстныхъ міровъ». Борьба противъ этихъ недостатковъ русскаго народнаго идеала и есть «дѣло революціонной пропаганды», которую должна вести русская интеллигенція (Пр. 21).

«Русскій народъ только тогда признаетъ нашу образованную молодежь *своею* молодежью, когда онъ встрѣтится съ нею въ своей жизни, въ своей бѣдѣ, въ своемъ дѣлѣ, въ своемъ отчаянномъ бунтѣ. Надо, чтобы она присутствовала отнынѣ не какъ свидѣтельница, но какъ дѣятельная и передовая, себя на гибель обрекшая соучастница, повсюду и всегда, во всѣхъ народныхъ

волненіяхъ и бунтахъ, какъ крупныхъ, такъ и самыхъ мелкихъ. Надо, чтобы дѣйствуя сами по строго обдуманному и положенному плану, и подвергая въ этомъ отношеніи всѣ свои дѣйствія самой строгой дисциплинѣ, для того, чтобы создать то единодушіе, безъ котораго не можетъ быть побѣды, она сама воспиталась и воспитала народъ не только къ отчаянному сопротивленію, но также и къ смѣлому нападенію».

По роли, которую Бакунинъ игралъ въ польскомъ и южно-славянскомъ движеніи, и по тѣмъ обвиненіямъ его въ «панславизмѣ», которыя и до сихъ поръ повторяются, совершенно понятно, что и польскому и общеславянскому вопросу посвящено не мало мѣста въ литературѣ, о которой мы теперь говоримъ. Однако, цитаты, которыя можно-бы привести («Гос. и Ан.», 109 и слѣд., 132 и слѣд.; «Ист. р.» 339—для поляковъ, «Гос. и Ан.» 55 и слѣд., 67 и слѣд., 112—для славянъ вообще) совершенно ясно показываютъ, что братство съ поляками для Бакунина и его сторонниковъ происходило на почвѣ соціализма и соціальной революціи (точно такъ же, какъ по сказанному выше, это имѣло мѣсто въ Лондонѣ въ 1875 г.), а нисколько не на почвѣ исторической Польши; что эта фракція русскихъ соціалистовъ, точно такъ же, какъ и другія, была прямымъ врагомъ «панславизма» не только въ смыслѣ политической гегемоніи Россіи въ славянскомъ мірѣ, но и вообще всякаго «государственнаго» славянскаго идеала. Характерическою чертою позднѣйшихъ взглядовъ Бакунина въ этомъ отношеніи (вызванныхъ, можетъ быть, до извѣстной степени, борьбою противъ Карла Маркса) было лишь упомянутое выше противуположеніе славянъ (и южныхъ европейцевъ), какъ племенъ, будто бы, антигосударственныхъ (и потому самому болѣе революціонныхъ) нѣмцамъ, какъ племени государственному по самой своей исторіи.

Все, передъ этимъ сказанное, относится къ литературѣ этого направленія въ 1873 г. (и предшествовавшимъ, какъ указано выше), когда еще движеніе въ народъ въ Россіи не опредѣлилось. Немедленно вслѣдъ за этимъ движеніемъ начинаютъ въ этой литературѣ блѣднѣть и черты раздраженія противъ пропагандистовъ въ Россіи, (такъ какъ тамъ бакунистская молодежь поч-

ти вся занималась пропагандою и въ очень малой долѣ «бунтарствомъ» и «[illegible]ышко-пускательствомъ»), и черты борьбы западныхъ «анархистовъ» противъ марксизма.

Мы еще вернемся ниже къ примирительной отрасли заграничной революціонной литературы, обозначавшей въ 1877 и послѣдующихъ годахъ переходъ къ новой эпохѣ и характеристичной по своему параллелизму съ движеніемъ «Земли и Воли» въ Россіи *), но прежде того остановимся нѣсколько на еще одномъ революціонно-литературномъ направленіи, возникшемъ въ 1874 г. и имѣвшемъ совершенно особенный характеръ.

Важнымъ элементомъ для дальнѣйшаго хода русскаго революціоннаго движенія, какъ теченіе, сначала враждебное соціализму, а потомъ долженствовавшее слиться съ русскимъ соціалистическимъ движеніемъ и усилить его, выступилъ русскій *якобинизмъ*, главнымъ органомъ котораго сдѣлался «Набатъ», но который вызвалъ и рядъ брошюръ (напр. *Ткачева*: «Задачи революціонной пропаганды въ Россіи», «Ораторы бунтовщики передъ русской революціей», б. ук. ч., «Анархія мысли»—то и другое сборники статей изъ «Набата», *А. Амари*: «Идеализмъ и Матеріализмъ въ политикѣ» (1877), «Революціонная Расправа» (1878) и др.).

Ткачевъ пріѣхалъ заграницу, какъ сказано выше, заявляя намѣреніе вступить въ ряды группы, издававшей «Впередъ!». Довольно скоро проявились разногласія. Въ статьѣ, приготовленной имъ для распространенія въ народѣ, онъ писалъ весною 1874 г. (цит. «Р. мол.» 47):

«И зажилъ бы мужичекъ припѣваючи, зажилъ-бы жизнью развеселою... не мѣдными грошами, а червонцами золотыми мошна бы его была полна. Скотины всякой, да птицы домашней у него и счету не было-бы. За столомъ у него мяса всякія, да пироги имянинные, да вина сладкія отъ зари до зари не снимались-бы. И ѣлъ-бы и пилъ-бы онъ, сколько въ брюхо влѣзетъ, а работалъ бы, сколько самъ захочетъ. И никто бы, и ни въ чемъ

*) См. статью *Э. А. Серебрякова*: „Общество Земля и Воля“ въ выпускѣ 4.

бы неволить его не смѣлъ: хошь-ѣшь, хошь-на печи лежи. Распречудесное житье!»

Всеобщее возмущеніе сотрудниковъ «Впередъ!» по редакціи и наборни не позволяло даже подумать о напечатаніи рукописи, въ которой рисовалась, въ эту эпоху энтузіазма и аскетизма,

«русскому народу, какъ *цѣль соціальной революціи*, подобная картина обжорства, бездѣльничества и концентрировки имущества» и разжигались «живыя страсти къ золотымъ червонцамъ, къ имяннымъ пирогамъ, къ сладкимъ винамъ и къ лежанію на печи»,

въ виду содѣйствія

«*соціальной* революціи, созданію болѣе справедливаго общественнаго строя».

По переѣздѣ редакціи и наборни «Впередъ!» въ Лондонъ, необходимость выяснить отношенія между сотрудниками вызвала рядъ преній «при свидѣтеляхъ». Впродолженіи этихъ преній Ткачевъ («Р. мол.» 40 и слѣд.):

«не высказалъ особеннаго несогласія идти вмѣстѣ съ политическими революціонерами-либералами; призналъ не только возможнымъ, но и желательнымъ, необходимымъ, вступить въ союзъ съ приверженцами диктатуры и настаивалъ на измѣненіи программы журнала въ томъ смыслѣ, чтобы журналъ призналъ цѣли этой партіи своими цѣлями, совершенно наравнѣ съ цѣлями той партіи, которой онъ теперь служитъ органомъ, и которая въ немъ заявила, что «перестройка русскаго общества должна быть совершена не только съ *цѣлью* народнаго блага, не только для народа, но и *посредствомъ* народа».

Именно въ этомъ пунктѣ произошло самое рѣшительное разногласіе, и послѣдовалъ разрывъ.

Вслѣдъ за тѣмъ появилась брошюра Ткачева: «Задачи революціонной пропаганды въ Россіи» (1874), на которую редакторъ „Впередъ!“ немедленно отвѣчалъ брошюрой: „Русской соціально-революціонной молодежи“ (1874).

Въ брошюрѣ Ткачева было высказано прежде всего, что „на знамени партіи дѣйствія, а не партіи резонерства“ должны быть написаны «только» слова „борьба съ правительствомъ; борьба съ установившимся порядкомъ вещей“. Въ брошюрѣ нигдѣ не упоминалось о револю-

ціи «народной» и «соціальной» и, въ противуположеніе задачѣ „подготовленія" революціи, выставленной въ «Впередъ!», требовалось немедленное приступленіе къ «дѣланію революціи» („Р. мол.", 15):

„Революціонеръ всегда считаетъ и всегда долженъ считать себя въ правѣ призывать народъ къ возстанію... Онъ признаетъ народъ всегда готовымъ къ революціи.

«Всякій народъ, задавленный произволомъ и т. д.... (а въ такомъ положеніи находятся всѣ народы)... всегда *можетъ*, всегда хочетъ сдѣлать революцію,—онъ всегда готовъ къ ней... Ждать?... Имѣемъ-ли мы право ждать? Мы не допускаемъ никакихъ отсрочекъ, никакого промедленія... Мы не можемъ и не хотимъ ждать!... Пусть каждый поскорѣе соберетъ пожитки и спѣшитъ отправиться въ путь».

Въ ноябрѣ 1875 г. программа „Набата", не устраняя совсѣмъ элемента „соціальнаго" и „народнаго", но возставая одинаково противъ „анархіи" и противъ „пропаганды", заключала, между прочимъ, слѣдующее («Ор.» 2 и слѣд.):

«Пришло время ударить въ набатъ. Смотрите! Огонь «экономическаго прогресса» уже коснулся коренныхъ основъ нашей народной жизни. Подъ его вліяніемъ уже разрушаются старыя формы нашей общинной жизни, уничтожается самый „принципъ общины", принципъ, долженствующій лечь краеугольнымъ камнемъ того будущаго общественнаго строя, о которомъ всѣ мы мечтаемъ.

«На развалинахъ перегорающихъ формъ нарождаются новыя формы,—формы буржуазной жизни; развивается кулачество, міроѣдство, воцаряется принципъ инвидуализма, экономической анархіи, безсердечнаго, алчнаго эгоизма... Огонь подбирается и къ нашимъ государственнымъ формамъ. Сегодня мы сила... Сегодня наши враги слабы, разъединены. Противъ насъ одно правительство, съ своими чиновниками и солдатами... Но что будетъ завтра?...

«Подготовлять революцію—это совсѣмъ не дѣло революціонера. Ее подготовляютъ: эксплуататоры, капиталисты, помѣщики, попы, полиція, чиновники, консерваторы, либералы, прогрессисты и т. п,

„Революціонеръ-же долженъ только пользоваться и извѣстнымъ образомъ комбинировать тѣ, уже готовые, данные революціонные элементы, которые выработала исторія, которые выростила экономическая жизнь народа, которые крѣпнутъ и развиваются, благодаря тупости «охранителей», безсмыслію правительствъ съ ихъ жандармами и войсками,—благодаря, наконецъ, трудолюбивымъ воздѣлывателямъ вертограда „мирнаго" прогресса и ихъ буржуазной науки.

«Революціонеръ не подготовляетъ, а „дѣлаетъ революцію...

«Бить въ набатъ, призывать къ революціи—значитъ указывать на ея необходимость и возможность именно въ данный моментъ выяснять практическія средства ея осуществленія, опредѣлять ея ближайшія цѣли.

«Такова и будетъ главная задача нашего органа...

«Въ то время, какъ наиболѣе дѣятельная, наиболѣе искренняя и энергическая часть молодежи инстинктивно ищетъ *непосредственно-возможнаго*, *практически-осуществимаго*, ей рекомендуютъ *анархію*, какъ ближайшую цѣль революціи.

«Въ то время, когда молодежь, частью сознательно, частью безсознательно, стремится организоваться, сплотиться, какъ можно тѣснѣе и крѣпче,—ей нашептываютъ въ уши, что основные принципы всякой тайной организаціи: іерархія, дисциплина, подчиненность,—что это принципы ложные, вредные и даже безнравственные.

«Въ то время, какъ она,—полная силъ и вѣры,—рвется на дѣло и хочетъ, какъ можно скорѣе, сорвать съ народа давящія его цѣпи,—ей говорятъ: „подожди, не трогай, сперва—*пропагандируй*, внушай, просвѣщай, а ужъ потомъ срывай".

«Анархія—какъ ближайшая непосредственная цѣль революціи, пропаганда—какъ практическое средство для ея осуществленія, и, наконецъ, организація безъ дисциплины, іерархіи и подчиненности, развѣ все это не фантастическія утопіи, не ребяческія мечты?...

«Слово *анархія* не выражаетъ собою вполнѣ идеала этого будущаго: оно указываетъ только на одну его сторону, на одну, и совсѣмъ не существенную, черту будущаго общественнаго строя. Никакая революція не

можетъ установить анархію, не установивъ сначала братства и равенства... Осуществить эту великую задачу могутъ, конечно, только люди, понимающіе ее и искренно стремящіеся къ ея разрѣшенію, т. е. люди, умственно и нравственно развитые, т. е. меньшинство. Это меньшинство, въ силу своего болѣе высокаго умственнаго и нравственнаго развитія, всегда имѣетъ и должно имѣть умственную и нравственную власть надъ большинствомъ.

«Слѣдовательно, революціонеры — люди этого меньшинства, революціонеры, воплощающіе въ себѣ лучшія умственныя и нравственныя силы общества—необходимо обладаютъ и, оставаясь революціонерами, не могутъ не обладать *властью*.. Истинная революція - дѣйствительная метаморфоза силы нравственной въ силу матеріальной,—можетъ совершится только при одномъ условіи: при захватѣ революціонерами государственной власти въ свои руки; иными словами, — ближайшая, непосредственная цѣль революціи должна заключаться ни въ чемъ иномъ, какъ только въ томъ, чтобы овладѣть правительственной властью и превратить данное, консервативное, государство въ государство революціонное.

«Итакъ, ближайшая цѣль революціи должна заключаться въ захватѣ политической власти, въ созданіи революціоннаго государства. Но захватъ власти, являясь необходимымъ условіемъ революціи—не есть еще революція. Это только ея прелюдія. Революція осуществляется революціоннымъ государствомъ, которое, съ одной стороны, борется и уничтожаетъ консервативные и реакціонные элементы общества, упраздняетъ всѣ тѣ учрежденія, которыя препятствуютъ установленію равенства и братства; съ другой — вводитъ въ жизнь учрежденія, благопріятствующія ихъ развитію. Такимъ образомъ, дѣятельность революціоннаго государства должна быть двоякая: революціонно-разрушительная и революціонно-устроительная. Сущность первой—борьба, а слѣдовательно—насиліе... Дѣятельность революціонно-устроительная, хотя и должна идти рука объ руку съ дѣятельностью разрушительной, но она, по своему основному характеру, должна опираться на принципы совершенно ей противоположные. Если первая преимуще-

ственно опирается на силу матеріальную, то вторая — на силу нравственную .. Первая осуществляется насиліемъ, вторая — убѣжденіемъ; ultima ratio одной — побѣда, ultima ratio другой—народная воля, народный разумъ. Обѣ эти функціи революціоннаго государства должны быть строго разграничены. Его конституціонная дѣятельность должна отличаться эластичностью, умѣніемъ приспособляться къ данному уровню народныхъ потребностей и народнаго развитія. Чтобы не удаляться отъ этого уровня, не впадать въ утопіи, чтобы дать жизненную силу своимъ реформамъ, оно должно окружить себя органами народнаго представительства, *Народной Думы*, санкціонировать ихъ волею свою реформаторскую дѣятельность. Въ то же время оно должно постоянно стремиться къ расширенію народнаго развитія, къ поднятію уровня его нравственныхъ идеаловъ. И тутъ ему открывается широкое поприще для *пропаганды*—той пропаганды о которой мечтаютъ наши буржуазные псевдо-революціонеры. Мы признаемъ вмѣстѣ съ ними, что безъ пропаганды, соціальная революція не можетъ осуществиться, не можетъ войти въ жизнь. Но мы утверждаемъ, въ противуположность имъ, что пропаганда только тогда и будетъ дѣйствительна, цѣлесообразна, только тогда и принесетъ ожидаемые отъ нея результаты, когда матеріальная власть будетъ находиться въ рукахъ революціонной партіи.

«Слѣдовательно, не она должна предшествовать насильственному перевороту, а, наоборотъ, насильственный переворотъ долженъ ей предшествовать.

«Упрочивъ свою власть, опираясь на *Народную Думу* и широко пользуясь пропагандой, революціонное государство осуществитъ соціальную революцію рядомъ реформъ въ области экономическихъ, политическихъ и юридическихъ отношеній общества,—реформъ, общій характеръ которыхъ долженъ состоять: 1) въ постепенномъ преобразованіи современной крестьянской общины, основанной на принципѣ временнаго, *частнаго* владѣнія — въ общину—коммуну, основывающуюся на принципѣ *общаго* совмѣстнаго пользованія орудіями производства и общаго совмѣстнаго труда; 2) въ постепенной экспропріаціи орудій производства, находящихся въ частномъ владѣніи

и въ передачѣ ихъ въ общее пользованіе; 3) въ постепенномъ введеніи такихъ общественныхъ учрежденій, которыя устранили бы необходимость какого бы то ни было посредничества при обмѣнѣ продуктовъ и измѣнили-бы самый его принципъ — принципъ буржуазной справедливости: око за око, зубъ за зубъ, услуга за услугу,— принципомъ братской любви и солидарности; 4) постоянномъ устраненіи физическаго, умственнаго и нравственнаго неравенства, между людьми при посредствѣ обязательной системы общественнаго, для всѣхъ одинаковаго интегральнаго воспитанія въ духѣ любви, равенства и братства; 5) въ постепенномъ уничтоженіи существующей семьи, основанной на принципѣ подчиненности женщины, рабства дѣтей и эгоистическаго произвола мужчинъ; 6) въ развитіи общиннаго самоуправленія и въ постепенномъ ослабленіи и упраздненіи центральныхъ функцій государственной власти.

«Такова должна быть, по нашему мнѣнію, въ самыхъ общихъ чертахъ, программа дѣятельности революціонаго государства.

«Государственный заговоръ является, если не единовременнымъ, то, во всякомъ случаѣ, главнымъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ къ насильственному перевороту. Но всякій, признающій необходимость государственнаго заговора, тѣмъ самымъ долженъ признать и необходимость дисциплинированной организаціи революціонныхъ силъ.

«Сгруппировавшись въ боевую организацію и сдѣлавъ основною ея задачею захватъ политической власти, революціонеры—не упуская изъ виду цѣли заговора—не должны ни на минуту забывать, что удачное достиженіе этой цѣли неосуществимо безъ прямой или косвенной поддержки народа. Отсюда, дѣятельность революціонной партіи и до насильственнаго переворота должна имѣть такой-же двойственный характеръ, какой она будетъ имѣть (какъ мы уже сказали выше) послѣ переворота Съ одной стороны, она должна подготовлять захватъ власти на верху, съ другой — народный бунтъ внизу. Чѣмъ тѣснѣе будутъ связаны обѣ эти дѣятельности тѣмъ скорѣе и удачнѣе каждая изъ нихъ достигнетъ своей цѣли. Мѣстный народный бунтъ, не сопровожда-

ющійся одновременнымъ нападеніемъ на центръ власти, не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ, точно также нападеніе на центръ власти и захватъ ея въ революціонныя руки, не сопровождающійся народнымъ бунтомъ (хотя и мѣстнымъ), лишь при крайне благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ привести къ какимъ-нибудь положительнымъ прочнымъ результатамъ. Революціонная партія никогда не должна терять этого изъ виду. Она должна избѣгать всякой исключительности и односторонности въ выборѣ средствъ, ведущихъ къ осуществленію ближайшей цѣли революціи.

«Для интересовъ нашей революціонной партіи былобы въ высшей степени полезно находиться въ постоянномъ общеніи съ революціонными партіями западной Европы. Союзъ же съ польской революціонной партіей мы считаемъ для нея безусловно, абсолютно необходимымъ.

«На западѣ, какъ и у насъ, мы замѣчаемъ два теченія: одно—чисто утопическое, федеративно-анархическое, другое—реалистическое, централизаціонно-государственное... Революціонная партія все яснѣе и яснѣе начинаетъ сознавать, что безъ захвата государственной власти въ свои руки невозможно произвести въ существующемъ строѣ общества никакихъ прочныхъ и радикальныхъ измѣненій, — что соціалистическіе идеалы, не смотря на всю ихъ истинность и разумность, до тѣхъ поръ останутся несбыточными утопіями, пока не будутъ опираться на *силу*, пока ихъ не прикроетъ и не поддержитъ авторитетъ *власти*. Въ связи съ такимъ сознаніемъ необходимо должна измѣниться и самая форма организаціи революціонныхъ силъ. По мѣрѣ того, какъ политическій элементъ борьбы выдвигается на первый планъ, все сильнѣе и сильнѣе чувствуется потребность, съ одной стороны, болѣе централизировать революціонныя силы, съ другой—облечь большей тайной ихъ дѣятельность.

«Мы вѣримъ, что революціонныя силы, скрывшись подъ *легальную почву*, кончатъ тѣмъ, что взорвутъ ее, разрушатъ величественное зданіе «буржуазнаго общества» и подъ его обломками погребутъ старый міръ».

Въ рядѣ статей «Набата» развивались положенія этой программы, собственно — *революціонной*, но вовсе не *соціалистической*, однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ редакторъ «Набата» заявлялъ себя вполнѣ опредѣленно сторонникомъ соціализма. Въ 1875 г., подвергалось строгой критикѣ собраніе «самыхъ разнообразныхъ элементовъ» около знамени хожденія въ народъ («Ор.» 30); въ слѣдующемъ мѣсяцѣ—«иллюзія о революціонной правоспособности» народа («Ор.», 40), и признанъ былъ «мыслимымъ» лишь слѣдующій выводъ («Ор.», 46):

«Для того, чтобы превратить народъ изъ возможной революціонной силы въ дѣйствительную, изъ возможнаго революціонера въ реальнаго, мы (т. е. революціонное меньшинство), мы должны первоначально расшатать, ослабить и уничтожить гнетущій его политическій строй, консервативное, эксплуататорское, самодержавное государство».

Далѣе утверждалось («Ор.», 48):

«Само собою понятно, что, чѣмъ менѣе существуетъ въ народѣ революціонныхъ элементовъ, чѣмъ ничтожнѣе размѣры его революціонной силы, тѣмъ незначительнѣе должна быть его роль въ дѣлѣ осуществленія «соціальнаго переворота» и тѣмъ большимъ значеніемъ, тѣмъ большею властью и вліяніемъ должно пользоваться революціонное меньшинство. Точно также и наоборотъ: участіе народа въ революціи должно быть тѣмъ больше, чѣмъ большее количество революціонныхъ элементовъ онъ въ себѣ содержитъ».

Доказывалось, что

«положительные идеалы нашего крестьянства еще не революціонны, они не могутъ быть идеалами революціи... Даже и въ дѣлѣ разрушенія революціонная сила нашего народа можетъ имѣть лишь относительное значеніе...

«Отношеніе революціоннаго меньшинства къ народу и участіе послѣдняго въ революціи можетъ быть опредѣлено слѣдующимъ образомъ: революціонное меньшинство, освободивъ народъ изъ-подъ ига гнетущаго его страха и ужаса передъ властью предержащею, открываетъ ему возможность проявить свою разрушительно-револю-

ціонную силу и, опираясь на эту силу, искусно направляя ее къ уничтоженію непосредственныхъ враговъ революціи, оно разрушаетъ охраняющія ихъ твердыни и лишаетъ ихъ всякихъ средствъ къ сопротивленію и противодѣйствію. Затѣмъ, пользуясь своею силой и своимъ авторитетомъ, оно вноситъ новые прогрессивно-коммунистическіе элементы въ условія народной жизни. Въ своей реформаторской дѣятельности революціонное меньшинство не должно разсчитывать на *активную* поддержку народа. Революціонная роль послѣдняго кончается съ той минуты, когда онъ разрушитъ непосредственно гнетущія его учрежденія, уничтожитъ своихъ непосредственныхъ тирановъ - эксплуататоровъ. Но... нѣтъ ни малѣйшихъ основаній предполагать, чтобы народъ отказалъ революціонерамъ въ своей *пассивной* поддержкѣ. Напротивъ, они имѣютъ полное право разсчитывать на нее... Революціонное меньшинство, пользуясь разрушительно-революціонною силой народа, уничтожитъ враговъ революціи и, основываясь на общемъ духѣ положительнаго народнаго идеала (т. е. на консервативныхъ силахъ народа), положитъ основаніе новому разумному порядку общежитія.

«Ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ народъ, самъ себѣ предоставленный, не въ силахъ осуществить соціальную революцію. Только мы, революціонное меньшинство, можемъ это сдѣлать и мы *должны* это сдѣлать какъ можно скорѣе».

Наконецъ было заявлено («ор.» 62):

«Всякая революціонная партія считаетъ и должна считать ренегатомъ и отступникомъ человѣка, который, принадлежа къ ней, въ то же время проповѣдуетъ невозможность и безполезность революціи въ настоящемъ, при данныхъ условіяхъ данной общественности».

Какъ на заявленія группы «Набатъ» на почвѣ общеевропейскаго движенія, можно, напримѣръ, указать на помѣщеніе въ № 8—1876 г. «Обращеніе къ студентамъ стараго и новаго свѣта» для созыва конгресса студентовъ, заявляющихъ себя «атеистами, революціонерами и соціалистами», рядъ статей о Бабэфѣ, о парижской коммунѣ и т. п.

Въ отсутствіе Ткачева, въ № 10 того-же года была

помѣщена статья, которая своею теоріею: „Надѣвайте шпіонамъ такія маски, какъ теперь на Гориновичѣ“— вызвала въ рядахъ русской оппозиціи общее возмущеніе, не мало повредившее группѣ, программа которой имѣла будущее и пріобрѣла-бы въ этотъ самый моментъ болѣе приверженцевъ, если бы при составѣ кружка былъ сдѣланъ болѣе строгій выборъ*). Этотъ дурной выборъ имѣлъ слѣдствіемъ и то неосторожное хвастовство нѣкоторыхъ представителей «Набата», которое вызвало, наконецъ, даже прямой печатный протестъ друзей В Засуличъ и другихъ лицъ (которыхъ набатчики выставили, какъ своихъ сторонниковъ) въ «Общинѣ» 1870 г. (№ 8 - 9: 1)

Въ другихъ изданіяхъ того же направленія соціалистическій элементъ былъ устраненъ еще рѣшительнѣе и опредѣленнѣе. Не находя нужнымъ останавливаться на нѣкоторыхъ брошюрахъ совершенно незначительныхъ (какъ напр. Амори-Турскаго) приведемъ лишь для примѣра небольшую цитату изъ „народной Расправы“ (1878) гдѣ находимъ слѣдующее („Н. Р.“, 7—16):

«Книжка отнынѣ въ рукахъ революціонеровъ замѣнена револьверомъ. Свинецъ типографскихъ литеръ пойдетъ на пули. Ярая проповѣдь къ народу о лучшемъ для него общественномъ строѣ уступитъ мѣсто выстрѣламъ по врагамъ народа!.. Въ наши дни, въ дни борьбы съ представителями буржуазнаго строя, что такое свобода народа угнетеннаго, какъ не уничтоженіе его угнетателей? Что такое равенство людей, какъ не борьба на жизнь и смерть со всякимъ, кто стоитъ за неравен-

*) Эту пресловутую статью № 10 приписываютъ личности, политическая одиссея которой довольно любопытна: сотрудникъ „Впередъ!“ за подписью „друга“, затѣмъ виновникъ гибели одной изъ крупныхъ провинціальныхъ газетъ Россіи, затѣмъ якобинецъ, заявлявшій въ 1876 г. въ Лондонѣ, что ихъ (якобинцевъ) въ Россіи „болѣе 100000“, затѣмъ временный руководитель „Набата“, причемъ онъ именно помѣстилъ только что упомянутую статью, затѣмъ удалившійся изъ „Набата“ со скандальными voies de fait, онъ оказался впослѣдствіи дѣятельнымъ корреспондентомъ и сотрудникомъ „Новаго Времени“, да едва-ли и оттуда не былъ удаленъ за излишнюю безцеремонность.

ство? Что такое грядущее братство человѣчества, какъ не уничтоженіе всѣхъ его противниковъ?..

„Единственное правило истиннаго революціонера въ дни борьбы: „кто не за насъ, тотъ противъ насъ!...

„Да растетъ и крѣпнетъ русская революціонная организація!“

Въ 1877 г. раздражительность въ отношеніяхъ между соціалистическими фракціями, какъ сказано выше, ослабѣла, и можно было замѣтить рядъ явленій, обозначавшихъ ихъ сближеніе. Появилась и примирительная литература, которая пыталась теоретически понять причину неудачъ движенія и уяснить себѣ сдѣланныя ошибки въ то самое время, когда общество „Земля и Воля“, а затѣмъ и позднѣйшія соціалистическія группы стремились найти новые, лучшіе пути дѣйствія въ самой Россіи.

Въ этомъ отношеніи любопытное явленіе представляетъ, во-первыхъ, книга „Сытые и голодные“ (1875), вышедшая изъ группы тѣхъ бакунистовъ, которые вслѣдъ затѣмъ явились издателями „Работника“ *) и „Общины“, во-вторыхъ, нѣкоторыя статьи, помѣщенныя въ „Общинѣ“.

Какъ книга, назначенная для рабочихъ, «Сытые и голодные» была слишкомъ объемиста и въ пропагандѣ въ народѣ играла маловажную роль; но картины исторіи вообще, русской исторіи въ частности и Интернаціонала до 1873 года всѣ характеризованы очень ясно только что указаннымъ ослабленіемъ враждебности между русскими соціалистическими фракціями, а также сознаніемъ того, что для русскихъ соціалистовъ борьба партіи Интернаціонала на Западѣ потеряла большую долю своего значенія въ виду болѣе насущной борьбы, происходившей въ Россіи. Предшествовавшая эпоха только что указанной, отчасти междоусобной, борьбы выработала съ полною ясностью задачу рабочаго революціоннаго соціализма для Россіи. «Пропагандисты» и «бакунисты» одинаково сознавали, что русское соціальное движеніе должно было стремиться одновременно къ двумъ цѣлямъ.

*) Достаточно полнаго экземпляра этой газеты я достать не могъ.

Одна изъ нихъ была—организація рабочихъ, какъ революціонной силы, во имя перехода орудій труда въ руки рабочихъ, причемъ это движеніе было неизбѣжно не только русскимъ, но также международнымъ, соединяя нѣмецкихъ, романскихъ и славянскихъ рабочихъ въ одно братство, сознающее себя, какъ классъ, противуположный другимъ классамъ. Тѣ и другіе въ то же время одинаково сознавали, что русскій соціальный вопросъ не можетъ быть даже опредѣленно поставленъ внѣ разрушенія русскаго абсолютизма, какъ главной помѣхи всякому движенію. Вопросы, раздѣлявшіе фракціи, о бунтахъ и о пропагандѣ, о большемъ или меньшемъ стремленіи къ знанію и пониманію, о совершеніи соціальной революціи помощью «анархическихъ» федерацій или рабочей «диктатуры», о дѣйствіи «революціонеровъ» исключительно на народъ или также на интеллигенцію, и въ первомъ случаѣ на крестьянство или на городское населеніе—все это становилось второстепеннымъ, когда сущность исторической задачи русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ была уже поставлена непоколебимо. Соціалистическое теченіе въ Россіи получило опредѣленное русло; не воля агитаторовъ, а событія, вызываемыя самою исторіей движенія, должны были обусловить дальнѣйшій путь.

По этому характеру переходнаго явленія книга «Сытые и голодные» представляетъ особенный интересъ въ своихъ отзывахъ о предшествовавшихъ революціонныхъ движеніяхъ въ Россіи («Сытые и голодные», 394 и слѣд.; 403 и слѣд.)

Объ эпохѣ «Великорусса» и «Молодой Россіи» сказано:

«Опасенъ и смѣлъ былъ поступокъ людей, рѣшившихся печатать вольное слово въ самой столицѣ Россіи, и съ этой стороны, конечно, они заслуживаютъ уваженія. Эти люди были молоды, искренно желали помочь рабочему народу, но они рѣшительно ничего не знали, рѣшительно ничего не понимали; — они звали дворянъ на помощь ограбленному народу; они говорили: «выборные русскихъ городовъ, опираясь на всѣ великорусскія провинціи представятъ собою могущество, передъ которымъ опустятся штыки, поблѣднѣютъ при-

дворные... Поймите свою силу... Мы посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ наше „воззваніе къ образованному сословію».

«Еслибы мы не знали, что эти люди искренно вѣрили въ то, о чемъ они писали, мы бы не такъ стали говорить о нихъ».

О первой «Землѣ и Волѣ» и о «Русскомъ Центральномъ Комитетѣ» читаемъ:

«Люди, писавшіе такіе листки... звали на борьбу съ чиновниками ту малую горсть молодыхъ людей изъ образованныхъ, которые, по молодости своего сердца и чистотѣ своего ума, не успѣли еще сдѣлаться сами, самолично, грабителями рабочаго человѣка, но всетаки жили на счетъ его тяжелаго труда, учились на денежки мужика... Почему же понадобились этимъ людямъ молодые студенты, семинаристы и всякіе разночинцы? Потому что Петербургскій кружокъ общества „Земля и Воля“ считалъ народъ неспособнымъ самъ по себѣ, безъ помощи этихъ грамотныхъ, досужихъ людей, сплотиться и встать разомъ всей землей на враговъ своихъ; онъ думалъ, что рабочій народъ знаетъ лишь, чего не хочетъ, но не знаетъ, чего ему надо... Чтобы научить народъ, чего ему надо, кружокъ считалъ необходимымъ соединить народъ съ честной, грамотной и правдивой частью тѣхъ студентовъ, семинаристовъ и разночинцевъ, которые могли бы научить его тому, чего онъ не знаетъ. Но какъ соединиться съ народомъ людямъ, не связаннымъ даже промежъ себя? Кружокъ находилъ, что всѣ эти люди, родные по мыслямъ, по желаніямъ, по враждѣ къ настоящему порядку, но разбросанные по всей Россіи, а потому безсильные, должны дружно сплотиться въ одинъ союзъ, дѣйствующій какъ одинъ человѣкъ. Достигнувъ этого, кружокъ предполагалъ, что ему не трудно будетъ сойтись съ народомъ, потому что въ самомъ союзѣ окажутся люди изъ крестьянъ или изъ фабричныхъ по происхожденію. Для образованія союза кружокъ считалъ необходимымъ составленіе тайныхъ обществъ, кружковъ и братствъ... Вспомнимъ же добрымъ словомъ «Землю и Волю».

Далѣе:

«Герценъ и Огаревъ думали, что «земскій соборъ»

долженъ взять подъ опеку дворянскую думу; они надѣялись, что „земскій соборъ“ въ силахъ положить конецъ бѣдствіямъ рабочаго народа. Мысль эта теперь считается невѣрною, но надо было видѣть много примѣровъ изъ позднѣйшихъ событій, додуматься до иныхъ вѣрныхъ средствъ, ведущихъ народъ къ освобожденію... Эта ошибка Огарева и Герцена не мѣшала имъ глубоко понимать жизнь и завѣтныя желанія русскаго крестьянскаго народа...»

«Нечаевъ мало зналъ исторію человѣческаго общества. Не вѣдалъ онъ, что захватывали разные люди власть въ свои руки, но народа не облагодѣтельствовали. Не зналъ, что, если рабочій людъ самъ не спасетъ себя, то не спасутъ его никакіе доброжелатели. Такіе люди, какъ Нечаевъ, сами того не замѣчая, постепенно дѣлаются врагами тѣхъ, за кого хотятъ жизнь свою положить. Нечаевъ былъ врагъ вольнаго союза общинъ трудящагося народа; онъ не довѣрялъ здравому смыслу и волѣ народа; онъ считалъ народъ рабочій безсмысленной толпой, которою надо командовать; онъ хотѣлъ власти, чтобы спасти народъ».

Авторы признавали началомъ настоящаго (т. е. народнаго) революціоннаго движенія попытку долгушинцевъ.

Въ «Общинѣ» особеннаго вниманія въ разсмотрѣнномъ отношеніи заслуживаютъ вниманія статьи Аксельрода и Стефановича.

Въ статьѣ «Переходный моментъ нашей партіи» («Община № 8—9; 21 и слѣд.) Аксельродъ развивалъ мысль, что наши «правители и привиллегированные классы» стремятся, съ одной стороны, «разрушить общинное землевладѣніе и обратить крестьянъ въ батраковъ», а съ другой, расширить въ Россіи область капиталистическихъ предпріятій; видѣлъ именно въ этихъ стремленіяхъ причину «возрастающихъ бѣдствій и нищеты народа». Авторъ обвинялъ русское общество и русскую литературу (можетъ быть, не совсѣмъ справедливо) въ отсутствіи со времени Чернышевскаго и Добролюбова всякаго «энергическаго протеста» противъ абсолютизма; обвинялъ «революціонную партію въ поверхностномъ» отношеніи «къ дѣлу организаціи народныхъ

массъ для соціальной революціи», разсчитывая на «быстрые и блестящіе результаты» тамъ, гдѣ дѣло требовало «громадныхъ усилій нѣсколькихъ поколѣній» (слѣдовательно, обвинялъ революціонеровъ, собственно, въ отсутствіи политики «подготовленія») и выставлялъ нѣсколько общихъ положеній, какъ основаніе дѣятельности всякой соціалистически-федералистической группы «Рабочая» и, въ особенности, «крестьянская» среда оставалась для автора центромъ дѣятельности, но признана уже была необходимость не «одного кратковременнаго акта», а «длиннаго ряда разнообразныхъ усилій, начиная теоретическою пропагандою и кончая активною борьбою въ рядахъ народа». Признавалась необходимость «локализировать» дѣятельность группъ (что именно и совершалось въ это время въ обществѣ «Земля и Воля»). Заявлялась столь же неотложная необходимость точно опредѣлить «практическія цѣли» группъ, именно: различать двѣ одинаково важныя отрасли революціонной дѣятельности: дѣятельность пропаганды началъ соціализма въ виду выработки въ народѣ сознательныхъ соціалистовъ; и дѣятельность въ направленіи организаціи массъ, т. е. выработки въ нихъ «привычки и умѣнья самозащиты противъ насилія власти капитала». При этомъ заявлялось, что «организація пропагандистовъ въ народѣ можетъ быть крайне малочисленна», но что между группами «пропагандистовъ» и «организаторовъ» должна «существовать самая тѣсная связь». Утверждалась и необходимость организовать «въ обширныхъ размѣрахъ» соціалистическую прессу (что и пытались выполнить издатели «Работника» и «Общины» послѣ прекращенія «Впередъ!» и бакунистской литературы), и особенно «изданія для народа». Аксельродъ особенно настаивалъ на томъ, что политическая борьба съ абсолютизмомъ не должна «сбить» русскихъ революціонеровъ съ соціалистическаго пути, выражая опасеніе, чтобы первая не «дезорганизовала окончательно соціалистическаго элемента въ Россіи.»

При этомъ Аксельродъ имѣлъ въ особенности въ виду точку зрѣнія Стефановича, ставившаго въ своихъ статьяхъ («Наши задачи въ селѣ», въ «Общ.» № 8—9; 33 и слѣд., а отчасти и «Украинскій сборникъ Громада»,

тамъ же стр. 17 и слѣд.) нѣсколько иную программу. Аксельродъ характеризовалъ эту группу слѣдующимъ образомъ:

„Они считаютъ идеалы рабочихъ массъ въ Россіи настолько согласными въ существенныхъ основаніяхъ съ современнымъ соціализмомъ, что находятъ наиболѣе цѣлесообразнымъ сосредоточить наши силы на организаціи и агитаціи во имя этихъ идеаловъ, оставляя почти въ сторонѣ пропаганду соціализма".

Эта характеристика довольно вѣрна въ сущности, но въ постановкѣ своего взгляда на положеніе дѣлъ Стефановичъ такъ ловко комбинировалъ знакомыя русскимъ революціонерамъ формулы антигосударственности, народничества, особенно же «животворнаго начала» общины, что лишь внимательно соображая различные элементы его статьи можно разглядѣть настоящую мысль автора: дѣло, въ сущности, было въ томъ, чтобы оставить въ сторонѣ общіе принципы соціализма, а пытаться организовать народъ и направить его на бунтарство во имя непосредственнаго его стремленія увеличить свои земельные надѣлы.

Въ полемикѣ Стефановича не было уже слѣда прежняго раздраженія, а помѣщеніе его статьи рядомъ со статьей Аксельрода указывало на примирительное направленіе изданія.

Стефановичъ сначала констатируетъ, что „крестьянская среда представляетъ очень мало элементовъ, годныхъ для выработки *такихъ* соціалистовъ, какихъ бы мы желали... Болѣе или менѣе общимъ является... убѣжденіе, что для нашей дѣятельнсти нѣтъ благодарной почвы въ сельскомъ народѣ".

Онъ считалъ возможнымъ констатировать и относительно революціонеровъ соціалистовъ,

«что общихъ большинству взглядовъ, управляющихъ нашими дѣйствіями, между нами не существуетъ» и что неудачи революціонеровъ слѣдуетъ приписать ихъ незнанію народа.

„Мы старались вселить въ умъ крестьянина такія идеи и желанія, которыя совершенно шли въ разрѣзъ съ установившимся его міросозерцаніемъ. Мы игнорировали мѣстные условія и интересы, непосредственно

задѣвающіе крестьянъ, и въ этомъ, главнымъ образомъ, причины нашихъ неудачъ... Чтобы быть мужику не чужимъ, а „своимъ“ человѣкомъ, чтобы имѣть на него импульсивное вліяніе, надо избѣгать радикальнаго отношенія ко всему тому, что ему дорого, и отъ чего онъ отрѣшиться при своемъ умственномъ развитіи не можетъ“.

Между тѣмъ, по мнѣнію автора, и въ великороссійскомъ и въ украинскомъ народѣ существуютъ надлежащія данныя для соціальнаго движенія. Именно въ общинѣ видитъ онъ „животворное начало“ для будущаго и «соціалистическіе элементы, вѣками окрѣпшіе въ его (народномъ) самосознаніи и проникающіе весь соціально-экономическій строй его...“

«Государство, крупная поземельная собственность и чиновникъ—вотъ причины застоя общины, причины ея бѣдности и такихъ печальныхъ ея сторонъ, какъ, напримѣръ, подавленіе личности міромъ».

«Отсюда, говоримъ мы, истинно-революціонныя народныя требованія должны быть формулированы такъ: I) *переходъ всѣхъ земель частной собственности въ собственность народныхъ общинъ, каковы онѣ есть въ настоящее время.* II) *Самостоятельность міра или громады въ отправленіи всѣми общественными функціями, т. е. уничтоженіе государства* .. При нашей постановкѣ соціально-революціонныхъ задачъ въ Россіи, намъ, очевидно, ничего болѣе не остается, какъ стать рука объ руку съ нашимъ народомъ, каковъ онъ есть... Если такъ, то вотъ уже ясна и та точка, куда, по нашему мнѣнію, должны быть устремлены силы русскихъ соціалистовъ, ихъ существенная обязанность въ настоящее время по отношенію къ народу очевидна: *явиться инициаторами въ дѣлѣ организаціи народныхъ силъ*... Что касается вопроса мелкихъ или мѣстныхъ бунтовъ, то мы придаемъ имъ значеніе огромной важности.

«Мы думаемъ, что наиболѣе дѣйствительный способъ воздѣйствія на людей вообще, въ какомъ бы то ни было направленіи, есть путь живого примѣра. Тамъ же, гдѣ народъ особенно задавленъ, гдѣ его чувства и мысли забиты государственнымъ гнетомъ, какъ это у насъ, живой примѣръ или путь пропаганды дѣломъ, а не сло-

вомъ, какъ импульсирующее средство, пріобрѣтаетъ особенную важность... Для массъ вообще и для русскаго народа въ частности нужно признать путь живого примѣра предпочтительнымъ передъ устной или книжной пропагандой нашихъ идей... Пережить время бунта—это значитъ усилить еще больше неудовлетворенность всѣмъ тѣмъ, что представляетъ крестьянину его жалкое положеніе».

Стефановичъ кончаетъ слѣдующими словами:

«Быть можетъ, вы найдете, что мы съ нашей программой представляемъ отступленіе отъ идей научнаго соціализма, отъ принциповъ, выработанныхъ международной ассоціаціей рабочихъ. Но это было бы несправедливо. То, что повѣдала намъ западно-европейская наука, тѣ начала, которыя провозгласилъ интернаціоналъ, мы признавали и всегда будемъ признавать. Мы убѣждены только, что возможность успѣшнаго *всесторонняго* проведенія въ жизнь идей соціализма не имѣетъ почвы въ русскомъ народѣ, каковъ онъ есть въ настоящее время».

Такимъ образомъ, въ послѣднюю треть семидесятыхъ годовъ, съ одной стороны, сближались и примирялись всѣ направленія соціалистической пропаганды, для которыхъ революціонный переворотъ въ Россіи обусловливался самыми принципами соціализма; съ другой же, это чисто соціалистическое - революціонное движеніе встрѣтилось съ традиціоннымъ направленіемъ революціонеровъ-политиковъ, для которыхъ и экономическіе принципы классовой борьбы казались помѣхою, и роль массъ, какъ иниціаторовъ революціи, противорѣчила всѣмъ унаслѣдованнымъ представленіямъ объ общественномъ переворотѣ. Передъ новою эпохою стояла задача установить правильное отношеніе революціонной тактики къ только усвоеннымъ принципамъ соціализма вообще и къ народничеству русскихъ соціалистовъ въ особенности.

5. Движеніе въ народъ.

Первыя произведенія новой русской соціалистической прессы проникли въ Россію осенью 1873 г.; но уже ранѣе того, лѣтомъ того же года, тамъ уже вполнѣ ясно опредѣлилось то движеніе въ народъ, которое характеризовало пропаганду соціалистовъ-народниковъ въ эту эпоху.

Кружки чайковцевъ и ихъ единомышленники, вносившіе болѣе или менѣе революціоннаго элемента въ свое стремленіе «въ народъ», въ это время все рѣшительнѣе переходили отъ чисто-культурной работы среди интеллигенціи и среди рабочихъ, отъ интересовъ студенчества разныхъ заведеній къ интересамъ болѣе широкимъ, къ интересамъ народа. Л. Э. Шишко передаетъ слѣдующій эпизодъ, относившійся уже къ 1872 г.

«Я только что познакомился съ Михаиломъ Купріяновымъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ членовъ кружка чайковцевъ. Я, не задолго передъ тѣмъ, вышедши въ отставку, поступилъ въ технологическій институтъ и первое время живо интересовался студенческимъ движеніемъ, происходившимъ въ институтѣ по поводу выбора депутатовъ, образованія кассы и проч. Когда я спросилъ Купріянова, почему онъ не принимаетъ участія въ этомъ движеніи, онъ посмотрѣлъ на меня своими строгими, огромными глазами и сказалъ: «Изъ глубокаго равнодушія къ этому дѣлу». Тогда я понялъ, что у нихъ было свое, гораздо болѣе серьезное дѣло, которое позволяло имъ пренебрежительно относиться къ студенческой средѣ и къ студенческимъ намѣреніямъ. Это было въ 1872 г., когда они вели уже пропаганду среди петербургскихъ рабочихъ. Этотъ переходъ революціоннаго движенія изъ интеллигентной среды въ народъ

произошелъ въ кружкѣ чайковцевъ совершенно самостоятельно, подъ вліяніемъ условій русской общественной жизни, характеризовавшейся отсутствіемъ всякой оппозиціи со стороны нашихъ либеральныхъ элементовъ и подъ вліяніемъ тѣхъ писателей, которые имѣли наибольшее значеніе въ этотъ періодъ, а именно: Чернышевскаго, Добролюбова, Лассаля, Прудона и Маркса».

Совершенно подобное отношеніе политически развитыхъ личностей къ большинству студентовъ технологическаго института, озабоченныхъ лишь студенческими интересами, высказывалъ и позже Ал. Михайловъ въ своей автобіографіи (На Р. № 3; 13):

«Къ волненіямъ въ технологическомъ институтѣ относился индифферентно, потому что не видѣлъ въ нихъ пользы».

Общее настроеніе кружковъ чайковцевъ очень опредѣленно формулировано въ слѣдующихъ строкахъ изъ воспоминаній одного изъ участниковъ процесса 193.

«Отношеніе большинства было такое:

«а) Мы не имѣемъ права *учиться на народныя деньги*, самъ народъ мретъ съ голоду и потопаетъ въ невѣжествѣ.

«б) Если бы мы и имѣли это право, то воспользоваться имъ было бы нецѣлесообразно, ибо:

«1) Народъ ждетъ насъ.

«2) Мы уже достаточно знаемъ, чтобы быть полезнымъ ему даже теперь.

«3) Оставшись окончить курсъ, мы обуржуазимся и въ народъ идти не захотимъ.

«Мнѣ теперь 40 лѣтъ, и я прекрасно понимаю, что главнымъ и единственнымъ аргументомъ въ пользу *немедленнаго* «служенія» были наши 20 лѣтъ. Намъ хотѣлось «*дѣлать* что нибудь», а не книжки читать и на сходкахъ разговоры разговаривать.

«Противъ насъ были тѣ, которымъ не хотѣлось мѣнять чая со сливками и съ сухарями на пустыя крестьянскія щи, тонкаго бѣлья на сермягу и штиблетовъ на лапти».

Конечно, были столкновенія между нарождающимися «народниками» и пропагандистами среди интеллигенціи. Послѣдніе особенно напирали на необходимость болѣе

основательнаго изученія общественныхъ вопросовъ и подготовленія *себя* къ болѣе плодотворной общественной дѣятельности, тогда какъ въ первыхъ уже разыгрывалось стремленіе скорѣе сблизиться съ народомъ. По большинству собранныхъ свѣдѣній, «политическіе» вопросы еще вовсе не поднимались, или, по крайней мѣрѣ, играли чрезвычайно слабую роль въ заботахъ молодежи. То препятствіе, которое долженъ былъ представить политическій строй Россіи, какъ попыткамъ саморазвитія однихъ, такъ и культурно-соціалистической проповѣди въ народѣ другихъ — еще мало бралось въ разсчетъ. Въ борьбѣ этихъ двухъ, еще преимущественно-культурныхъ направленій, народники восторжествовали почти безъ исключенія. Подъ вліяніемъ неудержимаго теченія «образованники» (какъ ихъ называли тогда по словамъ Л. Тихомирова («Consp». pref XI) *) были совершенно подавлены противниками.

Когда осенью 1873 г. первыя произведенія новой заграничной литературы проникли въ Россію, впечатлѣніе было очень различно, но литература бакунистовъ встрѣтила безспорно болѣе сочувствія и имѣла болѣе успѣха въ волнующейся молодежи народниковъ.

И. В. Бохановскій намъ сообщаетъ:

«На меня (студента Кіевскаго университета) чтеніе перваго тома «Впередъ» произвело въ высшей степени сильное впечатлѣніе. «Когда мы добьемся, что здѣсь у насъ, въ Россіи, можно будетъ издавать журналы, подобные «Впередъ!» — Россія будетъ поставлена на настоящій путь»,—вотъ мысль, которая ясно стала передо мною при этомъ чтеніи».

Л. Э. Шишко пишетъ:

«Первая книга «Впередъ!» появилась, когда въ нашемъ кружкѣ (т. е. среди чайковцевъ) уже давно шла пропаганда среди рабочихъ; и мы были совершенно поглощены практическимъ дѣломъ, и появленіе журнала не произвело никакой замѣтной перемѣны ни въ нашемъ настроеніи, ни въ нашихъ задачахъ. Усиленное настаи-

*) Другіе свидѣтели выражали мнѣ сомнѣніе въ томъ, чтобы это названіе было распространено.

ваніе «Впередъ!» на необходимости долгой подготовки къ пропагандѣ среди народа противорѣчило слишкомъ горячему и неудержимому стремленію тогдашней молодежи къ революціонной дѣятельности; поэтому бакунинское изданіе «Государственность и Анархія» встрѣчалось съ бо́льшимъ сочувствіемъ, особенно весною и лѣтомъ 1874 г., когда всѣхъ охватило страстное движеніе «въ народъ».

Одинъ изъ участниковъ процесса 193 пишетъ объ этомъ же предметѣ:

«Появленіе «Впередъ!» и «бакунистской литературы» относится къ началу 1873—74 учебнаго года (осень). Читали всѣ съ большимъ интересомъ. Было много сходокъ. На сходкахъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, на которыхъ я присутствовалъ, бакунисты были въ громадномъ большинствѣ. Лавристовъ (сторонниковъ «Впередъ!») можно было пересчитать по пальцамъ. Помню, что ихъ можно было узнать даже по наружному виду: они были одѣты съ большимъ изяществомъ, лучше вымыты, лучше причесаны, говорили глаже. Руки у нихъ были бѣлыя».

Оживленные и даже иногда ожесточенные споры между сторонниками различныхъ революціонныхъ направленій продолжались и въ послѣдующее время, но это не мѣшало въ Россіи бакунистамъ и впередовцамъ дѣйствовать дружно, какъ при пропагандѣ и агитаціи въ народѣ, такъ особенно при дѣйствіяхъ противъ правительства, при устройствѣ убѣжищъ «нелегальнымъ» и т. п. Г. Ф. Бохановская сообщаетъ по этому поводу слѣдующее:

«Въ 75-76 г. г. въ Одессѣ между „пропагандистами“, «якобинцами» и «бунтарями» на сходкахъ во время преній и споровъ проявлялась самая ярая вражда, особенно между «якобинцами» и «бунтарями». Въ личныхъ сношеніяхъ этой вражды вовсе не существовало, и почти всѣ чувствовали другъ въ другѣ, несмотря на различіе кличекъ, людей близкихъ, родныхъ по основнымъ убѣжденіямъ. Вообще, жили люди всѣхъ трехъ кличекъ очень дружно. - Что касается общей опасности, «общаго дѣла», то я не могу припомнить ни одного случая, когда бы въ виду ихъ мы всѣ—«пропагандисты», «якобинцы» и «бунтари»—не встали, какъ одинъ человѣкъ. На

память мнѣ приходятъ 2 примѣра; когда въ началѣ 76-го года былъ арестованъ Заславскій и многіе изъ организованныхъ имъ рабочихъ, Елизавета Южакова и одна изъ ея пріятельницъ—обѣ якобинки—искали для арестованныхъ рабочихъ поручителей и адвокатовъ, собирали между профессорами университета деньги для нихъ и ихъ семействъ. Собранныя ими деньги они передавали Г. А. Попко и другимъ тогдашнимъ пропагандистамъ.

„Второй примѣръ: въ Одессѣ существовалъ такъ называемый «кружокъ башенцевъ», который состоялъ большею частью изъ пропагандистовъ,но въ которомъ были и якобинцы, и кружокъ „бунтарей" (бакунистовъ). Когда ожидали безпорядковъ въ народѣ, направленныхъ противъ евреевъ, то рѣшено было сообща всѣмъ кружкомъ, какъ поступать: именно, безпорядковъ не вызывать, но, если произойдутъ, то сообща работать для направленія народнаго движенія на зданіе полиціи и на тюремный замокъ, гдѣ сидѣли политическіе. На одинъ изъ постовъ, вооруженныхъ револьверами, назначены были вмѣстѣ Попко (тогда пропагандистъ), Златопольскій (бунтарь) и одна якобинка*). Это вышло совершенно случайно, такъ мало обращали вниманія на клички, когда являлось дѣло»**).

То же самое говоритъ „землеволецъ" въ своихъ «воспоминаніяхъ»:

«Не слѣдуетъ, однако, думать, что на практикѣ лавристы и бакунисты дѣйствовали разно. *Практическаго* значенія эти оба теченія положительно не имѣли. Анархисты и государственники сходились мирно и работали на одной почвѣ. Нерѣдко въ одномъ и томъ же кружкѣ можно было насчитывать порядочное число тѣхъ и другихъ, лавристовъ и бакунистовъ».

Во всякомъ случаѣ, заграничную литературу довольно жадно читали въ Россіи, и это положило основаніе осо-

---

*) Повидимому, то самое лицо, которое сообщило намъ это.

**) Въ дѣлѣ Херсонскаго казначейства (3 іюня 1879 г.) тоже по однимъ извѣстіямъ «участвовали сообща пропагандисты, бунтари и якобинцы»; но по другимъ слухамъ, это было чисто якобинское дѣло.

бенной спеціальности среди русскихъ агитаторовъ, именно, новой отрасли упомянутаго уже выше (стр. 34), «книжнаго дѣла». Имъ особенно занимались петербургскіе кружки и кружокъ Волховскаго въ Одессѣ. Впрочемъ, и въ Харьковѣ въ 1876 г. былъ кружокъ гимназистовъ 7-го класса и студентовъ первокурсниковъ, который распространялъ и «Набатъ» и «Впередъ!» и др. заграничныя изданія*).

Первое время пропаганда и агитація шли подъ вліяніемъ непосредственныхъ побужденій и даже избѣгая слишкомъ опредѣленной формулировки. Тихомировъ пишетъ („Pol. et Consp." pret. XI и слѣд.):

«Въ это время русскіе революціонеры не называли себя партіею. Чрезвычайная скромность, господствовавшая въ эту эпоху, боязнь фразерства вызывала отвращеніе къ громкимъ словамъ. Они называли себя большею частью радикалами».

Это должно было неизбѣжно измѣниться. Тотъ же самый авторъ (тогда ревностный пропагандистъ) говоритъ (36 и слѣд.) о собраніяхъ кружка, гдѣ читались заграничныя изданія и гдѣ стали обсуждать программу кружка.

«До сихъ поръ ея не было, т. е. программы писанной и обязательной. Не существовало устава, резюмировавшаго нашу организацію. Мы составляли скорѣе не тайное общество, а кружокъ друзей, связанныхъ взаимными симпатіями и занимавшихся по личной иниціати-

*) О распространеніи «Набата» изъ позднѣйшаго времени упомянемъ здѣсь слѣдующія немногія данныя. Г. Ф. Богановская сообщаетъ, что ей лично извѣстенъ слѣдующій фактъ: весною 1877 г. изъ Одессы былъ спеціально посланъ въ Варшаву человѣкъ для полученія отъ тамошнихъ контрабандистовъ транспорта „Набата". Привезъ онъ въ Одессу не весь транспортъ, а только часть его (2 пуда, если не ошибаюсь), такъ какъ контрабандисты требовали очень дорого—40 р. за пудъ. Привезенные нумера „Набата" разошлись: ихъ брали для распространенія даже бунтари, напр. Иванъ Ковальскій. Многіе изъ моихъ знакомыхъ (не якобинцы) относились скептически и насмѣшливо къ идеѣ заговора, которую „Набатъ" выставилъ, какъ единственное средство произвести революцію. Не одобряли (даже нѣкоторые якобинцы) хвастливости, съ которою „Набатъ" заявлялъ, что *его* организація быстро растетъ въ Россіи».

вѣ почти однимъ и тѣмъ же. Это удовлетворяло всѣхъ, потому что каждый изъ насъ занимался болѣе личнымъ усовершенствованіемъ, чѣмъ какою-либо политическою задачею. Пропаганда была скорѣе дѣломъ личной инициативы и личной жизни, чѣмъ обязательною. Обязательность! одно это слово вызывало въ это время отвращеніе!»

Но мало по малу расширеніе кружковъ стало требовать ихъ „конституціи“. Пренія о ней оживили кружки и болѣе общія собранія. Здѣсь преимущественно обнаружилось вліяніе бакунизма. Тотъ же авторъ продолжаетъ:

«Программа понималась въ очень анархическомъ смыслѣ. Анархія была тогда самою свѣжею новостью. Она процвѣтала. Были ли мы анархистами? Право, не знаю. Неопредѣленныя формулы анархизма мирились очень хорошо съ неопредѣленностью нашихъ политическихъ идей. Внѣ немногихъ убѣжденныхъ анархистовъ большинство удовлетворялось неопредѣленными выраженіями о будущемъ, о безусловной свободѣ, о безграничномъ равенствѣ. Но это была не программа; эти грезы замѣняли для насъ и «будущую жизнь и утраченную вѣру».

Можетъ быть, подъ вліяніемъ притока заграничной литературы, выставлявшей опредѣленныя программы пропаганды, агитаціи и революціонной дѣятельности, но скорѣе подъ вліяніемъ естественной необходимости придать движенію болѣе опредѣленности, почувствовали въ 1874 г. необходимость программы. Какъ одна изъ болѣе выработанныхъ, циркулировала записка П. А. Крапоткина, о которой упоминается въ обвинительномъ актѣ процесса 193 подъ заглавіемъ: «Должны-ли мы заняться распространеніемъ идеала будущаго строя?» Она была, повидимому, заарестована ранѣе, чѣмъ подверглась окончательному обсужденію. Въ только что упомянутомъ актѣ она формулирована слѣдующимъ образомъ. Въ ней

«князь Кропоткинъ какъ бы установлялъ программу дѣйствій революціонной партіи въ Россіи. Въ означенной запискѣ цѣлымъ рядомъ выводовъ и соображеній доказывается сначала непригодность всѣхъ существующихъ

формъ государственной жизни, а разрѣшеніе вопроса объ идеалѣ будущаго строя общества предоставляется народу. Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какимъ образомъ народъ можетъ осуществить свой идеалъ, авторъ записки находитъ, что единственнымъ для сего путемъ представляется насильственный соціальный переворотъ, который не ограничился бы только ниспроверженіемъ государственности, но и уничтожилъ бы весь существующій соціальный и экономическій строй народной жизни; всѣ мирные пути прогресса отвергаются въ запискѣ и признаются даже вредными. Для подготовленія соціальной революціи въ Россіи необходимо, по мнѣнію автора, образовать революціонную организацію, основными положеніями которой должны служить: полнѣйшее равенство всѣхъ ея членовъ, отсутствіе всякаго подчиненія всѣхъ одному или нѣсколькимъ лицамъ, отрицаніе обмана и насилія во взаимныхъ отношеніяхъ для достиженія своихъ цѣлей и въ то же время признаніе обмана и насилія вполнѣ разумными и необходимыми средствами въ отношеніяхъ членовъ организаціи къ правительственной власти и представителямъ капитала. Подготовительная дѣятельность революціонной организаціи должна быть направлена, главнымъ образомъ, на увеличеніе числа ея единомышленниковъ въ средѣ крестьянъ и городскихъ рабочихъ посредствомъ дѣятельной пропаганды своихъ воззрѣній и усиленія недовольства противъ правительства. Участіе въ революціонной организаціи учащейся молодежи отвергается запиской. Въ организацію должны быть принимаемы только тѣ представители упомянутой молодежи, которые, бросивъ науку, отправятся въ народъ для пропаганды, отрѣшившись отъ всей своей предыдущей жизни не только въ принципѣ, но и во внѣшней ея формѣ, оставивъ всѣ свои привычки и поставивъ себя вполнѣ въ положеніе рабочаго. Люди изъ народа признаются авторомъ записки наиболѣе надежными и полезными революціонерами. Для подготовленія такихъ дѣятелей агитаторы должны поселиться между крестьянами и вести осѣдлую пропаганду посредствомъ сближенія съ народомъ. Для приведенія въ извѣстность результатовъ пропаганды и выработки дальнѣйшихъ мѣръ въ запискѣ рекомендуется устройство

періодическихъ съѣздовъ агитаторовъ, а затѣмъ авторъ записки обращаетъ особенное вниманіе на подготовку революціонныхъ дѣятелей изъ городскихъ рабочихъ, которые, возвращаясь на родину, могутъ распространять между крестьянами соціальныя идеи, усвоенныя отъ агитаторовъ. Кромѣ устной пропаганды, признанной наиболѣе цѣлесообразною, авторъ допускаетъ и пропаганду литературную, въ видахъ которой революціонная организація должна озаботиться изготовленіемъ и распространеніемъ въ народѣ книгъ въ родѣ разсказовъ о сильныхъ и выдающихся личностяхъ изъ народа, картинъ безвыходности современнаго строя и т. п. Стачки рабочихъ и устройство артелей не одобряются авторомъ, такъ какъ означенныя мѣры, въ свою очередь, служатъ средствомъ къ скопленію капиталовъ и въ результатѣ оказываютъ вредное вліяніе на народъ. Мѣстныя волненія между рабочими и сопротивленіе властямъ признаются имѣющими для народа «воспитательное» значеніе въ смыслѣ революціонномъ, почему, не совѣтуя агитаторамъ возбуждать подобныя явленія, дабы не отвлекать ими народа отъ стремленія къ достиженію главной цѣли — всеобщаго возстанія во имя коренного переворота, авторъ находитъ тѣмъ не менѣе полезнымъ не препятствовать ихъ развитію, если только они вызываются естественнымъ путемъ. Въ заключеніе, авторъ опредѣлилъ отношеніе русской революціонной организаціи къ Международной Ассоціаціи рабочихъ и къ русскимъ эмигрантамъ, при чемъ, заявляя полное сочувствіе къ дѣятельности секцій федералистовъ и преимущественно ея русскихъ представителей, вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается отъ полной солидарности со всѣми партіями эмигрантовъ, признавая, что русская народная революціонная партія должна самобытно развиться среди русскаго народа».

Возвращеніе въ предѣлы Россіи той молодежи, которая была захвачена волною соціалистическаго движенія въ Цюрихѣ и въ Женевѣ, принесло новый элементъ въ русское движеніе. Авторъ «Подпольной Россіи» характеризуетъ этотъ моментъ слѣдующимъ образомъ (Подп. Р. 13 и слѣд.):

«Такимъ образомъ, эти два теченія, одно—мѣстное, другое, шедшее изъ-за границы, встрѣчались на каждомъ шагу, и оба приводили къ одному и тому же. Подпольные книги и журналы провозглашали: «часъ разрушенія стараго буржуазнаго міра пробилъ... Новый міръ, основанный на братствѣ всѣхъ людей, міръ, въ которомъ не будетъ больше ни слезъ, ни нищеты, готовъ уже возникнуть на его развалинахъ. Къ дѣлу же! Да здравствуетъ революція, единственное средство осуществленія этого золотого идеала!» Возвратившіеся изъ-за границы студенты воспламеняли молодыя души разсказами о великой борьбѣ, начатой западно-европейскимъ пролетаріатомъ; объ Интернаціоналѣ и его славныхъ основателяхъ, о Коммунѣ и ея мученникахъ, и, вмѣстѣ съ своими новыми послѣдователями, приготовлялись итти «въ народъ», съ цѣлью воплощенія въ жизнь своихъ идей. Съ безпокойствомъ спрашивали они тѣхъ, пока еще не многихъ товарищей, которые успѣли уже побывать въ деревнѣ: что-же такое эта могучая и загадочная среда, этотъ народъ, къ которому ихъ отцы внушали только ужасъ, и который, однако, еще не зная его, они уже любили со всей пылкостью своихъ юныхъ сердецъ? И вопрошаемые, прошедшіе уже раньше черезъ тѣ же муки сомнѣнія и страха, разсказывали имъ съ восторгомъ, что этотъ страшный народъ — добръ, простъ, довѣрчивъ, какъ дитя; что онъ встрѣчаетъ своихъ друзей не только безъ всякой подозрительности, но съ распростертыми объятіями и открытымъ сердцемъ; что рѣчи ихъ выслушивались съ глубочайшимъ сочувствіемъ; что всѣ, старъ и младъ, по окончаніи долгаго трудового дня, собирались вокругъ нихъ въ какой-нибудь темной, закопченной избушкѣ, гдѣ при слабомъ свѣтѣ лучины они имъ говорили о соціализмѣ или читали какую-нибудь изъ захваченныхъ съ собою книжекъ; что деревенскія сходки прекращались, лишь только пропагандистъ являлся въ деревню, такъ какъ крестьяне покидали свои собранія и приходили слушать его. И затѣмъ, нарисовавши картину невѣроятныхъ страданій, которыхъ они сами были очевидцами, они указывали на тѣ слабые признаки, быть можетъ, преувеличенные воображеніемъ ихъ, которые поселяли въ нихъ увѣренность въ томъ, что этотъ на-

родъ не такъ ужъ забитъ, какъ думаютъ; что въ немъ происходитъ какое-то броженіе, ходятъ странные слухи и толки, показывающіе, что терпѣніе его истощается и что Россія переживаетъ канунъ какихъ-то грозныхъ событій.

«Вся эта масса разнообразныхъ и могущественныхъ вліяній, воздѣйствуя на впечатлительные, сильно склонные къ увлеченію умы русской молодежи, произвела то широкое движеніе 1873—1874 гг., съ котораго началась въ Россіи новая революціонная эра.

«Ничего подобнаго не было ни раньше, ни послѣ. Казалось, тутъ дѣйствовало скорѣе какое-то откровеніе, чѣмъ пропаганда. Сначала мы еще можемъ указывать на ту или иную книгу, ту или другую личность, подъ вліяніемъ которыхъ тотъ или другой человѣкъ присоединяется къ движенію; но потомъ это становится уже невозможнымъ. Точно какой-то могучій кликъ, исходившій неизвѣстно откуда, пронесся по странѣ, призывая всѣхъ, въ комъ была живая душа, на великое дѣло спасенія родины и человѣчества. И всѣ, въ комъ была живая душа, отзывались и шли на этотъ кликъ, исполненные тоски и негодованія на свою прошлую жизнь, и оставляя свой родной кровъ, богатство, почести, семью, отдавались движенію съ тѣмъ восторженнымъ энтузіазмомъ, съ той горячей вѣрой, которая не знаетъ препятствій, не мѣряетъ жертвъ и для которой страданія и гибель являются самымъ жгучимъ, непреодолимымъ стимуломъ къ дѣятельности.

«Мы не будемъ говорить о множествѣ молодыхъ людей, принадлежащихъ даже къ аристократическимъ семьямъ, которые по 15 часовъ въ сутки проводили въ работѣ на фабрикахъ, въ мастерскихъ, въ полѣ. Молодости свойственна отвага и готовность на жертвы. Характерно то, что зараза распространилась даже на людей зрѣлыхъ, съ обезпеченнымъ положеніемъ, на пріобрѣтеніе котораго они затратили свои лучшія, молодыя силы,—судей, врачей, офицеровъ; и такіе были не изъ наименѣе преданныхъ дѣлу.

«Движеніе это едва-ли можно назвать политическимъ. Оно было скорѣе какимъ-то крестовымъ походомъ, отличаясь вполнѣ заразительнымъ и всепоглощающимъ ха-

рактеромъ религіозныхъ движеній. Люди стремились не только къ достиженію опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ удовлетворенію глубокой потребности личнаго нравственнаго очищенія».

Подобное же настроеніе Дебагорій-Мокріевичъ высказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»(38) слѣдующимъ образомъ:

«Да, вѣры въ будущее у всѣхъ насъ было тогда много. Мы—на самомъ дѣлѣ горсть молодыхъ людей—ощущали въ себѣ присутствіе необычайной силы, и это сознаніе силы покоилось у насъ на вѣрѣ въ народъ; всякій изъ насъ чувствовалъ за собою милліоны крестьянъ. При подобной вѣрѣ можно было надѣяться на успѣхъ и игнорировать общество. Мы такъ и поступали. Мы игнорировали общество, признавали только себя, т. е. революціонеровъ, да, съ другой стороны, мужика, отбрасывая въ сторону, какъ негодное, рѣшительно все, что стояло внѣ насъ и этого мужика».

„Землеволецъ" пишетъ объ этомъ времени слѣдующее:

„Молодежь... стояла уже, такъ сказать, одною ногою на революціонномъ пути. Нуженъ былъ только толчекъ, обаятельная санкція и живое слово. И слово было. Лозунгъ: „въ народъ" былъ именно той искрой, отъ которой загорѣлось у насъ революціонное движеніе. Немудрено было это слово, но много смысла и жизни вложила въ него молодежь. Со свойственною ей цѣлостностью, она вся беззавѣтно ухватилась за это слово. Въ этомъ словѣ она чуяла именно *то*, что ей нужно было въ то время: живое дѣло, которому она могла бы отдаться *немедленно* же, со всей полнотой и страстностью молодости. „Въ народъ!"—это значило порвать всякія связи съ прошлымъ, оставить родныхъ, близкихъ, науку, общественное положеніе и отдаться служенію массѣ. Ее не страшитъ этотъ тяжелый, опасный путь, полный труда, лишеній и жертвъ. О нѣтъ! Онъ ей казался легкимъ, даже заманчивымъ. «Каторга? Развѣ народъ, для котораго мы хотимъ теперь жить, не работалъ и не работаетъ теперь хуже всякаго каторжнаго, ради черствaго куска хлѣба? Кандалы? А народъ, развѣ онъ свободенъ? Онъ—рабъ нужды, какъ мы жалкіе

рабы ничтожнѣйшей изъ тираній». Молодежь бодро смотрѣла впередъ. Прежней апатіи, какъ не бывало. Она почувствовала въ себѣ приливъ новыхъ силъ. Ей нечего страшиться. Нѣтъ той жертвы, которой она не готова была принести для народа. Она любила народъ искренно, чистосердечно, почти наивно. Сказать что нибудь про народъ неблагопріятное—значило нажить себѣ врага въ ея лицѣ. Она боготворила его, поклонялась ему, молилась на него. Итти въ народъ, жить его жизнью, скорбѣть его скорбями, радоваться его радостями, показать ему, гдѣ корень современнаго зла; сорвать лицемѣрную маску съ современнаго прогресса и показать народу все его фарисейство и ехидство; вдохнуть въ него энергію и указать ему выходъ изъ тяжелаго его положенія—таковы были задушевныя стремленія молодежи. Это были конечно, «Traume» и «возвышающіе душу обманы». Но это было тогда неизбѣжно».

Подъ вліяніемъ этого, все растущаго возбужденія произошло сначала громадное умноженіе и оживленіе сходокъ, умноженіе и слитіе отдѣльныхъ кружковъ и, наконецъ, въ 1873 году, и начало самаго движенія въ народъ.

О сходкахъ этого времени „Землеволецъ“ пишетъ (преимущественно о петербургскихъ):

„Сходки служили лабораторіями, въ которыхъ возбуждалось революціонное чувство въ молодежи и вырабатывались соціалистическія убѣжденія. Это во-первыхъ. Во вторыхъ, сходки служили необходимою средою, въ которой намѣчались подходящія революціонныя силы для *кружковой* организаціи и всякой другой революціонной дѣятельности. *Соціалистическо-воспитательное значеніе сходокъ* было громадно. Теперь рѣчь не шла уже о культурной дѣятельности—она отрицалась всѣмъ предшествующимъ опытомъ и настоящимъ умонастроеніемъ молодежи. Не могло быть также рѣчи и объ идеалахъ личнаго самосовершенствованія—они разрѣшались сами собой *фактически*: *верховнымъ принципомъ общественной дѣятельности—пропагандою соціалистическихъ идей*, съ цѣлью вѣрнѣйшаго разрушенія современной общественно-экономической организаціи... Изъ наиболѣе

важныхъ практическихъ вопросовъ того времени, особенно жизненное для молодежи значеніе имѣлъ вопросъ: *въ какой формѣ надо итти въ народъ?* Что *надо* итти въ народъ—объ этомъ спора не могло быть, но вопросъ, какая форма наиболѣе цѣлесообразна для этого—окончательно еще не рѣшенъ. Вотъ этотъ-то вопросъ и возбуждалъ самые страстные и горячіе споры. Громадное большинство молодежи рѣшило, что *положеніе рабочаго человѣка безусловно самое подходящее. Только рабочій* человѣкъ можетъ надѣяться на дѣйствительный успѣхъ своей пропаганды; только *своего* человѣка народъ будетъ охотно слушать, *своему* повѣритъ и за *своимъ* пойдетъ. Надо, стало быть, сбросить съ себя барскую интеллигентную шкуру и научиться работать. *Физическій трудъ признается необходимымъ условіемъ успѣшной соціалистической пропаганды въ народѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ становится средствомъ личнаго существованія*».

О формированіи кружковъ этого времени «Землеволецъ» пишетъ слѣдующее:

«Кружки осуществляли это дѣло, которое намѣчалось на сходкахъ. Это были группы людей, соединившихся съ цѣлью совмѣстнаго дѣйствія въ народѣ. Группъ было очень много и отличались онѣ большимъ разнообразіемъ, какъ по числу ихъ членовъ, такъ и по умственному и нравственному достоинству ихъ. Несмотря на пестрое разнообразіе этихъ кружковъ, во всѣхъ можно отмѣтить одну весьма характерную общую черту: это—*способъ группировки ихъ*. Люди сходились, сплачивались *не только* потому, что ихъ объединяла одна идея, общность стремленій и интересовъ, но въ значительной степени потому, что ихъ связывали личныя отношенія—*симпатія*. Дѣйствующая молодежь была вся соціалистичная—идеалы и стремленія одни и тѣ же, но ни за одною личностью, за небольшими развѣ исключеніями, не было тогда еще революціоннаго прошлаго, не было того, что, дѣйствительно, могло служить достовѣрнымъ критеріемъ правоспособности ея къ общему дѣлу. По необходимости группировка людей должна была совершаться на основаніи симпатій. Тогда, дѣйствительно, было много группъ, кружковъ, но не *организацій* въ строго техническомъ смыслѣ слова. Не было общаго органи-

заціоннаго плана, какъ въ способѣ группировки лицъ, такъ и въ средствахъ и орудіяхъ борьбы. Всѣ были соціалисты, большинство, если не ошибаюсь пропагандисты, вотъ и все; остальное додѣлывали симпатія и дружба. Каждый кружокъ, поэтому, представлялъ собою самостоятельное цѣлое, независимо и безконтрольно распоряжавшееся своими умственными и матеріальными средствами. Сношенія съ другими кружками, конечно, были, но велись онѣ неправильно и случайно. *Не было общаго объединяющаго центра.* Таковы были тогдашніе кружки".

Насколько разнообразны были кружки, при этомъ образовавшіеся, и какъ они мало походили на конспиративную организацію, всего удобнѣе видѣть на томъ, что происходило въ Кіевѣ *). Дебагорій-Мокріевичъ описываетъ это положеніе въ 1873 г. слѣдующимъ образомъ («Восп.» 46 и слѣд.):

«Въ Кіевѣ образовались 2 группы совершенно различнаго характера. Это былъ, во-первыхъ, кружокъ кіевскихъ чайковцевъ, находившійся въ связи и съ петербургскимъ и съ одесскимъ кружкомъ того же направленія, и, затѣмъ, кіевская коммуна. Первый «кружокъ», состоявшій изъ 6—7 членовъ, не представлялъ собою ничего экстраординарнаго. То была обыкновенная организація съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ уставомъ и извѣстными требованіями отъ своихъ членовъ.... Дѣятельность этого кружка въ 73 г. выражалась, главнымъ образомъ, въ пропагандѣ соціалистическихъ идей среди молодежи... Съ появленіемъ заграничной подпольной прессы практическимъ дѣломъ являлось также *книжное дѣло*, т. е. перевозка черезъ границу запрещенныхъ книгъ и ихъ сохраненіе».

Относительно «коммуны» авторъ говоритъ слѣдующее («Восп». 47 и слѣд.):

---

*) Я останавливаюсь на этомъ пунктѣ особенно по двумъ причинамъ: потому, что для нихъ существуетъ весьма обработанный матеріалъ и потому, что по „обвинительному акту" всего менѣе можно составить хотя-бы приблизительно вѣрное понятіе о томъ, что происходило въ Кіевѣ. Составители „акта" старались выставить грязныя обвиненія относительно „Кіевской Коммуны", совсѣмъ игнорируя кіевскихъ чайковцевъ.

„Я долженъ былъ вначалѣ же оговориться, что къ „кіевской коммунѣ“ рѣшительно не подходитъ названіе кружка или группы; „коммуна“ даже не обладала опредѣленнымъ составомъ членовъ; напротивъ, тамъ постоянно смѣнялись лица: одни пріѣзжали, другіе въ это время уѣзжали, или же попросту уходили пѣшкомъ... „Коммуна“ просуществовала болѣе года (1873—1874).... Въ „коммунѣ“ всѣ дѣлились другъ съ другомъ средствами, ѣли за однимъ столомъ, а на покупку продуктовъ, равно какъ и на расходы по квартирѣ, деньги давали тѣ, кто имѣлъ. Тамъ можно было поселиться и жить чуть не всякому: для этого достаточно было простое знакомство съ кѣмъ-либо изъ живущихъ. Рекомендацій ни отъ кого не требовалось. Благодаря такимъ условіямъ въ „коммуну“ проникли въ 1874 г. сначала Ларіоновъ и Польгеймъ, затѣмъ и Гориновичъ... „Коммуна“ не представляла собою никакой организаціи. Всякій на нее смотрѣлъ, какъ на мѣсто, куда онъ могъ зайти передохнуть день-другой, а то и недѣлю, съ тѣмъ, чтобы потомъ опять итти въ народъ, или куда ему нужно было. „Коммуна“ являлась мѣстомъ взаимныхъ встрѣчъ — не болѣе, и никто ничего другого не требовалъ отъ этого учрежденія. Но за то, кто только не перебывалъ въ ней?! Не разъ у воротъ дома Леминскаго, гдѣ во флигелѣ помѣщалась „коммуна“, останавливалась карета и изъ нея выходила разодѣтая барыня: это пріѣзжала „либералка“ для какихъ-то переговоровъ, и пріѣзжала въ закрытой каретѣ, чтобы по дорогѣ никто не могъ ее узнать. Одновременно съ этимъ сюда-же заходили плотники Гаврило и Анисимъ для того, чтобы послушать чтеніе революціонныхъ брошюръ. Тутъ можно было слышать длинныя рѣчи Коблица, развивающаго народническіе принципы, такъ какъ къ этому времени онъ уже отказался отъ якобинскихъ воззрѣній и сдѣлался ярымъ народникомъ. Тутъ раздавалось и энергическое, и искреннее слово Екатерины Брешковской, или умное замѣчаніе Сергѣя Ковалика.

«Вотъ, въ одной комнатѣ сидитъ у окна В. и рѣжетъ на камнѣ, съ помощью обыкновеннаго шила, печать для подложнаго паспорта; онъ ее рѣжетъ съ большимъ искусствомъ; и всѣ это видятъ—онъ ни отъ кого не скры-

ваетъ—видитъ и Коблицъ, и Гаврило и Анисимъ. А въ углу той же комнаты, подъ секретомъ и съ большими предосторожностями, Р-ичъ сообщаетъ мнѣ какіе-то пустяки. Р-ичъ только что пріѣхалъ изъ Петербурга и держитъ себя съ таинственной важностью, какъ, по его мнѣнію, подобаетъ столичному конспиратору. Здѣсь можно было встрѣтить чахоточнаго слесаря Кокушкина, доживавшаго послѣднія минуты своей жизни, одного изъ замѣчательно прекрасныхъ людей. Здѣсь же вы могли встрѣтить Марію Колѣнкину, сосланную впослѣдствіи въ каторжныя работы, Судзиловскаго и Чернышева, принужденныхъ бѣжать за границу въ 1874 году, Николая Стронскаго, умершаго года черезъ 1½ въ петербургской тюрьмѣ, Ивана Ходько, умершаго въ ссылкѣ, и много—много другихъ лицъ, такъ или иначе пострадавшихъ и сдѣлавшихся жертвами правительственныхъ преслѣдованій».

«Коммуна» исполняла, такимъ образомъ, назначеніе какой то революціонной станціи.

Тѣмъ не менѣе,

«если исключить Ларіонова, Гориновича и Польгеймъ, временное присутствіе которыхъ въ «коммунѣ» объясняется ничѣмъ инымъ, конечно, какъ ея неорганизованностью, то, въ общемъ, несмотря на постоянную смѣну лицъ, несмотря даже на отсутствіе организаціи, духъ времени все таки клалъ свою печать и придавалъ довольно опредѣленную физіономію «коммунѣ»...

„Коммуна“, во многомъ, представляла противоположность „кіевскимъ чайковцамъ“.

Они были проникнуты уваженіемъ къ научности, повидимому, гораздо болѣе, чѣмъ ихъ петербургскіе товарищи.

„Коммуна“ хохотала надъ этимъ идолопоклонствомъ. По ея мнѣнію, только жизнь могла научить чему-нибудь. Съ необычайной легкостью она разрѣшала самые сложные запутанные вопросы; съ самоувѣренностью Александра Македонскаго она разрубала тамъ, гдѣ не въ состояніи была развязать.

„Для „чайковцевъ“ прежде, чѣмъ приступить къ практическому дѣлу, необходимо было всѣ вопросы рѣшить научно, а такъ какъ сама наука многихъ вопросовъ еще

не рѣшила, то въ поискахъ за рѣшеніями предстоялс затратить многіе годы.

„Коммуна" утверждала, что къ практическому дѣлу надо приступить немедленно. Всякое откладываніе или проволочка есть преступленіе, да, наконецъ, на сколько времени ни откладывай, все равно всѣхъ вопросовъ не рѣшишь. Поэтому, учиться—излишне—напрасная трата времени; а нѣкоторые договорились даже до того, что было бы не дурно забыть и то, чему раньше учились, такъ какъ интеллигентность только мѣшала омужиченію и полному сліянію съ народной массой.

„Въ вопросѣ организаціонномъ «чайковцы» были осмотрительнѣе. Ново-поступившему приходилось выдержать искусъ; они требовали отъ него извѣстнаго умственнаго и нравственнаго ценза.

«Въ „коммунѣ"держались, примѣрно, такого пріема: «Согласенъ немедленно итти въ народъ?»—Согласенъ.—«Значитъ, ты нашъ». Но, почему, зачѣмъ согласенъ и что тамъ, въ народѣ, будешь дѣлать—даже такіе существенные вопросы считались уже лишними. «Въ частностяхъ-де столкуемся потомъ».

«Конечно, въ своей характеристикѣ я беру лишь крайнія мнѣнія, какъ они высказывались тогда въ этихъ двухъ компаніяхъ. И съ одной и съ другой стороны были лица, не договаривавшіяся до концовъ.

«Средній уровень развитія кіевскихъ «чайковцевъ» былъ выше: попасть въ ихъ кружокъ круглому дураку было невозможно. Въ «коммунѣ» были очень умные, а рядомъ съ ними и довольно ограниченные люди, какъ напримѣръ Гориновичъ и Польгеймъ, но зато, съ другой стороны, не было и «Брешковской».

Изо всѣхъ упомянутыхъ кружковъ и изъ многихъ другихъ почти одновременно произошло движеніе въ народъ, эпизоды котораго разнообразились, конечно, подъ вліяніемъ личныхъ особенностей и степени подготовки тѣхъ, кто участвовалъ въ этомъ движеніи, особенно, при первыхъ его попыткахъ, не имѣвшихъ еще за собою опыта и примѣра другихъ. Это движеніе началось въ

1873 г., но получило полное свое развитіе въ 1874 г. *) «Землеволецъ» говоритъ преимущественно о томъ, что происходило въ эту позднѣйшую эпоху, слѣдующее:

«Зима 1873 г. прошла очень оживленно. Чтеніе, сходки, устройство мастерскихъ, работа въ нихъ, вечеринки для революціонныхъ цѣлей поглощали все время. Съ наступленіемъ весны 1874 г. сходки прекратились, оживленіе внезапно прошло. Но это только казалось. Наступила настоящая работа, сосредоточенная, молчаливая. Все уже было переговорено, все рѣшено, надо готовиться прямо къ дѣлу. Работа въ мастерскихъ закипѣла. Заготовляется рабочая одежда, обувь, сорочки. Встрѣчи ограничиваются краткими привѣтствіями и лаконическими отвѣтами: «На Уралъ, на Волгу! на Югъ! на Донъ!» и прочее. Крѣпкія рукопожатія и теплыя пожеланія... Конецъ весны, молодежь встрепенулась. Пора! Пора! И кличъ: «въ народъ! въ народъ!» точно электрическая искра пробѣжала по всей молодежи. И потянулась молодежь толпами, увѣренная, бодрая и смѣлая, потянулась она на проломъ, въ виду врага, неорганизованная и безоружная. И голосъ пропаганды раздался по всему необъятному пространству нашего широкаго, раскинувшагося отечества. Онъ былъ слышенъ на Сѣверѣ и на Югѣ, отъ «хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды», на «матушкѣ-Волгѣ», на «тихомъ Дону», на фабрикахъ, заводахъ, въ шахтахъ; онъ проникалъ и въ тюрьмы, и въ самые уединенные, отдаленные уголки русской земли».

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, для которыхъ существуютъ личныя воспоминанія пропагандистовъ различныхъ кружковъ.

Однимъ изъ первыхъ изъ Петербурга двинулся кружокъ артиллеристовъ. Одинъ изъ нихъ описываетъ свой «походъ» слѣдующимъ образомъ:

«Намѣреніе «итти въ народъ» появилось осенью

*) Тихомировъ въ своей книгѣ („Consp." 78 и слѣд.) употребилъ для этого лѣта терминъ „шального" (Eté fou), но я не могъ получить ни отъ кого свѣдѣній, чтобы этотъ терминъ употреблялся въ Россіи.

1873 г. Стали мы обучаться ремесламъ. Основывались «мастерскія». Нашъ кружокъ сталъ сначала обучаться слесарному ремеслу. Потомъ наняли кузницу. Кромѣ насъ, «артиллеристовъ», въ кузницѣ этой работалъ Г. (мой товарищъ дѣтства и сожитель), «вспышкопускатель» Чернышовъ, Лукашевичъ и еще нѣсколько человѣкъ, о которыхъ ничего не помню. Кажется, работалъ въ ней извѣстный Рабиновичъ. Работали мы съ утра до вечера.

«Въ мартѣ нашли, что обучились достаточно: очень ужъ хотѣлось поскорѣй пойти на «рекогносцировку». Нашъ планъ былъ готовъ: пробыть въ народѣ съ марта до осени. Осенью сойтись, подѣлиться впечатлѣніями и рѣшить сообща, какой способъ полезнѣе всего. Ни пропагандировать, ни раздавать книжки мы не собирались: стыдно было. Въ самомъ дѣлѣ: народа мы баричи никогда не видали, его нуждъ, потребностей, желаній, убѣжденій, вѣрованій не знали. Какъ же итти и «учить»?!

«Нашъ кружокъ-квартира «вышелъ» первый, тремя партіями по два человѣка.

Время года было самое соотвѣтствующее нашему настроенію: снѣгъ почти стаялъ, въ поляхъ встрѣчались уже цвѣты, погода была чудная. Такихъ живописныхъ дорогъ, какъ тѣ лѣсныя дороги, по которымъ мы шли съ Шурой (онъ-же Лукашъ), я никогда потомъ ни въ Россіи, ни во Франціи не видалъ. Радости нашей не было конца.—Это была седьмая недѣля великаго поста. Говорили, что идемъ домой съ работы. (Послѣ Пасхи говорили, что идемъ изъ дому на работу). Ѣли и ночевали въ избахъ. Вездѣ насъ принимали радушно. Во многихъ мѣстахъ не соглашались брать денегъ,— говоря, что страннику деньги нужны. Случалось, что «пропагандировали» насъ. Одинъ бывалый плотникъ объяснялъ намъ функціонированіе государственной машины: «всѣ деньги собираются въ Питеръ.»—«А что же потомъ съ ними дѣлается?» спрашиваемъ мы съ раскрытыми ртами.—«А потомъ аттеда по псамъ расходятся». Спали мы на лавкахъ или подъ лавкой. Питались, какъ послѣдніе бѣдняки. Уходя въ народъ, мы съ Лукашемъ (онъ ex-протестантъ, а я ex-басурманинъ) обучились искусству

креститься, дѣлать поклоны и т. д. Дошли мы, должно полагать, до совершенства, ибо никто нигдѣ не сомнѣвался въ присвоенномъ нами званіи. — Разговаривали мы скромно, просто, какъ подобаетъ молодымъ парнямъ.—Верстъ 700 прошелъ я пѣшкомъ, часть съ Лукашевичемъ, часть съ Войнаральскимъ, потомъ съ Дм. Клеменцомъ, наконецъ, одинъ. И вездѣ одинъ пріемъ, всюду всѣ интересовались однимъ и тѣмъ же и обсуждали одни и тѣже новости. Главной темой разговора служили всеобщая воинская повинность (côte des hommes) и дѣвичій наборъ (côte des femmes). Всюду крестьянскіе философы приходили къ одному и тому же заключенію: «коли всѣ будутъ одинаково служить, стало быть и землю одинаково на всѣхъ подѣлятъ»! Бабы, особенно старыя, говорили повсюду одно и тоже: «царь свою дочь за морэ замужъ отдаетъ *). Чтобы ей тамъ не было скучно, съ ней пошлютъ русскихъ дѣвокъ, и, стало быть, будетъ дѣвичій наборъ». Ревмя ревѣли нѣкоторыя.—«Вы, молодцы, люди прохожіе, не слыхали ли чего? Когда дѣвокъ будутъ собирать»?—«Слыхать, говоримъ, слыхали, вездѣ объ этомъ говорятъ, но будутъ ли подлинно собирать и когда, то мы не знаемъ».

На Пасху гулять было невозможно, ибо съ работы итти поздно, а на работу рано, и мы изъ Александрова поѣхали по желѣзной дорогѣ въ Москву, по адресу, данному намъ при отъѣздѣ изъ Петербурга. Тамъ мы встрѣтились уже съ знакомыми намъ петербуржцами и вновь познакомились съ московцами Саблинымъ, Исаакомъ Львовымъ, съ пріѣзжими Войнаральскимъ, Фроленко, Алексѣевой, Мышкинымъ и многими другими.— Въ квартирѣ Войнаральскаго, которая была сборнымъ пунктомъ, была сапожная мастерская. Стали и мы обучаться новому ремеслу. Послѣ этого уже я ходилъ не кузнецомъ, а сапожникомъ и носилъ съ собою всѣ сапожныя принадлежности».

Революцію ждали: кто «по веснѣ», кто «по осени»; иные даже думали, что она произойдетъ сейчасъ.

---

*) Марію Александровну.

Столь же ранній выходъ въ народъ и столь же неопредѣленное понятіе о томъ, съ какою обстановкою при этомъ приходится встрѣчаться, находимъ въ «Воспоминаніяхъ» Дебагорія-Мокріевича (стр. 10 и слѣд.):

«По нашему убѣжденію на Волгѣ, Донѣ и Днѣпрѣ сохранилось въ народѣ болѣе революціонныхъ традицій, чѣмъ въ средней Россіи, такъ какъ самыя крупныя народныя движенія происходили на окраинахъ: пугачевщина была на Волгѣ, бунтъ Стеньки Разина на Дону, гайдамачина—на Днѣпрѣ. Мы полагали, что, гдѣ одинъ разъ происходило революціонное движеніе, тамъ оно легко могло возникнуть во второй разъ, и потому рѣшили, не разбрасываясь по всей Россіи, сосредоточить наши силы въ такихъ именно мѣстахъ, которыя имѣли извѣстное историческое прошлое. Такимъ образомъ, по нашему плану одни должны были дѣйствовать на Днѣпрѣ, другіе на Волгѣ. Вызывая стачки и мѣстные бунты, во время которыхъ выдвигаются обыкновенно изъ массы болѣе смѣлыя и энергичныя личности, мы думали такимъ образомъ намѣчать годныхъ для дѣла людей и привлекать ихъ въ революціонную организацію. А разъ вспыхнуло бы возстаніе въ одной мѣстности, мы надѣялись, что оно, подобно пламени, распространится и охватитъ всю Россію. Будучи сторонниками бунтовской программы, мы защищали и доказывали ея справедливость всѣми способами. Но, главнымъ образомъ, на помощь призывали исторію, наглядно поучавшую, какъ росли и развивались революціонныя движенія. А исторія насъ учила, что революціи не происходили сразу, а почти всегда начинались съ отдѣльныхъ незначительныхъ бунтовъ, только постепенно переходившихъ въ общія возстанія. Въ этомъ ростѣ и болѣе или менѣе постепенномъ развитіи движенія мы усматривали роковую необходимость, которой ни обойти, ни избѣжать было рѣшительно невозможно, такъ какъ она являлась результатомъ закона общаго развитія всей органической жизни. Подобно тому, какъ путемъ упражненія развиваются силы и способности отдѣльнаго организма, такъ и весь народъ, разсуждали мы, подготовляется къ революціи только путемъ упражненія своихъ революціонныхъ чувствъ и способностей. «Кто любитъ народъ — тотъ

водить его подъ пушки», сказалъ кто-то изъ извѣстныхъ революціонеровъ, и мы придерживались этого взгляда...

«Однако, опредѣленной практической программы мы все-таки не выработали, да и не могли выработать... Большинство «бунтарей», признававшихъ въ теоріи бунтовскую программу, потомъ, когда двинулись въ народъ, на практикѣ, въ своей дѣятельности, ничѣмъ не отличались отъ «пропагандистовъ», и подобно имъ занимались распространеніемъ революціонныхъ брошюръ въ народѣ, быть можетъ, лишь съ той разницею, что дѣлали это съ бо́льшимъ жаромъ и съ меньшею осмотрительностью, чѣмъ „пропагандисты“. Въ этомъ видѣ и проявилась дѣятельность на Волгѣ кружковъ Ковалика и Войнаральскаго. Однако, были такіе—и, между прочимъ, мы принадлежали къ ихъ числу—которые не имѣли въ виду заниматься распространеніемъ революціонныхъ книгъ среди народа и для которыхъ, поэтому, вопросъ о практической дѣятельности стоялъ совершенно открытымъ и не рѣшеннымъ. Мы считали необходимымъ сначала ознакомиться съ условіями народной жизни, присмотрѣться къ мѣстнымъ обычаямъ, нравамъ, міровоззрѣніямъ и затѣмъ уже, на основаніи реальныхъ данныхъ, выработать практическую программу».

Прежде всего принялись за изученіе ремесла, въ данномъ случаѣ сапожнаго.

«Всякій день, утромъ, являлись въ нашу мастерскую обучаться ремеслу Аксельродъ и два брата Левенталя. Мы обыкновенно усаживались съ утра же за работу и принимались шить, и одновременно съ тѣмъ вели бесѣды на самыя разнообразныя темы, начиная съ женскаго вопроса и воспитанія дѣтей и оканчивая революціей. Болѣе всего, конечно, мы разсуждали о дѣятельности среди народа. Исходной точкой нашихъ разговоровъ часто служила бакунинская книга «Государственность и Анархія» и, особенно, помѣщенное въ концѣ ея «прибавленіе А», въ которомъ Бакунинъ говоритъ спеціально о Россіи и призываетъ русскую молодежь итти въ народъ для организаціи бунтовъ. Необходимость итти въ народъ болѣе или менѣе всѣми сознавалась; всякій чувствовалъ живую потребность что-то дѣлать въ народѣ; но

на самую эту дѣятельность смотрѣли разно и объ этомъ очень много спорили».

Когда пришлось закрыть мастерскую вслѣдствіе ожидаемой однодневной переписи въ Кіевѣ, весною 1874 г. рѣшились «попробовать силы на практикѣ».

«Въ «коммунѣ» поднялась необыкновенная суета, начались сборы къ путешествію въ народъ.

«Если «кіевскихъ чайковцевъ» можно было упрекнуть въ медленности, то «коммуна» страдала противоположнымъ порокомъ — крайней поспѣшностью. Тотчасъ же мы отправились на толкучій рынокъ, закупили тамъ поношенныя шапки, зипуны и полушубки, такъ какъ время стояло еще холодное. И когда съ этой стороны все было готово, написали четырехмѣсячные паспорта, приложили къ нимъ печати собственнаго издѣлія, одѣлись и, перекинувши мѣшки черезъ плечи, пошли на вокзалъ. Съ вечернимъ поѣздомъ мы уже ѣхали въ Жмеринку. Насъ было 5 человѣкъ».

На дорогѣ пришлось немедленно испытать «всѣ преимущества непривиллегированнаго положенія». Затѣмъ профессію «сапожниковъ» пришлось замѣнить профессіей «красильщиковъ». Въ Жмеринкѣ же отпалъ одинъ изъ пяти піонеровъ. Первыя столкновенія съ «администраціей» были довольно благопріятны: даже изъ-за грубой ошибки въ поддѣланномъ паспортѣ «красильщиковъ» не задержали. Работы не оказывалось, но это не мѣшало «главному дѣлу», именно «разспросамъ» и началу пропаганды.

«Разспросы свои мы сводили къ тому, чтобы узнать, были ли въ данной мѣстности возстанія, когда они были и что послужило поводомъ. Мы шли по самымъ населеннымъ мѣстностямъ Подольской и Кіевской губерній; пройдено по пути множество деревень, и свѣдѣнія, собранныя нами, правда, по спеціальнымъ вопросамъ, годились для кое-какихъ обобщеній. Такъ, изъ разговоровъ оказалось, что крестьянскія движенія происходили главнымъ образомъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, т. е. въ періодъ, да и тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ и что приблизительно съ половины 60-хъ годовъ волненія стали происходить рѣже, а къ 70-мъ годамъ ихъ почти совсѣмъ уже не было. Этому чрезвычайно

важному обстоятельству мы не придавали тогда ровно никакого значенія; мы, такъ сказать, пропустили его мимо глазъ, благодаря предвзятому взгляду, укоренившемуся еще въ 60-хъ годахъ среди русскихъ революціонеровъ и исповѣдываемому равнымъ образомъ и нами, а именно, что народъ готовъ къ возстанію всякую минуту. Слѣпая вѣра въ близость русской революціи мѣшала намъ сознать что народъ нашъ далеко не такъ революціонно настроенъ, какъ намъ того хотѣлось. Другое явленіе, бросавшееся въ глаза, было повсемѣстное желаніе крестьянъ подушнаго передѣла земли, и на это явленіе мы обратили самое серьезное вниманіе. *Передѣлъ земли* являлся исходной точкой при выработкѣ всѣхъ нашихъ послѣдующихъ практическихъ программъ. Въ этомъ желаніи народа, показывавшемъ его отрицательное отношеніе къ личной поземельной собственности, мы усматривали, съ одной стороны, соціалистическій идеалъ будущаго, съ другой—во имя этого идеала, надѣялись вызвать народное возстаніе.

«По мнѣнію крестьянъ, *передѣлъ земли* долженъ былъ совершиться соразмѣрно количеству людей всѣхъ званій и сословій безъ различія. «И мужику, и попу, и жиду, и цыгану—всѣмъ поровну», объяснялъ мнѣ одинъ крестьянинъ Кіевской губ.... Въ близи мѣстечка Корсунь, Кіевской губ., двое крестьянъ меня распрашивали, не извѣстно ли мнѣ, зачѣмъ мѣряютъ землю въ Полтавской губерніи возлѣ Чигиринъ-Дубровы. «Вы много ходите повсюду, можетъ, что-нибудь слыхали: не собираются ли дѣлить землю?» Въ другомъ мѣстѣ меня спрашивали болѣе опредѣленно: «Правда ли, что въ Черниговской губ. уже наѣхали землемѣры и дѣлятъ землю»?...

«Мы проходили верстъ до 20 въ день, останавливались на ночлегъ по деревнямъ. Крестьяне крайне неохотно пускали насъ къ себѣ на ночь, такъ какъ наша сильно поношенная, почти оборванная одежда явно возбуждала у нихъ подозрѣніе. Надо сознаться, что этого мы меньше всего ожидали, когда отправлялись въ наше путешествіе подъ видомъ рабочихъ. Мы знали о недовѣрчивомъ отношеніи крестьянъ ко всѣмъ, носящимъ панскій, т. е. европейскій костюмъ, и полагали, что чѣмъ

бѣднѣе одежду надѣнемъ на себя, тѣмъ съ большимъ довѣріемъ станутъ они относиться къ намъ. И въ этомъ ошиблись. Всюду они встрѣчали насъ подозрительно и до того неохотно давали пристанище, видимо, боясь, чтобы мы не украли чего-нибудь, что розыски ночлеговъ сдѣлались скоро для насъ истиннымъ наказаніемъ. Случалось обойти десятокъ избъ и всюду получать отказы. Не одну ночь проводили мы подъ открытымъ небомъ. Между тѣмъ, время стояло дождливое, и не разъ, бывало, ночью вскакивалъ я на ноги, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода и сырости. Разъ или два довелось спать прямо подъ дождемъ, и мы насквозь промокли».

Здѣсь отпалъ отъ группы, по болѣзни, и второй піонеръ.

«Свѣдѣнія, собираемыя нами о корсунскомъ возстаніи, все болѣе и болѣе насъ убѣждали, что это было на Украйнѣ одно изъ самыхъ крупныхъ возстаній послѣдняго времени. А такъ какъ въ свѣжихъ воспоминаніяхъ, сохранившихся въ народной памяти объ этомъ бунтѣ, и живыхъ разсказахъ о немъ, мы видѣли революціонныя традиціи, то по этому находили, что было бы весьма полезно устроить въ Корсуни поселеніе или революціонный притонъ».

Для этой цѣли одному изъ остальныхъ пришлось ѣхать въ Кіевъ хлопотать о деньгахъ. Другой ушелъ по какому-то спеціальному дѣлу. Надоѣло сидѣть въ Корсуни въ одиночествѣ и послѣднему. Опытъ „похода“ оказался неудачнымъ.

Изъ той же «кіевской коммуны» мы имѣемъ другія очень интересныя свѣдѣнія уже о *прямой пропагандѣ* среди южныхъ крестьянъ и рабочихъ, которую вели наиболѣе способныя къ этому дѣлу личности. Въ „воспоминаніяхъ пропагандистки“ (община № 6—7, 25 и слѣд. № 8—9 и слѣд.) Брешковская пишетъ о своемъ пребываніи въ народѣ въ продолженіи $3^1/_2$ мѣсяцевъ слѣдующее *):

*) Въ „Общинѣ“ № 6—7 на стр. 25 высказано очень опредѣленно, что пропагандистскій походъ Брешковской относится къ лѣту 1873 г.; но лица, видѣвшія близко ея дѣятельность за эти годы, утверждаютъ мнѣ, что это—опечатка и что дѣло идетъ о 1874 г., что и само по себѣ вѣроятнѣе.

„За эти 3½ мѣсяца я побывала въ трехъ южныхъ губерніяхъ. Языкъ малорусскій мнѣ былъ плохо извѣстенъ, и потому я выдавала себя за уроженку великороссійской губерніи и одѣвалась не по хохлацки, а какъ русская женщина. Подъ рѣчь народа я не поддѣлывалась, а только иногда употребляла чисто народныя выраженія. Почти вездѣ была извѣстна за грамотную и бывалую женщину.

„Я говорила съ крестьянами, какъ человѣкъ самостоятельный и увѣренный въ томъ, что онъ говоритъ. Часто говорила горячо и настойчиво и *ни разу* не слышала со стороны мужчинъ, съ которыми почти исключительно и вела дѣловые разговоры, замѣчанія, что, вотъ, молъ, баба взялась не за свое дѣло и вмѣшивается не туда, *куда слѣдуетъ*. *Напротивъ*, за весьма рѣдкими исключеніями, крестьяне, въ особенности пожилые, говорили и слушали меня охотно, и, когда я подтверждала свои слова печатнымъ словомъ, то окончательно складывали оружіе. Обыкновенно я приступала почти сразу къ сути вопроса, о которомъ шла рѣчь... Ни разу также не случалось такъ, чтобы крестьяне заподозрили меня въ дѣйствительности моего происхожденія и моей принадлежности къ ихъ сословію. Они не обращали никакого вниманія на то, что мои босыя ноги были бѣлы, руки сравнительно нѣжны, что силы у меня было очень мало, и я иногда не могла пронести 2-хъ ведеръ на коромыслѣ, а таскала руками по одному ведру и то съ большимъ усиліемъ, что вставала позднѣе ихъ и у печи обращалась не умѣло. Правда, что я не являлась ни разу въ качествѣ простой работницы или батрачки, занималась ремеслами—крашеньемъ, шитьемъ, вышиваніемъ; въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ приходилось оставаться не долго, два-три дня, и по дорогѣ, я выдавала себя за разносчицу полотенъ, а такъ какъ при мнѣ ихъ не было, то ссылалась на то, что поджидаю товарищей съ издѣліями или иду за получкой товара на извѣстную станцію. Но во всѣхъ случаяхъ я сохраняла одну и ту же внѣшность, и нигдѣ моя особа не вызывала подозрѣній... Разъ человѣкъ ведетъ себя скромно и честно по отношенію къ крестьянамъ, говоритъ съ ними по душѣ и живетъ такимъ же мужикомъ, какъ и они, то

послѣдніе или ничего въ немъ не замѣтятъ, или же, если, что и замѣтятъ, то объяснятъ какъ-нибудь въ пользу своего новаго знакомаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, было со мною и еще съ 2—3 лицами, положеніе которыхъ въ народѣ мнѣ было *близко* извѣстно. Только женщины, какъ болѣе консервативный элементъ, подмѣчали иногда пустяшныя особенности и не утерпѣвали, чтобы не сдѣлать замѣчанія".

О своей пропагандѣ въ «большомъ мѣстечкѣ, гдѣ населеніе работаетъ преимущественно на заводахъ, пропагандистка» говоритъ («Общ. № 6—7; 27 и слѣд.):

«Здѣсь я стала знакомиться съ тѣми изъ крестьянъ, которые отличались или смышленностью, или духомъ протеста. Знакомства эти завязывались не на работѣ, потому что я не нанималась ни на заводы, ни на какія другія работы, но въ качествѣ швеи и красильщицы имѣла доступъ въ любую хату; а по вечерамъ фабричные собирались группами на улицѣ и охотно принимали въ свое общество новую личность.

«Особенно усердно слушали крестьяне, когда говорилось объ отрицательной сторонѣ ихъ жизни. Имъ было пріятно, что есть человѣкъ, который не только понимаетъ ихъ горе, сочувствуетъ имъ, но и указываетъ, поясняетъ причины ихъ бѣдственнаго положенія. Они даже шли дальше и сознавали сами, что могли бы нѣсколько помочь бѣдѣ, если бы единодушно отказались отъ заводскихъ работъ и требовали бы общей прибавки платы, но тутъ же рѣшали, что стачка состояться не можетъ...

«Приходилось, значитъ, искать болѣе глубокихъ причинъ и указывать на болѣе радикальныя мѣры. — Тутъ то особенно рѣзко сказывались тѣ черты, которыя мѣшаютъ людямъ сознательно браться за общее дѣло, боясь рисковать собою за блага, пользоваться которыми придется лишь дѣтямъ ихъ, а не то и внукамъ; страхъ оставлять извѣстное настоящее для неизвѣстнаго будущаго, а главное—недовѣріе къ собственнымъ силамъ и къ единодушію народа. Всѣ эти черты всплывали тутъ же.

«Нѣкоторое единодушіе и энергія проявлялись въ ихъ средѣ тогда только, когда дѣло шло объ интере-

сахъ, касающихся ихъ «общества». Такъ, при мнѣ возникъ вопросъ объ общественномъ магазинѣ, принадлежавшемъ заводскимъ рабочимъ и расхищенномъ властями до послѣдняго зерна. Начались у крестьянъ сходки, толки, довольно шумныя пренія; нашлись мужики, которые взялись заявить начальству о понесенномъ ими ущербѣ и настойчиво обращались къ властямъ, отъ которыхъ зависѣло вознагражденіе общества за убытки. Но когда на всѣ свои заявленія крестьяне получили уклончивые отвѣты отъ директора завода, отъ мирового посредника и, наконецъ, отъ исправника, къ которому они рѣшили обратиться, перебывавъ у всѣхъ своихъ ближайшихъ начальниковъ, когда, наконецъ, имъ совсѣмъ отказали въ удовлетвореніи ихъ просьбы, крестьяне еще больше вознегодовали и возроптали, но на этомъ дѣло и кончилось.

«Между тѣмъ, жители этого мѣстечка считались на далекомъ разстояніи въ окружности людьми наиболѣе самостоятельными и умѣющими постоять за свои интересы».

Здѣсь она приводитъ примѣръ „сосѣда“ Ивана, «мужика умнаго, сравнительно развитаго, при томъ трезваго и добраго семьянина».

И онъ сильно увлекался разговоромъ о томъ, «почему на свѣтѣ творятся такія вопіющія несправедливости, и насколько человѣкъ долженъ сносить ихъ безропотно? Долго я говорила съ нимъ о томъ, что и какъ должны дѣлать угнетенные, чтобы избавиться отъ враговъ своихъ, и онъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ, почти не возражая».

Иванъ увлекся чтеніемъ «грамотокъ» и другихъ приглашалъ слушать ихъ, однако, какъ только дѣло дошло до вопроса, къ кому можно обратиться, чтобы «поговорить, не опасаясь», то онъ, видимо, испугался и прекратилъ разговоръ о «народномъ дѣлѣ».

«Пропагандистка» приводитъ и другіе примѣры подобнаго же рода, гдѣ ей пришлось сознаться, что она «приняла прекрасный призракъ за дѣйствительность» (стр. 29).

Однако, говоритъ далѣе:

„Хорошее воспоминаніе оставилъ во мнѣ 80-ти-лѣт-

ній старикъ, съ которымъ я постоянно видѣлась. Онъ самъ когда-то участвовалъ въ народномъ движеніи въ Самарской губ.; жестоко былъ истязанъ за протестъ противъ всевозможныхъ насилій со стороны помѣщика и властей и до сихъ поръ сохранилъ свѣжесть чувствъ къ народному дѣлу. Случилось такъ, что при первой моей съ нимъ встрѣчѣ я говорила ему вполнѣ откровенно, такъ сказать, на чистоту, и, когда черезъ недѣлю снова увидѣла его, онъ обратился ко мнѣ съ такими словами: «Я тебя сразу узналъ, что ты за человѣкъ *умное* слово ты мнѣ сказала, еще когда мы въ первый разъ увидѣлись». Подъ *умнымъ словомъ* онъ разумѣлъ самое радикальное отношеніе къ дѣлу. Съ этимъ дѣломъ я жила въ большой дружбѣ,..

«Впослѣдствіи, когда я была арестована и для разслѣдованія дѣла меня привозили въ это мѣстечко, то ни одинъ крестьянинъ не показалъ противъ меня. Признали они, что я, дѣйствительно, проживала у нихъ, занималась своимъ ремесломъ, но никакихъ книгъ они у меня не видѣли и никакихъ «особенныхъ» разговоровъ не слыхали у меня. То же самое заявили крестьяне и въ предыдущемъ селѣ».

Въ другой губерніи она дѣлаетъ тѣ же наблюденія («Общ.» № 8—9; 9):

«Сидя на базарѣ, гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ, я вступала въ разговоръ при первой возможности, и бесѣда, начатая по поводу ли надувательства торговцевъ и т. п., быстро переходила на положеніе народа, который буквально *вездѣ*, гдѣ мнѣ приходилось говорить съ нимъ, жаловался на увеличивающуюся бѣдность и дороговизну, на непосильные поборы, на самое нахальное притѣсненіе со стороны начальства. Начальство и господа виновны въ бѣдственномъ положеніи народа, въ этомъ каждый мужикъ увѣренъ непоколебимо: но, какъ избавиться отъ этихъ бичей, даже возможно ли избавиться, вопросы не только не рѣшенные, но почти нигдѣ не поднятые. Когда же ихъ поднимали другіе (я это говорю, какъ по собственному опыту, такъ и по опыту лицъ, дѣятельность которыхъ мнѣ близко извѣстна), то приходится слышать все почти одно и то же заключеніе: «оно бы очень хорошо, если бы весь народъ разомъ всталъ; тогда,

конечно, начальству и господамъ придется уступить. Но сперва сговориться надо, и пусть кто-нибудь начнетъ, а мы не отстанемъ». Почти каждый говорилъ, что надо «бумагу» по *всѣмъ* деревнямъ разослать, что, «бумагѣ» вѣрить будутъ, потому что всякій понимаетъ, что, если написано и напечатано, значитъ—не пустяки, «не изъ своей головы выдумано». Нѣкоторые приглашали въ свои деревни, чтобы потолковать о народномъ дѣлѣ съ хозяевами и почитать «граматы», если таковыя имѣются.

«На югѣ Россіи (я не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ) народъ далеко не привязанъ къ власти. Всѣ традиціи его находятся въ антагонизмѣ съ нею; но дѣло въ томъ, что традиціи эти болѣе и болѣе сглаживаются изъ памяти народа, вытѣсняются современными интересами».

Очень интересны и указанія Брешковской на попытку пропаганды между штундистами («Общ.» № 8—9; 10 и слѣд.), которая очень ясно показываетъ радикальныя препятствія въ сближеніи современныхъ соціалистовъ-революціонеровъ съ религіозными сектантами, особенно-же, когда дѣло идетъ объ ихъ вожакахъ. «Пропагандистка» очень мѣтко указала на внѣшнія явленія, въ которыхъ встрѣчается аналогія («Общ.» № 8—9; 11):

«Я увидѣла большую аналогію въ отношеніяхъ людей, основанныхъ на духовномъ родствѣ мыслей и вѣрованій. Какъ въ соціально-революціонныхъ кружкахъ съ радостью встрѣчаютъ каждаго, въ комъ чаютъ найти теперь или современемъ поборника излюбленной идеи, такъ точно и въ религіозныхъ сектахъ единомышленники спѣшатъ съ привѣтомъ къ каждому, въ комъ замѣчаютъ способность или желаніе усвоить ихъ понятія и вѣрованія».

Но затѣмъ выдвигается у сектантовъ «монашескій отпечатокъ» на всѣхъ, безусловное подчиненіе мысли членовъ—мысли «вожака», наклонность ссылаться во всемъ на тексты и на людей.

Любопытны по обдуманности и по лучшей организаціи были явленія того же рода въ южной группѣ, образованіе которой указано выше и въ которой главными

дѣятелями были Феликсъ Волховской, Лангансъ и др., о группѣ, подъ вліяніемъ которой развивался и Желябовъ съ 1874 г., Лангансъ пишетъ объ осени 1873 г.:

«Общими силами было приступлено къ составленію устава, которымъ бы опредѣлялись, какъ основныя черты нашей организаціи, такъ и цѣли, къ которымъ бы опредѣлялись какъ основныя черты нашей организаціи, такъ и цѣли, къ которымъ она должна стремиться. По предложенію Феликса кружокъ получилъ названіе «кружка иниціативы» и по мысли предлагавшаго долженъ былъ помогать образованію на югѣ подобныхъ же организацій, но имѣющихъ цѣлью непосредственную дѣятельность въ народѣ, доставлять всѣми зависящими средствами людямъ, желающимъ поселиться въ народѣ съ цѣлью пропаганды и раздачи соціалистическихъ брошюръ, къ тому возможность, средства и указывать пути. Словомъ, по мысли Феликса, кружокъ долженъ былъ, главнымъ образомъ, направить свои усилія на агитацію и пропаганду въ интеллигенціи, снабжать желающихъ работать въ народѣ книгами и другими пособіями, и только часть своихъ силъ долженъ былъ онъ посвящать непосредственной дѣятельности въ народѣ. На сколько помню, къ этому же мнѣнію склонялись Дм. Желтоновскій и Солом. Чудковскій; остальные же члены, находя, что на первыхъ порахъ придется по необходимости ограничиться, главнымъ образомъ, дѣятельностью въ интеллигенціи, признавали, что дѣятельность въ народѣ должна быть признана нашей главной задачей; въ виду этого цѣль и задачи организаціи были нѣсколько измѣнены, и дѣятельность среди городскихъ рабочихъ и крестьянъ была признана важнѣйшею. Въ это время кружокъ нашъ увеличился пріемомъ Павла Стелюшкина, Виктора Костюрина и Анны Разумовской (жены Дм. Желтоновскаго). Еженедѣльныя собранія всѣхъ членовъ были признаны обязательными, но, по предложенію или заявленію каждаго изъ членовъ, могло быть собрано во всякое время и экстренное собраніе...

«На дальнѣйшихъ собраніяхъ было постановлено, что всѣ дѣла должны рѣшаться не большинствомъ, а по единогласному рѣшенію, во избѣжаніе могущаго произойти раскола и недовольства неудовлетвореннаго мень-

шинства. По этому поводу происходили оживленныя пренія. Феликсъ, Чудновскій, Желтоновскій, А. С. и я находили, что давленіе всей организаціи на личность каждаго отдѣльнаго члена въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимо, но въ виду представленныхъ возраженій мы уступили, порѣшивъ сообща, что, въ случаѣ серьезнаго разногласія (принципіальнаго) по какому-либо важному вопросу, выходъ меньшинства изъ организаціи обязателенъ и понятенъ. Для болѣе успѣшнаго веденія дѣлъ найдено было нужнымъ ограничить дѣятельность каждаго члена извѣстнымъ райономъ»,

и это раздѣленіе работъ было здѣсь ведено гораздо тщательнѣе, чѣмъ въ другихъ кружкахъ.

«Знакомства съ рабочими завязывались обыкновенно въ чайныхъ, трактирахъ, которые, главнымъ образомъ, по субботамъ и воскресеньямъ, посѣщались почти исключительно плотниками, каменьщиками и штукатурами, приходящими въ Одессу въ громаднѣйшемъ количествѣ изъ центральной Россіи (губ. Орловской, Калужской, Рязанской и др.); въ 1873—74 гг. такихъ рабочихъ въ Одессѣ было тысячъ 80. Въ Одессѣ они собрались въ артели, имѣвшія иногда своего хозяина подрядчика, нанимавшаго ихъ отъ себя за извѣстную поденную плату, иногда же (значительно рѣже) артель подобнаго хозяина не имѣла и нанималась въ полномъ своемъ составѣ; такія артели получали, конечно, больше. Завязавъ знакомства съ нѣкоторыми, мы предлагали имъ себя въ учителя грамоты. Предложенія обыкновенно принимались весьма охотно и такимъ путемъ мы входили въ артель. Первые начали заниматься въ артеляхъ Андрей Франжоли, Ал. Ск. и Викторъ Костюринъ; каждый изъ нихъ имѣлъ свою артель человѣкъ въ 80 — 40. Занятія въ артеляхъ происходили ежедневно по вечерамъ и начинались съ обученія грамотѣ. Совмѣстно съ этимъ читались и раздавались на руки и цензурныя народныя книжки, шли разсужденія и толкованія по поводу прочитаннаго. Отъ цензурныхъ постепенно переходили къ запрещеннымъ. Мѣсяцъ спустя число артелей увеличилось, одною обзавелся я, другою Голиковъ. Такимъ образомъ, мы познакомились съ пятью артелями, насчитывавшими въ общей сложности болѣе 200 человѣкъ ра-

бочихъ. Признавалось, что занятія и пропаганда въ артеляхъ полезнѣе и удобнѣе пропаганды въ средѣ мѣстнаго заводского населенія, во-первыхъ, по тому, что заводское населеніе, испорченное городскою жизнью, не сознающее своей связи съ крестьянствомъ, не такъ воспріимчиво къ пропагандѣ соціализма; во вторыхъ, имѣлось въ виду, что артельные рабочіе, возвращающіеся часто домой въ Россію, приставъ къ соціализму станутъ разносить недовольство существующимъ соціальнымъ строемъ и проповѣдь лучшаго будущаго по всему лицу земли русской; черезъ нихъ же съ удобствомъ распространялись по Россіи соціалистическія брошюры.

«Въ такомъ положеніи были дѣла, когда насъ снова посѣтилъ Чарушинъ на обратномъ пути изъ Крыма. Нашъ кружокъ вступилъ въ федеративныя отношенія съ петербургскимъ и московскими кружками, также и съ Кіевскимъ, составившими вмѣстѣ одну организацію. Члены не только мѣстнаго кружка, но всей организаціи не должны были имѣть другъ отъ друга какихъ-либо тайнъ; полнѣйшая прямота, искренность и довѣріе во взаимныхъ отношеніяхъ были признаны необходимыми въ интересахъ всего дѣла, такъ какъ умышленно утаиваніе отъ кого-либо части дѣла имѣло бы въ результатѣ невѣрное представленіе послѣднимъ цѣлого и этимъ значительно умаляло бы его полезность, какъ дѣятеля, *Общность кассы и свободный переходъ члена* изъ одной группы (федеративной единицы) въ другую въ интересахъ дѣла—вотъ тѣ положенія, которыми опредѣлились дальнѣйшія отношенія группъ другъ къ другу. Фамиліи и характеристики лицъ, вошедшихъ въ организацію, сообщались обязательно всѣмъ, точно такъ же, какъ о вступленіи новаго члена давалось знать всей организаціи, при чемъ спрашивалось, не имѣется ли чего-либо противъ принятія такого-то. Имѣя въ виду обязательность полнаго довѣрія во всемъ, что касается общей дѣятельности, каждый членъ былъ крайне остороженъ, можно сказать, придирчивъ, когда ему приходилось давать согласіе на пріемъ новаго члена; это принесло ту громадную пользу, что при разгромѣ организаціи не оказалось *ни одного* человѣка, который по слабости или по другимъ причинамъ началъ бы откровенничать; дѣй-

ствительно, ядро организаціи 1874 г. такъ и не было раскрыто; кое-что было раскрыто людьми болѣе или менѣе прикасавшимися къ ней.

«Занятія въ артеляхъ шли удачно; не говоря уже о громадномъ количествѣ цензурныхъ и нецензурныхъ народныхъ брошюръ, проникшихъ въ артели, намъ совершенно незнакомыя, скоро выискалось нѣсколько выдающихся рабочихъ, которыхъ мы приглашали къ себѣ на квартиру, знакомя ихъ съ подобными же людьми другихъ артелей. Такихъ рабочихъ оказалось человѣкъ 8—10, и съ ними занятія и бесѣды велись отдѣльно. Предполагалось образовать изъ нихъ отдѣльный кружокъ, въ который изъ членовъ организаціи входили бы только лица, занимавшіяся въ артеляхъ.

«Въ такомъ положеніи были дѣла въ концѣ 1873 г. и въ первый мѣсяцъ 1874 г., когда, по предложенію нѣкоторыхъ членовъ, былъ введенъ въ кружокъ Андрей Желябовъ, бывшій студентъ Новороссійскаго университета. Знакомство съ нимъ велось уже давно, всѣ члены были съ нимъ знакомы, поддерживая съ нимъ дѣловыя сношенія, но не вводился онъ потому, что нѣкоторымъ членамъ не удалось еще съ нимъ познакомиться. Въ средѣ одесскаго студенчества Андрей Желябовъ пользовался уваженіемъ и потому могъ быть весьма полезнымъ своимъ вліяніемъ на него; вступивши въ кружокъ, онъ началъ заниматься въ рабочей артели».

На ходъ дѣла кружка оказало вліяніе увеличеніе его Макаревичами (Анною и Петромъ) *), прибывшими изъ Цюриха и принесшими въ Россію тотъ элементъ партійной борьбы, который въ Швейцаріи вызывалъ полемику

*) Съ этой Анной Макаревичъ—тогда еще Анной Розенштейнъ,—мнѣ приходилось толковать еще въ Цюрихѣ 1873 г. о математикѣ, но она была уже тогда ревностной анархисткой. Впослѣдствіи она сдѣлалась очень извѣстной въ Италіи подъ именемъ Кулешевой; была арестована въ 1877 году въ Парижѣ за основаніе интернаціональной секціи; арестована позже во Флоренціи и предсѣдательствовала на послѣднемъ засѣданіи Цюрихскаго международнаго рабочаго конгресса въ 1893 году.— Въ началѣ января 1895 г. газеты сообщили, что Кулешева осуждена въ Италіи, какъ соціалистка, на 3 мѣсяца тюрьмы.

сторонниковъ «Впередъ! и бакунистовъ. Лангансъ пишетъ:

«Нужно замѣтить, что въ концѣ 1873 года анархизмъ не пользовался еще особеннымъ сочувствіемъ молодежи; были, правда, въ Питерѣ кружки чисто анархическаго направленія, но ни петербургскій, ни московскій, ни кіевскій, ни нашъ Одесскій кружокъ не входили съ ними въ тѣсныя сношенія, боясь, что со вступленіемъ ихъ основы выработанной нами организаціи пострадаютъ. Разумѣется, отчужденіе это основано было, главнымъ образомъ, на недоразумѣніи, но была въ немъ и доля истины. Дѣло въ томъ, что анархическіе кружки въ Питерѣ, какъ намъ передавалъ Чайковскій, посѣтившій насъ въ декабрѣ 73 года, слишкомъ поверхностно, легко относились къ людямъ, съ которыми они вступали въ сношенія; вслѣдствіе чего къ нимъ попадались люди, съ точки зрѣнія нашихъ питерскихъ друзей, не вполнѣ надежные, что могло бы, разумѣется, сильно вредить цѣлому. Отношеніе же такое къ лицамъ оправдывалось тѣмъ, что члены анархической организаціи признавали возможнымъ имѣть другъ отъ друга нѣкоторыя дѣловыя тайны, чѣмъ опасность ненадежнаго человѣка ослаблялась. Но такъ какъ во всякую «тайну», въ особенности, въ тѣ блаженныя времена, было довольно легко проникнуть всякому, близко стоящему къ дѣлу человѣку, то посему ни питерцы, ни мы не могли индиферентно отнестись къ этой особенности ихъ организаціи. Кромѣ этого разногласія, было еще и другое. Въ то достопамятное время, которое можно было бы назвать временемъ постановки теоретическихъ вопросовъ и рѣшенія ихъ путемъ чистаго разума, мы не могли согласиться въ теоріи. Они, Анна и Петръ, заявляли, что отрицаютъ всякое государство, всякую власть, откуда бы она ни исходила, чѣмъ бы ни руководилась, какимъ бы цѣлямъ ни служила; мы же полагали въ то время, что власть, какъ всякое сильное орудіе, можетъ служить и счастью человѣческому, и угнетенію, и что вся механика въ томъ и заключается, чтобы *создать условія*, при которыхъ злоупотребленіе властью стало бы невозможнымъ. Теперь, разумѣется, никто изъ насъ не придалъ бы этому разногласію особеннаго значенія, ибо пропагандистъ-анар-

хистъ и пропагандистъ-государственникъ, попавъ въ народъ и начавъ въ немъ свою дѣятельность, походили другъ на друга, какъ одно куриное яйцо на другое... Въ то время анархическія брошюры, въ родѣ «Государственность и Анархія» и другія, не были еще особенно въ ходу, и потому съ идеей анархизма еще не совсѣмъ освоились; рождалась масса недоразумѣній, тѣмъ болѣе, что сами толкователи этой идеи изъ русской молодежи сами еще путались то въ лѣсахъ государственности, то въ помпасахъ анархіи. Словомъ, трудно было столковаться.

«Идея анархіи усваивалась, однако, все болѣе и болѣе; многое изъ того, что прежде считалось безусловно вѣрнымъ, пошатнулось; люди стали терпимѣе относиться къ теоретическому разногласію. Въ самомъ нашемъ кружкѣ появилось разномыслiе. Раньше другихъ пристали къ анархизму Андрей Франжоли и Александръ Костюринъ. Дальше другихъ выступали противниками его Феликсъ Волховской, Дм. Желтоновскій, А. С. и я. Непосредственнымъ результатомъ этого разномыслія было то, что вопросъ о принятіи Анны и Петра затягивался. Наконецъ, они были приняты единогласно.

„Въ первое время образованія кружка мы получали заграничныя изданія черезъ питерцевъ, имѣвшихъ свой путь черезъ границу, или кіевцевъ; съ увеличеніемъ потребности въ книгахъ этотъ путь, какъ медленный и много стоющій, оказался неудобнымъ, а потому Чудновскому было поручено устроить новый путь черезъ Австрію, что и было имъ исполнено съ успѣхомъ; съ того времени мы могли получать книги непосредственно черезъ Волочискъ...

«Я уже упоминалъ, кажется, раньше, что жизнь и пропаганда въ средѣ крестьянства, при самомъ образованіи нашего кружка, признавалась нами самой цѣлесообразной; теперь, когда мы усилились пріемомъ новыхъ членовъ, часть силъ можно было посвятить пропагандѣ въ крестьянствѣ. Къ сожалѣнію, тогда, да и теперь еще, чувствовался сильный пробѣлъ въ народной малорусской литературѣ: не было ни одной брошюрки, которая бы ясно и въ свойственной народу формѣ передала народу основныя положенія соціализма; вотъ почему Феликсъ

принялся за составленіе подобной брошюрки на малорусскомъ языкѣ.

«Правдиве слово хлібороба до земляківъ» (такъ называлась эта брошюрка) въ прекрасной, чисто народной формѣ знакомила народъ съ соціализмомъ».

Пріѣздъ въ Одессу Чайковскаго съ извѣстіемъ о программѣ петербургскаго кружка его пріятелей побудилъ одесситовъ сдѣлать попытку пропаганды среди крестьянъ, пропаганды, къ которой они давно стремились и готовились. Отправился въ деревню и Лангансъ.

«Я привезъ съ собою много цензурныхъ и не цензурныхъ книгъ на русскомъ и малорусскомъ языкѣ, взявъ съ собою тоже писанную брошюрку Феликса, желая испытать впечатлѣніе, производимое ею на крестьянина, и тѣмъ испытать ее достоинство, какъ средства въ дѣлѣ пропаганды. Занятія въ школѣ имѣли для насъ второстепенное значеніе, мы не думали проводить свои идеи путемъ школы, а потому забота наша о школѣ ограничивалась лишь добросовѣстнымъ веденіемъ ея, дабы не уронить себя въ глазахъ крестьянъ, а напротивъ, заслужить ихъ довѣріе и уваженіе. Послѣ школьныхъ занятій, по вечерамъ, собирались къ намъ въ школу наши пріятели-крестьяне; велась непринужденная бесѣда, толковали обо всемъ: о своихъ сельскихъ дѣлахъ, о выдающихся чѣмъ-либо сходахъ или рѣшеніяхъ волостного суда, о писарѣ, старшинѣ и ихъ дѣлахъ, о попахъ и ихъ отношеніяхъ къ паствѣ, религіи, сельскомъ хозяйствѣ, налогахъ и взиманіи ихъ (по малорусски *здирствахъ*), о кабакахъ и кабатчикахъ, о становыхъ и розгахъ, о панахъ и недостаткѣ земли у крестьянства—словомъ, толки шли самые разнообразные. Иногда въ поясненіе чего-либо или съ цѣлью доставить посѣтителямъ эстетическое удовольствіе прочитывалась какая-нибудь подходящая малорусская или русская книга, Шевченко и др.; случалось частенько, что и Евангеліе приходилось цитировать. Эти собранія происходили, можно сказать, оффиціально: о нихъ зналъ и попъ, и писарь, и староста; но были собранія и другого рода, происходившія также почти ежедневно послѣ собраній оффиціальныхъ. На нихъ оставались только нѣкоторые, уходившіе вмѣстѣ съ другими, но затѣмъ воз-

вращавшіеся. Такихъ человѣкъ было четверо—всѣ отцы семействъ, люди умные, съ прекрасными душевными качествами. Одинъ изъ нихъ, отдавшійся всецѣло дѣлу соціализма, былъ до того въ теченіи восьми лѣтъ искуснымъ и свѣдущимъ по священному писанію начетчикомъ. Онъ сдался съ большихъ трудомъ; ежедневно вызывалъ онъ насъ на новые и новые споры, но, въ концѣ концовъ, положилъ оружіе и вполнѣ искренно и сознательно присталъ къ соціализму. Другой, въ высшей степени мягкая, поэтическая натура, пользовался большимъ уваженіемъ, сельчанъ благодаря честности характера. Свободно-составлявшіяся артели рыболововъ по Днѣпру выбирали его своимъ атаманомъ. Остальные двое, будучи тоже людьми очень хорошими, заслонялись нѣсколько этими двумя, поддаваясь невольно обаянію этихъ двухъ натуръ. Нужно замѣтить, что религія играла не послѣднюю роль въ нашихъ бесѣдахъ и спорахъ съ селянами; мы вскорѣ убѣдились, что невозможно избѣгать споровъ по религіознымъ вопросамъ, въ особенности, съ людьми изъ крестьянъ, выдающимися своими способностями и привычкою мыслить. Соціализмъ не политическая или экономическая программа, въ родѣ программъ либеральныхъ и радикальныхъ; соціализмъ—цѣлое философское ученіе, цѣлое міросозерцаніе, охватывающее всего человѣка, со всѣми проявленіями его природы. Въ данномъ случаѣ оно столкнулось съ другимъ міросозерцаніемъ—теологическимъ. Разминуться—значило бы не вести борьбы; остановиться на почвѣ своего міросозерцанія—значило затягивать побѣду въ далекое будущее и оставаться почти всегда непонятымъ. Самымъ благоразумнымъ казалось по этому, побѣждать теологическое міровоззрѣніе его же оружіемъ, т. е. держась Евангелія. Въ нашемъ распоряженіи былъ разумѣется, кромѣ того, цѣлый арсеналъ доказательствъ юридическихъ, историческихъ, экономическихъ. Разбивъ такимъ образомъ окончательно въ человѣкѣ его вѣру въ то, что онъ всю жизнь считалъ неподлежащимъ сомнѣнію, намъ становилось легко знакомить его съ новымъ міросозерцаніемъ. Изъ этихъ четырехъ крестьянъ вмѣстѣ съ нами, мною и Н. М., въ скорости образовался кружокъ, поставившій себѣ цѣлью пропаганду въ селѣ и распространеніе соціа-

листическихъ брошюръ въ селѣ и окрестностяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ продолжались занятія съ ними по русской исторіи изъ до Петровской исторіи по книгѣ: «Древняя Русь», новую—разсказывали устно. Я имѣлъ удовольствіе провѣрить сильное впечатлѣніе, производимое на крестьянъ брошюрой Феликса: всѣ оставались отъ нея въ восторгѣ, приводили отъ себя все новыхъ и новыхъ слушателей. Пришлось переписать ее въ двухъ-трехъ экземплярахъ. По просьбѣ нашихъ пріятелей—крестьянъ, находившихъ, что при первомъ знакомствѣ малороссовъ съ соціалистами необходимо имъ показать, что соціализмъ не противорѣчитъ многимъ выдающимся мѣстамъ Евангелія, я написалъ тамъ небольшую брошюрку, придерживаясь слога Евангелія, въ которой, доказывая негодность существующаго соціальнаго строя и излагая требованія соціализма, подтверждалъ эти доказательства мѣстами изъ Евангелія. Брошюрка нашимъ пріятелямъ понравилась и была написана въ двухъ экземплярахъ.

Лангансу пришлось уѣхать изъ мѣста, гдѣ онъ началъ дѣйствовать.

«Проживъ недѣли двѣ въ Одессѣ, я снова ее покинулъ, началъ вмѣстѣ съ Н. М. пѣшее странствіе по Херсонской губ. съ цѣлью „опроститься“, какъ тогда говорилось, ознакомиться нѣсколько съ жизнью населенія и узнать бытъ и положеніе сельскаго бондаря. Какъ водится, котомка съ соціалистическими брошюрами играла свою роль, хотя и второстепенную. Въ скитаніяхъ прошелъ мѣсяцъ; оказалось, что ломки особенной вовсе и не нужно, что малорусскій крестьянинъ вовсе не такъ мелоченъ и придирчивъ, чтобы ставить человѣку въ строку отступленіе отъ тѣхъ обычаевъ и той морали, съ которыми онъ самъ сжился. Это насъ сильно ободрило, мы порѣшили устроить свою бондарную мастерскую».

Для этого выбрано было село Попельнастье по удобству своего положенія въ мѣстности, гдѣ сходятся 4 губерніи*).

---

*) На этомъ моментѣ останавливается сохранившійся кусокъ воспоминаній Лангансa.

Для характеристики времени и людей, имъ выработанных, было бы очень важно остановиться нѣсколько подробнѣе надъ дѣятельностью агитаторовъ, бывшихъ какъ бы центрами движенія, такъ сказать, стихійнаго и вовсе не организованнаго правильно; но это, конечно, невозможно въ предполагаемомъ здѣсь очеркѣ. Мы ограничимся упоминаніемъ о двухъ изъ нихъ, личное вліяніе которыхъ въ этотъ періодъ было особенно крупно, именно о Войнаральскомъ и Коваликѣ.

Порфирій Ивановичъ Войнаральскій, вслѣдствіе безпорядковъ въ Московскомъ Университетѣ, былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію. Возвращенный оттуда въ 1873 году въ Пензенскую губернію, онъ былъ вскорѣ избранъ мировымъ судьей. Въ октябрѣ того же года онъ поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вошелъ въ сношенія съ тамошнимъ революціоннымъ кружкомъ. Съ этихъ поръ начинается его неутомимая дѣятельность. Онъ доставляетъ Кравчинскому документы для жизни подъ другимъ именемъ. Рогачевъ состоитъ у него письмоводителемъ. Въ февралѣ 1874 года онъ сближается съ Московскимъ кружкомъ Аносова и Фроленко, рѣшается основать столярную (позже и башмачную) мастерскую въ Москвѣ. Когда выборъ его въ мировые судьи не утвержденъ Сенатомъ, онъ переселяется въ Москву, оставивъ въ Пензѣ Рогачева и пригласивъ туда Судзиловскую продавщицею въ заведенную лавку. Въ мастерской Войнаральскаго была повѣшена на стѣнѣ сумка, заключавшая 400—500 рублей, «каковыми деньгами каждый изъ посѣщавшихъ мастерскую могъ пользоваться безотчетно». Въ маѣ 1874 г. открывается въ Саратовѣ башмачная мастерская Пэлькенена. Вслѣдъ за закрытіемъ только что упомянутой мастерской на Бутыркахъ, начинается подъ вліяніемъ Войнаральскаго «печатаніе запрещенныхъ и революціонныхъ книгъ» въ типографіи Мышкина. Вслѣдъ затѣмъ Войнаральскій—въ Самарской губерніи, гдѣ думаетъ устроить брошюровальню для того, что печатается у Мышкина, проходитъ съ Селивановымъ чрезъ Самарскій, Бугурусланскій и Бузулукскій уѣзды; вербуетъ по пути нѣсколько семинаристовъ въ Самарѣ, гдѣ, подъ его вліяніемъ, скоро возникаетъ новый кружокъ и революціонная агенту-

ра. Изъ обвинительнаго акта по процессу 193-хъ можно прослѣдить, далѣе, неутомимую и самоотверженную дѣятельность Войнаральскаго. Онъ является то въ Москвѣ, то въ Пензѣ, то въ Саратовѣ, то въ Тамбовѣ. Онъ посылаетъ въ разныя мѣстности пропагандистовъ. Когда начинаются обширные аресты и, особенно, въ мастерской Пэлькенена, онъ, ожидая и самъ ареста, пробуетъ перевести свое состояніе, пожертвованное имъ на революціонное дѣло, на товарищей, выдавая имъ векселя. Устроивъ двѣ революціонныхъ агентуры, онъ пріискиваетъ еще на постояломъ дворѣ пріютъ для революціонеровъ, пріѣзжающихъ въ Самару. Въ шифрованныхъ письмахъ (впослѣдствіи захваченныхъ полиціей и расшифрованныхъ) онъ пишетъ отъ 25 іюня 1874 г.:

«Тутъ (въ Самарѣ) есть еще много годнаго для дѣла элемента: фельдшера, мѣщане, мастеровые и пришлые изъ Симбирской губ. плотники. Съ послѣдними было нѣсколько чтеній. Они просятъ книгъ для разсылки по домамъ; просятъ сходить туда, даютъ письма, указываютъ лучшихъ людей и мѣста; въ книгахъ недостатокъ; пошлите въ Саратовъ кого-нибудь». Отъ 2 іюля: «Здѣсь дѣла идутъ великолѣпно, но книгъ страшный недостатокъ; я уже писалъ объ этомъ... Плотники посылаютъ меня на родину Корсун. уѣзда (указали мѣста и лицъ). Завтра ѣду туда; возвращусь опять сюда... Нельзя-ли кого прислать съ книгами?» Отъ 21 іюля: «Обыски прошли благополучно; паники нѣтъ; дѣла идутъ хорошо (недостатокъ лишь въ деньгахъ). Въ Сызранскомъ и Корсунскомъ уѣздѣ я ходилъ: настроеніе отличное. Завелъ и укрѣпилъ два нашихъ пункта... Въ книгахъ страшный недостатокъ и отъ крестьянъ большой на нихъ запросъ».

По возвращеніи изъ этого путешествія, Войнаральскій отправляется съ Надеждой Юргенсонъ въ Ставропольскій уѣздъ. Немедленно тамъ оказывается кружокъ учительницъ, акушерокъ, учителей и т. п., который волнуется, узнавъ,

«что существуютъ лица, желающія установить равенство между людьми; что у нихъ есть своя типографія, почта, что черезъ два года они произведутъ переворотъ»

И этотъ кружокъ входитъ въ сношенія съ Самарскимъ центромъ. Войнаральскій и Юргенсонъ во время пропаганды крестьянъ въ селѣ Васильевкѣ (Грязнуха тожъ) и въ деревнѣ Куликовкѣ были задержаны 21 іюля сельскимъ старостою. Подъ арестомъ, охраняемый крестьянами, Войнаральскій писалъ товарищамъ:

«Сейчасъ меня арестовали. Убѣдительно прошу... всѣ мои деньги употребить на народное дѣло... Это мое послѣднее завѣщаніе. Работайте же энергичнѣе по нашему дѣлу. Другъ Порфирій».

На этотъ разъ агитаторамъ удалось ускользнуть: приставленная крестьянская стража разбрелась, и арестованные скрылись, но не надолго. Черезъ три дня, 24 іюля, они были снова арестованы въ Самарѣ.

Для характеристики Ковалика въ его дѣятельности воспользуемся тѣмъ, что пишетъ о немъ Дебагорій-Мокріевичъ въ своихъ «воспоминаніяхъ» (стр. 53 и слѣд.):

«Сергѣй Филипповичъ Коваликъ, если не ошибаюсь, въ 1870 году, а, можетъ быть, годомъ раньше, выдержалъ экзаменъ при Кіевскомъ университетѣ на степень кандидата математическихъ наукъ и одно время думалъ получить каѳедру по математикѣ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга; но, увлекшись другими идеями и цѣлями, онъ оставилъ навсегда свою научно-математическую карьеру. Въ 1872 году въ Мглинскомъ уѣздѣ Черниговской губ. его выбрали мировымъ судьей, а потомъ онъ былъ даже предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей. Въ этотъ періодъ времени онъ близко познакомился съ Екатериной Брешковской (родители ея были помѣщиками Мглинскаго уѣзда), принимавшей тогда горячее участіе въ дѣлахъ мѣстнаго земства. Попытка Ковалика работать на легальной почвѣ окончилась, однако, неудачей, такъ какъ избраніе не было утверждено въ Петербургѣ. Принужденный оставить городъ Мглинъ, онъ послѣ этого окончательно отдался революціонной агитаціи. Подобно ему, и Брешковская скоро устранилась отъ участія въ дѣлахъ земства и занялась мыслью устроить земледѣльческую колонію... въ Россіи. Но такъ какъ при русскихъ политическихъ порядкахъ подобная затѣя была, очевидно, неосуществима, то уже къ концу 73 года Брешковская от-

казалась отъ нея и тоже всецѣло посвятила себя революціонной дѣятельности.

«Коваликъ обладалъ блестящими способностями, и мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать кого-либо другого, кто, какъ онъ, умѣлъ съ такимъ искусствомъ заинтересовать всякаго своей бесѣдой и съ такой быстротой входить въ умственные интересы собесѣдника. Въ нашемъ кружкѣ, среди близко знавшихъ его товарищей, онъ пользовался репутаціей весьма умнаго человѣка, и въ этомъ, конечно, не было ничего удивительнаго. Но удивительно было то, что подобную репутацію онъ заслужилъ рѣшительно всюду, куда ни появлялся... На самомъ дѣлѣ, гибкость его ума была изумительна. Съ необыкновенной легкостью приспособлялся онъ къ собесѣднику и, ставши на его точку зрѣнія, не возражалъ прямо, а дѣлалъ только вставки и поясненія, неминуемо, однако, приводившія къ выводу, какой былъ желателенъ ему. Его споръ всегда былъ оригиналенъ и, какъ бы ни былъ горячъ, рѣдко сопровождался шумомъ и гамомъ, какъ это бывало у другихъ...

«Въ 1874 году Сергѣй Коваликъ имѣлъ не болѣе 26-ти лѣтъ. Онъ былъ нѣсколько выше средняго роста. На толстой шеѣ, составляющей одну прямую линію со спиною, что придавало весьма характерный видъ всей его крѣпкой фигурѣ, посажена была голова съ необыкновенно большимъ, выпуклымъ лбомъ. Матово-блѣдное лицо со скудной растительностью плохо гармонировало съ его сильнымъ корпусомъ, а небольшіе голубые глаза не выражали той неутоумимой энергіи, какой онъ обладалъ на самомъ дѣлѣ».

По даннымъ «Обвинительнаго акта» процесса 193, Коваликъ послѣ того, какъ его не утвердили въ должности мирового судьи, поѣхалъ въ Петербургъ, сошелся тамъ съ лицами кружка Лермонтова и образовалъ третій петербургскій кружокъ, къ которому тогда уже принадлежали Каблицъ и Иванъ Чернышевъ. Въ концѣ 1873 г. Коваликъ уѣхалъ за границу, былъ въ Цюрихѣ и вошелъ въ тѣсныя сношенія съ тамошними бакунистами; вернувшись же въ февралѣ или мартѣ 1874 г. въ Петербургъ и не зная, что полиція его ро-

зыскиваетъ, принялъ фамилію Лукашевича *). Тогда же произошло отдѣленіе отъ его кружка Каблица и Ивана Чернышева, составившихъ зерно «вспышкопускателей», кружка, выработавшаго уже тогда болѣе террористическія стремленія, и къ которому временно принадлежала Брешковская, со «спеціальными цѣлями», о которыхъ она говоритъ въ «Воспоминаніяхъ пропагандистки» («Община» № 6 — 7, стр. 26 и № 8 — 9, стр. 9). Кружокъ Ковалика подъ его вліяніемъ выработалъ, по показаніямъ Рабиновича, планъ стройной организаціи анархическихъ кружковъ, съ общимъ шифромъ для сношеній и съ опредѣленнымъ планомъ дѣятельности, впрочемъ сходнымъ съ тѣмъ, который находился и въ другихъ кружкахъ:

«проникать подъ видомъ рабочихъ въ народную среду, соединять между собою отдѣльныя недовольныя личности изъ народа и при удобномъ случаѣ вызвать возмущеніе».

Кружокъ Ковалика находился съ самаго начала въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ многими лицами кружковъ Лермонтова, Воронцова и Чайковцевъ, и часто дѣйствовалъ вмѣстѣ съ ними. Онъ имѣлъ своихъ представителей на общихъ собраніяхъ петербургскихъ кружковъ (въ отсутствіи Ковалика-Паевскаго, позже Артамонова). Послѣдній оставался его представителемъ и послѣ мая 1874 г., когда всѣ остальные двинулись въ народъ на пропаганду.

Въ февралѣ 1874 г. Коваликъ пріѣзжаетъ въ Кіевъ и пріобрѣтаетъ немедленно тамъ значительное вліяніе. Дебагорій-Мокріевичъ говоритъ (56):

«Съ пріѣздомъ Ковалика въ Кіевъ я часто приходилъ изъ артели и цѣлые вечера проводилъ въ «коммунѣ», гдѣ онъ тогда остановился и куда сходились и другіе кіевскіе радикалы. То было необыкновенно оживленное время».

Вслѣдъ затѣмъ, въ мартѣ или апрѣлѣ, онъ ѣдетъ въ Харьковъ спеціально для основанія тамъ новаго кружка. Тамъ, впрочемъ, почва была уже подготовлена. Группа

*) О другомъ пропагандистѣ, дѣйствительно такъ называвшемся, упомянуто въ другихъ мѣстахъ.

студентовъ и ихъ пріятелей добыла «Впередъ!», извѣстіе о появленіи котораго въ Петербургѣ до нихъ дошло. Теперь Коваликъ привезъ имъ литературу бакунистовъ. Одна пропагандистка основала въ то же время немногочисленный кружокъ, слившійся потомъ съ таганрогскимъ. Но кружокъ, устроенный Коваликомъ, сдѣлался, очевидно, очень скоро господствующимъ вслѣдствіе его личнаго вліянія.

«Уѣхавши въ февралѣ или мартѣ изъ Кіева въ Петербургъ, онъ группируетъ тамъ вокругъ себя нѣсколько человѣкъ и вмѣстѣ съ ними отправляется въ маѣ 1874 г. на Волгу для дѣятельности въ народѣ. По пути, однако, останавливается въ Москвѣ и здѣсь ведетъ агитацію среди студентовъ Петровской Земледѣльческой Академіи. Изъ Москвы ѣдетъ въ Ярославль, чтобы попытаться организовать кружки среди Ярославскихъ лицеистовъ. Изъ Ярославля отправляется по порядку: въ Кострому, Нижній-Новгородъ и Казань, — беря адреса отъ однихъ къ другимъ и всюду призывая молодежь идти въ народъ для революціонной дѣятельности».

На Волгѣ Коваликъ работаетъ вмѣстѣ съ Войнаральскимъ и съ Рогачевымъ. Онъ получаетъ изъ Саратова письма (Паевскаго) о томъ, что

«дѣла въ Саратовѣ очень хороши. Мѣстныя туземныя силы соединяются въ организацію... Семинаристы... сельскіе учителя и гимназисты вошли въ одинъ кружокъ (разъѣхались) и оставили при агентурѣ своихъ представителей. Есть нѣсколько ночлеговъ и одинъ притонъ въ горахъ... Организація страдаетъ недостаткомъ денегъ и не имѣетъ вовсе сношеній съ городскими рабочими».

Въ іюлѣ Коваликъ былъ задержанъ въ Самарѣ.

Слѣдовало бы остановиться на Мышкинѣ, типографія котораго была однимъ изъ самыхъ могучихъ агентовъ агитаціи печатнымъ словомъ. Но онъ выступилъ во весь ростъ еще и какъ дѣятель другого рода, при смѣлой до дерзости попыткѣ освобожденія Чернышевскаго въ 1875 г., особенно же на процессѣ 193-хъ, когда будущій ренегатъ долженъ былъ обрисовать его слѣдующими чертами («Consp.» 181 и слѣд.):

«Этотъ Мышкинъ былъ, безъ малѣйшаго преувеличенія, великій ораторъ въ зародышѣ. Онъ обладалъ

всѣми качествами такового: могучимъ и гибкимъ голосомъ, способнымъ столь же хорошо выражать всѣ оттѣнки чувства, какъ и гремѣть небеснымъ громомъ. Онъ обладалъ той замѣчательной ловкостью, которая заставляетъ выслушивать оратора, несмотря на тысячи перерывовъ. Онъ великолѣпно развивалъ всякую мысль. Сравнительно съ нимъ наши юридическія знаменитости не имѣли особеннаго значенія... Это была благородная и оригинальная личность. Съ перваго взгляда бросался въ глаза его огромный лобъ, широкій и высокій, занимавшій столько же мѣста, какъ и все остальное его лицо. Когда онъ говорилъ, онъ магнетизировалъ слушателя. Даже его враги не чувствовали себя способными освободиться отъ этихъ странныхъ чаръ».

Слѣдовало бы говорить о Рогачевѣ, какъ одномъ изъ самыхъ энергическихъ и самыхъ симпатичныхъ пропагандистовъ, о которомъ документъ о «неразысканныхъ» (см. «Вп.» № 2; 42) говорилъ:

«При задержаніи Рогачева необходимо принять мѣры предосторожности противъ его побѣга въ виду его громадной силы».

Желательно-бы остановиться на Иванчинѣ-Писаревѣ, имѣніе котораго, село Потапово Ярославской губерніи, было одно время центромъ агитаціи на берегахъ Волги (см. Обвин. актъ по дѣлу 193 и „Вп.“ № 4; 107 и слѣд.) и который далъ подпольной литературѣ этого періода одно изъ самыхъ удачныхъ ея произведеній въ эстетическомъ отношеніи. Жаль не упомянуть о „Липочкѣ (Олимпіадѣ Григорьевнѣ) Алексѣевой, красавицѣ и пѣвицѣ», какъ вспоминаетъ о ней одинъ изъ пропагандистовъ. Обвинительный актъ по дѣлу 193-хъ говоритъ о ней:

«квартира Алексѣевой скоро обратилась въ сборный пунктъ для дѣятелей пропаганды».

Въ этомъ Московскомъ центрѣ встрѣчались между собою представители сѣверныхъ и южныхъ кружковъ, чтобы оттуда идти на дальнѣйшую пропаганду или устраиваться въ мастерскихъ.

Вообще, по словамъ «Обвинительнаго акта» «революціонная пропаганда шла по двумъ главнымъ направленіямъ: юго-западному и восточному. Первое направленіе выразилось въ возникновеніи кружковъ: харьковскаго, кіевскаго, одесскаго и таганрогскаго съ ихъ развѣтвленіями, а второе—въ кружкахъ, образовавшихся въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Пензѣ, Самарѣ, Саратовѣ и т. д.».

Выше было уже сказано о южномъ кружкѣ, но желательно было бы остановиться далѣе на личности Феликса Волховскаго, который былъ привлеченъ еще по дѣлу Нечаева, и о которомъ «Впередъ!», сообщая объ его арестѣ («Вп.» III, А. 274) говорилъ, что его «уже въ третій разъ правительство преслѣдуетъ и ломаетъ съ 1869 г. и все жалѣетъ, что не изломало совсѣмъ»,

Для размѣровъ территоріи, въ которой шла пропаганда, полезно было бы указать на кружокъ Таганрогскій *), Нижегородскій и др. **). Но это невозможно, и приходится для большинства дѣятелей предложить читателю обратиться къ Обвинительному Акту по дѣлу 193-хъ. Здѣсь достаточно упомянуть, что въ докладѣ прокурора Жихарева за № 101 (обыкновенно называемомъ „Запиской гр. Палена», напечатанной въ Лондонѣ («Вп.» № 15) и въ Женевѣ и заключающей изложеніе результатовъ движенія и арѣстовъ--какъ понимало эти результаты русское правительство въ лицѣ Слезкина и Жихарева—было сказано («Вп.» № 15; 462):

„Дѣятели революціонной пропаганды... къ концу 1874 г. успѣваютъ покрыть какъ-бы сѣтью революціонныхъ кружковъ и отдѣльныхъ агентовъ большую поло-

*) Будущаго ренегата и сотрудника „Новаго Времени“ Исаака Павловскаго, тогда писавшаго: „Вѣрю глубоко въ наше святое дѣло.. Тутъ свирѣпствуетъ опричина: она сама себя сжираетъ въ своемъ неистовствѣ“.

**) Въ „Подпольной Россіи“ можно найти портреты нѣкоторыхъ крупныхъ дѣятелей этого періода (хотя тамъ большею частью помѣщены „революціонные профили“ тѣхъ, которые позже участвовали въ народовольческомъ движеніи): Стефановича, Клеменца, Кропоткина. Упомяну здѣсь общее замѣчаніе Вохановской, что „бунтари“ и „якобинцы“ впослѣдствіи почти цѣликомъ перешли въ „Народную Волю“.

вину Россіи. Дознаніями раскрыта пропаганда въ 37 губерніяхъ...

«Всѣхъ привлеченныхъ нынѣ въ качествѣ обвиняемыхъ къ дознанію, произведенному въ этихъ губерніяхъ — 770, изъ нихъ 612 мужчинъ, женщинъ — 158. Подъ стражею—265. На свободѣ съ принятіемъ противъ нихъ другихъ мѣръ — 452, нерозысканныхъ — 53. Дознанія показали, что многія лица не молодыя, отцы и матери семействъ, обезпеченныя и матеріальными средствами и болѣе или менѣе почтеннымъ общественнымъ положеніемъ, не только не противодѣйствовали, а, напротивъ, нерѣдко оказывали имъ видимое сочувствіе, помощь и поддержку».

При этомъ приводятся примѣры «богатаго землевладѣльца» и «мирового судьи», «жены жандармскаго полковника», которая

„не только не отклоняла сына своего отъ участія въ дѣлѣ, а, напротивъ того, помогала ему совѣтами и свѣдѣніями“,

профессора Ярославскаго лицея, предсѣдателя Губернской Управы, который

„въ выборѣ лицъ на земскія должности совѣтовался съ сильно скомпрометированнымъ студентомъ... и безъ его рекомендаціи не давалъ мѣста... Весьма богатая и уже пожилая женщина Софья Субботина, которая не только лично вела революціонную пропаганду среди ближайшаго крестьянства, но склонила къ тому же свою воспитанницу Шатилову и дочерей даже несовершеннолѣтнихъ посылала доканчивать образованіе въ Цюрихъ... Дочери дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ Наталья Армфельдъ, Варвара Батюшкова и Софья Перовская, дочь генералъ-маіора Софья Лешернъ—фонъ-Герцфельдъ и многія другія шли въ народъ, занимались полевыми поденными работами, спали съ мужиками, товарищами по работѣ, и за всѣ эти поступки, повидимому, не только не встрѣчали порицанія со стороны нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, а, наоборотъ — сочувствіе и одобреніе...

«И такихъ примѣровъ много. Примѣры эти, безъ сомнѣнія, должны служить подтвержденіемъ того убѣжденія, что успѣхи пропагандистовъ не столько зависѣл

отъ ихъ собственныхъ усилій и дѣятельности, сколько отъ той легкости, съ которой ученія ихъ проникали въ различные слои общества, и отъ того сочувствія, которое тамъ встрѣчали... Устраивались сходки, библіотеки, кассы. Достаточно подготовленные фабричные и мастеровые снабжались книгами, деньгами и отправлялись на родину, гдѣ должны были подготовлять народъ къ возстанію, донося объ успѣхахъ пропаганды своимъ учителямъ и организаторамъ. Самое время для открытаго возстанія было намѣчено.

„Быстрые успѣхи пропаганды должны быть приписаны, какъ тому, что дѣятельность агитаторовъ не встрѣчаетъ довольно сильнаго и громкаго порицанія со стороны общества, которое, не отдавая себѣ вполнѣ яснаго отчета въ значеніи и цѣляхъ этихъ преступныхъ стремленій, до сихъ поръ относилось къ нимъ съ апатіей, равнодушіемъ, иногда даже съ сочувствіемъ,—такъ, въ особенности, и тому, что молодежь, составляющая главный контингентъ лицъ, занимающихся пропагандою, не находитъ отпора пагубнымъ и разрушительнымъ ученіямъ въ той средѣ, гдѣ она растетъ и развивается".

За нѣсколько лѣтъ уже до этого стихійнаго движенія въ народъ начались дѣйствія правительства противъ оппозиціонныхъ элементовъ въ обществѣ, недовольство котораго переходомъ отъ реформъ къ реакціи оно не знать не могло. Не упоминая здѣсь о преслѣдованіяхъ печати и либераловъ (крайне умѣренныхъ), земствъ и думъ, мы остановимся лишь на мѣрахъ, которыя имѣли значеніе для агитаторовъ въ народѣ. Въ маѣ 1871 г. передано было жандармскому вѣдомству производство дознаній по политическимъ дѣламъ, а шефу жандармовъ и министру юстиціи предоставлено право рѣшать подобныя дѣла административно. Въ іюлѣ 1872 г. изданъ законъ о назначеніи особыхъ судовъ надъ политическими преступниками, что шло въ достаточной мѣрѣ въ разрѣзъ съ прославленной судебной реформой Александра II, которой не было тогда еще 10 лѣтъ. Въ сентябрѣ 1873 г. арестовали Любавскаго, вступившаго въ кружокъ чай-

ковцевъ въ началѣ лѣта и такъ испуганнаго арестомъ, по словамъ Тихомирова («Consp. et pol.» 123), что онъ немедленно повинился въ своихъ «преступленіяхъ» (изъ которыхъ чуть ли не самымъ важнымъ было то, что онъ «имѣлъ въ виду» пожертвовать для «дѣла» 7000 руб.) и выдалъ людей, съ которыми былъ въ сношеніяхъ (между прочимъ, Волховского—по указанію «Вп.» III А, 274—и Тихомирова по его собственному свидѣтельству; «Consp. et pol.»). Это обратило вниманіе правительства на существованіе кружка чайковцевъ и на ихъ сношенія съ Москвою, съ Одессою и т. п. Въ ноябрѣ была арестована Перовская, одна изъ основательницъ кружка, но, по ходатайству отца, была выпущена на поруки и отправлена въ ссылку въ Крымъ. Въ декабрѣ арестованы Ярцевъ и Румянцевъ той-же группы. Къ январю 1874 (по свидѣтельству Шишко) кружокъ потерялъ уже многихъ своихъ членовъ (между прочимъ, Синегуба, Тихомирова, Чарушина, Купріянова, Кропоткина, Леонида Попова, Ободовскую и др.). Арестованъ былъ и Низовкинъ, показанія котораго (вмѣстѣ съ показаніями Рабиновича, арестованнаго въ мартѣ 1874 и Гольденберга—въ позднѣйшемъ періодѣ) доставили самый богатый матеріалъ слѣдователямъ и прокурорамъ и повели къ аресту самаго значительнаго числа лицъ. Въ январѣ же арестовали Лермонтова. Въ мартѣ 1874 г. сдѣланъ доносъ на Иванчина-Писарева. Дебагорій-Мокріевичъ разсказываетъ объ этомъ времени слѣдующее («Восп.» 92 и слѣд.):

«Широкія преслѣдованія революціонеровъ въ 1874 г. подняты были сначала на Волгѣ, а затѣмъ они распространились по всей Россіи. Первый обыскъ сдѣланъ былъ 31 мая въ Саратовѣ, въ мастерской, организованной Войнаральскимъ, и этотъ обыскъ послужилъ началомъ быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ обысковъ и арестовъ по другимъ городамъ. А именно, шесть дней спустя былъ произведенъ обыскъ въ Москвѣ, въ типографіи Мышкина. По счастью, въ этотъ разъ самъ Мышкинъ не былъ пойманъ, и ему удалось бѣжать за границу. Послѣ этого произошли аресты въ іюлѣ мѣсяцѣ въ городѣ Николаевскѣ, Самарской губ., гдѣ находился въ качествѣ фельдшера при земской больницѣ Судзи-

ловскій. Во время ареста Рѣчицкій—пріятель Судзиловскаго и бывшій членъ нашего американскаго кружка—застрѣлился; а Судзиловскому посчастливилось скрыться и потомъ бѣжать за границу. Со всякимъ новымъ обыскомъ и арестомъ жандармы открывали все новыхъ и новыхъ «злоумышленниковъ». Особенно энергичные поиски велись за Коваликомъ, Рогачевымъ и Войнаральскимъ, окончившіеся тѣмъ, что 12 іюля Коваликъ былъ арестованъ въ Самарѣ, а двѣнадцать дней спустя въ той же Самарѣ пойманъ былъ и Войнаральскій. Рогачевъ скрылся, уйдя внизъ по Волгѣ въ качествѣ бурлака. Начались повсемѣстные аресты.

«Почти одновременно съ этими событіями, происходившими на Волгѣ, начались преслѣдованія въ Черниговской губерніи среди сельскихъ учителей по доносу одного изъ учителей же, нѣкоего Трудницкаго».

На югѣ искали особенно Брешковскую.

„Началась травля по ея слѣдамъ, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ она была настигнута жандармами возлѣ города Шульгина, Подольской губерніи, гдѣ была арестована и откуда перевезена была въ Кіевскій тюремный замокъ. Брешковская отказалась объявить свое имя и долгое время была извѣстна властямъ только подъ вымышленнымъ названіемъ Феклы Косой... Съ тѣхъ поръ, откуда ни доходили до насъ свѣдѣнія, мы слышали тоже лишь объ арестахъ да розыскахъ. Аресты были въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Самарѣ, Саратовѣ... Казалось, мы не знали такого пункта въ Россіи, гдѣ бы не было тогда арестовъ“.

Авторъ «Подпольной Россіи» пишетъ (16):

„Аресты быстро слѣдовали за арестами. По заявленію правительственнаго циркуляра тридцать семь губерній были «заражены» пропагандой. Никто не знаетъ точно числа арестованныхъ; въ одномъ такъ называемомъ дѣлѣ «193», тянувшемся четыре года, оно достигало, по даннымъ оффиціальной статистики, тысячи четырехсотъ“.

По одной корреспонденціи изъ Петербурга въ «Dziennikie Polskiem» (см. «Вп.» III, А, 308) къ ноябрю 1874 г. внѣ Петербурга въ Россіи было арестовано около 1600 человѣкъ.

Правительство считало, что ему удалось вырвать съ корнемъ революціонную пропаганду, и съ гордостью писало въ заключеніи обвинительнаго акта процесса 193-хъ.

«Такимъ образомъ, большинство революціонныхъ дѣятелей, ушедшихъ въ народъ весною 1874 г., было задержано къ осени того же года».

Между тѣмъ, еще въ самомъ началѣ 1875 г. «Впередъ!» печаталъ документъ, заключавшій имена и примѣты 53 человѣкъ, привлеченныхъ къ дознанію, но еще не разысканныхъ» («Вп.» № 2; 42 и слѣд.).

Когда печатался «Обв. актъ», то процессъ 50 могъ бы уже показать правительству, что дѣло не остановилось; когда же тактика революціонеровъ измѣнилась, едва ли оно могло похвалиться успѣхомъ. Если въ нѣкоторыхъ письмахъ, сохранившихся отъ того времени (преимущественно въ «Обв. актѣ») виденъ упадокъ духа, то въ другихъ можно отмѣтить какъ бы усиленіе рѣшимости продолжать борьбу, отыскивая для нея новыя средства. Такъ, въ августѣ 1874 г. пишутъ изъ Москвы „господамъ нижегородцамъ", между прочимъ, слѣдующее:

„Погромы происходятъ во всемъ пространствѣ матушки Россіи, но наше дѣло, въ лицѣ своихъ сторонниковъ, нисколько не падаетъ. Напротивъ, можно сказать, что всякій ударъ, отнимая у насъ извѣстное число товарищей, приноситъ въ то же время новыхъ, если не тутъ же, то въ другомъ мѣстѣ. Насъ изрядно стѣснили въ Москвѣ, здѣсь теперь ужасная бѣдность въ квартирахъ, большой недостатокъ въ адресахъ. Но за то въ провинціи наши дѣла идутъ довольно утѣшительно. Вездѣ нашихъ слушаютъ и принимаютъ съ большимъ сочувствіемъ; книги расходятся съ успѣхомъ и производятъ хорошее впечатлѣніе... Но наша партія все таки страдаетъ неорганизованностью. Нужно, чтобы каждый пріобрѣлъ какое-либо ремесло или опредѣленное занятіе, и затѣмъ разселиться всѣмъ на такомъ пространствѣ, чтобы была возможность легко сноситься между собою... и затѣмъ твердо укрѣпиться каждому на своемъ мѣстѣ... Такимъ образомъ, весь этотъ районъ въ теченіе одного или двухъ лѣтъ можно довести до значительнаго градуса революціонности и потомъ изъ него черпать

силу для другихъ мѣстностей ...Я лично вполнѣ сочувствую этому плану, но, не имѣя пока мѣста для усовершенствованія въ ремеслѣ, отправлюсь въ образѣ офени шляться и искать счастья, думаю съѣздить въ Питеръ и оттуда пройти всю Россію матушку съ сѣвера на югъ... Не знаю, какъ въ Питерѣ, а здѣсь всѣ люди разъѣхались, такъ что къ вамъ послать отсюда для житья некого... Оставаться же въ Нижнемъ, по нашему мнѣнію, вамъ не слѣдъ... Денегъ теперь въ Москвѣ нѣтъ, но каждый день ждемъ изъ Питера, и немедленно по полученіи будетъ вамъ выслана сумма».

Правительству пришлось издавать законъ «о преступныхъ сообществахъ», учреждать временныя генералъ-губернаторства съ очень широкими правами, наконецъ, пришлось . . . . . обращаться къ обществу (въ рескриптѣ на имя Д. А. Толстого) со словами:

«Дѣло народнаго образованія въ духѣ религіи и нравственности есть дѣло столь великое и священное, что поддержанію и упроченію его въ семъ истинно благомъ направленіи должно служить не одно только духовенство, но и всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны. Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу по преимуществу принадлежитъ о семъ попеченіе. Я призываю вѣрное мое дворянство стать на стражѣ народной школы. Да поможетъ оно правительству бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ, къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній».

Только что было указано, что аресты по дѣлу пропаганды въ народѣ начались уже осенью 1873 года, слѣдовательно, не малая доля обвиняемыхъ по этому процессу просидѣла въ разныхъ тюрьмахъ до четырехъ лѣтъ. Мы не имѣемъ возможности здѣсь остановиться даже вкратцѣ на той обстановкѣ, въ которой находились заключенные *). Авторъ «Подпольной Россіи» пишетъ по этому поводу:

---

*) Для этого см. „Впередъ!“ №№ 7, 10, 13, 19, 24, 44, 45, 48 и мартирологи; также V, A. 59 и слѣд. У Тихомирова: „Conspirateurs et policiers“ 110 и слѣд., 129 и слѣд. 150.

«Стоитъ только припомнить, что за время предварительнаго слѣдствія по дѣлу «193-хъ», которое тянулось четыре года, число самоубійствъ, случаевъ умопомѣшательства и смерти между политическими заключенными достигло громадной цифры 75».

Приводимъ изъ «Календаря Народной Воли» 1883 г. стр. 149 и слѣд. списокъ замученныхъ въ тюрьмахъ и ссылкѣ за 1875—78 года.

«1875 годъ

1) Коробовъ (рабочій) въ Литовскомъ замкѣ (самоубійство); 2) Крутиковъ (повѣсился) въ Харьковской тюрьмѣ; 3) Леонтьевъ, въ Моск. тюремн. замкѣ 3 марта (зарѣзался); 4) А. Чиковъ въ Спб. тюрьмѣ 30 марта; 5) И. Львовъ въ Ник. госпит. въ Спб. 2 іюня (чахотка); 6) В. Богомоловъ въ Д. Предв. закл. въ Спб. 30 октября; 7) Б. Ласточкинъ въ Петропав. кр.; 8) Чернышевъ въ Спб. чрезъ нѣсколько недѣль по выпускѣ изъ тюрьмы (чахотка).

1876 годъ

9) И. А. Худяковъ въ Иркутск. домѣ умалишен. 19 сент.; 10) Дм. Ив. Тамовъ въ Харьковской центральной тюрьмѣ (голодный тифъ); 11) П. И. Добровольскій въ Петропавл. кр.; 12) Васил. Махаевъ въ Орлѣ, черезъ нѣсколько дней по выпускѣ на поруки (чахотка); 13) Сергѣй Степановичъ Носковъ въ Москвѣ, черезъ нѣсколько дней по выпускѣ на поруки (бугорчатка).

1877 годъ

14 Устюжаниновъ въ Спб. черезъ нѣсколько дней по выпускѣ на поруки (чахотка); 15) П. Трудковскій въ Домѣ предв. закл. 12 мая; 16) Кротоновъ въ Д. предв. закл.; 17) Тетельманъ въ Спб., черезъ нѣсколько дней по выпускѣ на поруки,

1878 годъ

18) К. И. Гринезичъ въ Шенкурскѣ 11 іюня; 19) Б. Калинская; 20) Феоф. Никандр. Лермонтовъ въ Лит. замкѣ (чахотка); 21) Подлевскій въ Ник. госп. 22 февр.; 22) М. Д. Субботина въ Новоузенскѣ 6 февр.; 23) Мих. Купріяновъ въ Петропавл. крѣп.; 24) Ан. Сердюковъ въ Твери, черезъ два мѣсяца послѣ ссылки (самоубійство)».

Въ № 30 отъ 1 апрѣля 1875 г. „Впередъ!“ сообщалъ имена 6 человѣкъ, «сошедшихъ съ ума въ заключеніи», лично извѣстныхъ корреспонденту журнала.

Относительно настроенія духа тѣхъ, которые продолжали дѣйствовать въ то время, когда разгромъ былъ во всей силѣ, интересна переписка между друзьями, хотя и очень случайная, отрывочная, но отражающая это настроеніе (преимущественно сохранившаяся въ «Обв. актѣ»). Въ этой перепискѣ можно прослѣдить, какъ люди, очень рѣшительные для себя, при возростаніи опасности, становятся боязливыми для близкихъ; какъ въ развитыхъ семьяхъ выступаетъ конфликтъ между гуманитарными традиціями и фатальными требованіями революціи; какъ встрѣча съ извѣстнымъ пропагандистомъ, переходъ новой, болѣе или менѣе крупной, личности въ ряды революціонеровъ, или прочтеніе новаго продукта подпольной прессы даетъ энергическій толчекъ молодежи.

Здѣсь сынъ пишетъ матери о необходимости «не только сближаться съ народомъ», но «идти въ него и слиться съ нимъ»; на возраженіе ея противъ «насильственнаго переворота» указываетъ, что нѣтъ насилія въ «стремленіи выбиться изъ-подъ гнета» и ссылаться на евангельскій «мечъ». Тамъ друзья, группирующіеся около М. Н. Веревочкиной, посылаютъ ей цѣлый градъ совѣтовъ «осторожности», дѣятельности менѣе опасной при ея слабомъ здоровьѣ, вмѣстѣ съ нею радуются ея успѣхамъ и унываютъ при ея неудачахъ пропаганды среди крестьянъ (гдѣ ее однажды принимаютъ за «колдунью»). Аранзонъ передаетъ и свой разговоръ съ Клеменсомъ, идущимъ на пропаганду и съ печалью сообщающимъ, что вездѣ „слушать-то слушаютъ, но сами слышаннаго не распространяютъ: разговоры остаются разговорами; глубоко въ грудь они не западаютъ“. Молодой человѣкъ, только что прочитавшій «хорошую книгу Бакунина», сообщаетъ о новомъ сторонникѣ партіи, что онъ

„поступилъ въ столярную мастерскую съ тою хорошею цѣлью, чтобы тѣснѣе слиться съ рабочими, жить

ихъ жизнью, ненавидѣть ихъ ненавистью и пропагандировать принципы соціальной революціи. Въ такого человѣка просто подло кинуть грязью уже по одному тому, что онъ изъ паразита дѣлается производительнымъ работникомъ, который на себѣ испытаетъ всю гнетущую, все загребающую лапу . . . . . и пріобрѣтетъ вслѣдствіе этого сильнѣйшую ненависть къ этой лапѣ, потому что презираетъ всякій оффиціальный постъ, всякій непроизводительный трудъ, какъ вредные симптомы «государственности».

Всего чаще встрѣчаются жалобы на неплодотворную дѣятельность, на необходимость «развивать личности», собирать средства и, вообще, подготовлять то, на что шли сначала, не видя необходимости этого подготовленія.

Довольно характерны для періода массовыхъ арестовъ, допросовъ и отношеній представителей власти къ допрашиваемымъ, слѣдующія свидѣтельства одного изъ процесса 193, намъ лично сообщенныя, о его допросѣ и о томъ, какъ онъ при этомъ пропагандировалъ жандармовъ и прокуроровъ.

«По приходѣ въ Калугу 8 мая 1874 г. былъ арестованъ. Въ первый и послѣдній разъ въ жизни занимался «пропагандой», во 1-хъ, въ острогѣ, гдѣ я содержался на общемъ положеніи, и, во 2-хъ, на дознаніи: обращалъ, но безъ успѣха, на путь истины жандармскаго полковника и товарища прокурора. Недѣли черезъ три у меня сдѣлалась нервная горячка, а жандармскій полковникъ Барановъ умеръ отъ разрыва сердца. Хорошій былъ человѣкъ, царство ему небесное.

«Что жъ я буду дѣлать, говорилъ бѣдняга, вѣдь я объ васъ въ Петербургъ донесъ. Если я васъ выпущу, я самъ погибну, а у меня жена, дѣти»...

«Тогда я прекратилъ свои филиппики и утѣшалъ его.

«Съ Александромъ Михайловичемъ Симоновымъ, товарищемъ прокурора, велся разговоръ, и спорили, какъ въ Питерѣ на сходкахъ».

Соціалистическая агитація и движеніе въ народъ не могли не вызвать волненій и въ другихъ сферахъ, вол-

неній, впрочемъ, чуждыхъ соціалистическихъ принциповъ. Волновалась студенческая молодежь и въ Военно-Медицинской Академіи и въ Технологическомъ и Горномъ Институтахъ и въ Университетѣ (см. «Вп.» № 1, 3, 24; 152). Волновались крестьяне въ Логишинѣ, въ Мозырскомъ уѣздѣ, въ Кобринскомъ уѣздѣ; протестовало 700 рабочихъ мастерской варшавской желѣзной дороги (см. «Вп.» № 1; 21); въ Чигиринскомъ уѣздѣ волненія крестьянъ, недовольство которыхъ проявлялось уже въ 1870 году, получили въ 1875 г. уже очень серьезный характеръ, чтобы позже доставить почву для революціонной агитаціи совершенно особаго характера (см. для 1875 г. «Вп.» № 15, 466 и слѣд. № 26; 47 и слѣд.).

Эти волненія, какъ только что было сказано, возникали, собственно, помимо соціалистической агитаціи, однако соціалисты-революціонеры въ концѣ 1874 года старались ими воспользоваться. И это, повидимому, имъ удалось въ нѣкоторой мѣрѣ для движенія въ средѣ интеллигенціи. По крайнѣй мѣрѣ, „землеволецъ“ пишетъ по этому поводу:

«Въ Медико-Хирургической Академіи студенты были недовольны нѣкоторыми профессорами, особенно профессоромъ Ціономъ. На первой его лекціи произошла демонстрація. Второй курсъ былъ немедленно закрытъ. Нѣкоторые зачинщики этой демонстраціи были арестованы. Это произвело сенсацію между студентами. Пропагандисты рѣшили этимъ воспользоваться для своихъ цѣлей. Послѣдовало нѣсколько демонстрацій, уже уличныхъ, передъ квартирою начальника академіи: требовали освобожденія товарищей и удаленія профессора Ціона. Отвѣтомъ на это были опять аресты и судъ надъ студентами, съ участіемъ одного изъ членовъ военно-медицинскаго департамента и члена третьяго отдѣленія (кажется, К.). Соціалисты настаивали на необходимости прекратить лекціи на всѣхъ курсахъ. Лекціи были прекращены. Въ студенческой библіотекѣ происходили непрерывныя и многочисленныя сходки. Рѣчь уже шла не объ однихъ академическихъ интересахъ. Предложили привлечь къ этому движенію учащуюся молодежь всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга и выставить требованія *общестуденческія*: право сходокъ, самосуда,

кассы и проч. И безпорядки охватили почти всѣ учебныя заведенія: Петербургскій университетъ, Технологическій и Горный институты. Этого и нужно было. Въ эту возбужденную и воспріимчивую среду брошена масса жгучихъ мыслей. Постановка студенческихъ вопросовъ измѣнилась въ ширь и въ глубь. Сходки стали принимать характеръ революціонныхъ клубовъ. Особенно большую услугу оказывала въ этомъ медицинская студенческая библіотека. Находясь въ безконтрольномъ заведеніи студентовъ, библіотека вскорѣ сдѣлалась очагомъ, изъ котораго то и дѣло распространялись всякаго рода неудовольствія. Соціалисты *) завоевали себѣ тогда прочную почву во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. *Общій* духъ времени, страстная пропаганда, призывающая къ новой жизни, преслѣдованія правительства — все это придавало соціалистамъ какое-то обаяніе, и вліяніе ихъ было тогда громадное. Не было ни одного дѣла, ни одного требованія студенческаго, въ защиту которыхъ не выступили бы первые соціалисты. Весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ для пропаганды 1874 г. было громадное скопленіе учащейся молодежи въ Петербургѣ. Медико-Хирургическая Академія и Технологическій институтъ, если не ошибаюсь, открыли свои двери всѣмъ воспитанникамъ классическихъ гимназій, не получившимъ аттестата зрѣлости. Женскіе медицинскіе и другіе курсы были уже тогда открыты. Оставалось, слѣдовательно, пропагандировать и вербовать. И то, и другое шло успѣшно. Можно было уже тогда безъ преувеличенія сказать, что соціалисты могли смотрѣть безъ страха и опасеній на судьбу своего ученія: дѣло ихъ было почти обезпечено на многіе годы, въ средѣ молодежи, по крайней мѣрѣ. Впрочемъ, не одной только учащейся молодежью ограничивалась пропагандистская дѣятельность. Значительныя завоеванія были сдѣланы за эти два года (1874—75) въ средѣ городскихъ рабочихъ. Въ это именно время было, собственно, заложено основаніе соціалистическимъ рабочимъ группамъ. Пропаганда между рабочими велась очень энергично, то

*) Они тогда были болѣе извѣстны подъ общимъ именемъ „радикаловъ“.

цѣлыми *кружками*, то отдѣльно стоящими лицами. Но главное теченіе соціалистической пропаганды шло непрерывно въ народъ—въ *крестьянскую массу*.

Усиленныя преслѣдованія вызвали воздѣйствіе революціонеровъ, и это проявлялось въ организаціи бѣгствъ, изъ которыхъ нѣкоторыя удавались, тогда какъ другія оставались лишь въ формѣ неудачныхъ попытокъ. Съ 1875 года къ этому стали прибавляться демонстраціи, вооруженныя сопротивленія, наконецъ, казни шпіоновъ.

Въ разсматриваемомъ здѣсь періодѣ бѣжали упомянутые уже выше Соколовъ изъ КраснагоЯра 12 Авг.,1872 г. Германъ Лопатинъ изъ Иркутска 1873 г., Ткачевъ изъ Великихъ Лукъ въ 1874 г. Кромѣ того въ 1874 г. Ивановскій бѣжалъ изъ части въ Москвѣ. Въ 1875 г. были неудачныя попытки бѣжать Сѣрякова и Дьякова изъ Петропавловской крѣпости, а также Ковалика и Войнаральскаго изъ Петербургскаго Дома предварительнаго заключенія, при чемъ они спустились изъ окна пятаго этажа. Въ 1876 г. бѣжалъ Черкезовъ изъ Томска и С. Лури изъ подъ стражи въ Кіевѣ. Особенно интересно бѣгство П. А. Кропоткина изъ Николаевскаго военнаго госпиталя въ Петербургѣ 29 іюня 1876 г., причемъ его увезли товарищи на глазахъ у часовыхъ на заранѣе заготовленной пролеткѣ. *)

Въ 1877 году произошли семь побѣговъ: Гіераклитовъ вышелъ изъ тюрьмы переодѣтый городовымъ, а Костюринъ бѣжалъ изъ одесской тюрьмы во время прогулки, сбилъ съ ногъ часового ударомъ кистеня и сѣлъ на пролетку; стража не рѣшилась задержать его, когда кучеръ грозилъ ей револьверомъ. Изъ многочисленныхъ бѣгствъ и неудачныхъ попытокъ къ бѣгству (всего числомъ 29) особенно интересны, кромѣ упомянутыхъ уже, слѣдующія: Перовская бѣжала изъ подъ стражи во время пути въ ссылку: она совершенно спокойно переступила черезъ жандарма, спавшаго у двери ком-

*) См. подробное описаніе въ „Подпольной Россіи“ 103 и слѣдующ.

наты вокзала, гдѣ ее стерегли, прождала нѣкоторое время въ рощѣ и затѣмъ уѣхала въ Петербургъ съ первымъ ночнымъ поѣздомъ безъ билета, прикинувшись безтолковою деревенскою бабою *). Кацъ и Преферанскій обогнули сѣверную Норвегію на англійскомъ суднѣ, которое увезло ихъ изъ Мезени. Пресняковъ (впослѣдствіи повѣшенный) отбитъ у конвойныхъ на пути отъ допроса въ тюрьму. Стефановичъ, Дейчъ и Боховскій подъ видомъ смѣны часовыхъ выведены изъ тюрьмы ночью товарищемъ, поступившимъ для этого въ тюремные ключники **). Но подобная-же попытка увести изъ Харьковской тюрьмы Ѳомина двумя пріятелями, переодѣтыми жандармами, не удалась, точно такъ-же, какъ попытка освободить Войнаральскаго вооруженнымъ нападеніемъ на конвоировавшихъ его жандармовъ при отправкѣ въ центральную тюрьму.

Въ 1875 г. въ Москвѣ при арестѣ Циціанова было оказано первое вооруженное сопротивленіе. Въ Апрѣлѣ 1876 г. при похоронахъ Чернышева (см. «Вп.» №№ 32—36 и 39) произошла первая публичная демонстрація агитаціонной молодежи ***). Въ сентябрѣ того же года казненъ первый шпіонъ, Тавлѣевъ. Это были знаменія наступленія новой эпохи.

Въ предшествующую эпоху самою важною почвою борьбы . . . . . была зала судебныхъ засѣданій. Процессъ Нечаева подготовлялъ эпоху народниковъ-пропагандистовъ, показавъ, какой великолѣпный матеріалъ для агитаціи политическихъ страстей и для уясненія соціальныхъ и политическихъ идей можетъ доставить смѣлая рѣчь подсудимыхъ и рѣчь умнаго адвоката. Публичность политическихъ процессовъ была неосторожно дарована недовольной странѣ . . . . . Ее вслѣдъ затѣмъ поторопились сперва ограничить, потомъ и совсѣмъ отмѣнить. Но пока она

*) См. въ „Календарѣ Нар. Воли“ стр. 61 и слѣд.

**) См. „Вѣстникъ Народной Воли“ № 3, стр. 112 и слѣд.

***) „Землеволецъ“ говорилъ о ней, что ее „по ея характеру, слѣдовало бы скорѣе отнести къ слѣдующему періоду революціоннаго движенія“, и что „это была *первая* публичная демонстрація соціалистовъ (и, пожалуй, всего общества, такъ какъ *вся* ей сочувствовали) противъ правительственныхъ безобразій“.

оказалась для пропагандистовъ народниковъ разсматриваемой эпохи самой лучшей каѳедрой для уясненія русской невѣжественной и полусонной публикѣ, что такое соціализмъ въ его общественныхъ и нравственныхъ идеалахъ, и какую сокровищницу самоотверженнаго служенія идеѣ хранитъ въ себѣ это самое невѣжественное и полусонное общество въ своей молодой интеллигенціи.

Первымъ въ этомъ ряду фактовъ соціалистической и народнической пропаганды, доставленныхъ русскому соціализму самимъ правительствомъ, былъ процессъ долгушинцевъ, приговоръ по которому произнесенъ 5 мая 1875 г. и которымъ издатели «Впередъ!» немедленно воспользовались для подробнаго разбора положенія соціалистовъ-народниковъ предъ судомъ.

Здѣсь, съ одной стороны, приходилось указать на факты юридически-безспорные, которые обличали натяжки обвиненія и партіозность судей. Съ другой-же, выступала на видъ соціальная подкладка дѣла, именно борьба абсолютизма противъ русской интеллигенціи, идущей на помощь забитому народу; невозможность для адвокатовъ высказать, хотя бы очень осторожно, что эти подсудимые, собственно обвиняемые лишь въ раздачѣ нѣсколькихъ печатныхъ листковъ, суть представители въ Россіи мірового движенія, котораго отрицать нельзя и которое грозитъ всему наличному общественному строю; наконецъ, полная безполезность для тѣхъ же адвокатовъ отстаивать своихъ кліентовъ на почвѣ юридическихъ увертокъ, такъ какъ судей обязали осудить ихъ, однако, возможность дѣйствовать для этого на общественное мнѣніе, выставивъ на видъ нравственное величіе борцовъ за великія идеи и за благо народа.

«Впередъ!» говорилъ между прочимъ («Вп.», III А 187 и слѣд.):

«Безспорные факты таковы: около половины сентября 1873 года арестовано нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ одни устроили тайную типографію и отпечатали нѣсколько брошюръ, другіе стали распространять эти брошюры или просто передали другимъ для прочтенія единственный экземпляръ, о которомъ доказано, что онъ

у нихъ находился. Слѣдствіемъ засвидѣтельствовано распространеніе нѣсколькихъ десятковъ экземпляровъ. Ни слѣдствіе, ни обвиненіе не могли доказать ни попытки вызвать бунтъ противъ правительства, ни даже употребить какія-либо насильственныя мѣры для соціалистическихъ реформъ, о которыхъ говорится въ изданныхъ брошюрахъ».

Но мы видѣли выше (стр. 39), каково было содержаніе одной изъ этихъ брошюръ, призывавшей къ «движенію въ народъ».

Въ другой брошюрѣ, носящей названіе «Русскому народу», и которой «придаютъ нѣсколько религіозный характеръ», говорится отъ имени самаго народа.

«Она требуетъ отъ имени крестьянъ, во первыхъ, уничтоженія оброковъ; во вторыхъ, «всеобщаго осмотра и передѣла всей земли крестьянской, помѣщичьей и казенной, для того, чтобы распредѣлить ее между всѣми по справедливости, чтобы всякому досталось, сколько нужно; въ третьихъ — уничтоженія рекрутчины и замѣненія ея «вольнымъ обученіемъ въ школахъ, и только, чтобы во время войны собиралось войско»; въ четвертыхъ,—хорошихъ школъ; въ пятыхъ — уничтоженія паспортовъ. «Наконецъ, послѣднее и самое важное наше требованіе,— пишутъ авторы брошюры — мы не хотимъ, чтобы съ насъ собирали, сколько угодно, и тратили все, куда хотятъ... Но наше правительство должно дѣлать расходъ съ общаго нашего согласія и отдавать народу во всемъ самый подробный отчетъ.. Мы не хотимъ, чтобы всѣми дѣлами управляли дворяне; намъ не нужно чиновниковъ... А хотимъ мы, чтобы управлялъ народъ черезъ своихъ выборныхъ; чтобы правительство состояло не изъ однихъ дворянъ только, какъ теперь, а изъ людей, избранныхъ самимъ народомъ.

«Ежели-бы всѣ эти требованія наши исполнялись, то, клянемся, не стало бы такихъ безобразныхъ порядковъ, какіе теперь у насъ имѣются. Не будетъ ни угнетателей, ни угнетенныхъ; не будетъ неученыхъ, темныхъ и бѣдныхъ людей, а будемъ мы всѣ счастливы». Для достиженія этой цѣли предлагается «столковаться и согласиться, чтобы дѣйствовать дружно, согласно, а не брести врозь... Когда мы всѣ согласимся, тогда будемъ

мы такъ сильны, что сильнѣе насъ никого не будетъ».

Авторъ статьи «Процессъ» во «Впередъ!» пытался доказать, что требованія, выставленныя въ этихъ брошюрахъ, были бы въ Европѣ признаны самыми умѣренными при соціалистической агитаціи тамъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ; что «юридическая почва обвиненія была еще менѣе прочна»; что

«Правительствующій Сенатъ, въ лицѣ своихъ юридическихъ и сословныхъ представителей, совершилъ рядъ . . . . . нарушеній формальнаго юридическаго порядка»; что въ этомъ судѣ

«мы имѣемъ предъ собою *охранителей государства*, полагающихъ, что предъ ними стоятъ *его враги*;

«что обвинитель самъ безцеремонно высказывалъ основу обвиненія, именно обстоятельство, что впервые люди обвинялись въ томъ,

«что пошли въ народъ, хотѣли непосредственно имѣть дѣло съ народомъ»;

«что адвокатамъ, почти по неволѣ, пришлось сдѣлаться передъ публикою пропагандистами распространенія и значенія въ Западной Европѣ соціалистическихъ идей и организацій; но что при этомъ защита, оставаясь на почвѣ юридическихъ тонкостей, не поняла единственной точки зрѣнія, на которой рѣчи ея могли имѣть полезное для обвиняемыхъ дѣйствіе на общество.

Возмущаясь противъ этого пріема, «Впередъ!» указывалъ въ будущемъ необходимость для подсудимыхъ не прибѣгать къ адвокатамъ, не пытаться (понапрасну) оправдывать юридически *себя*, но выступать на судѣ обвинителями строя общественнаго, противъ котораго возстаютъ соціалисты, и строя государственнаго абсолютистическаго, противъ котораго русская интеллигенція давно уже протестуетъ. Тамъ было сказано («Вп.» III, А, 227 и слѣд.):

«Обвиняемые здѣсь не Долгушинъ, Дмоховскій, Панинъ, Плотниковъ и Гамовъ... Обвинена здѣсь вся та доля русской молодежи, которая рѣшилась «идти въ народъ», чтобы помочь ему въ его все растущихъ бѣдствіяхъ, въ его все ухудшающемся положеніи; чтобы разъяснить ему истинныя причины его положенія; чтобы

указать ему его силу, его право, его обязанность измѣнить существующій порядокъ вещей. Обвинено каждое ея слово, сочувственное народу; обвинено каждое ея дѣйствіе на помощь народу. Правительство заявило, что оно смотритъ, какъ на своего врага, на всякаго, кто пойдетъ въ народъ съ цѣлью соціальнаго измѣненія, съ проповѣдью пробужденія народной мысли, какъ бы ни была осторожна и умѣренна въ своихъ задачахъ эта дѣятельность, какъ бы ни была она ограничена въ своихъ результатахъ. Правительство доказало, что оно найдетъ для подобныхъ обвиненій и осужденій между высшими юридическими сановниками достаточный персоналъ . . . . . Оно доказало, что оно найдетъ для подобныхъ юридическихъ фарсовъ достаточно либеральныхъ адвокатовъ, чтобы поддерживать внѣшнюю иллюзію легальности процесса; чтобы говорить блестящія рѣчи съ полнымъ сознаніемъ, что эти рѣчи не могутъ имѣть никакого практическаго значенія; чтобы нравственно унизить подсудимыхъ, которыхъ судьи-палачи будутъ казнить юридически.

«Дѣло совершенно просто и ясно. Всякій, идущій въ народъ, со словомъ-ли сочувствія, съ уясненіемъ-ли обыденныхъ явленій общественной жизни, съ мирною-ли теоріей ассоціаціи, съ энергическою-ли проповѣдью революціи, будетъ одинаково изломанъ назначенными для того орудіями юридической неправды, затоптанъ въ грязь собственнымъ, либеральнымъ защитникомъ. Дилемма стоитъ опредѣленно: *или* откажитесь отъ *всякой* дѣятельности среди народа, *или* готовьтесь подвергнуться высшему возможному наказанію за всякое ваше дѣйствіе въ этомъ направленіи...

«При настоящемъ положеніи дѣлъ, при тѣхъ пріемахъ, къ которымъ прибѣгаетъ правительство, дѣйствуя противъ пропагандистовъ въ народѣ, *выгоднѣе* для самаго дѣла пропаганды ставить революціонную задачу, какъ можно прямѣе и рѣзче, такъ какъ болѣе осторожной постановкой ея никого спасти уже нельзя».

Что касается до размѣровъ пропаганды въ тотъ ранній моментъ революціоннаго движенія, къ которому относится дѣятельность долгушинцевъ, то, рядомъ съ крайнею недостаточностью *юридическихъ* доказательствъ ея

обширности (о чемъ сказано выше), внимательные наблюдатели отмѣтили лишь слѣдующій фактъ: изъ 240 экземпляровъ прокламаціи, имѣвшихся у распространителей, взято или представлено было лишь 10. Остальныя понесли въ разные кружки интеллигенціи и народа проповѣдь перваго русскаго соціалистическаго печатнаго станка (см. „Вп.“ III, А, 240).

О вліяніи процесса долгушинцевъ на революціонную молодежь «Землеволецъ» пишетъ:

«Долгушинское дѣло—первый политическій процессъ этого періода, разбиравшійся лѣтомъ 74 года,—произвело сильное впечатлѣніе на молодежь. Суровый приговоръ суда, судьба ея товарищей только поощряли ее слѣдовать по этому пути. Вѣдь, она давно готова была на все! Но ряды ея сильно порѣдѣли, надо ихъ, стало быть, во что бы то ни стало пополнить. Но откуда набирать новыя силы? Конечно, изъ среды учащейся молодежи, главнымъ образомъ. И разсѣянные по всей Россіи пропагандисты снова собрались осенью того же года «къ шатрамъ» своимъ въ университетскіе и другіе города. Снова открылись сходки, болѣе многочисленныя и бурныя, чѣмъ въ прошломъ году. И пропаганда соціалистическихъ идей среди учащейся молодежи стала распространяться съ поразительной скоростью».

За процессомъ долгушинцевъ скоро послѣдовали другіе,

Первый же изъ нихъ, именно процессъ Дьякова и Сѣрякова (17 апр. 1875 г.) показалъ уже нѣкоторый прогрессъ въ пониманіи положенія подсудимыхъ. „Впередъ!“ писалъ объ этомъ дѣлѣ («Вп.» № 15; 451 и слѣд.):

«Мы посылаемъ радостный привѣтъ въ темницу двумъ незнакомымъ намъ братьямъ, Дьякову и Сѣрякову, которые съумѣли вынести изъ суда и слѣдствія чистымъ свое знамя,—наше общее знамя. Они, какъ видно изъ обвинительнаго акта, прямо заявили, что цѣлью ихъ дѣятельности была соціальная революція; они рѣшились не обращаться къ помощи адвокатовъ; рѣшились не отвѣчать на судебномъ слѣдствіи... Трудно судить, насколько они поступили правильно, отказа-

вшись отъ рѣчей на судѣ и, слѣдовательно, отъ возможности публично провозгласить начала соціальной революціи, которымъ служили, какъ начала единственно обязательныя для всякаго любящаго народъ русскій. Вѣроятно, они заранѣе знали, и знали навѣрное, что имъ *этого* говорить *не дозволятъ*... Во всякомъ случаѣ, при отсутствіи болѣе подробныхъ свѣдѣній, мы теперь-же заносимъ на наши страницы, что Дьяковъ и Сѣряковъ были *первые обвиненные соціалисты*, которые не дозволяли защитникамъ бросить пятна на знамя соціализма, открыто признали себя приверженцами соціальной революціи и спокойно пошли подъ удары судей-палачей, какъ на ожиданную случайность соціально-революціонной борьбы».

11 сентября осужденъ Донецкій, арестованный вблизи границы въ ноябрѣ 1873 г. съ пачкою прокламацій, былъ засаженъ въ централку Харьковской губ., гдѣ онъ сошелъ съ ума и оттуда былъ вывезенъ съумасшедшимъ въ Сибирь въ 1881 году («Восп.» 39 и 46). Въ дѣлѣ Александры Бутовской (январь 1875 г. см. «Вп.» № 43), Евг. Семяновскаго (октябрь 1876 г. см. «Вп.» V, А, I и слѣд.), Альбова (декабрь 1876 г. см. «Вп,» V, А, 26 и слѣд.), въ дѣлѣ о пропагандѣ въ селѣ Мураевѣ Рязанской губерніи (іюнь 1876 г. см. «Вп.» V, А, 86 и слѣд.) и въ нѣкоторыхъ другихъ присутствующіе на судѣ и читатели отчетовъ о процессахъ въ газетахъ не могли не быть поражены одновременно и малою доказательностью фактовъ, которые вызывали осужденіе, и малымъ размѣромъ того, что ставилось въ преступленіе, и строгостью приговоровъ. Такъ, напримѣръ, таксаторъ Альбовъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе по обвиненію въ разбрасываніи книгъ по дорогѣ—что противорѣчило всѣмъ показаніямъ свидѣтелей и не было даже поддержано прокуроромъ—и въ томъ, что онъ крестьянскому мальчику далъ какую то книжку съ просьбой никому не давать и возвратить, обѣщая, если понравится, дать еще другую, хотя этой книжки на лицо не было, а свидѣтель не помнитъ ея названія, такъ какъ нашелъ ее неинтересною. Еще . . . . . рѣшеніе по дѣлу Бутовской: она была приговорена къ 4 годамъ каторги за то, что дала читать одному рабо-

чему два листка запрещенныхъ агитаціонныхъ изданій. Знаменательны были лишь факты, что въ это время по нѣкоторымъ процессамъ—въ первый разъ по дѣлу Осипова и Абраменкова (май 1876)—русскіе рабочіе явились главными обвиняемыми по политическимъ дѣламъ; что другіе процессы происходили при закрытыхъ дверяхъ по обвиненію въ «оскорбленіи Величества» (напр., процессъ Горбачева въ сентябрѣ 1876 года, упомянуто во «Вп.» № 43; 635); что еще другіе указывали на пропаганду въ войскахъ (какъ процессъ Евг. Семяновскаго и дѣло унтеръ-офицера Гобста въ сентябрѣ 1877, по которому приведенъ документъ во «Вп.» V, A, 186 и слѣд.).

Самымъ характернымъ годомъ въ этомъ отношеніи былъ 1877, когда одни вслѣдъ за другими предъ публикою развернулись закулисныя основанія демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50, южно-русскаго союза рабочихъ, наконецъ, процессъ 193. Но здѣсь уже смѣшивались явленія двухъ совершенно различныхъ слоевъ русскаго движенія. Процессъ 193, точно такъ же, какъ выстрѣлъ Вѣры Засуличъ, принадлежали сполна новой начинающейся эпохѣ съ рѣзкими формами борьбы, съ задачами боевой организаціи и съ подчеркиваніемъ политической задачи соціализма. Демонстрація на Казанской площади, какъ явленіе переходное, вызвала самыя разнообразныя оцѣнки, въ которыхъ отражались столкновенія прежней эпохи самотверженной пропаганды идей съ пренебреженіемъ къ условіямъ боевой организаціи, и новой эпохи, когда вопросъ о томъ, какъ парализовать силы опаснаго врага, сталъ на первое мѣсто въ заботахъ революціонеровъ *).

Процессъ южно-русскаго союза рабочихъ обнаружилъ для сознательныхъ революціонеровъ, какіе слабые элементы рабочей организаціи можетъ доставить строй нынѣшняго общества русскимъ соціалистамъ, въ противоположность того, что существовало и существуетъ на Западѣ. Сообщаемъ объ этомъ дѣлѣ слѣдующія данныя изъ «Впередъ!» («Вп.» V, A, 141 и слѣд.) и изъ обви-

*) Для „Казанской“ демонстраціи см. Е. Серебряковъ: „Общество Земля и Воля“ въ „Матеріалахъ“ XI (вып. 4) стр. 15 и слѣд.

нительнаго акта, тамъ же помѣщеннаго. «Впередъ!» пишетъ:

«Съ 23 по 28 мая нынѣшняго года въ особомъ присутствіи сената слушалось дѣло о 15 лицахъ, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ образовавшемуся на югѣ Россіи обществу «Южно-Россійскаго Рабочаго Союза». Въ ряду другихъ соціалистическихъ процессовъ, которыми такъ богатъ былъ нынѣшній годъ, этотъ процессъ занимаетъ особенно выдающееся положеніе и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, какъ по тому, что почти всѣ обвиняемые, за исключеніемъ лишь Заславскаго и Рыбицкаго, столь противоположныхъ другъ другу по ихъ роли въ процессѣ,—принадлежатъ къ средѣ рабочихъ, такъ еще болѣе по тому, что процессъ этотъ касается попытки самостоятельной организаціи для революціонныхъ цѣлей рабочихъ силъ на югѣ Россіи, организаціи, естественно и исторически выросшей на почвѣ мѣстныхъ интересовъ рабочаго класса».

«Въ теченіи послѣднихъ годовъ въ Одессѣ образовался кружокъ рабочихъ, группировавшихся около Евгенія Заславскаго, содержавшаго типографію, дававшую ему естественный предлогъ для сближенія съ рабочими. Въ началѣ этотъ кружокъ развѣ только по одному своему составу отличался отъ многихъ другихъ тогдашнихъ кружковъ «самообразованія», которыхъ было такъ много среди русской молодой интеллигенціи. Онъ не шелъ далѣе образованія кассы «вспомоществованія», кружковой библіотеки, популярныхъ лекцій и проч. Но мало-по-малу, подъ вліяніемъ обстоятельствъ и духа времени, этотъ кружокъ принималъ все болѣе и болѣе радикальный оттѣнокъ и превратился, наконецъ, въ чисто революціонную организацію, расширивъ свою дѣятельность далеко за предѣлы прежняго тѣснаго кружка».

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ кружка было учрежденіе ссудо-сберегательной кассы для рабочихъ. Однимъ изъ членовъ кружка, итальянскимъ подданнымъ Сквери, былъ составленъ этотъ уставъ. При слѣдствіи Сквери показалъ:

«Заславскій нашелъ, что этотъ уставъ не годится и передѣлалъ его сначала въ «уставъ братской кассы одесскихъ рабочихъ», въ которомъ говорилось о борьбѣ

рабочихъ съ привиллегированными классами и съ жизненными обстоятельствами, а затѣмъ окончательно въ «уставъ Южно-Россійскаго союза рабочихъ»...

По показанію другого свидѣтеля, Заславскій говорилъ, что

«необходимо учредить общество, которое дѣйствовало бы противъ правительства, а ссудо-сберегательную кассу обратить въ кассу этого общества, причемъ кто-то замѣтилъ, что того, кто измѣнитъ обществу, можно будетъ убить».

По словамъ обвинительнаго акта,

«въ этомъ «уставѣ Южно-Россійскаго союза рабочихъ» говорится, между прочимъ, что рабочіе, сознавая, что установившійся нынѣ относительно рабочихъ порядокъ не соотвѣтствуетъ истиннымъ требованіямъ справедливости; что рабочіе могутъ достигнуть признанія своихъ правъ только путемъ насильственнаго переворота, который уничтожитъ всякія привиллегіи и преимущества, — рабочіе южно-русскаго края соединятся въ одинъ союзъ, поставляя себѣ цѣлью: а) пропаганду идеи освобожденія рабочихъ изъ-подъ гнета капитала и привиллегированныхъ классовъ; б) объединеніе рабочихъ южно-россійскаго края и в) для будущей борьбы съ установившимся экономическимъ и политическимъ порядкомъ. О кассѣ союза говорится, что суммы ея предназначаются для пропаганды идеи освобожденія рабочихъ, впослѣдствіи-же и для борьбы за эту идею. Въ 4-мъ пунктѣ излагается правило союза: «одинъ за всѣхъ, и всѣ за одного»; по 5-му пункту членъ союза, проговорившійся о существованіи послѣдняго постороннему лицу или не исполнившій въ точности своихъ обязанностей, считается измѣнникомъ; 6-й пунктъ требуетъ отъ каждаго члена готовности на всякую жертву, какая окажется необходимою для спасенія союза. Остальные затѣмъ пункты заключаютъ въ себѣ правила относительно взносовъ, порядка расходованія суммъ, о кассирѣ, кружкахъ и депутатахъ. Въ уставѣ говорится еще, что союзъ раздѣляется на общества, которыхъ теперь два: Одесское и Ростовское".

Послѣднія слова показываютъ, что организація рабочихъ не ограничивалась Одессой; и, дѣйствительно,

она распространилась на цѣлый рядъ южныхъ городовъ. Во „Впередъ!“ далѣе сказано:

«Дѣятельность «союза» шла успѣшно до тѣхъ поръ, пока въ средѣ его господствовали тактичность и осторожность, которою особенно отличался Заславскій. Къ сожалѣнію, многіе изъ членовъ союза были болѣе его нетерпѣливы; эти горячія головы стремились ускорить дѣло, расширить поскорѣе организацію, стали дѣйствовать опрометчиво и неосторожно; къ организаціи приблизили людей мало знакомыхъ и вполнѣ недостойныхъ. Результатомъ этого было то, что одесская жандармерія напала на слѣдъ и успѣла запастись уликами противъ многихъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ организаціи. Въ концѣ 1875 г. и началѣ 1876 года было арестовано въ Одессѣ и другихъ южно-русскихъ городахъ болѣе 70 человѣкъ, почти исключительно принадлежавшихъ къ рабочему классу. Многіе изъ арестованныхъ были выпущены на свободу за неимѣніемъ противъ нихъ никакихъ уликъ. Другіе купили себѣ свободу измѣною товарищамъ и «чистосердечнымъ раскаяніемъ». Къ числу этихъ послѣднихъ нужно причислить *Тавлѣева*, который... за измѣну товарищамъ въ ночь на 6 Сентября 1876 г., былъ неизвѣстно кѣмъ убитъ на одномъ изъ загородныхъ гуляній въ Одессѣ. *Курланскій*, другой измѣнникъ товарищамъ, не былъ пощаженъ сенатомъ даже за свое «раскаяніе» и вмѣсто обѣщанной щедрыми на посулы жандармами «кровавой платы» за погубленныхъ товарищей былъ осужденъ наравнѣ съ другими. Изъ числа всѣхъ заподозрѣнныхъ одесскими жандармами лицъ только 15 были преданы суду послѣ 17-ти-мѣсячнаго предварительнаго заключенія. Утверждали, что Евгеній Заславскій подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій тюремнаго заключенія сдѣлался душевно-больнымъ. Но, вѣроятно, врачи больницы Св. Николая въ Петербургѣ, куда былъ помѣщенъ на нѣкоторое время Заславскій, не нашли возможнымъ дать о его здоровьи такое заключеніе, которое избавило-бы Заславскаго отъ осужденія и дальнѣйшаго продолженія его мученій.

«Приговоромъ 28 Мая были осуждены: Заславскій, Рыбицкій и Кравченко за основаніе тайнаго общества,

а принадлежность къ нему и за противоправительственную пропаганду къ каторгѣ. Заславскій на *десять лѣтъ*, а Рыбицкій и Кравченко *на пять лѣтъ*; Наумовъ, Силенко, Ляховичъ, Сквери и Мрачковскій за принадлежность къ тайному обществу и пропаганду — къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; Лущенко, Короленко и Курганскій, признанные виновными только въ принадлежности къ тайному обществу, приговорены къ заключенію въ арестантскія роты: первый на два года, а послѣдній на одинъ годъ. Наконецъ, Тараненко, Соколовъ, Наддачинъ и Волощукъ приговорены къ трехмѣсячному тюремному заключенію, первые три — за «имѣніе» у себя недозволенныхъ сочиненій, а послѣдній — за «недонесеніе».

Наконецъ, процессъ 50 былъ самымъ опредѣленнымъ и выпуклымъ выраженіемъ того, чѣмъ было и чѣмъ хотѣло быть русское народничество, развертывая знамя соціализма передъ русскою интеллигенціей и передъ русскимъ народомъ, при полномъ сознаніи задачъ соціализма, но въ странѣ, гдѣ борьба за эти задачи, за отсутствіемъ даже самой элементарной организаціи рабочей партіи, должна была идти не во имя классовыхъ интересовъ, а во имя горячей любви къ созидаемому царству справедливости.

Мы и остановимся преимущественно на этомъ послѣднемъ процессѣ.

Разгромъ соціалистовъ-пропагандистовъ, двинувшихся въ народъ въ 1873 и особенно 1874 г., уже совершился, когда въ Москву явилась группа бывшихъ цюрихскихъ студентокъ, большею частью наборщицъ «Впередъ!» въ 1873 г. *), съ цѣлью продолжать это самое дѣло. Къ

*) Въ брошюрѣ „Софья Илларіоновна Бардина“ (Geneve 1883) стр. 11 (при цитатахъ обозначено: „Бард.“) ошибочно названа эта группа „Бремерштюсселѣскою коммуною“. Бремерштюссель въ Цюрихѣ былъ главнымъ пентромъ тамошнихъ бакунистовъ какъ сказано выше (см. стр. 64 и слѣд.). Группу Бардиной и ея пріятельницъ обыкновенно называли „Фричами“, кажется, по фамиліи хозяйки дома, гдѣ жила большая часть лицъ этой группы.

этому кружку прилилъ очень скоро еще новый, мужской, элементъ изъ обломковъ старыхъ кружковъ. И вотъ, по словамъ обвинительнаго акта («Процессъ 50»), образовалось

«тайное организованное сообщество, задававшееся цѣлью ниспроверженія существующаго порядка управленія и водворенія анархическихъ началъ въ русскомъ обществѣ. Это сообщество состояло первоначально изъ одного кружка лицъ и существовало въ Москвѣ. Создалось оно подъ руководствомъ и непосредственнымъ вліяніемъ лицъ, оставившихъ Россію, переселившихся заграницу, преимущественно въ Швейцарію, и возвратившихся обратно въ отечество съ единственною цѣлью заняться пропагандой революціонныхъ идей среди рабочаго класса Имперіи. Таковы обвиняемые: Здановичъ, Кардашевъ, Чекоидзе, Джабадари, князь Циціановъ, Бардина, Фигнеръ, Топоркова, Александрова и сестры Субботины».

Обвинительный актъ по дѣлу 193 говоритъ о дѣятельности Софьи Субботиной (матери трехъ осужденныхъ по процессу 50-ти и попечительницы школы въ селѣ Бѣломѣстномъ *), что она очень рѣзко выражалась относительно религіи и властей,

«говорила о деспотизмѣ въ Россіи и несправедливости въ судахъ и сочувственно относилась къ Нечаеву, называя его невиннымъ мученикомъ; въ разговорахъ съ крестьянами Субботина проводила мысль, что съ нихъ берутъ слишкомъ большія подати, которыя затѣмъ тратятся непроизводительно правительствомъ, говорила крестьянамъ, что «берутъ съ васъ подати и солдатъ, а вы, какъ овцы, и деньги даете, и въ солдаты идете,—скоро всѣ будутъ равны, купцы и господа будутъ мужиками..., что обидно платить правительству такія большія деньги»,
и вызывала къ «войнѣ . . . . . ».

Авторъ брошюры о «Софьѣ Иллар. Бардиной» говоритъ о дѣятельности кружка слѣдующее (Бард.):

«Въ огнѣ быстро мужаютъ борцы. Цюрихскія мечтательницы и идеалистки въ жгучей атмосферѣ родины

*) О ней см. выше.

въ нѣсколько мѣсяцевъ превращаются въ выдержанныхъ, стойкихъ, искусныхъ заговорщицъ. Онѣ вырабатываютъ широкій и стройный планъ активной организаціи—первый серьезный планъ въ этомъ родѣ въ послѣдній фазисъ движенія, такъ какъ предыдущія тайныя общества этого періода, такъ наз. «долгушницы и «чайковцы» не вышли изъ аморфнаго состоянія кружковъ.—Онѣ осуществляютъ съ большимъ успѣхомъ первую часть своей программы, заводя пропагандистскіе кружки въ четырехъ рабочихъ центрахъ, такъ какъ по плану организаціи—вполнѣ раціональному и практичному—надлежало образовать сперва революціонные кадры изъ городскихъ рабочихъ, болѣе доступныхъ пропагандѣ, чтобы потомъ вмѣстѣ съ ними двинуться въ деревни...

Извѣстно, что почти всѣ женщины будущаго процесса пятидесяти: обѣ сестры Любатовичъ, Фигнеръ, Хоржевская, Каминская, а также и Бардина, размѣстились по фабрикамъ въ качествѣ простыхъ работницъ, такъ какъ въ пылу увлеченія народничествомъ считалось чуть не измѣной занять привиллегированное положеніе, хотя-бы самое скромное, избавляющее отъ необходимости «дѣлить съ народомъ его страданія».—Условія, при которыхъ приходилось вести свою пропаганду этимъ подвижницамъ, были по истинѣ ужасны. Дѣвушки, привыкшія къ барской обстановкѣ, къ чистотѣ и комфорту, должны были работать буквально по 15-ти часовъ въ день, при отвратительной пищѣ, состоявшей изъ ломтя плохо выпеченнаго хлѣба и жидкой болтушки съ мочалами вмѣсто говядины, чѣмъ кормятъ своихъ рабочихъ московскіе фабричные тузы въ родѣ братьевъ Носовыхъ, Лазаревыхъ и др. Каминская, такъ та совсѣмъ не могла ѣсть этой пищи и довольствовалась тѣмъ, что обгрызала хлѣбныя корки».

И въ некрологахъ Маріи Субботиной и Бетти Каминской (см. «Общ.» № 6—7; 10 и слѣд.; № 8—9; 7 и слѣд) можно прочесть, какъ тяжело было иной изъ нихъ,

«маленькой, худенькой и слабосильной дѣвушкѣ, смотрѣвшей совершенно ребенкомъ», работать на тряпичной или на суконной фабрикѣ, таскать двухъ-пудовые тюки по крутой лѣстницѣ, стоя на ногахъ по 14 ча-

совъ, употребляя всѣ возможныя хитрости для того, чтобы вести хотя бы кое-какую пропаганду, имѣя слишкомъ часто случай впадать въ уныніе отъ неудачи и лишь очень изрѣдка испытывая тѣ «минуты торжества, минуты упоительнаго счастья», когда, несмотря на всѣ препятствія, той или другой изъ нихъ удавалось составить небольшой кружокъ рабочихъ.

Авторъ біографіи Бардиной продолжаетъ:

«Рабочіе выпускались на свободу только разъ въ недѣлю, и потому ночевать приходилось на фабрикѣ-же, въ общихъ спальняхъ, гдѣ каждой работницѣ отводилось узенькое мѣсто на палатяхъ, расположенныхъ въ нѣсколько ярусовъ, очень тѣсно, такъ что зимою, при закрытыхъ окнахъ, голова кружилась отъ духоты и вони. Постелью служилъ грязный сѣнникъ и такая же подушка, разумѣется, безъ всякихъ признаковъ бѣлья. Количество же паразитовъ было таково, что всѣ углы и щели просто кишѣли ими, а по ночамъ они расползались по всѣмъ направленіямъ, грызли тѣло, падали съ потолка на голову, такъ что въ первые дни отъ нервнаго раздраженія невозможно было уснуть всю ночь, несмотря на смертельную усталость.

«И все это выносилось для того, чтобы, послѣ пятнадцати часовъ безсмысленнаго и отупляющаго «чесанія» чего-нибудь, перебиранія вонючихъ тряпокъ и т. под., имѣть возможность раза два-три въ недѣлю поговорить въ теченіе десяти минутъ съ засыпающимъ отъ усталости рабочимъ о народѣ и его страданіяхъ, о тяжести податей, о кровопійствѣ кулаковъ и чиновниковъ..

«И однако-же, даже при такихъ невозможныхъ условіяхъ всѣмъ московскимъ пропагандисткамъ, въ томъ числѣ и наименѣе искуснымъ, удалось кое-что сдѣлать, что самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, конечно, не разумность или примѣнимость этого пути, а крайнюю воспріимчивость русскихъ крестьянъ и фабричныхъ къ соціалистической пропагандѣ и возможность самаго широкаго ея развитія при иныхъ условіяхъ».

Бардиной удалось даже пробраться на мужскую половину помѣщенія рабочихъ къ одному изъ семейныхъ, женою котораго была ея сосѣдка по станку, и тамъ начались систематическія чтенія «Четырехъ братьевъ» и

тому подобной литературы. Дѣло шло, повидимому, успѣшно, но чрезъ какой-либо мѣсяцъ англичанинъ, управляющій фабрикой, засталъ ее за чтеніемъ, сначала прогналъ ее, а затѣмъ, во второй разъ, отобралъ книги. Ей пришлось оставить фабрику, переселиться на «конспиративную квартиру», гдѣ скоро послѣдовали доносъ и арестъ Бардиной и Каминской 4 Апрѣля 1875 г.

Вслѣдствіе этого перваго разгрома, по указанію «Обвинительнаго акта» («Пр. 50» 68):

«Оставшіеся на свободѣ члены общества перенесли свою практическую дѣятельность въ губерніи, разбились на отдѣльные кружки, называемые въ программѣ «общинами» и основали въ Москвѣ центральное управленіе общинами подъ именемъ администраціи. Обнаруженное дознаніемъ преступное сообщество имѣло свой уставъ, точно исполняемый всѣми отдѣльными членами, и кассу, имѣвшую въ своемъ распоряженіи капиталъ почти въ десять тыс. рублей. Отдѣльныя общины образовывались преимущественно въ большихъ городахъ: Кіевѣ, Тулѣ, Одессѣ, Ивановѣ-Вознесенскѣ, гдѣ имѣются фабрики и заводы съ значительнымъ количествомъ рабочихъ и мастеровыхъ. Эти отдѣльныя общины имѣли назначеніе вести непосредственно дѣло пропаганды революціонныхъ идей, общая же связь между общинами и сношеніе съ другими революціонными общинами поддерживались управленіемъ, «администраціей» преступнаго сообщества. Преступная пропаганда—«работа», какъ говорятъ обвиняемые,—лежала, главнымъ образомъ, на членахъ общинъ, именуемыхъ «рабочими». Члены общины, исполнявшіе обязанности рабочихъ, нанимались на фабрики, заводы и въ мастерскія подъ видомъ простолюдиновъ и, стараясь не отличаться ни по наружности, ни по образу жизни, костюму и привычкамъ отъ другихъ рабочихъ, входили въ сношеніе съ послѣдними, заводили съ ними знакомства, старались узнавать образъ мыслей, понятія и убѣжденія каждаго отдѣльнаго лица. Затѣмъ, сообразно особенностямъ и индивидуальнымъ способностямъ того или другого фабричнаго или мастерового, начинали дѣйствовать въ смыслѣ революціонномъ, заводя прежде всего рѣчь о трудности жизни рабочаго, о недостаточной оплатѣ его труда, эксплоатаціи его со стороны фабри-

кантовъ и о возможности улучшенія положенія рабочихъ. Заинтересовавъ слушателей съ этой стороны, пропагандисты переходили къ указанію средствъ, которыми можно, по ихъ мнѣнію, достигнуть улучшенія быта рабочихъ. При этомъ, рабочимъ толковалось, что земля принадлежитъ простому классу народа и должна быть раздѣлена между всѣми по-ровну *); что фабричный трудъ долженъ приносить пользу только однимъ рабочимъ и что для этого необходимо уничтожить власти, помѣщиковъ, купцовъ, фабрикантовъ и всѣхъ зажиточныхъ крестьянъ. Объясненіе подобнаго рода оканчивалось прямымъ воззваніемъ къ уничтоженію существующаго порядка путемъ вооруженнаго возстанія всей массы народа противу правительства и царя. Словесная пропаганда революціонныхъ идей поддерживалась книжками преступнаго содержанія, которыя въ значительномъ количествѣ раздавались рабочимъ, читались и толковались имъ пропагандистами въ вышеуказанномъ направленіи.

«Обязанности «администраціи», ясно очерченныя въ программѣ революціонной дѣятельности, приложенной къ дознанію, выполнялись членами, входившими въ ея составъ, вполнѣ согласно съ этой программой и заключались въ снабженіи пропагандистовъ всѣмъ необходимымъ:—адресами, книгами, деньгами, бѣльемъ, одеждой, фальшивыми паспортами, въ устройствѣ квартиръ, въ передвиженіи членовъ «рабочихъ» изъ одной мѣстности въ другую, въ сношеніяхъ и организаціи побѣговъ арестованныхъ членовъ общества».

Въ рядахъ членовъ общества оказалось не малое число не только городскихъ рабочихъ, но и крестьянъ, между прочимъ Петръ Алексѣевъ.

Вотъ эта-то группа явилась передъ судомъ 21 Февраля 1877 г. и, въ рѣчахъ Бардиной, Здановича, Алексѣева, Агапова формулировала свои задачи.

Рѣчь Бардиной имѣла характеръ принципіальный. О ней «Впередъ!» писалъ («Вп.» V, 150 и слѣд.):

*) Это было, само собою разумѣется, еще разъ весьма обычное смѣшеніе старинныхъ теорій дѣлежа земли съ соціалистическимъ владѣніемъ ею сообща. Невѣжество или преднамѣренная ложь—П. Л.

«Рѣчь Бардиной представляетъ въ сжатой формѣ полную программу соціалистической партіи. Въ короткихъ, но рѣзкихъ и ясныхъ выраженіяхъ она высказала, чего должны добиваться русскіе соціалисты и какимъ путемъ должны они слѣдовать.

«Не «отрицаніе собственности» провозглашаютъ соціалисты, говорила она, а, напротивъ, «защиту собственности», т. е. обезпеченіе «права рабочаго на полный продуктъ труда».

«Не «развратъ» и «отрицаніе семьи» вносятъ соціалисты въ свою программу, а, наоборотъ, они стремятся ввести нравственный элементъ въ отношенія между мужчиной и женщиной, они стараются освободить женщину отъ гнета, который гонитъ ее въ проституцію, и уничтожить тотъ порядокъ, который ведетъ за собою временную или пожизненную продажу женщиною своего тѣла.

«Не «подрыванія государства» добиваются соціалисты, а «обезпеченія лучшаго общественнаго строя» на развалинахъ современнаго государства, которое не можетъ быть «разрушено» горстью идеалистовъ, но которое рушится, потому что «само въ себѣ носитъ зародышъ разрушенія»...

«Не поголовную рѣзню всѣхъ богатыхъ и знатныхъ проповѣдуетъ соціализмъ, а «уничтоженіе привиллегій, обусловливающихъ раздѣленіе людей на классы, — на имущихъ и неимущихъ»...

«Не «анархіи», подъ которой разумѣютъ «безпорядокъ и произволъ», желаютъ соціалисты, а желаютъ они такого общественнаго строя, гдѣ могли бы утвердиться «гармонія и порядокъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ»...

«Соціалисты и стремятся ко всеобщему счастью и равенству постольку, поскольку это зависитъ отъ общественныхъ условій»...

«Они стремятся достигнуть этого путемъ «насильственной революціи» лишь потому, что она, къ сожалѣнію, при нынѣшнихъ условіяхъ, есть неизбѣжное зло»...

«Задача современныхъ соціалистовъ не заключается вовсе въ возбужденіи бунта или рѣзни, а въ томъ, чтобы подготовить въ народѣ достаточныя силы для произ-

веденія неизбѣжной революціи и достаточное пониманіе современныхъ условій для лучшаго устройства будущихъ соціальныхъ отношеній.

«Эта задача можетъ быть достигнута не «возбужденіемъ народа къ бунту», а «внесеніемъ въ сознаніе народа идеаловъ лучшаго общественнаго строя и уясненіемъ тѣхъ идеаловъ, которые коренятся въ немъ безсознательно».

Эту рѣчь Heldenmädchen (по выраженію „Vorwärts“ и „Arbeiter-Wochen Chronik“) заключили слѣдующими словами:

«Какъ бы тамъ ни было, и какова бы ни была моя участь, я, господа судьи, не прошу у васъ милосердія и не желаю его. Преслѣдуйте насъ, какъ хотите, но я глубоко убѣждена, что такое широкое движеніе, продолжающееся уже нѣсколько лѣтъ сряду и вызванное, очевидно, самимъ духомъ времени, не можетъ быть остановлено никакими репрессивными мѣрами... Оно можетъ быть, пожалуй, подавлено на нѣкоторое время, но тѣмъ съ большей силой оно возродится снова, какъ это всегда бываетъ послѣ всякой реакціи подобнаго рода; — и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока наши идеи не восторжествуютъ. Я убѣждена еще въ томъ, что наступитъ день, когда даже наше сонное и лѣнивое общество проснется, и стыдно ему станетъ, что оно такъ долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у сябя своихъ братьевъ, сестеръ и дочерей и губить ихъ за одну только свободную исповѣдь своихъ убѣжденій! И тогда оно отомститъ за нашу гибель... Преслѣдуйте насъ, — за вами пока матеріальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила историческаго прогресса, сила идеи, а идеи, увы! увы! — на штыки не улавливаются!»...

Здановичъ раздвинулъ горизонтъ оцѣнки русскаго революціоннаго движенія, указывая на его связь съ движеніемъ всемірнымъ и съ исторіей Россіи. Онъ говорилъ («Вп,» V, А, 42 и слѣд.):

«У насъ очень распространено мнѣніе, что Россія рѣзко отличается отъ западной Европы, что мы идемъ и должны идти по иному, своеобразному пути. Въ этомъ мнѣніи много правды, но имъ слишкомъ часто злоупо-

требляютъ. Не надо забывать, что наука не знаетъ національности, что цивилизація и человѣческія идеи международны. Конечно, идеалы человѣчества перерабатываются сообразно условіямъ исторической жизни народовъ, такъ что, оставаясь по существу общими для всѣхъ народовъ, они, т. е. идеалы, въ подробностяхъ приспособляются къ условіямъ страны. Но изученіе европейской цивилизаціи показало, что Россіи вовсе не разсчетъ выдѣлять себя изъ семьи европейскихъ народовъ, что, напротивъ, она обязана связать свою судьбу съ судьбою Запада и вмѣстѣ съ тѣмъ работать для достиженія лучшихъ условій существованія.

«Экономическія основы народной жизни вездѣ одинаковы. Какъ тамъ на западѣ, такъ и въ Россіи, существуетъ съ одной стороны маленькая группа, назовемъ ее хоть группою привиллегированныхъ, съ другой—масса, большинство, обреченное на безъисходныя страданія. Не мало великихъ умовъ, не мало благородныхъ сердецъ работало надъ разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса. Соціализмъ старъ, какъ самъ міръ. Только формы и средства разрѣшенія вопроса въ различные историческіе періоды не одинаковы. Въ послѣднее время, когда такъ называемый естественный ходъ событій получилъ полное развитіе, когда темныя стороны современной цивилизаціи выказались ясно, ярко, соціализмъ сталъ на практическую почву, создалъ свою самостоятельную партію. Съ каждымъ днемъ силы народной партіи растутъ; чѣмъ дальше, тѣмъ страшнѣе становится пропасть, отдѣляющая сытое, праздное меньшинство отъ голоднаго, ограбленнаго большинства. Одна изъ характерныхъ сторонъ современнаго европейскаго рабочаго движенія заключается въ томъ, что народы сознали солидарность своихъ интересовъ, одинаковость своего положенія и подали другъ другу руку для общей борьбы, такъ что новѣйшая постановка соціальнаго вопроса дѣлитъ человѣчество не на національности, а на притѣсняемыхъ и притѣсняющихъ; мѣриломъ группировки человѣческихъ обществъ является не территорія, не языкъ и племенныя особенности, а экономическое начало, положенное въ основу народной жизни. Экономическій строй вездѣ одинаковъ. Спрашиваю я васъ, можно ли съ этой точки

зрѣнія выдѣлить Россію изъ рабочаго движенія?... Конечно, у каждой страны свои особенности, но главная жилка экономическаго вопроса абсолютно вездѣ одинакова, и потому-то возможна общая постановка соціальнаго вопроса для всѣхъ народовъ, не исключая и Россіи. Вотъ почему мы видимъ, что развитіе соціализма, какъ идеи, шло въ Россіи почти параллельно развитію его на западѣ... Русская молодежь, выработавъ соціалистическія убѣжденія, естественно, должна была проводить ихъ въ жизнь. Первые же ея шаги въ этомъ направленіи мирнаго рѣшенія вопроса были неудачны... Съ одной стороны, прогрессъ соціальныхъ ученій на западѣ, съ другой—домашнія русскія условія переработали соціализмъ русской молодежи, соціализмъ мирный, государственный, въ революціонный. Она, молодежь, рѣшилась, несмотря на всѣ опасности, идти къ цѣли путемъ революціоннымъ, и современное движеніе по преимуществу соціально-революціонное. Оно не есть явленіе случайное, преходящее, оно охватило почти всю молодежь, всѣ живыя ея силы. Оно не могло не коснуться и меня. Я пошелъ по той же дорогѣ, работалъ по мѣрѣ силъ и возможности для великой задачи народнаго освобожденія и работалъ бы до сихъ поръ, еслибъ не былъ арестованъ.

«Но что же такое народное освобожденіе, въ чемъ оно заключается? Оно заключается въ томъ, чтобы народный трудъ не эксплуатировался подъ какимъ бы то ни было видомъ, чтобы народное сознаніе не затемнялось предразсудками невѣжества, нарожденіемъ безысходной нищеты, и чтобы нравственность народа не падала, что неизбѣжно при убійственной обстановкѣ народной жизни. Достигнуть этого возможно при полнѣйшей самостоятельности и автономіи общинъ, владѣющихъ землею и всѣми орудіями производства сообща, при свободѣ труда и обязательности его для каждаго индивидуума. Вотъ мои стремленія. Средствомъ для ихъ осуществленія, по моему, служитъ: внести въ народъ сознаніе солидарности своихъ интересовъ, осмыслить народное недовольство, соединить разрозненныя силы и сообща добиваться болѣе справедливыхъ условій существованія. Что положеніе народа невыносимо, что недо-

вольство его велико—это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Но надо воспользоваться этимъ фактомъ не для безплодныхъ, единичныхъ вспышекъ и бунтовъ, а для болѣе серьезнаго, прочнаго рѣшенія вопроса... Въ настоящее время молодая сила, не успѣвшая погрязнуть въ тину практической жизни, абсолютно не понимаетъ, какъ можно не работать въ интересахъ народа, какъ можно сидѣть сложа руки, или опасаться послѣдствій своихъ честныхъ стремленій. Самоотверженность сдѣлалась явленіемъ обыкновеннымъ; создалась, такъ сказать, соціалистическая атмосфера, именно такія условія, которыя предвѣщаютъ успѣхъ современному движенію.

«Помимо причинъ, указанныхъ выше, т. е. того, что въ русскомъ народѣ живетъ идея соціализма, равенства, выразившаяся въ общинномъ землевладѣніи, помимо самопожертвованія и преданности своимъ убѣжденіямъ русской молодежи, будущее настоящаго движенія обозначено еще общими историческими условіями. Исторія развитія элементовъ русской жизни многимъ разнится отъ исторіи развитія Западной Европы. Тамъ, мы видимъ сильно развитую политическую жизнь, множество партій всякихъ оттѣнковъ, борьбу интересовъ различныхъ общественныхъ группъ. Ничего подобнаго въ Россіи не существуетъ, и на это есть своя историческая причина. Образованіе партій тамъ было неизбѣжно: нарождались извѣстные интересы, идеи, которые группировали людей въ одну тѣсную, организованную партію. Борьба началась тамъ съ испоконъ вѣковъ и шла такимъ путемъ: сперва создавались интересы общественные, сословные, а потомъ они получали уже стройную систему, обращались въ теорію. Каждая изъ европейскихъ партій стояла въ свое время впереди движенія, представляла собою прогрессивную силу, была обладательницей передовой мысли. Ни одна партія не можетъ имѣть будущаго, если она не способна жертвовать личностями для общихъ интересовъ; ни одна партія не можетъ быть живою, сильною партіей, если члены ея не вложили всю душу въ дѣло свое. Помимо этого партія бывала сильна и представляла передовую мысль до тѣхъ только поръ, пока не отдѣляла своихъ интересовъ отъ интересовъ народа. Между тѣмъ, въ Россіи никакой жизни, никакой борьбы

наблюдать нельзя. Начало русской исторіи, повидимому, заключало въ себѣ элементы развитія политической жизни. Но вотъ наступила татарщина, все заглохло. Въ этой тишинѣ, во время этого народнаго сна, работала одна сила—сила самодержавная. Со времени сверженія татарскаго ига всѣ интересы олицетворяются въ государственной власти, всѣ взоры обращены къ ней. Дворянство теряетъ всякое самостоятельное значеніе, члены этого сословія—слуги и холопы . . . . Буржуазіи нѣтъ. Народная партія и народная свобода, уцѣлѣвшія отъ татарскаго погрома, были уничтожены государственною властью. Великій Новгородъ и Псковъ пали. Партій не могло быть...

«Я хотѣлъ этимъ указаніемъ на историческіе факты установить то положеніе, что въ Россіи немыслимо образованіе партій, такъ сказать, привиллегированныхъ, сословныхъ. Онѣ упустили удобную историческую минуту. Я хотѣлъ указать на всю законность соціально-революціоннаго движенія и на то, въ особенности, что одна народная партія имѣетъ будущее, какъ по тому, что представляетъ интересы большинства, такъ и по тому, что она одна стоитъ на высотѣ развитія передовыхъ идей нашего времени. Она сильна, сильна единствомъ, чистотой своихъ принциповъ, самоотверженностью своихъ членовъ. Побѣда ея несомнѣнна. Первыя жертвы, гибель многихъ ея членовъ, еще болѣе придаютъ ей силы и нравственнаго достоинства. Я глубоко вѣрю въ побѣду народа, въ торжество соціальной революціи».

Рѣчи Алексѣева и Агапова представляли ту важную особенность, что онѣ произнесены людьми изъ народа. По словамъ «Впередъ!» («Вп.» V, А. 30 прим.)

«Алексѣевъ—простой рабочій изъ крестьянъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, деревни Новинской, не получившій образованія ни въ одномъ изъ учебныхъ заведеній, но упорнымъ самостоятельнымъ трудомъ достигшій весьма серьезнаго развитія и начитанности».

Его рѣчь сказана 10 марта 1877 года вмѣсто защиты. На предложеніе судей Петру Алексѣеву выбрать себѣ защитника онъ отвѣчалъ: «Что мнѣ защищаться?! Какой смыслъ имѣетъ защита, когда всякому извѣстно, что въ подобныхъ процессахъ приговоръ суда бываетъ

составленъ заранѣе, такъ что весь этотъ судъ есть не болѣе, какъ комедія: защищайся—не защищайся—все равно! Я отказываюсь отъ защиты».

О рѣчи Алексѣева то же изданіе говоритъ («Вп.»V, 155 и слѣд.);

«Алексѣевъ ярко обрисовалъ причины, влекущіе русскій рабочій народъ на революціонную дорогу. Цѣлымъ рядомъ положеній онъ показалъ, что русскій рабочій человѣкъ, какъ былъ крѣпостнымъ, какъ былъ рабомъ, такъ и остался рабомъ и крѣпостнымъ. Работая невѣроятное число часовъ, онъ не имѣетъ возможности даже добыть себѣ черстваго куска для пропитанія. Онъ не можетъ удовлетворить самымъ насущнымъ своимъ потребностямъ; онъ задавленъ трудомъ; онъ не имѣетъ свободной минуты для удовлетворенія высшимъ человѣческимъ потребностямъ: онъ лишенъ всякихъ средствъ для образованія, какъ для себя, такъ и для дѣтей своихъ, и даже трудомъ добытая грамотность даетъ ему возможность пользоваться лишь жалкой «литературой», спеціально фабрикованной для отуманиванія, отупленія, развращенія народа; съ нимъ обращаются не какъ съ человѣкомъ, а какъ со скотомъ; не допускается даже мысли о томъ, что рабочій можетъ имѣть высшія потребности, можетъ стремиться «не походитъ на животное»; малѣйшій признакъ человѣческаго достоинства, ничтожнѣйшій протестъ его противъ обиды и притѣсненія заглушаются розгами, тюрьмами, каторгой. «Неужели, восклицаетъ онъ, мы, работники, ко всему этому настолько глухи, слѣпы, нѣмы и глупы!» «Неужели мы не видимъ, куда дѣвается нашъ трудъ!» «Неужели мы можемъ питать противъ капиталистовъ какое-либо чувство, кромѣ ненависти!» «Нѣтъ отвѣчаетъ онъ самъ, мы съ малолѣтства закаляемся терпѣть *до поры!*» Единственный выходъ для русскаго рабочаго это—возстаніе противъ притѣснителей. Не страшатъ его казни, мученія, каторга. Онъ съ малолѣтства уже приготовленъ къ пожизненной каторжной работѣ, при естественныхъ условіяхъ жизни мало чѣмъ отличавшихся отъ искусственныхъ, «научныхъ» условій содержанія въ каторжныхъ тюрьмахъ. Всѣ старанія притѣснителей задавить въ немъ протестъ будутъ тщетны, и, не смотря на всѣ условія

охранителей порядка, настанетъ, наконецъ, время, когда «подымется мускулистая рука милліоновъ рабочаго люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ!..»

Въ концѣ своей рѣчи Алексѣевъ, отъ имени русскаго рабочаго люда, обращается съ горячимъ словомъ къ русской интеллигентной молодежи, которая «подала свой голосъ на всѣ слышанные крестьянскіе стоны», «которая одна братски протянула рабочему руку».

Агаповъ, тоже рабочій, свою краткую рѣчь заключилъ слѣдующими словами («Вп.», V, А, 170):

«Я много думалъ о средствахъ улучшенія быта рабочихъ и, наконецъ, сдѣлался пропагандистомъ. Цѣль моей пропаганды заключается въ томъ, чтобы подготовить рабочихъ къ соціальной революціи, безъ которой имъ, по моему мнѣнію, никогда не добиться *существеннаго* улучшенія своего положенія. Я не раскаиваюсь въ своихъ поступкахъ; я твердо убѣжденъ въ томъ, что не сдѣлалъ ничего дурного, а только исполнилъ свой долгъ, долгъ всякаго честнаго рабочаго, искренно, всей душой преданнаго интересамъ своихъ бѣдныхъ, замученныхъ собратій! Болѣе сказать я ничего не имѣю».

Процессъ «50 московокъ», происходившій еще при достаточномъ участіи публики, произвелъ на общество громадное впечатлѣніе. Сонное и трусливое общество сознало, что оно въ состояніи выработать нравственныхъ героевъ и героинь, готовыхъ жить и страдать за свое убѣжденіе, при томъ, не какъ за фанатическое вѣрованіе, а какъ за продуманное и ясно понятое ученіе. Судьбы этихъ піонерокъ русскаго соціализма были различны. Однѣ пережили трудные годы заключенія и ссылки и получили возможность отдохнуть при лучшихъ условіяхъ личной жизни, хотя находились и находятся постоянно подъ опасностью новыхъ преслѣдованій. Другія добыли (даже не одинъ разъ) свободу смѣлостью и энергіею. Третьи, измученныя тюрьмою, умерли, призывая въ предсмертной галлюцинаціи дорогихъ имъ подругъ: «Лидію и Ольгу». Были и такія, которыя рѣшились положить конецъ своей жизни, уже не нужной, по ихъ мнѣнію, для дѣла, которому они посвятили свою жизнь. Одна пыталась сжечь себя въ Мо-

сковской „сѣверной башнѣ“, но была спасена какъ бы для того, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того умереть въ Новоузенскѣ по дорогѣ въ ссылку. Другая отравилась, но промучилась трое сутокъ прежде, чѣмъ умерла въ бреду, повторяя слова: «Безъ цѣли! безъ дѣла!.. Безъ всѣхъ моихъ! Нѣтъ, не надо жить!» («Общ.» №№ 8—9, стр. 9). Третья покончила съ собою выстрѣломъ изъ револьвера въ Швейцаріи, куда ей удалось убѣжать.

На процессѣ 50-ти соціалистическіе принципы, какъ основа движенія у сскихъ пропагандистовъ народниковъ, были опредѣленно формулированы. Эпоха теоретической пропаганды закончила свое дѣло и предоставила своимъ преемникамъ отыскать практическіе пути къ осуществленію въ Россіи опредѣленно-поставленныхъ задачъ. Когда 25 мая 1878 года осужденные по процессу 193 подписывали свое заявленіе товарищамъ (см. „Общ.“ № 6—7, стр. 1), это было уже завѣщаніе не пропагандистовъ-народниковъ, а членовъ «русской революціонной партіи», которые лишь мимоходомъ упоминали о томъ, что она—партія «соціально-революціонная»—это былъ уже трюизмъ—но напирали на ея боевыя задачи, на то, что они, осужденные, остаются «врагами дѣйствующей въ Россіи системы, составляющей несчастіе и позоръ нашей родины» и завѣщаютъ „товарищамъ по убѣжденію идти съ прежней энергіей и съ удвоенною бодростью къ той же святой цѣли“.

Эпоха перехода отъ процесса 50-ти къ процессу 193-хъ сохраняетъ такой же переломъ въ задачахъ русскихъ революціонеровъ, какой выстрѣлъ Вѣры Засуличъ составлялъ въ формахъ борьбы съ правительствомъ. Наступательная боевая тактика смѣняетъ тактику подготовленія соціальной революціи путемъ пропаганды въ

нѣродѣ. Народничество измѣняетъ характеръ, становится уже не столько вызовомъ народа къ самостоятельной революціонной дѣятельности, въ которой интеллигенція являлась лишь пособницею, возбуждающимъ и уясняющимъ элементомъ, сколько борьбою интеллигенціи за народъ противъ правительства, какъ основного препятствія плодотворному развитію въ Россіи усвоенныхъ уже передовою интеллигенціею соціалистическихъ принциповъ.

6. Переходъ къ другой эпохѣ.

Этотъ переходъ совершился, конечно, не разомъ, но подготовлялся рядомъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ предшествовавшую эпоху и обнаруживавшихъ слабыя стороны революціоннаго движенія въ послѣдней. Самымъ наглядным недостаткомъ его была, съ одной стороны, вражда фракцій, въ особенности, въ ихъ литературной полемикѣ заграницей, въ то время, какъ, съ другой, необходимость дѣйствовать въ Россіи сообща противъ общаго врага неизбѣжно сближали ихъ: для бунтарей и для якобинцевъ оказывалось все болѣе небходимымъ, при дѣйствіи въ народѣ, пускать въ ходъ орудіе пропаганды, а не бунтарской агитаціи, какъ слѣдовало бы по плану ихъ тактики; тогда какъ пропагандисты принуждены были сознавать, что ихъ апостольству соціалистическихъ идей на первыхъ же шагахъ являлись самыми трудно-одолимыми препятствіями полицейскій строй Россійской Имперіи, отсутствіе въ ней самыхъ элементарныхъ гражданскихъ правъ у проповѣдниковъ новаго евангелія и у его слушателей, наконецъ, какъ реальныя, такъ и миѳическія традиціи, созданныя русскимъ абсолютизмомъ.

Полемика между фракціями, какъ мы видѣли, противупоставляла другъ другу три главныя отрасли пропаганды: Соціалистическую проповѣдь подготовленія революціи, преимущественно, экономической, обусловливая политическія задачи исключительно тѣмъ, что было крайне необходимо для этого приготовленія; соціалистическую же проповѣдь непосредственнаго вызова революціи путемъ агитаціи въ народѣ, причемъ предполагалась живая воспріимчивость и развитой интеллигенціи и народа къ принципамъ анархизма въ тогдашнемъ фа-

зисѣ развитія его экономическихъ и политическихъ задачъ, на которыя смотрѣли, какъ на нераздѣльныя; наконецъ, концентрировку пропаганды и агитаціи на политической борьбѣ противъ абсолютизма, относясь болѣе или менѣе платонически или даже равнодушно къ дѣлу соціалистической проповѣди, которая, собственно, и вызывала революціонное движеніе молодежи, хлынувшей въ народъ. Это основное принципіальное противуположеніе фракцій не было далеко таковымъ, чтобы не допускать ихъ сближенія и соглашенія, а, слѣдовательно, и организаціи революціонной партіи, общей для всѣхъ фракцій, нашедшихъ общую почву дѣйствія. Подготовители соціальной революціи должны были на фактахъ увидѣть, что подготовлять приходится интеллигенцію и массы не только къ воспріятію соціалистическихъ идей, но также къ политическому перевороту, такъ какъ данныя для послѣдняго въ значительной мѣрѣ отсутствовали въ традиціяхъ русскаго общества, и этотъ переворотъ, въ своемъ подготовленіи, требовалъ организаціи не только проповѣднической, но и боевой, при этомъ не въ народныхъ массахъ, а въ интелигенціи приходилось искать элементовъ подготовляющей боевой организаціи. Бунтари, надѣявшіеся вызвать немедленную революцію „къ веснѣ“ или „къ осени“, должны были еще скорѣе убѣдиться, что бунты и народныя возстанія, имѣющіе нѣкоторые шансы успѣха, неизбѣжно приходится «подготовлять»; теоретическіе анархисты принуждены были сознаться, что революціонную партію, какъ всѣ прежнія и будущія боевыя партіи міра, слѣдуетъ *организовать*, слѣдовательно, подчинять дисциплинѣ, оставляя на дальнѣйшую эпоху торжества надъ врагами полную самостоятельность группъ въ партіи и убѣжденной личности въ группѣ. Якобинскую иллюзію въ ея наиболѣе чистой формѣ разрушить было труднѣе. Здѣсь именно причина того обстоятельства, что, начиная съ эпохи чисто-народнической пропаганды, черезъ всѣ послѣдующія формы «Земли и Воли», «Народной Воли» и современныхъ попытокъ выработки программъ—новыхъ или старыхъ подновленныхъ—продолжала и продолжаетъ существовать проповѣдь болѣе или менѣе чистаго якобинства. Оно выступало и выступаетъ иногда въ формѣ требованія

прямо устранить соціалистическія задачи; иногда, какъ проповѣдь *временнаго* оставленія ихъ въ сторонѣ; иногда, какъ *скрытая* соціалистическая тактика, выставляющая на видъ лишь политическія задачи, вліяніе якобинизма можно признать и въ теоріи *раздѣленія двухъ моментовъ* революціонной дѣятельности, причемъ *сначала* надо разрушить абсолютизмъ, а *потомъ уже* озаботиться о соціальной революціи. Ничто не мѣшало якобинцамъ послѣднихъ трехъ оттѣнковъ признавать соціалистическіе принципы и становиться подъ соціалистическое знамя.

Итакъ, съ основной, принципіальной точки зрѣнія не было препятствій къ сближенію политическихъ фракцій и къ уступкамъ, которыя могли повести къ общей организаціи. Раздоры въ заграничной литературѣ, а отчасти въ кружкахъ народниковъ-пропагандистовъ, шли преимущественно на почвѣ второстепенныхъ пунктовъ или на почвѣ личнаго раздраженія, и подобные же мотивы легко замѣтить въ полемикѣ двухъ соціалистическихъ фракцій противъ «набатчиковъ».

«Бакунисты» и «впередовцы» въ печати и въ кружкахъ въ Россіи спорили преимущественно о роли знанія въ революціи, причемъ, какъ было сказано выше, споръ былъ вызванъ недоразумѣніемъ. И въ статьяхъ самого Бакунина, и въ наиболѣе обдуманныхъ работахъ его сторонниковъ, можно найти прямыя указанія на пользу или даже на необходимость для русскаго революціонера соціалистическихъ знаній и ознакомленія съ народнымъ бытомъ, съ народными потребностями въ Россіи. Но и «Впередъ!» во всѣхъ изданіяхъ, появлявшихся подъ его фирмою, требовалъ отъ революціонера умственнаго упражненія и знанія лишь въ той мѣрѣ, въ какой это упражненіе и это знаніе могли служить цѣлямъ соціальной революціи. Какъ только въ ряды бунтарей стало проникать сознаніе, что не обойдется безъ нѣкотораго *подготовленія* къ бунту и себя—агитатора—и народа—предмета агитаціи,—такъ вопросъ о пользѣ

знанія и споры, сюда относящіеся, сами-собою заглохли.

Но въ этотъ періодъ, о которомъ идетъ преимущественно рѣчь въ этой статьѣ, именно этотъ пунктъ вызвалъ самые оживленныя и ожесточенныя пренія. Объ этомъ спорили въ билліардной залѣ въ Цюрихѣ, на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ, въ Кіевской коммунѣ. Редакціи «Впередъ!» пришлось посвятить этому двѣ большія статьи (I, 217—246 и III, 153—187) въ періодическомъ его изданіи и нѣсколько разъ возвращаться къ тому-же вопросу въ двухнедѣльной газетѣ (наприм. въ № 14: «Соціалистическая и буржуазная наука» стр. 417 и слѣд.). «Впередъ!» выражался весьма опредѣленно объ ученыхъ индифферентистахъ («Вп.» I, 241):

«Это, дѣйствительно, съ точки зрѣнія нравственности люди далеко не передовые, потому что какой же человѣкъ, нравственно развитой, способенъ работать въ своей лабораторіи, когда его соотечественники рѣжутся на улицахъ въ безконечномъ рядѣ переворотовъ, ни одинъ изъ которыхъ не можетъ выработать прочнаго общественнаго строя?»

Въ средѣ-же революціонной молодежи было распространено мнѣніе,

„что въ самомъ пріобрѣтеніи знаній заключается нѣчто развращающее, что русская молодежь можетъ увлечься наслажденіемъ этого умственнаго пира, въ кабинетномъ эгоистическомъ наслажденіи ученыхъ спеціалистовъ забыть о своемъ долгѣ идти на помощь народу, забыть о практической сторонѣ дѣятельности, для которой она обратилась къ знанію; путь къ революціи чрезъ обширную область знанія можетъ сдѣлаться въ глазахъ ея самъ для себя цѣлью, и вмѣсто поколѣнія революціонеровъ мы получимъ поколѣніе филистеровъ, книгоѣдовъ, для которыхъ познаніе будетъ само по себѣ идеаломъ, ученый диспутъ будетъ самой интересной битвой, замѣненіе одной книжной теоріи другою—самой прогрессивной революціей».

И вотъ, въ редакцію «Впередъ!» приходили письма раздраженныхъ народниковъ. Въ этихъ письмахъ, во имя «фактовъ жизни, реальныхъ потребностей и свойствъ

натуры нашего юношества», во имя того, что «современное знаніе» есть монополизированная сила, «статьи редакціи по этому предмету признавались прямо вредными». Въ этихъ письмахъ авторы ихъ отказывались не только отъ точки зрѣнія, учившей «накоплять знанія», но и отъ требованій „развивать критическую мысль". Въ нихъ съ отвращеніемъ говорилось, что статьи «Впередъ!» содѣйствуютъ тому, что въ русской молодежи «началъ слагаться идеалъ вполнѣ цивилизованнаго ученаго пропагандиста идей отщепенства» (см. «Письмо изъ Петербурга», «Вп.» III, 147—153). Ходила въ Цюрихѣ легенда, будто на одномъ изъ петербургскихъ собраній молодыхъ соціалистовъ было предложено или даже вотировано сожженіе редакціонной статьи „Знаніе и революція", и будто бы это предложеніе принадлежало одной изъ самыхъ дѣятельныхъ и симпатичныхъ народницъ того времени.

Гораздо существеннѣе приходится признать полемику объ элементѣ государственности, въ которой всѣ три фракціи были заинтересованы, но въ которой роли одной изъ нихъ значительно измѣнились впродолженіи разсматриваемаго здѣсь промежутка времени. «Впередъ!», при своемъ появленіи, почерпнулъ весь свой персоналъ (кромѣ главнаго редактора) изъ рядовъ бывшихъ анархистовъ *) и лишь личные раздоры (доходившіе до voies de fait) этого персонала съ тогдашнимъ персоналомъ руководителей бакунистовъ, война Forst haus'a съ Bremerschlüssel'емъ, дали редакціи возможность съ самаго начала заявить, что она будетъ безпристрастно отдавать отчетъ о фактахъ заграничной борьбы марксистовъ съ бакунистами, и позволили ей провести послѣдовательно эту тактику безпристрастія въ своихъ изданіяхъ. Что касается принципіальныхъ статей, въ нихъ близость точекъ зрѣнія обѣихъ соціалистическихъ фракцій была такова, что многія изъ этихъ статей могли бы быть одинаково удобно приписаны, какъ

*) Мнѣ памятенъ случай, когда въ одномъ разговорѣ въ Цюрихѣ, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ сторонниковъ „Впередъ!" въ Россіи серьезно говорилъ въ присутствіи своихъ товарищей: „мы всѣ анархисты"!

той, такъ и другой *). Внимательный читатель могъ бы лишь замѣтить, что «Впередъ!» съ самаго начала — и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе—напиралъ на важность «организаціи»—слѣдовательно, дисциплины—не вступая, впрочемъ, ни въ какую полемику съ «анархистами» по этому поводу. Однако, самой редакціи «Впередъ!» пришлось сознаться при перемѣнѣ главнаго редактора («Вп.» № 48; 789), что она заслужила «можетъ быть, справедливое обвиненіе» въ томъ, что долго не касалась практическихъ вопросовъ о «политикѣ партій», о «ихъ организаціи» и т. под.; что на это были «свои причины» (именно, это было нежеланіе усилить и подчеркнуть раздоръ между соціалистическими группами по этимъ вопросамъ). Въ Россіи, именно въ кружкахъ наиболѣе близкихъ къ теоріи «подготовленія» революціи путемъ расширенія «Знанія», проявились наиболѣе практическія попытки организаціи. Выше было указано, что кіевскіе «Чайковцы» отличались своею осторожностью въ привлеченіи членовъ; что одесскій кружокъ Волховского изъ всѣхъ кружковъ того періода наиболѣе вырабатывалъ задачу организаціи и въ то же время выказалъ наиболѣе сопротивленія неудержимо-распространявшемуся вліянію «анархистовъ»; что, наконецъ, кружокъ, выставившій личности процесса 50-ти, большинство которыхъ находилось въ Цюрихѣ въ тѣсной связи съ редакціей «Впередъ!», прямо уже поставилъ вопросъ объ организаціи во главѣ практическихъ задачъ своей дѣятельности. Однако, до появленія «Набата» не являлось необходимости уяснить отношенія между требованіями революціонной организаціи и принципіальною точкою исхода «анархизма».

Съ выходомъ брошюры Ткачева «Задачи революціонной пропаганды въ Россіи» и съ появленіемъ «Набата» эта неопредѣленность дѣлалась уже едва-ли дозволи-

*) Въ запискѣ „землевольца“ какъ бы отожествляется раздѣленіе двухъ „теченій“ бакунистовъ и подготовителей съ принципіальнымъ противуположеніемъ „анархіи“ и „государственности“. Но это едва-ли точно, такъ какъ, насколько извѣстно, не только въ литературѣ „впередовцевъ“ принципъ государственности не встрѣчалъ особой защиты, но и личности, наиболѣе вліятельныя въ ихъ группахъ, были всего скорѣе федералисты, а не централисты.

тельною. «Набатъ» самымъ рѣшительнымъ образомъ ставилъ, вмѣстѣ съ преобладаніемъ,—или даже исключительнымъ господствомъ — политическихъ задачъ надъ экономическими, отрицаніе самыхъ началъ анархизма, противуполагая государственные пріемы и особенности революціонной борьбы и революціонныхъ идеаловъ соціалистическимъ принципамъ. Приходилось разобраться въ этой полемикѣ какъ разъ въ ту минуту, когда личное раздраженіе между фракціями, особенно въ лицѣ ихъ представителей въ литературной полемикѣ, достигло своего максимума. Тогда въ брошюрѣ къ «Русской соціально-революціонной молодежи», въ единственномъ выпускѣ тома II неперіодическаго «Впередъ!» («Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ») и въ нѣсколькихъ передовыхъ статьяхъ газеты редакція «Впередъ!» выставила теорію «необходимаго», но все «уменьшающагося минимума» государственной власти въ разныя эпохи, съ «возможностью» для него «дойти до нуля» лишь тогда, когда соціалистическая «солидарность общаго труда въ свободныхъ союзахъ охватитъ все общество». Во имя требованія доведенія до минимума государственнаго элемента въ соціалистическомъ движеніи подвергалась рѣзкой критикѣ теорія «Набата». Эта теоретическая постройка, въ своемъ изложеніи, была въ значительной степени окрашена существовавшимъ раздраженіемъ, на которое было только что указано, и не могла не вызвать недовольства въ разныхъ сферахъ соціализма.

Въ Россіи признаніе «необходимаго, въ каждую данную минуту общественной жизни, минимума государственной власти» вызвало неудовольствіе не только въ рядахъ бакунистовъ, но и во многихъ впередовцахъ, оставшихся въ теоріи при принципахъ анархизма, не смотря на свое признаніе требованій организаціи. Это отчасти повело къ измѣненію редакціи «Впередъ!», а затѣмъ къ сокращенію этого изданія, о чемъ будетъ сказано ниже. Если бы послѣднее продолжало существовать, то чрезъ очень недолгое время эта теорія минимума власти, необходимаго при всякой революціонной организаціи, вѣроятно, нашла бы себѣ поддержку въ фактахъ самого русскаго движенія.

Однако же, въ 1874—76 годахъ раздраженіе «бунтарей» противъ «подготовителей», особенно въ заграничныхъ публикаціяхъ, не имѣло основаній уменьшиться, такъ какъ представители послѣдняго направленія выступили до нѣкоторой степени и агрессивно противъ анархіи. Они не только заявляли въ печати («Вп.» № 48) и въ рѣчахъ передъ судомъ («Вп.» V, 151) необходимость «организаціи революціонныхъ силъ», высказываясь не за «подрывъ государства» и не за «анархію», а за «обезпеченіе лучшаго общественнаго строя» и за «гармонію и порядокъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ». Они, въ тоже самое время, указывали («Вп.» IV, 15), что изъ рядовъ бакунистовъ вырабатывались параллельно и политическая программа «альянсистовъ», пытавшихся «организовать самую энергическую власть въ средѣ современнаго соціализма», и самыя крайнія анархическія секціи Швейцаріи и Бельгіи, при чемъ послѣднія, при формулировкѣ своихъ задачъ тѣмъ не менѣе не могли не внести «элементъ обязывающей и принудительной власти въ построеніе будущаго общества» и даже прямо высказывались:

«Рабочіе,.... государство должно принадлежать намъ»,

Можетъ быть, наиболѣе раздражительнымъ поступкомъ въ этомъ отношеніи была весьма нетактичная формулировка извѣщенія о смерти Бакунина («Вп.» № 36; 402), въ которомъ было сказано между прочимъ:

«онъ слишкомъ часто былъ окруженъ людьми, его недостойными и компрометировавшими его своею близостью».

Эта неосторожность, вызванная раздраженіемъ полемики той эпохи, имѣла бы, вѣроятно, гораздо болѣе вредное вліяніе, если бы въ іюлѣ 1876 года, когда появились эти строки, положеніе дѣлъ въ Россіи было то же, что въ 1874 г. Тогда значеніе заграничной русской революціонной литературы было уже по тому велико, что пропаганда помощью печатныхъ листковъ была однимъ изъ самыхъ распространенныхъ пріемовъ революціонной дѣятельности, слѣдовательно, и на всѣ частности ея проявленія обращали большее вниманіе, въ особенности

вслѣдствіе борьбы фракцій. Но въ 1876 году упомянутое значеніе быстро ослабѣло вслѣдствіе измѣняющагося характера движенія въ Россіи. И спеціально народническая пропаганда съ цѣлью народнаго возстанія, какъ единственной формы переворота, и анархизмъ самостоятельныхъ группъ отжили свое время, а потому и вопросъ о характерѣ той или другой фракціи не вызывалъ уже особеннаго вниманія.

Еще раздражительнѣе была полемика пропагандистовъ соціальныхъ идей съ представителями якобинизма, для которыхъ эти идеи были весьма второстепеннымъ дѣломъ, если даже не ненужною роскошью въ Россіи.

Въ отвѣтной брошюрѣ Ткачеву редактора «Впередъ!» заключались очень рѣзкія нападки на личность представителя якобинизма («Р. мол.», 6); на его сочувствіе «диктатурѣ» (41), хотя бы революціонной; на его стремленіе возбудить «животныя страсти» устроителей царства справедливости (см. «Р. мол.» 44 и выше стр. 153); на его систематическое распредѣленіе въ революціонномъ дѣлѣ ролей между «заговорщиками, агитаторами и пропагандистами». Этому противуполагалось указаніе на неизбѣжную связь «пропаганды, агитаціи и организаціи» въ этомъ дѣлѣ и на важность въ настоящую эпоху для революціи соціалистическихъ принциповъ, которые одни внесли опредѣленность въ революціонныя задачи («Р. мол.», 32, 37 и 53).

Съ другой стороны, «Набатъ» признавалъ («Оп.» 65) «подготовителей» или, по его выраженію, «теоретиковъ выжиданія» болѣе вредными, чѣмъ «сознательныхъ реакціонеровъ». Однако, позже «Набатъ» настаивалъ не только на возможности, но даже на необходимости «набатчикамъ» и «соціалистамъ» войти въ общую революціонную организацію («Организація соціально-революціонной партіи» въ «Оп.» 88 и слѣд.).

Когда появился въ 1876 г. «Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ», носившій на себѣ слѣды имѣвшагося настроенія въ революціонной молодежи въ Россіи, «Набатъ» подвергъ его (номера 1876 и 1877 годовъ) строгой критикѣ, съ насмѣшкой подчеркнулъ

разницу, обнаруженную во «Впередъ!» за два протекшіе года, намекая на то, что будто точка зрѣнія «Набата» восторжествовала и у его противниковъ (особенно см. примѣч. въ концѣ № 1—2 за 1877 г.). Дѣло было въ томъ, что соціалистическое движеніе, какъ въ Россіи, такъ и за-границей для своего торжества требовало новыхъ, еще не пройденныхъ фазисовъ «подготовленія» (т. е. того самаго принципа, за который особенно стояла редакція «Впередъ!». Въ Россіи успѣхъ соціалистической проповѣди приходилось подготовлять отвоеваніемъ ей юридической свободы; за границей рабочее государство безъ территоріи нуждалось въ подготовленіи укрѣпленіемъ національной организаціи соціалистовъ въ разныхъ странахъ *).

*) Соціалистическое движеніе въ Россіи, какъ въ Европѣ, подвергаясь эволюціи подъ вліяніемъ событій, принуждало къ сдѣлкамъ съ реальными явленіями, иногда вносившимъ модификаціи и въ принципіальныя, повидимому, положенія. Въ этомъ отношеніи строгіе критики направленія „Впередъ!“ могли-бы сдѣлать его редакціи болѣе важный на первый взглядъ укоръ, опираясь на ходъ исторіи соціализма въ послѣдующіе годы. „Впередъ!“ видѣлъ въ международномъ рабочемъ государствѣ безъ территоріи соціалистическій идеалъ Интернаціонала и потому относилъ къ *отклоненіямъ* отъ этого идеала, какъ образованіе *національныхъ* соціалистическихъ партій, стремящихся овладѣть законодательною властью въ *существующихъ* политическихъ организмахъ, такъ и борьбу соціалистовъ въ союзѣ съ буржуазными радикалами, въ одномъ случаѣ, за всеобщее право голосованія, въ другомъ—за національное обособленіе и т. под. именно во „Впередъ!“ можно было прочесть слѣдующее („Вп.“ IV, 2):

„Международная Ассоціація рабочихъ должна была быть... государствомъ особаго рода, именно *государствомъ безъ территоріи*, съ центральною властью Генеральнаго совѣта, съ развѣтвленіями, ему подчиненными, въ федеральныхъ совѣтахъ, въ мѣстныхъ совѣтахъ, въ центральныхъ органахъ союзовъ однородныхъ ремеслъ, распространенныхъ на разныя страны, наконецъ, въ элементарныхъ соціальныхъ клѣточкахъ новаго строя, въ секціяхъ. Этой грандіозной идеѣ всемірнаго политическаго союза пролетаріата съ крѣпкою организаціей явилась оппозиція съ разныхъ сторонъ.

„Во первыхъ, частью извнѣ Интернаціонала, частью внутри его, дѣятельно пропагандировалась идея всенароднаго законодательства для всенародныхъ цѣлей въ предѣлахъ *существующихъ* политическихъ національностей, на почвѣ *существующей* государственности; это вело къ образованію различныхъ рабочихъ

Насколько въ этомъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ историческихъ условіяхъ первую роль играла задача о надлежащемъ подготовленіи къ историческому дѣлу, настолько и въ русскомъ движеніи все очевиднѣе и настоятельнѣе становился вопросъ о подготовленіи въ Россіи соціальнаго переворота, во-первыхъ, путемъ усвоенія участниками движенія знанія и пониманія условій дѣятельности въ Россіи, во-вторыхъ, путемъ организаціи революціонной партіи. Всѣ остальныя ошибки и уступки случайнымъ обстоятельствамъ, увлеченія раздорами и т. под. теряли важность передъ *этою* задачею; вредными явленіями были особенно тѣ, которыя мѣшали ея удачному рѣшенію.

Вслѣдствіе этого, въ эту переходную эпоху приходится обратить вниманіе на двѣ группы явленій, изъ которыхъ одни, при данныхъ условіяхъ, можно признать нормальными и здоровыми симптомами кризиса, пережитаго около 1875 — 78 гг. русской соціалистической интеллигенціей; другіе же приходится отмѣтить, какъ патологическія.

Къ первой группѣ прежде всего можно отнести ука-

партій въ нынѣшнихъ государствахъ, партій, изъ которыхъ однѣ—въ государствахъ съ болѣе демократической конституціей (какъ въ Америкѣ, въ Швейцаріи и во Франціи) прямо стремились захватить законодательство *нынѣшнихъ* государствъ въ свои руки, отодвигая на второй планъ „рабочее государство безъ территоріи"; другія—въ государствѣ, гдѣ не существовало всеобщаго права голосованія, употребляли всѣ свои силы на политическую агитацію для полученія этого права, опять таки отодвигая на второй планъ агитацію въ пользу международнаго союза пролетаріата для повсемѣстной борьбы противъ его враговъ соединенными силами".

Но въ этомъ случаѣ редакція „Впередъ!" какъ-бы оказалась неправою, не угадавъ ближайшей будущей исторіи. То, что она признавала „отклоненіемъ", сдѣлалось, въ дѣйствительности, нормальнымъ явленіемъ. Съ той эпохи, когда генеральный совѣтъ Интернаціонала, перенесенный въ 1872 г. въ Сѣв. Америку, закрылъ 1876 г. свои засѣданія (см. „Вп." № 48; 811 и слѣд.), и до самаго послѣдняго времени—задачею организованныхъ рабочихъ всѣхъ странъ сдѣлалась самостоятельная національная организація ихъ въ каждой странѣ, на основаніи той самой программы, которую выставилъ Генеральный Совѣтъ Интернаціонала при его основаніи, и достиженіе политическаго господства въ каждой странѣ.

занное уже мимоходомъ выше сближеніе группъ различныхъ программъ и уменьшеніе раздраженія въ ихъ отношеніяхъ между собою. Такъ, въ концѣ 1876 года въ одной изъ корреспонденцій, полученныхъ изъ Россіи редакціей «Впередъ!» было сказано («Вп.» № 48; 793):

„Въ средѣ искреннихъ революціонеровъ въ настоящее время становится все меньше, какъ мирныхъ пропагандистовъ, мечтающихъ о безкровной революціонной революціи, такъ и чистокровныхъ бунтовщиковъ, разсматривающихъ революціонное дѣло съ точки зрѣнія одного кулачнаго права. Не существуетъ какой-нибудь демаркаціонной линіи между этими фракціями и той сектаторской исключительности, какова была два-три года тому назадъ. Каждая группа, считая свою дѣятель-

---

Съ перваго взгляда, дѣйствительно, можно бы признать это историческое явленіе противоположнымъ идеалу, выставленному во „Впередъ!“ Однако, можетъ быть, дозволительно сказать, что въ этомъ случаѣ обнаружилась въ самой ошибкѣ писавшаго предыдущія строки необходимость лишь строже и шире приложить въ данномъ случаѣ тотъ самый принципъ „подготовленія“ всякаго крупнаго общественнаго переворота, который былъ выставленъ на первое мѣсто изданіемъ, о которомъ идетъ рѣчь. Классовое сознаніе рабочихъ разныхъ странъ въ 1864—74 гг. и условія ихъ организаціи были достаточно развиты, чтобы выработать *идею* „государства безъ территоріи“, охватывающаго трудящееся населеніе всего цивилизованнаго міра, и чтобы намѣтить его раціональныя формы. Но это самое сознаніе и эта самая организація не доросли еще до того, чтобы обойтись безъ нѣкоторыхъ „подготовляющихъ“ процессовъ, необходимо было скрѣпить союзъ рабочихъ на почвѣ національной культуры; необходимо было упражнять ихъ въ солидарной дѣятельности на почвѣ мѣстныхъ политическихъ вопросовъ, избирательной борьбы и т. под. „Рабочее государство безъ территоріи“ осталось международнымъ идеаломъ рабочаго соціализма; этотъ идеалъ, скрѣпленный основными статутами союзовъ рабочихъ всѣхъ странъ, выступалъ въ большей части случаевъ, какъ регуляторъ при національныхъ или чисто политическихъ увлеченіяхъ; но надлежащее осуществленіе этого идеала въ жизни требовало еще приготовленія, которому и посвящали свою дѣятельность руководители движенія, начиная съ 1876 г., постоянно возставая на международныхъ конгрессахъ (напр. на парижскомъ 1889 г.) противъ возобновленія стараго Интернаціонала 1864—76 годовъ; противъ этого возобновленія возставали не по принципу, а по недостаточной „подготовкѣ“ національныхъ рабочихъ организацій и юридическихъ условій въ разныхъ государствахъ, для его осуществленія въ жизни.

ность наиболѣе цѣлесообразной, признаетъ въ то же время большее или меньшее значеніе и за дѣятельностью и другихъ группъ. По крайней мѣрѣ, уже весьма рѣдко партіозность въ революціонной средѣ доходитъ до такой степени, чтобы цѣлая фракція считала другую фракцію безусловно враждебной себѣ и чтобы ничего не могло быть между ними общаго; напротивъ того, дѣлая взаимныя услуги, онѣ стараются организоваться на началахъ солидарности, устраивая общія учрежденія и вообще стараясь имѣть возможно больше точекъ соприкосновенія".

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ изъ другихъ источниковъ, въ Россіи происходило въ это время не сближеніе партій, а просто исчезновеніе старыхъ группъ, которыя сами собою ослабѣвали и распадались, потому что на очереди были другія задачи.

Во всякомъ случаѣ, къ попыткамъ сближенія, значеніе которыхъ теперь оцѣнить уже довольно трудно, приходится отнести слѣдующіе факты, лично извѣстные пишущему это.—Весною 1875 г. въ Лондонъ явился одинъ изъ самыхъ крупныхъ и искусныхъ организаторовъ тѣхъ «чайковцевъ» и другихъ изъ нихъ развившихсъ группъ, которые всего далѣе до тѣхъ поръ держались отъ „подготовленія". Онъ привезъ планъ общей дѣятельности съ „впередовцами", какъ этихъ группъ, такъ и новаго кружка «московокъ» (будущаго процесса 50), уже гораздо болѣе близкихъ къ „впередовцамъ". Этотъ планъ былъ принятъ съ большимъ сочувствіемъ, былъ обсуждаемъ и установленъ въ подробностяхъ самымъ пріятельскимъ образомъ. Зная уваженіе и вниманіе, которымъ пользовалось это лицо въ Россіи, редакція «Впередъ!» была увѣрена, что для возможности общей федеративной дѣятельности съ раздѣленіемъ труда между группами представлялась прочная почва и прощалась съ посѣтителемъ съ полными надеждами. Однако, эти надежды не оправдались. Въ Россіи, въ кружкахъ, предлагавшихъ сторонникамъ «Впередъ!» общій планъ дѣйствія, оказались элементы, оппозиціонные этому союзу или склонные исказить его характеръ, и всякая дальнѣйшая работа въ этомъ направленіи прекратилась.— Едва ли стоитъ упоминать о другой мимолетной попыткѣ

подобнаго рода, попыткѣ, имѣвшей почти комическій характеръ, именно о пріѣздѣ въ ту-же лондонскую редакцію лица, выдававшаго себя за представителя якобинцевъ въ Россіи. Онъ предлагалъ устроить заграницею съѣздъ представителей всѣхъ революціонныхъ русскихъ группъ и принять на этомъ съѣздѣ (*эмигрантовъ въ большинствѣ случаевъ*) рѣшенія относительно революціонной тактики, которыя были бы *обязательными* для всѣхъ группъ въ Россіи. Внѣ этого плана онъ обращался къ сторонникамъ «Впередъ!» съ просьбою, по крайней мѣрѣ, «не мѣшать» имъ, русскимъ якобинцамъ, дѣйствовать по своему въ Россіи, гдѣ, утверждалъ онъ, ихъ находится до 100000. Само собою разумѣется, что планъ диктатуры съѣзда *эмигрантовъ* для революціонной тактики *въ Россіи* былъ отвергнутъ даже безъ серьезнаго обсужденія *). Относительно же второго пункта редакція отвѣтила, что если «якобинцевъ» въ Россіи такъ много, то «соціалисты подготовители» имъ нисколько мѣшать не въ состояніи, такъ какъ сторонниковъ этой программы гораздо менѣе **).

Подобное этимъ попыткамъ сближенія явленіе представляло и уменьшеніе рѣзкости въ полемикѣ. Примѣры тому представляетъ полемика редакціи «Впередъ!» съ нѣкоторыми ея корреспондентами. Такъ, одинъ изъ нихъ видѣлъ важное препятствіе для тактики «пропагандистовъ-подготовителей» въ томъ обстоятельствѣ, что русскій народъ проникнутъ будто бы «монархическимъ міросозерцаніемъ» («Вп.» № 31: „Къ вопросу объ условіяхъ революціи въ Россіи“ и передовая статья: „Народное міросозерцаніе и соціальная революція“), а другой склонялся къ якобинскимъ взглядамъ и слишкомъ рѣзко противупоставлялъ революціонно-педагогическую роль интеллигенціи болѣе пассивной роли народа («Вп.»

*) Редакціи „Впередъ“ пришлось тѣмъ не менѣе разбирать и опровергать подобный же проектъ, предложенный однимъ изъ ея корреспондетовъ (см. „Вп.“ № 34, 316 и слѣд., 337).

**) Этотъ посѣтитель съ оригинальными предложеніями и просьбами—то самое лицо, о которомъ говорилось выше въ примѣчаніи.

№ 84: «Насущные практическіе вопросы» и передовая статья: «Роль народа и роль интеллигенціи»).

Трудно также не признать стремленія къ сближенію между направленіями разныхъ фракцій въ литературѣ той группы, которая издала „Сытые и Голодные“, «Работникъ» и «Общину» *).

Этотъ періодъ болѣе спокойнаго отношенія къ раздражающимъ и аффективнымъ элементамъ движенія и большей критики пріемовъ, передъ этимъ употреблявшихся, представлялся большинству наблюдателей, какъ эпоха «затишья», о которой новая редакція „Впередъ!“ говорила въ 1877 г. (см. «Вп.» V, 129 и слѣд.):

«Вслѣдъ за лихорадочною дѣятельностью, охватившей съ 1873 года русскую революціонную молодежь, въ теченіи нынѣшняго 1877 года наступило внѣшнее затишье. Кипучая заграничная литература, еще недавно насчитывавшая по нѣскольку одновременно выходящихъ въ Лондонѣ и Швейцаріи органовъ и выпускавшая въ свѣтъ десятки тысячъ книгъ, брошюръ, памфлетовъ и др., теперь почти замерла. Внутри Россіи тоже замѣчается нѣкоторое внѣшнее спокойствіе. Не слышно теперь о массовыхъ движеніяхъ университетской молодежи «въ народъ», въ родѣ того движенія, которое столь неожиданно поразило русское общество въ лѣто 1874 г., когда сотни, если не тысячи молодыхъ людей и женщинъ вдругъ побросали профессорскія схоластическія тетрадки, покинули усыпляющія аудиторіи и, запасшись только что вышедшими революціонными книжками, направились на пропаганду соціальной революціи въ деревни и на фабрики. Затихли среди этой молодежи прежніе горячіе споры о „знаніи“, о «пропагандѣ и агитаціи», о „необходимости превращенія въ простого рабочаго“, о «федеративной и централистической организаціи» и пр. Пріумолкли толки соннаго провинціальнаго общества о многочисленныхъ арестахъ въ средѣ университетской молодежи и въ средѣ рабочихъ. Ослабѣло, если не пріі-

*) Особенно на статьи Аксельрода и Стефановича въ «Общинѣ» (№ 8—9) было указано въ главѣ 4.

остановилось, дикое и безтактное „избіеніе младенцевъ“—преслѣдованіе гимназистовъ и гимназистокъ, и, если и теперь продолжаются прежнія преслѣдованія соціалистовъ и аресты за какую-нибудь книжку, то, ни по количеству задерживаемыхъ лицъ, ни по серьезности обвиненій противъ нихъ, ни по огульности этихъ внутреннихъ забалканскихъ походовъ, эти аресты не могутъ идти въ сравненіе съ прежде бывшими“.

Но въ эпоху этого «затишья» шла болѣе обдуманная организаціонная работа. Это было время, когда А. Дм. Михайловъ, по свидѣтельству его автобіографическихъ замѣтокъ („На Р. № 3; 16 и слѣд.), возвратившись лѣтомъ 1876 г. въ Петербургъ «уже соціалистомъ-революціонеромъ», входилъ въ организацію новаго кружка, о которомъ онъ (тамъ-же) говоритъ:

„Въ теоріи выдвигалось новое народническое направленіе, чрезвычайно мнѣ сочувственное, на практикѣ строилась организація, соотвѣтствовавшая моимъ мечтамъ... Всѣ мои помыслы были сосредоточены на расширеніи практической выработки и развитія организаціи...“

Приходилось вести «самую упорную *борьбу* противъ широкой русской натуры», переносить не мало непріятностей и насмѣшекъ.

«Но все таки, въ концѣ концовъ, сама практика заставила признать громадную важность для дѣла нашихъ указаній, казавшихся иногда мелкими. Мы также упорно боролись за принципы полной кружковой обязательности, дисциплины и нѣкоторой централизованности. Это теперь всѣми признанныя истины, но тогда за это въ своемъ же кружкѣ могли глаза выцарапать, клеймить якобинцами, генералами, диктаторами и проч. И опять таки сама жизнь поддержала насъ—эти принципы восторжествовали...

«Въ 1877 году весной почти весь кружокъ народниковъ, мѣстнымъ своимъ составомъ вмѣстѣ съ десятками связанныхъ съ ними людей, двинулся въ народъ, такъ какъ тамъ, въ организаціи народныхъ вожаковъ и мѣстныхъ экономическихъ протестовъ были всѣ его надежды. Въ Самарѣ, Саратовѣ, Царицынѣ, Астрахани, на Уралѣ, въ Ростовѣ, на Ку-

бани, вообще на юго-восточныхъ окраинахъ образовался рядъ поселеній; но центръ былъ Саратовъ».

Это были тѣ «троглодиты», изъ которыхъ выросли двѣ послѣдовательныя организаціи, игравшія уже историческую роль, какъ таковыя, именно организація «Земли и Воли» *) и затѣмъ «Народной Воли».

Среди этихъ же народниковъ-троглодитовъ, поставившихъ себѣ главною задачею правильную организацію умѣлыхъ и сдержанныхъ конспираторовъ въ средѣ народа, выработались и личности, способныя дать этой организаціи необходимое орудіе для непосредственнаго дѣйствія на русское общество: типографію, способную просуществовать нѣкоторое время въ самой Россіи на зло полиціи и отзываться на всѣ вопросы дня немедленно печатнымъ словомъ. Авторъ «Подпольной Россіи» пишетъ объ этомъ («Подп. Р.» 127 и слѣд.):

«Потребность въ мѣстной подпольной печати, которая бы могла немедленно отвѣчать на всякія злобы дня, дѣлалась все болѣе и болѣе настоятельной... Но, казалось, какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ попытками этого рода: всѣ онѣ оказывались крайне недолговѣчными... Послѣ многочисленныхъ попытокъ, терпѣвшихъ одна за другой жестокую неудачу, устройство тайной типографіи всѣми было признано дѣломъ не только труднымъ, но прямо невозможнымъ, праздной мечтой, ведущей лишь къ безцѣльной тратѣ денегъ и гибели лучшихъ силъ. Мысль о тайной типографіи была отброшена окончательно. Люди «серьезные» просто не хотѣли больше объ этомъ слушать.

«Нашелся, однако, мечтатель, фантазеръ, который ни за что не соглашался признать непреложность общепринятаго мнѣнія и съ жаромъ доказывалъ, что даже въ самомъ Петербургѣ можно устроить типографію, и что онъ ее устроитъ, если только его снабдятъ необходимыми средствами.

«Мечтателя этого звали Ааропомъ Зунделевичемъ... Послѣ многихъ усилій Зунделевичу удалось побороть

*) Для этого см. въ предыдущей книжкѣ: Е. Серебряковъ: „Общество Земля и Воля“.—О „пропагандистахъ“. см. Alph Thun: Geschichte der Revolitionären Bewegung in Russland“ (1883 г.), 121 и слѣд.

недовѣріе товарищей и получить на свою затѣю около 4000 рублей. Съ этими деньгами онъ отправился заграницу, закупилъ тамъ и доставилъ въ Петербургъ все необходимое, и, наконецъ, выучившись набирать самъ и преподавъ это искусство еще четыремъ изъ своихъ друзей, онъ устроилъ съ ними въ 1877 г. въ Петербургѣ тайную типографію, первую, которая была достойна этого имени, такъ какъ она правильно работала и выпускала въ свѣтъ довольно порядочныя брошюрки, а впослѣдствіи и газету.

«Планъ Зунделевича былъ такъ простъ, естественъ и уменъ, что цѣлыхъ четыре года, несмотря на упорнѣйшіе розыски, полиція не могла напасть на слѣдъ типографіи, которая была открыта, благодаря глупой случайности».

На этой правильно-организованной почвѣ положено было основаніе новому фазису движенія, въ которомъ сдѣлался возможенъ, наконецъ, и *центральный органъ* для русскаго революціоннаго дѣла, а бывшіе партизаны бакунизма, связанные лишь общимъ энтузіазмомъ, обратились въ *революціонную армію*, которая, даже при своей малочисленности, оказалась способною временно сыграть крупную историческую роль въ русскомъ обществѣ.

Элементъ народническій въ этомъ новомъ фазисѣ движенія былъ наслѣдствомъ предыдущей эпохи, хотя идея народничества въ средѣ революціонеровъ и получила нѣкоторое видоизмѣненіе. Боевой характеръ новой организаціи былъ элементомъ болѣе новымъ. Однако, въ отдѣльныхъ явленіяхъ можно было уже замѣтить его подготовленіе.

«Бунтари» и «вспышкопускатели» разсмотрѣннаго здѣсь періода проповѣдывали боевой характеръ движенія уже съ самаго начала, но на дѣлѣ всѣ они фатально дѣлались болѣе или менѣе мирными пропагандистами, такъ какъ общее теченіе было въ пользу борьбы идейной, а не фактической. Выше было указано (гл. 5), какъ начали проявляться болѣе рѣзкія столкновенія въ формѣ демонстрацій, вооруженнаго сопроти-

вленія, казни шпіоновъ. Росли опасности. Росла́ жестокость преслѣдованій. Росло и раздраженіе.

Оно стало проявляться и въ органахъ мирнаго пропагандизма и разсчитаннаго подготовленія. Уже въ 1874 году въ нѣкоторыхъ корреспонденціяхъ во «Впередъ!» высказывалась („Вп." III А, 296)

„злоба, злоба, разсчитанная злоба противъ этихъ душителей".

Когда въ концѣ 1876 г. одною изъ причинъ перемѣны состава редакціи было расхожденіе во взглядахъ относительно болѣе «боевого» характера, который совѣтовалъ придать изданію старый редакторъ, тѣмъ не менѣе, то же новое общее теченіе диктовало въ послѣднемъ томѣ неперіодическаго «Впередъ!» слѣдующія слова («Вп.» V, 175 и слѣд.):

«Не мѣсто здѣсь распространяться о томъ, кто явится исполнителемъ грознаго историческаго приговора, кто возсядетъ на тронъ развѣнчанныхъ цезарей, какіе новые кумиры воздвигнутся на мѣстѣ поверженныхъ. Но, пока историческій приговоръ совершится, доживающіе свои дни рыцари печальнаго прошлаго продолжаютъ свое пиршество. И на внѣшнихъ, и на внутреннихъ поляхъ битвъ жертвы падаютъ все въ большемъ и большемъ числѣ. Эти жертвы громко вопіютъ о мщеніи, о мщеніи за ихъ поруганную честь, за ихъ пролитую кровь, за ихъ погубленную жизнь. Присоединяя свой слабый голосъ къ этому торжественному призыву, мы заклинаемъ васъ, товарищи, крѣпче сжать въ негодующей рукѣ мечъ карающій.

„Да, товарищи, мы не только считаемъ себя въ правѣ, но и признаемъ себя обязанными призывать васъ къ мщенію, къ безпощадному мщенію за проливаемую кровь народа, за проливаемую кровь нашихъ товарищей".

Конечно, редакторы послѣдняго тома „Впередъ!" звали не на «личную месть". Но они, во первыхъ, вполнѣ признавали

„священнымъ право самозащиты. · „Давленію отвѣчаетъ отпоръ;" насилію противупоставляютъ насиліе. Единственнымъ критеріемъ тутъ можетъ быть не принципъ, а цѣлесообразность дѣйствія".

Во вторыхъ, они характеризовали, какъ „болѣе радикальную мысль," созданіе „русской рабочей соціалистической партіи" и кончили статью „Къ злобѣ дня" словами:

„Работайте же надъ созданіемъ этой партіи, этой силы! Расширяйте и укрѣпляйте, создавъ ее! Мстите, мстите, достойно мстите за народъ, за павшихъ, за свои страданія! И помните—нѣтъ мести радикальнѣе той, на которую мы зовемъ васъ".

Это было послѣдовательно, но разницею этого настроенія отъ того, съ которымъ „строители царства справедливости" обращались за-границею къ читателямъ листковъ 1873 г., а въ Россіи несли въ народъ евангеліе соціализма, можно было измѣрить измѣненіе, внесенное въ русское революціонное движеніе событіями.

Русскіе революціонеры переживали кризисъ въ своемъ развитіи, и подобные кризисы едва-ли возможны безъ патологическихъ явленій. Они имѣли и должны были имѣть мѣсто при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ происходило русское революціонное движеніе. Разбору возможныхъ и нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ патологическихъ явленій этого періода „Впередъ" посвятилъ въ сентябрѣ 1876 года спеціальную статью („Вп." № 41: „Патологическія явленія"). Указывая на общественную эпидемію капиталистическаго общества, въ этой статьѣ говорилось далѣе:

„Но здоровы ли всѣ тѣ, которые оставили или могутъ оставить центры заразы? всѣ тѣ, которые собираются хоронить старый міръ? Они выросли подъ вліяніемъ эпидеміи; они дышали зачумленнымъ воздухомъ; они съ дѣтства жили среди больныхъ и умирающихъ. Имъ приходится быть внимательными, такъ какъ отъ ихъ здоровья зависитъ въ значительной степени здоровье общества, которое они собираются строить. Если они внесутъ въ него съ собою элементы неизлѣчимой болѣзни, они рискуютъ будущностью нѣсколькихъ поколѣній. Если они пойдутъ на свою трудную работу постройки новаго, здороваго общежитія, проникнутые вліяніемъ общественной эпидеміи, они падутъ въ безсиліи при

началѣ работы и деморализуютъ своихъ товарищей. Имъ приходится смотрѣть другъ за другомъ; имъ приходится указывать другъ другу симптомы болѣзни, въ нихъ самихъ гнѣздящейся".

Затѣмъ говорилось о людяхъ,

„которые дорабатывались до отвращенія къ существующему порядку вещей, но для которыхъ тотъ личный или общественный идеалъ, во имя котораго проснулось это отвращеніе, остался въ области «безсознательнаго»: они не выносятъ жизни, какъ она есть, но подъ этимъ отрицаніемъ не въ состояніи разглядѣть положительной подкладки: они мучатся своимъ скептицизмомъ, пустотою своей жизни, безысходностью въ своей дѣятельности, не сознавая, насколько самыя мученія ихъ доказываютъ, что они оставили далеко за собою настоящій, заправскій скептицизмъ, которому не изъ-за чего мучиться; насколько чувство пустоты жизни есть фазисъ развитія мысли, который при здоровой натурѣ долженъ привести къ наполненію жизни опредѣленными цѣлями, насколько сознаніе безысходности въ дѣйствительности есть первая необходимая посылка для отысканія исхода».

Говорилось и о другихъ, въ которыхъ уже

«проснулась рѣшимость бороться съ существующимъ зломъ. Они даже болѣе или менѣе ясно поняли, что на нихъ лежитъ нравственная обязанность этой борьбы во имя ихъ личнаго развитія. Но они вынесли изъ стараго міра слишкомъ много привычекъ мысли и привычекъ жизни. Они не могутъ оторваться отъ идоловъ, которымъ не можетъ быть мѣста въ храмѣ рабочаго соціализма. И не находя этихъ дорогихъ имъ идоловъ въ храмѣ, куда они поступаютъ для служенія, они не въ состояніи сознать всю глубину и всю ширину началъ рабочаго соціализма, не въ состояніи подчинить свои привычные аффекты и привычныя мысли этимъ началамъ. Они страдаютъ на каждомъ шагу, потому что разочаровываются на каждомъ шагу и не могутъ не разочаровываться. Имъ хотѣлось бы разомъ увидѣть въ полномъ цвѣтѣ общество, устроенное по новымъ началамъ, а его приходится подготовлять съ трудомъ, съ извѣстной степенью медленности, при условіяхъ кропотливыхъ и

некрасивыхъ. Они ждутъ, что истина, едва высказанная, разомъ освѣтитъ міръ и покоритъ людей, а рутина жизни, рутина привычекъ представляетъ упорное препятствіе распространенію истины на каждомъ шагу, и они сознаютъ порою, что и въ нихъ эта рутина сильна. Они мечтали о празднествѣ всеобщаго спокойствія, благополучія и братства, а имъ приходится присутствовать и участвовать въ отчаянной борьбѣ соперничающихъ интересовъ, непримиримыхъ враговъ, и видѣть передъ собой въ будущемъ лишь неизбѣжное, кровавое насиліе. Они думали, что строители новаго міра будутъ всѣ святые и герои, а это оказываются весьма обыкновенные люди со многими мелочными слабостями обыкновенной человѣческой натуры, съ неизгладимыми слѣдами язвъ всеобщаго естественнаго зараженія, они сами въ себѣ сознаютъ подобныя же слабости, подмѣчаютъ подобныяже язвы. Они надѣялись идти въ бой вмѣстѣ со старыми друзьями, въ средѣ симпатичныхъ имъ людей, а неумолимые принципы рабочаго соціализма повелѣваютъ отречься отъ друзей, которые не могутъ идти тою же дорогою, повелѣваютъ признать товарищами по дѣлу, братьями въ бою людей, съ которыми лично у нихъ нѣтъ ничего общаго. И вотъ изъ рядовъ дѣятелей отпадаютъ разочарованные, неспособные идти далѣе по трудному пути, когда ихъ не манитъ иллюзія, имъ дорогая, но которой на этомъ пути нѣтъ мѣста. Вотъ бросаютъ оружіе раздраженные во имя неудовлетвореннаго аффекта, который они не умѣютъ покорить принципу. Вотъ измѣняютъ дѣлу фанатики, для которыхъ не существуетъ перспективы между важнымъ и второстепеннымъ, нѣтъ примиренія съ неудовлетворяющей ихъ дѣйствительностью во имя высшаго принципа, освѣщающаго эту дѣйствительность. Отпадшіе, раздраженные, измѣнившіе, пытаются создать себѣ новые храмы, гдѣ было бы мѣсто дорогимъ имъ идоламъ, но скоро исторія оставляетъ ихъ разбитыми и уединенными въ сторонѣ отъ движенія, позади его, съ ихъ жалкими игрушками, которыя имъ такъ дороги, съ ихъ болѣзненными иллюзіями, осуществленіе которыхъ невозможно. Они находятъ себѣ мѣсто въ палатахъ громаднаго госпиталя, въ который гонитъ всѣхъ окружающихъ господствующее раздраже-

ніе; они валятся въ обширную могилу прошлаго вмѣстѣ съ тѣмъ міромъ, противъ котораго они собирались бороться».

Эти общія соображенія авторъ статьи иллюстрировалъ нѣсколькими явленіями послѣднихъ годовъ. Но политическія явленія этой эпохи и ближайшаго слѣдовавшаго за тѣмъ времени не были исчерпаны этой статьей, хотя многое подходило подъ только что упомянутыя общія категоріи.

Одной изъ формъ патологическихъ явленій были въ эту эпоху (точно такъ-же, какъ не разъ въ послѣдующія) упадокъ духа и безнадежность даже у нѣкоторыхъ очень крупныхъ натуръ, большею частью, въ связи съ болѣзненными состояніями. Такъ, въ 1878 г. черезъ двѣ недѣли послѣ освобожденія отъ долгаго ареста покончилъ съ собою Ан. В. Сердюковъ, по словамъ товарищей, («Община» № 5, 16) подъ вліяніемъ „неудовлетворенной жажды дѣятельности“ (какъ позже было съ Бардиной), но, можетъ быть, эту печальную рѣшимость приходится отчасти приписать и тому упадку духа, который во многихъ случаяхъ обнаружился въ эту эпоху кризиса.

Другимъ патологическимъ явленіемъ было, при ослабленіи раздоровъ между фракціями, появленіе новыхъ раздоровъ внутри прежнихъ фракцій по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Конечно, многіе факты, сюда относившіеся, имѣли мѣсто въ довольно раннія эпохи. Такъ, Тихомировъ еще въ первые годы пропагандистскаго движенія отмѣчаетъ фактъ („Consp. et pol.“ 63):

„Я чувствовалъ, что мы наканунѣ труднаго испытанія. Прежде всего, чѣмъ серьезнѣе и рѣшительнѣе была дѣятельность нашего кружка, тѣмъ болѣе въ немъ возникали раздоры, столкновенія противуположныхъ мнѣній. Могли-ли мы долгое время дѣйствовать вмѣстѣ?“

Точно также позже, въ наилучше организованномъ кружкѣ изъ эпохи до 1875 г., на подобное-же явленіе указываютъ послѣднія страницы сохранившихся воспоминаній Ланганса.

«Къ сожалѣнію, въ средѣ товарищей по организаціи принципіальные раздоры начали принимать очень крупные размѣры. Раздоры эти особенно рѣзко проявились на собраніи... (которое) кончилось заявленіемъ Феликса

Волховскаго *о выходѣ его изъ организаціи* въ виду того, что онъ принципіально расходится со всѣми почти членами во взглядахъ своихъ на организацію... Онъ держался того мнѣнія, что здоровая организація необходимо должна подчинить члена нѣкоторой дисциплинѣ, безъ которой немыслимо преслѣдованіе общаго плана, невозможно разсчитывать на людей и на ихъ дѣятельность, а потому силы каждаго отдѣльнаго члена слабнутъ, уменьшаются неувѣренностью въ товарищахъ по дѣлу и возможностью постоянныхъ перемѣнъ въ общемъ планѣ работы».

Еще далѣе пошелъ разладъ въ группахъ, поддерживавшихъ „Впередъ!“ работою въ редакціи и въ наборнѣ заграницей и распространеніемъ изданій въ Россіи. Члены наборни были недовольны устраненіемъ ихъ отъ обсужденія дѣлъ партіи въ Россіи и пришли къ рѣшенію основать въ Лондонѣ особую группу Лондонскаго общества издателей „Впередъ!“, равноправную съ группами въ Россіи, чего не хотѣли допустить группы распространителей изданій въ послѣдней. Вліятельныя лица этихъ послѣднихъ группъ расходились съ главнымъ редакторомъ, какъ по своему стремленію монополизировать въ рукахъ *своей* фракціи распространеніе изданій въ Россіи, такъ и по своему рѣщенію не допускать въ организаціи фракціи и въ ея программѣ усиленія ея боевого характера, что редакторъ считалъ своевременнымъ по общему настроенію русской молодежи. Натянутость положенія должна была привести къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Назначенъ былъ съѣздъ делегатовъ различныхъ кружковъ фракціи, который и состоялся въ Парижѣ въ декабрѣ 1876 года. Передъ этимъ разосланы были въ группы вопросы, охватывавшіе всѣ стороны теоріи и практики революціоннаго дѣла, какъ оно представлялось въ эту эпоху.

Послѣдовавшія за съѣздомъ обстоятельства сдѣлали невозможнымъ получить достаточно полныя свѣдѣнія, какъ о числѣ отвѣтовъ, полученныхъ на эти вопросы, такъ и о ходѣ преній на съѣздѣ. На немъ присутствовало два делегата изъ Кіева (между прочимъ Гриневичъ, впослѣдствіи утонувшій), одинъ изъ Одессы (Попко, о которомъ см. „Съ Родины и на Родину“ № 3), одинъ

изъ Петербурга *) и два делегата изъ Лондонскаго кружка, о равноправномъ существованіи котораго былъ поднятъ вопросъ. Самымъ интереснымъ элементомъ съѣзда были, конечно, отчеты делегатовъ о ходѣ соціалистической пропаганды и революціонной тактики на югѣ и на сѣверѣ Россіи. Эти отчеты показали, впрочемъ, разницу взглядовъ на тактику партіи между лицами, входившими въ ея составъ. Тогда какъ въ „Впередъ!“ и въ одной запискѣ указывалось на политическую агитацію, какъ на важный элементъ дѣятельности, и говорилось даже о комитетахъ сопротивленія, одинъ кіевскій

*) Петербургъ былъ представленъ двумя делегатами; впрочемъ, одинъ изъ нихъ жилъ, какъ эмигрантъ, уже давно заграницею (въ это время—въ Лондонѣ, но, по тѣснымъ связямъ съ лицами петербургскаго кружка, не приступилъ къ новому организовавшемуся лондонскому кружку). Существованіе этого лондонскаго кружка было основнымъ поводомъ того, что петербургскій кружокъ, находившійся подъ безусловнымъ преобладаніемъ одной личности, созвалъ съѣздъ. Конечно, самостоятельность и равноправность лондонскаго кружка была отвергнута съѣздомъ, что и повело къ выходу изъ партіи руководителя техническаго дѣла въ наборнѣ и большинства наборщиковъ. Мой выходъ изъ редакціи былъ обусловленъ не столько этимъ обстоятельствомъ, сколько тѣмъ отношеніемъ къ редакціонной дѣятельности, которое было высказано въ рѣчи петербургскаго делегата, преобладающее вліяніе котораго въ Петербургѣ и вообще въ Россіи мнѣ было хорошо извѣстно. Я назвалъ его рѣчь „обвинительнымъ актомъ“ и затѣмъ въ двухъ рѣчахъ изложилъ сперва исторію изданія „Впередъ!“ въ его литературной борьбѣ съ препятствіями, и затѣмъ тѣхъ помѣхъ, которыя вносили въ его дѣятельность сами его сторонники. Выводя изъ преній, что мое руководство изданіемъ не встрѣтило сочувствія и поддержки моихъ ближайшихъ товарищей, я сложилъ съ себя званіе главнаго редактора, взявшаго на себя полную отвѣтственность за изданіе, но остался и членомъ партіи, и сотрудникомъ изданія въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно останется вѣрнымъ программѣ, высказанной въ № 48, въ т. IV и въ моихъ отвѣтахъ на вопросы, поставленные предъ съѣздомъ. Но мое сотрудничество не понадобилось.

Остальныхъ лицъ, присутствовавшихъ на съѣздѣ, я не называю, такъ какъ для большинства ихъ мнѣ или неизвѣстно, насколько сообщеніе ихъ именъ могло бы еще имъ повредить, для нѣкоторыхъ-же, и изъ самыхъ вліятельныхъ, я знаю, что имъ удалось во всѣ годы погрома не подвергаться преслѣдованіямъ и они теперь фигурируютъ въ роли мирныхъ и благонамѣренныхъ обывателей.

делегатъ высказался очень рѣшительно противъ „возбужденія страстей“ въ молодежи и почти сводилъ всю подготовительную дѣятельность на «кружки самообразованія» и на составленіе учебниковъ для народа. Мнѣнія относительно пропаганды среди интеллигенціи очень расходились, причемъ иные считали эту пропаганду совсѣмъ лишнею. Отчетъ о литературной исторіи „Впередъ!“ приводилъ фактическія свидѣтельства тому, что оказалось возможнымъ, начавъ дѣло при весьма невыгодныхъ условіяхъ, создать органъ, пользовавшійся нѣкоторымъ вліяніемъ и завоевавшій уваженіе заграничной соціалистической прессы, когда къ этому дѣлу былъ приложенъ достаточный трудъ, и оно было поддержано у литературныхъ работниковъ и у наборщиковъ тѣмъ энтузіазмомъ и самоотверженіемъ, которые составляли характеристическую черту движенія этой эпохи въ Россіи и заграницей. Но отчетъ о внутреннихъ помѣхахъ этому самому дѣлу обнаруживалъ въ то же время, какія опасности постоянно грозили подобному дѣлу, несмотря на самоотверженіе личностей. Внутренній разладъ назрѣлъ настолько, что первый заграничный съѣздъ пропагандистовъ-подготовителей былъ не только послѣднимъ, но, повидимому, произнесъ политическому значенію фракціи смертный приговоръ. Измѣненіе персонала наборни можно было, казалось, считать наименѣе важнымъ, такъ какъ не мало было другихъ наборщиковъ, столь же искусныхъ и самоотверженныхъ; однако, нравственное впечатлѣніе выхода нѣсколькихъ личностей и особенно лица, на которомъ лежало все техническое руководство дѣломъ, было, можетъ быть, сильнѣе на русскіе кружки, чѣмъ можно было ожидать. Въ литературномъ отношеніи кризисъ прошелъ совсѣмъ благополучно: томъ V неперіодическаго изданія, вышедшій подъ новою редакціей, по литературному достоинству ни въ какомъ отношеніи не былъ ниже прежнихъ изданій фирмы „Впередъ!“. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ *послѣднимъ* литературнымъ проявленіемъ фракціи, у которой въ концѣ 1876 года никто не могъ оспаривать нѣкоторое значеніе. Въ 1878 г. «подготовители-пропагандисты», какъ фракція, едва-ли существовали. Знамя ихъ было свергнуто, но почти ни одинъ изъ сторонниковъ этой фракціи не

выступилъ и подъ какимъ-либо другимъ знаменемъ русскихъ революціонныхъ партій. Ея исторія была кончена*).

Явились среди революціонеровъ и другіе пункты раздора. Среди проповѣди гармоническаго международнаго соціализма сталъ выступать диссонансъ противуположенія національностей. Въ послѣднемъ № «Община» статьи Стефановича и Драгоманова («Община» № 8 - 9; 17 и слѣд., 49 и слѣд.) подчеркнули разницу соціализма „русскаго", „великорусскаго" и „украинскаго". Съ перваго взгляда могли показаться несправедливыми придирками обвиненія Драгоманова Стефановичемъ въ томъ, что «Громада» перваго отодвигаетъ на второй планъ экономическія задачи соціализма передъ культурными задачами поддержки національности и недружелюбно относится къ русскому соціалистическому движенію. Драгомановъ тогда еще очень явно говорилъ о «соціалистической партіи въ Украинѣ», объ «идеалѣ федеративнаго соціализма», о томъ, что „украинцамъ необходимо присоединиться къ идеямъ европейскаго и американскаго соціализма", объ „организаціи соціально-демократической дѣятельности на нашей Украинѣ"; онъ причислялъ себя тогда къ той „третьей", по ея классификаціи, группѣ украинцевъ, которые соединяли задачи и украинскихъ «народовцевъ», и «интернаціональныхъ соціалистовъ»; онъ даже заслужилъ отъ „народовцевъ" „Правды" весьма непріятную для него кличку „великорусскаго нигилиста-соціалиста". Тогда онъ могъ еще не только при-

*) Очень любопытно было-бы имѣть болѣе подробныя данныя объ этомъ быстромъ распаденіи и политической смерти фракціи, о которой здѣсь идетъ рѣчь, но мнѣ эти данныя вовсе не извѣстны, а лица, способныя знать ихъ, не нашли возможнымъ сообщить мнѣ надлежащія свѣдѣнія.—Аксельродъ въ концѣ 1878 года писалъ о прекращеніи изданія „Впередъ!" („Общ." № 8-9; 26): „Впрочемъ, и эта редакція должна была, въ концѣ концовъ, прекратить свои изданія. И это не потому только, что она не удовлетворяла требованіямъ большинства революціонныхъ кружковъ. Въ такомъ случаѣ основали-бы другіе органы. Индифферентизмъ дѣятельныхъ элементовъ нашей партіи къ дѣлу революціонной прессы вообще—вотъ дѣйствительная причина паденія журнала „Впередъ!".

вести изъ «Громады» цитаты, благопріятныя русскимъ соціалистамъ, но съ особеннымъ сочувствіемъ говоритъ о позднѣйшихъ (1878) проявленіяхъ между ними революціоннаго „темперамента", о пробахъ „сопротивленія" и „самообороны", объ „историческомъ" поступкѣ Засуличъ. Однако, люди, обладавшіе достаточною чуткостью, могли уже тогда замѣтить, что совсѣмъ иная тактика подразумѣвалась соціалистическими федеративными принципами, обусловливавшими раздѣленіе федераціи и ихъ тактику по разницѣ *юридическихъ* условій, существующихъ для соціализма въ разныхъ государствахъ, и драгомановскимъ планомъ группировки и федераціи по *національностямъ* (соединяя личности, жившія подъ конституціей Австро-Венгріи, съ тѣми, которыми правили сатрапы Кіева и Полтавы, и отдѣляя группы соціалистовъ Чигирина отъ группъ Воронежа или Рязани). Эти болѣе чуткіе наблюдатели могли замѣтить, что отношеніе «Громады» къ подвигамъ и страданіямъ людей, боровшихся и страдавшихъ за соціалистическое дѣло въ Россіи, было гораздо болѣе похоже на отношеніе первой къ парижской коммунѣ и къ стачкамъ въ Италіи, чѣмъ къ тому признанію дѣла Перовскихъ и Михайловыхъ *своимъ* дѣломъ, которое украинецъ Фроленко или еврей Зунделевичъ вносили въ свои личныя слово и дѣло. Эти болѣе чуткіе могли между строками «Громады» и статьи въ «Общинѣ» № 8—9 предвидѣть позднѣйшія слова и дѣйствія редактора «Вольнаго Слова», исключившаго изъ своего журнала соціалистическіе отзывы Аксельрода о международномъ конгрессѣ, и съ ненавистью относившагося къ «темпераменту», къ пробамъ „самообороны" и къ „историческимъ поступкамъ" дѣятелей „Народной Воли". Зародышъ позднѣйшихъ патологическихъ явленій этого рода былъ на лицо.

Болѣе мимоходнымъ явленіемъ, тѣмъ не менѣе затронувшимъ такія крупныя личности, какъ А. Михайловъ, было допущеніе въ революціонную технику орудія религіозной пропаганды. Указано было выше, что нѣкоторыя группы (именно одесская) нашли неизбѣжнымъ, въ своей пропагандѣ въ народѣ, вполнѣ открыто высказывать и доказывать свои антирелигіозныя убѣжденія. Были попытки дѣйствовать въ средѣ раскольниковъ, но онѣ

рѣшительно отвергались большинствомъ подготовителей пропагандистовъ и были признаны на опытѣ несостоятельными (Брешковскою, какъ мы видѣли выше). Тѣмъ не менѣе, при ослабленіи принципіальной пропаганды, эта попытка была возобновлена; между прочимъ, Ал. Михайловъ посвятилъ ей свою замѣчательную энергію въ продолженіи нѣкотораго времени въ Саратовской губерніи. Онъ пишетъ (см. „На Р.“ № 3; 23 и слѣд.), что въ 1878 г. онъ

„на зиму окончательно поселился у раскольниковъ въ Саратовскомъ уѣздѣ. Къ дѣятельности среди раскольниковъ я относился чрезвычайно любовно и рѣшился побѣждать всякія трудности. Мнѣ пришлось сдѣлаться буквально старовѣромъ... Міръ раскола плѣнилъ меня своею самобытностью, сильнымъ развитіемъ духовныхъ интересовъ и самостоятельно-народной организаціей. Это—могучее государство въ государствѣ чиновничьемъ. Меня сильно манили тайники народно-общиннаго духа, область истинно народной жизни и народнаго творчества. У меня образовались уже прочныя связи. Я могъ проникнуть уже и въ сибирскіе тайные скиты, и къ астраханскимъ общинамъ (коммунистамъ), и къ бѣгунамъ, и въ Преображенское кладбище. Но, увы! пришлось все бросить».

Авторъ примѣчаній къ его автобіографіи говоритъ (тамъ-же, 23, прим.) о немъ:

„Въ силу сектанства онъ глубоко вѣрилъ; религіознымъ, въ формальномъ смыслѣ слова, онъ не былъ и тогда, но, однако, имѣлъ какую-то особую подкладку въ міросозерцаніи, которая очень приближалась къ религіи... У него была какая-то идея (смутная для постороннихъ, потому что онъ мало говорилъ объ этомъ, можетъ быть, смутная и для него самого), что идеалы соціальной революціи должны создать людямъ нѣкоторую новую религію, которая бы такъ же поглощала все существо человѣка, какъ это дѣлали старыя».

Уже совершенно опредѣленно за внесеніе религіозно-метафизическаго элемента въ соціалистическую пропаганду, устраняя начало революціи и всякой насильственной борьбы (предвосхитивъ проповѣдь Л. Н. Толстого), стояла группа такъ называемыхъ «богочеловѣковъ»,

организованная около Маликова. Онъ выступилъ въ Орлѣ, какъ основатель новой религіи въ 1874 г. Тихомировъ пишетъ объ этомъ явленіи («Cons. Pol.» 90 и слѣд.):

«Ходили слухи, что въ Орлѣ возникла новая религія. Скоро слухи подтвердились, и одинъ изъ нашихъ друзей пріѣхалъ къ намъ страстнымъ апостоломъ Маликова.

«Это было событіе, событіе самое необычайное и неожиданное, такъ какъ до тѣхъ поръ это былъ самый уважаемый, самый любимый изъ нашихъ предводителей. Теперь онъ отвергалъ наши принципы. Догматическая сторона новой религіи была изложена весьма неопредѣленно.

«Она еще не выработалась, говорилъ онъ.

«Но тѣмъ сильнѣе была полемика его съ революціонерами.

«Человѣчество возродится любовью и добровольнымъ убѣжденіемъ... Революціонеры и вы устарѣли: вы обращаетесь къ уму, но забываете чувство. Не ожидайте никакого добра отъ кровавой войны между людьми: изъ войны происходитъ война и снова война—безъ конца... Опасайтесь насилія, лжи, лицемѣрія. Всѣ—*люди* и потому враговъ не существуетъ».

Во «Впередъ!» приходили объ этомъ корреспонденціи. Рядомъ съ извѣстіемъ о первомъ массовомъ движеніи въ народъ къ возстанію, приходилось писать («Вп.» III, А; 263):

«И въ это то самое время, среди передовой молодежи произошло въ высшей степени странное явленіе, истинную причину котораго мы до сихъ поръ объяснить себѣ не можемъ, несмотря на многочисленныя корреспонденціи, по этому поводу полученныя. Нѣсколько знатныхъ и талантливыхъ дѣятелей изъ числа передовой молодежи отреклись отъ революціонной дѣятельности во имя мистическаго ученія о воплощеніи бога въ людяхъ, ученія, связаннаго съ проповѣдью любви ко всѣмъ, даже къ врагамъ, даже къ притѣснителямъ истины».

И позже, отмѣчая прекращеніе этого печальнаго явленія въ Россіи и переходъ новыхъ сектантовъ туда, куда обыкновенно шли въ послѣдніе вѣка всѣ сектанты Евр-

пы, отрывавшіеся отъ дѣйствительной жизни—въ Америку—это движеніе, заключавшее тогда уже свой циклъ, было характеризовано тамъ же слѣдующимъ образомъ («Вп.» № 41; 562 и слѣд.):

«Въ самый разгаръ движенія русской молодежи въ народъ съ проповѣдью борьбы на почвѣ экономическихъ интересовъ, съ проповѣдью разрушенія стараго общественнаго строя, подъ развалинами котораго приходилось погребсти враговъ народа—въ это самое время войско русской соціальной революціи, едва начавшее формироваться въ разбросанныхъ неорганизованныхъ отрядахъ, было деморализовано раздавшейся въ его рядахъ проповѣдью новыхъ «богочеловѣковъ», толковавшихъ ему о «божественной сущности», которую приходилось «вскрывать» въ себѣ каждому, и которая охватывала своею любовью не только сознательныхъ борцовъ за народъ, но и всѣхъ враговъ его, жандармовъ и биржевыхъ спекулянтовъ, желѣзнодорожныхъ царей. Во всѣхъ ихъ могла быть «вскрыта божественная сущность»; всѣ они могли войти въ мистическое царство любви богочеловѣковъ; и по тому насиліе, кровавая борьба, агитація, вызывающая рабочаго на бой противъ его эксплуататора—все это была проповѣдь зла, все это былъ грѣхъ противъ духа святого. Наука логики должна была умолкнуть предъ тѣмъ непосредственнымъ созерцаніемъ истины, традиціи котораго, черезъ Шеллинга и его товарищей, восходили къ Якову Бэме, сапожнику—мистику начала XVII вѣка, и даже далѣе. Снова умъ человѣческій и жизнь человѣческая должны были быть отуманены внесеніемъ въ общественныя теоріи терминовъ, такъ давно мѣшавшихъ ясному пониманію всего реальнаго міра—«религія», «богъ», «божественное начало въ человѣкѣ» и т. д., и т. д. Снова христіанская троица, надѣлавшая такъ много хлопотъ древнимъ соборамъ, средневѣковымъ схоластикамъ и нѣмецкимъ метафизикамъ, становилась мистическимъ истолкованіемъ религіи и исторіи человѣчества, какъ во время Крэйцера и самыхъ жалкихъ извращеній гегелевской діалектики. Русской молодежи, унаслѣдовавшей скептицизмъ XVIII вѣка, вышколенной матеріалистической проповѣдью Герцена и Чернышевскаго, въ послѣднее время впитывавшей въ себя всѣми

порами позитивизмъ Конта и философію фатальнаго развитія Спенсера—какъ будто угрожалъ припадокъ самой жалкой и отсталой метафизической мистики, и при томъ въ формѣ, которая должна была побудить молодежь бросить начавшуюся борьбу за народъ, начавшуюся агитацію въ народѣ для насильственнаго завоеванія лучшаго будущаго. Къ счастью, припадокъ оказался очень легкимъ. Русская молодежь осталась въ огромномъ большинствѣ вѣрна своей традиціи и не захотѣла „вскрывать божественную сущность“ въ жандармахъ и биржевикахъ. Небольшая группа сектаторовъ ушла тѣмъ путемъ, который былъ указанъ выше, въ Америку—жить для *собственнаго развитія* и погибнуть безслѣдно для человѣчества среди новаторовъ—спиритистовъ, новаторовъ-вегетаріанцевъ, новаторовъ-мормоновъ и шэкеровъ, наконецъ, среди обломковъ всѣхъ сектъ религіозныхъ, полурелигіозныхъ и антирелигіозныхъ, которыя отказались отъ исторической борьбы для самоусладительнаго прозябанія въ монастыряхъ новой формаціи. Чуждые современной борьбѣ въ Россіи, чуждые народу русскому, которому они предоставили страдать и гибнуть подъ давленіемъ его эксплоататоровъ, они вышли изъ современной исторіи. Въ настоящую минуту едва-ли стоило бы упоминать объ этомъ явленіи, если бы оно не служило характеристическимъ примѣромъ, насколько воспріимчивы къ общественной заразѣ даже самые замѣтные дѣятели... Остра болѣзнь въ обществѣ и опасна для всѣхъ, если она можетъ выхватить изъ рядовъ дѣятелей и столь замѣтныя личности. Истинное пониманіе соціализма требуетъ усиленной работы, если его недостатокъ можетъ заражать даже немногихъ изъ рядовъ дѣятелей молодежи такими патологическими припадками».

Еще вреднѣе, можетъ быть, слѣдуетъ признать для революціоннаго движенія попытку волновать крестьянъ при помощи подложной царской грамоты, имѣвшую мѣсто въ Чигиринскомъ уѣздѣ на почвѣ упомянутаго уже выше народнаго недовольства и вызванныхъ имъ безпорядковъ. Едва ли не приходится въ этомъ случаѣ вполнѣ согласиться съ Драгомировымъ, который, внимательно слѣдя за всѣми ошибками «русскихъ» соціалистовъ,

признавалъ («Общ » № 8—9; 55) въ подобныхъ «подложныхъ грамотахъ отъ царя примиреніе съ тѣмъ, съ чѣмъ слѣдуетъ бороться». Если этотъ печальный фактъ не имѣлъ гораздо болѣе вредныхъ послѣдствій для русскаго революціоннаго дѣла и особенно для нравственнаго вліянія соціалистической интеллигенціи среди народа—это была уже не заслуга соціалистовъ, позволившихъ себѣ прибѣгнуть къ такому пріему.

Приходится признать правымъ того-же внимательнаго критика «русскаго» революціоннаго дѣла и въ его отзывѣ (тамъ-же) о другомъ патологическомъ явленіи той-же эпохи, именно, относительно «расправы» съ Гориновичемъ, вызвавшей необходимое—и весьма недостаточное — объясненіе Дейча („Общ." № 8—9; 16 и слѣд.) и вообще порицаніе подпольной прессы—*за однимъ* исключеніемъ, о которомъ сказано выше.

Всѣ эти патологическія явленія имѣли своимъ непосредственнымъ источникомъ неудачу движенія 1873—74 годовъ, которую приходилось признать всѣмъ. Рядомъ съ вызванными этой самой неудачею практическими попытками кружка обвиняемыхъ по процессу 50 продолжать прежнее дѣло при лучшей организаціи кружковъ „пропагандистовъ" и „Земли и Воли" выработать новую тактику,—мы встрѣчаемъ всюду откровенное признаніе этой неудачи. Редакція «Впередъ!» указывала на «ошибки и промахи въ дѣятельности русскихъ соціалистовъ» («Вп.» V, 160). Авторъ «Подпольной Россіи» характеризуетъ движеніе не только этихъ, но и слѣдовавшихъ затѣмъ годовъ, словами («Подп. Р.» 18):

«1876 и 1877 годы были самыми мрачными и тяжелыми для русскихъ соціалистовъ. Движеніе «въ народъ» обошлось страшно дорого. Цѣлое поколѣніе было безпощадно скошено деспотизмомъ въ припадкѣ овладѣвшаго имъ безумнаго страха. Тюрьмы были переполнены заключенными. Такъ какъ старыхъ не хватало, то строились новыя. Но каковы же были результаты всѣхъ этихъ жертвъ?.. Они были подавляюще ничтожны въ сравненіи съ громадностью затраченныхъ усилій»!

Въ августѣ 1874 года Обо̀довская (въ письмѣ, помѣ-

щенномъ въ «Обв. актѣ») относилась къ результатамъ движенія въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Тяжело то, другъ, что большинство личностей, несмотря на единичные и серьезные ошибки и провалы, несмотря на множество поучительныхъ для себя фактовъ, не становятся искренними, прямыми, безпристрастными аналитиками всего происшедшаго въ этотъ годъ; никто почти не сводитъ серьезно счетовъ съ собою и съ тѣмъ общимъ цѣлымъ въ его содержаніи и формахъ, которое успѣло достаточно выразиться и характеризоваться крайне грустно, даже мрачно... Не принимая самъ непосредственнаго участія въ попыточной практикѣ, я тѣмъ не менѣе наблюдала и переживала цѣлое въ его частностякъ, простыхъ и болѣе сложныхъ, которыми оно разрѣшалось отъ поры до времени, изъ нихъ я составила понятіе о тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ теперь народное дѣло; вижу я, живого намъ дѣла теперь вовсе нѣтъ, и даже въ живомъ зародышѣ... Наши пропагандисты пропорхнули по Руси и нигдѣ не пристроились, потому, вишь, что всѣ мѣстности попадались имъ неблагодарныя; имъ приходилось отказываться отъ прежней сладкой надежды, что, ничего не дѣлая, живя на чужой счетъ, ведя праздную жизнь въ средѣ рабочаго люда, они могутъ дѣлать что-нибудь путное... Вотъ и не выходили они себѣ ничего съ своими особыми несвоевременными требованіями... Тысячи истратили они на свои демократо-туристскія странствованія; анархисты же, главнымъ образомъ, занимались организаціей провинціальнаго юношества для немедленнаго поднятія революціи... Теперь же народъ не знаютъ и à priori рѣшаютъ: писать книжки нужно, а о чемъ, не знаютъ... они думаютъ отдуваться книжками, сочиняемыми ими, которыя болѣе мечтаютъ о народѣ, чѣмъ знаютъ его. Запасшись ими, побаловавшись мастерскими одинъ, два мѣсяца, они отправляются на дѣло. Опять начнется старая пѣсня. Всѣ страшные провалы, кои были до сихъ поръ, не научили, какъ видно, ничему товарищей нашихъ... Провалъ прокламаціонистовъ; провалъ съ рабочими фабричными и заводскими; провалъ съ крестьянами въ Ярославской губерніи ничего не указали».

Аксельродъ писалъ въ концѣ 1878 г. («Переходный моментъ нашей партіи» въ «Общ. № 19; 21 и слѣд.):

„Наше революціонное движеніе проходитъ теперь критическій моментъ своего развитія. Намъ приходится переживать самый тяжелый фазисъ въ жизни партій и народовъ — фазисъ броженія и дезорганизаціи, всегда сопровождающихъ такъ называемыя переходныя эпохи. Хаотическое состояніе умовъ, отсутствіе ясныхъ и опредѣленныхъ взглядовъ на основныя цѣли и средства соціальной революціи, полнѣйшее отсутствіе организаціи или правильнаго распредѣленія функцій между разными составными элементами нашей партіи и постояннаго тѣснаго отношенія между ними — такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, характеристика современнаго ея состоянія...

«Исходнымъ пунктомъ революціоннаго движенія въ Россіи въ 1873—74 г. было стремленіе осуществить свободную федерацію общинъ, пользуясь на коллективныхъ основаніяхъ землею и всѣми орудіями труда. Единственно раціональнымъ путемъ, ведущимъ къ осуществленію такого соціальнаго порядка, признано было возбужденіе народной иниціативы и самодѣятельности, какъ въ борьбѣ съ нынѣшнимъ строемъ, такъ и въ дѣлѣ созданія новаго порядка на развалинахъ стараго. Пропаганда соціалистическихъ идей среди народа и организація его силъ для сознательной и единодушной борьбы съ его угнетателями — вотъ что, поэтому, провозглашено было главнымъ дѣломъ соціалистовъ въ Россіи. Таково было наше знамя въ 1873—74 г.

«Прошло уже около 6-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи возникло это направленіе. Можно было ожидать, что за этотъ промежутокъ оно окрѣпнетъ, полнѣе и рѣзче обозначится въ своемъ примѣненіи къ особенностямъ мѣстныхъ условій жизни въ Россіи, войдетъ въ плоть и кровь правильно организованной *народной партіи*. На дѣлѣ вышло, однако, не то. Элементы послѣдней, правда, уже существуютъ, но отъ организаціи ихъ въ партію еще далеко. Мало того, мы сами не умѣли организоваться въ силу, руководимую опредѣленно и послѣдовательно системой идей, или, точнѣе, программой, въ которой цѣли и средства не противорѣчили-бы другъ другу. Наоборотъ, мы раздробились на массу кружковъ подъ разными наименованіями.

«Наиболѣе нравственно развитая часть учащейся молодежи беретъ *исключительно* на свои плечи столь грандіозную задачу, какъ подготовленіе рабочихъ массъ къ сознательной и организованной борьбѣ съ враждебными имъ элементами...

«Поставленные среди наиболѣе *тяжелыхъ* условій для выполненія нашей цѣли, мы въ тоже время должны были выступить на борьбу съ этими условіями, обладая для этого наименьшимъ количествомъ средствъ. Такимъ образомъ, мы напередъ обречены были на совершеніе множества промаховъ и на претерпѣніе ряда неудачъ. Впрочемъ, скудность нашихъ знаній и недостатокъ опытности можно бы, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, постепенно пополнить во время практической дѣятельности. И нѣкоторые изъ насъ такъ и надѣялись, что неизбѣжныя первоначальныя ошибки легко потомъ исправить, по мѣрѣ столкновенія съ дѣйствительностью; что недостатокъ знаній можно будетъ затѣмъ восполнить, сообразно запросу на нихъ самой жизни. Но желѣзныя условія русской жизни разбили и эти надежды».

Стефановичъ выражался тогда же («Наши задачи въ селѣ», тамъ-же, 32 и слѣд.);

«Вѣками отчужденные отъ простого русскаго народа, не имѣя съ нимъ почти ничего общаго—мы понесли въ его среду идеи соціализма. Каждый изъ насъ ожидалъ встрѣтить въ народѣ такія качества, которыя во многихъ отношеніяхъ ставятъ его на высоту, не сравнимую съ нашимъ нравственнымъ уровнемъ. Пропаганда пронеслась по 37 губерніямъ. Мы шли съ самыми широкими надеждами. Намъ казалось, что народъ готовъ принять наши ученія во всей ихъ научной полнотѣ; нравственныя стороны этого народа, который мы такъ идеализировали, служили намъ въ томъ ручательствомъ. Мы вѣрили, что своимъ появленіемъ въ деревнѣ, смѣлымъ словомъ правды и готовностью жертвовать во имя интересовъ народа, не трудно расшевелить въ немъ мысль и поднять смѣлость его духа. Такимъ путемъ думали мы приблизить осуществленіе революціи настолько, что готовы были по пальцамъ считать годы, когда она разразится со всей народной мощью и широ-

тою. Вѣра и энтузіазмъ придали нашему движенію грандіозный, массовый характеръ.

«Къ сожалѣнію, мы можемъ развѣ съ приблизительной точностью сказать, каковы результаты этой небывалой въ Россіи по размѣрамъ пропаганды въ народѣ. Дезорганизаціонность движенія и способъ пропаганды въ видѣ распространенія книгъ и устной проповѣди не могли оставить по себѣ особенно обильныхъ реальныхъ плодовъ. Наши идеи, *въ большинствѣ случаевъ*, вѣроятно, остались въ умахъ крестьянства только въ видѣ подтвержденія или санкціи тѣхъ желаній, какія уже существовали въ немъ, выработанныя его собственной жизнью. Но одному изъ насъ личнымъ опытомъ пришлось убѣдиться, что это такъ».

Совершенно естественно «Набатъ», въ виду *своей* программы дѣйствія, подвергалъ самой строгой критикѣ пропагандистскую дѣятельность 1873—75 годовъ.

Главнымъ образомъ, причины этихъ неудачъ видѣли или въ неумѣлой формѣ пропаганды, или прямо въ томъ, что идейная пропаганда была недостаточнымъ, а то и вовсе негоднымъ орудіемъ для русской революціи.

Уже въ «Потерянныхъ силахъ революціи» («Вп.» 11, 236 и слѣд.) высказывалось о пропагандѣ среди народа:

«Ея трудность лишь въ томъ, чтобы народъ *повѣрилъ* пропагандисту изъ «интеллигенціи»; чтобы онъ призналъ его не бастуномъ, не врагомъ, не хитрымъ агитаторомъ изъ эгоистическихъ цѣлей, а *своимъ* человѣкомъ».

Въ 1875—76 годахъ, когда тактика «троглодитовъ», тактика «поселенія въ народѣ» смѣнила прежнюю тактику бродячей пропаганды въ народѣ, послѣднюю открыто осыпали насмѣшками (см. «Consp. Pol.» XVIII). Другіе порицатели шли далѣе и считали революціонную организацію не соотвѣтствующей русскому характеру. Авторъ «Подпольной Россіи» и позже писалъ (166 и слѣд.):

«Слѣдуетъ замѣтить, что русскіе, вообще говоря, всегда были плохими конспираторами. Люди, подобные Софьѣ Перовской и Александру Михайлову, составля-

ютъ у насъ рѣдкое исключеніе. Широкая русская натура, привычка все дѣлать «міромъ», тѣсность личныхъ отношеній и, нужно признаться, славянская распущенность—все это трудно мирится съ основнымъ конспиративнымъ правиломъ: говорить о дѣлѣ только съ тѣмъ, съ кѣмъ можно объ этомъ говорить, хотя бы съ полной видимой безопасностью. Потому революціонныя тайны обыкновенно хранятся не очень строго и, разъ выскользнувъ изъ тѣснаго кружка организаціи, онѣ распространялись съ удивительной быстротой по всему радикальному міру».

Еще болѣе сильнымъ аргументомъ за безполезность русскаго революціоннаго движенія былъ недостатокъ революціонныхъ силъ. Право революціонеровъ на провозглашеніе своей программы признавалось безуміемъ, «пока они безсильны» («Вп.» III, 16). Отпадали люди, разочарованные будто-бы изъ-за «отсутствія всякихъ идеаловъ» въ обществѣ, изъ-за его «безсилія», изъ-за «безсилія личности». Многіе пропагандисты-народники находили неудачу неизбѣжною вслѣдствіе того, что интеллигенція собственными силами и не имѣла никакой возможности совершить соціальную революцію («Вп.» № 28, 97 и слѣд.).

„Русскій интеллигентный классъ, на основаніи всего своего прошедшаго, совершенно безсиленъ для произведенія не только соціальной революціи, но и какой-либо политической революціи серьезнаго характера. Онъ, отдѣльно взятый, не можетъ даже ее подготовить. Всякая революція требуетъ въ своихъ подготовленіяхъ и совершителяхъ двухъ условій: во первыхъ, традиціонной привычки солидарнаго дѣйствія; во вторыхъ, не только группъ, болѣе или менѣе ясно понимающихъ революціонную задачу, и группъ, сочувствующихъ ея практическимъ требованіямъ, но еще реальной связи революціонныхъ дѣятелей съ массами, которыя, если не поднялись-бы сами по иниціативѣ агитаторовъ, то пошли-бы за предводителями, довѣряя ихъ искренней готовности дѣйствовать для народнаго блага... Въ Россіи оба упомянутыя условія безусловно отсутствуютъ: интеллигентный классъ лишенъ всякой привычки солидарнаго дѣй-

ствія и отдѣленъ отъ народа чуть не двухвѣковымъ недовѣріемъ.

«При самой подготовкѣ революціи, въ средѣ самого интеллигентнаго класса произойдутъ обыкновенныя явленія, столько разъ повторявшіяся, что ихъ приходится признать нормальными; сначала горячее самоотверженіе для народнаго дѣла подъ вліяніемъ нѣсколькихъ крупныхъ личностей; затѣмъ гибель этихъ личностей; затѣмъ уныніе и охлажденіе большинства; затѣмъ примиреніе его съ существующимъ порядкомъ. Многіе будутъ поддерживать союзъ революціонеровъ, пока въ немъ будетъ присутствовать одушевленіе, пока онъ будетъ крѣпокъ нѣсколькими вліятельными личностями; въ эпоху же его распаденія, унынія, никто не придетъ къ нему на помощь; лучшіе захотятъ продолжать дѣло въ одиночку, партизанами революціи, ругая неспособность и безхарактерность товарищей, и тѣмъ разрывая послѣднюю силу союза, такъ какъ сила всякаго революціоннаго союза не въ единицахъ, не въ партизанахъ герояхъ, а въ его связи, въ его *коллективномъ* дѣйствіи, въ его *солидарности*. Не привыкшіе цѣнить солидарности, не имѣя никакой традиціонной организаціи, не находя поддержки ни въ своей средѣ, ни въ обществѣ, лучшіе представители соціально-революціонной мысли будутъ въ каждую минуту готовы или сами отойти совсѣмъ въ сторону отъ дѣла изъ-за личнаго самолюбія, изъ-за неуживчивости съ другими, изъ-за личной фантазіи, или поставивъ товарищей въ необходимость разрушить уже образовавшіяся группы, подорвать результаты уже готовой работы. Вся исторія русскаго интеллигентнаго класса выдвигала для него на первый планъ *личные* вопросы, придавала даже общественной дѣятельности его членовъ *личный* характеръ, и *личные* вопросы удержатъ почти неизбѣжно преобладающее вліяніе во всякой революціонной дѣятельности, опирающейся преимущественно на силы и на формы жизни интеллигентнаго класса въ Россіи. Онъ не *въ состояніи* создать солидарной революціонной организаціи».

Тамъ-же (№ 20) было указано на «рабскія привычки», унаслѣдованныя русскою интеллигенціей. И Драгомановъ тщательно подчеркивалъ въ ней («Общ.» № 8-9; 54)

«несоотвѣтствіе словъ и дѣла, слабость настойчивости и духа сопротивленія начальству и нападенія на него».

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ статьяхъ, полученныхъ редакціей «Впередъ!» изъ Россіи и напечатанныхъ ею съ возраженіями, высказывается самый безнадежный взглядъ на положеніе дѣлъ, взглядъ, который редакція журнала, возмущаясь противъ него, формулировала слѣдующимъ образомъ («Народное міросозерцаніе и соціальная революція» въ № 31; 196 и слѣд. въ отвѣтъ на корреспонденціи: «Къ вопросу объ условіяхъ революціи въ Россіи» въ томъ же номерѣ):

„Пропаганда *партіи*, расширяющая и укрѣпляющая *партію*, безсмысленна. Но это—*единственное* дѣло соціально-революціонной партіи, по мнѣнію автора. Если оно невозможно, вредно и безсмысленно, то у партіи нѣтъ *никакого* дѣла, сама партія не имѣетъ смысла, само соціально-революціонное дѣло невозможно. А такъ какъ политическія революціи уже отвергнуты заранѣе, то приходится отречься отъ *всякой* революціонной дѣятельности. Сложите руки, русскіе соціалисты, русскіе революціонеры; смотрите, какъ народъ гибнетъ, какъ общество деморализуется, и ждите... спасителей изъ заграницы. Сложите руки, ждите, или... пустите себѣ пулю въ лобъ".

Итакъ, сознаніе въ неподготовленности интеллигенціи къ революціонному дѣлу, при условіяхъ существовавшихъ въ 1875—1876 г.г., было очень распространено. И немедленное обращеніе къ революціонной пропагандѣ соціалистическихъ принциповъ, къ вызову возстанія въ народѣ, и медленное подготовленіе настоящихъ революціонеровъ въ Россіи путемъ личнаго развитія мысли, знаній—оказались пріемами неудачными и представляющими опасности, устранить которыя не было, повидимому, возможности. Вредныя привычки были многочисленны. Патологическія явленія разростались и обѣщали новыя, подобныя же явленія. Энтузіазмъ перваго „движенія въ народъ" былъ уже дѣломъ прошлаго. „Подготовители" сами почти добровольно сходили съ политической сцены. На что можно было разсчитывать? Была ли даже возможность разсчитывать на что-либо?.

Да, можно и должно было разсчитывать на то, что, независимо отъ иллюзій, которыя должны были разлетѣться, независимо отъ неподготовленности сѣятелей будущаго, независимо отъ сдѣланныхъ ошибокъ, которыя были неизбѣжны при данныхъ условіяхъ—историческій прогрессъ долженъ былъ сдѣлать свое дѣло. Сѣмя соціальной революціи было брошено на русскую почву въ той принципіальной формѣ, въ которой оно уже всходило на почвѣ всѣхъ передовыхъ народовъ Европы. Сѣмя политической силы, враждебной абсолютизму, давно уже взрощено мирными мистиками временъ Новикова, декабристами-членами тайныхъ политическихъ союзовъ по образцу запада, либеральною литературою, съумѣвшею дѣлать свое дѣло даже при Николаѣ I, наконецъ, проповѣдью Герцена и Чернышевскаго, это сѣмя, столько разъ побитое градомъ административныхъ гоненій и рабскихъ привычекъ общества, всходило гуще и крѣпче прежняго подъ руками новыхъ сѣятелей, вложившихъ въ новое дѣло небывалый энтузіазмъ, небывалое самоотверженіе, можетъ быть, еще болѣе небывалую сплоченность для общаго дѣла. Интеллигенція русская имѣла всѣ недостатки, которыми такъ возмущались авторы „Революціонеровъ изъ привиллегированной среды", всѣ тѣ „рабскія привычки", на которыя строго указывали „украинскіе" соціалисты; однако, именно эта интеллигенція съумѣла не только выставить личности, которыя въ серединѣ 70-хъ годовъ способны были ясно и опредѣленно формулировать задачи революціоннаго соціализма, какъ это было сдѣлано на процессѣ 50-ти, но оказалась способною, съ одной стороны, вызвать то массовое движеніе на помощь народу, которое охватило 37 губерній, съ другой—выработать черезъ немногіе годы такую организацію и такую энергичную дѣятельность, которая могла идти въ параллель съ самыми крупными политическими проявленіями протестующаго меньшинства въ исторіи какого угодно народа.

Но вліяніе соціалистической пропаганды шло и далѣе. «Землеволецъ», довольно строго и критически относящійся къ дѣлу пропагандистовъ 1873—76 годовъ, тѣмъ не менѣе говоритъ о

«вліяніи, которое пропаганда оказала на ту часть

нашей молодежи, которая, не примкнувъ къ соціалистическому движенію *активно*, стала къ нему въ положеніе *сочувствующей*. Въ *общемъ*, вліяніе соціалистическаго движенія на общество и интеллигенцію en masse выравилось въ томъ, что оно внесло нѣкоторое оживленіе зъ будничную ихъ жизнь, развернуло передъ ними рядъ необычныхъ явленій, заставило ихъ, между прочимъ, призадуматься надъ такими вопросами, надъ которыми они раньше, по косности своей, и не дерзали этого. Вопросы, напримѣръ, *политическаго свойства* сдѣлались съ того времени предметомъ все большаго и большаго обсужденія».

Точно также народъ русскій не былъ поднятъ пропагандою 1873—1878 г.г. и не могъ быть ею поднятъ, такъ какъ массы поднимаются лишь тогда, когда идея, которая ихъ поднимаетъ, совпадаетъ съ болѣе или менѣе ясно понятыми ихъ интересами: однако, этотъ народъ не только выставилъ отдѣльныя личности Алексѣевыхъ и Желябовыхъ, но оказался во многихъ случаяхъ воспріимчивъ къ проповѣди въ его рядахъ, кое-гдѣ отстаивая энергически „внушителей"; былъ способенъ дать на югѣ матеріалъ для организаціи Заславскаго, и, отмѣчая событія 1878 г., «Календарь Народной Воли» могъ занести въ свою лѣтопись къ декабрю 23 и 30 дня два «генеральныхъ собранія Сѣвернаго Рабочаго Союза». «Землеволецъ» говоритъ о результатахъ соціалистической пропаганды въ народѣ въ эту эпоху:

«Единственное, что можно сказать съ нѣкоторою увѣренностью, это—то, что пропаганда въ значительной мѣрѣ *обострила* въ народѣ то броженіе умовъ, которое еще раньше, вслѣдствіе другихъ вліяній, началось въ немъ. Масса слуховъ и толковъ о передѣлѣ земли и разныхъ другихъ перемѣнахъ, имѣющихъ въ виду интересъ народа, стали распространяться въ его средѣ съ большимъ еще упорствомъ, чѣмъ прежде. Конечно, это вліяніе неуловимо, нельзя его ни измѣрить, ни вычислить, но оно, несомнѣнно, было».

Вѣрно также замѣчали критики, что русскіе—плохіе конспираторы, но именно эти годы, которые обнаружили этотъ ихъ традиціонный недостатокъ, были годами выработки новыхъ типовъ „конспираторовъ", „укрывате-

лей“ или даже „безъименныхъ политическихъ дѣятелей“, которые такъ и сходили въ могилу или терялись въ толпѣ незамѣтныхъ обывателей, совершивъ свое скромное дѣло и не оставивъ послѣ себя даже имени *). Для характеристики типовъ, такимъ образомъ вырабатывавшихся, достаточно прочесть въ «Подпольной Россіи» главы: «Укрыватели», «Тайныя типографіи» и въ книгѣ Тихомірова главы: «Тайная типографія» и «Шпіоны и противодѣйствіе имъ (Mouchards et Contre-mouchards)». Это—всходило брошенное сѣмя.

Соціалистическіе принципы были усвоены и опредѣленно формулированы. Народничество оставалось характеристическою чертою партіи во всѣхъ ея фракціяхъ. Но

*) Таковъ былъ, напримѣръ, тотъ „третій“ обитатель конспиративной квартиры, гдѣ находилась тайная типографія, о которомъ авторъ „Подпольной Россіи“ пишетъ:

„Фамилія третьяго изъ обитателей квартиры такъ и осталась тайной. Уже больше трехъ лѣтъ онъ находился въ рядахъ партіи и пользовался всеобщей любовью и уваженіемъ, но его настоящаго имени никто не зналъ, потому что тотъ, кто ввелъ его въ организацію, умеръ, а всѣ остальные звали его не иначе, какъ „птицей“—прозвище данное ему за голосъ. Когда, послѣ отчаяннаго 4-хъ часоваго сопротивленія, типографія „Народной Воли“, гдѣ онъ работалъ, принуждена была сдаться, и солдаты ворвались въ домъ, онъ покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ револьвера. Такъ безыменнымъ онъ жилъ, безыменнымъ сошелъ и въ могилу.

„Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ лѣтъ 22—23-хъ, высокій, тонкій, съ худощавымъ лицомъ, обрамленнымъ прядями длинныхъ, изъ-синя черныхъ волосъ, оттѣнявшихъ еще больше его мертвенную блѣдность—результатъ долгаго лишенія свѣжаго воздуха и свѣта и постояннаго пребыванія въ атмосферѣ, наполненной ядовитой пылью свинца. Живыми оставались только глаза, большіе и черные, какъ у газели, лучистые, безконечно добрые и грустные. У него была чахотка, и онъ зналъ это, но все таки не хотѣлъ покинуть свой постъ, потому что былъ опытнымъ наборщикомъ, и замѣнить его было некѣмъ“.

Мнѣ самому пришлось сказать нѣсколько словъ на парижскомъ кладбищѣ надъ могилою эмигранта, умершаго въ госпиталѣ отъ чахотки, и о которомъ всѣ собравшіеся надъ его могилой русскіе знали только, что его звали Андреемъ, что это былъ соціалистъ и что онъ игралъ крупную роль въ Кіевѣ. Лишь впослѣдствіи узнали, что это былъ Рахальскій, онъ же Русановъ.

смыслъ этого слова измѣнился. Оставались прочными убѣжденія (Вп. I, 12):

«На первое мѣсто мы ставимъ положеніе, что перестройка русскаго общества должна быть совершена не только съ *цѣлью* народнаго блага, не только *для* народа, но и *посредствомъ* народа... Только союзъ интеллигенціи, единицъ и силы народныхъ массъ можетъ дать побѣду».

Но форма этого союза и способъ, которымъ народъ совершитъ перестройку, долженствующую имѣть мѣсто «посредствомъ» народа, требовали дальнѣйшаго, болѣе внимательнаго изученія и болѣе долгаго опыта. Каковы могли, каковы должны были быть при этомъ подготовленія интеллигенціи къ ея роли самоопредѣлителя своихъ судебъ?—эти вопросы предстояло рѣшить слѣдующимъ эпохамъ движенія; эпохѣ дѣятельности народниковъ „Земли и Воли", съ ихъ *попытками крѣпкой организаціи* интеллигенціи, разселяющейся въ народѣ; эпохѣ народниковъ „Народной Воли", съ ихъ *дѣйствительною* организаціей интеллигенціи для борьбы съ правительствомъ, какъ главною помѣхою свободнаго и самостоятельнаго подготовленія народа къ его самоопредѣляющей роли.

Народничество было, наконецъ, завѣщаніемъ, воспринятымъ отъ эпохи пропаганды настоящими и будущими русскими соціалистами въ связи съ тѣми ближайшими цѣлями, и съ тѣмъ пониманіемъ роли интеллигенціи и народа въ будущемъ движеніи, которыя постепенно вырабатывались и вырабатываются на нашей родинѣ.

Эти цѣли и это пониманіе вырабатываются подъ вліяніемъ личныхъ убѣжденій отдѣльныхъ единицъ; подъ вліяніемъ роста классоваго сознанія въ народѣ; наконецъ, подъ вліяніемъ событій исторіи, которыя, независимо отъ воли первыхъ и отъ развитія сознанія въ послѣднемъ, обусловливаютъ эпоху волненія или затишья, возможность кое-какихъ реформъ, облегчающихъ процессъ перехода къ новому, или неизбѣжность взрывовъ удачныхъ или неудачныхъ, но всегда тяжелыхъ. Эти эпохи, составлявшія для дѣятелей 1873-1876 г.г. еще неизвѣстное имъ *будущее*, должны были представить свои задачи

и подвиги, свои успѣхи, свои ошибки; но даже самая возможность тѣхъ задачъ, тѣхъ подвиговъ, тѣхъ успѣховъ и тѣхъ ошибокъ, которыя должно было вызывать это будущее, опредѣлилась въ значительной мѣрѣ не только новыми условіями борьбы, но и тѣмъ, что уже сдѣлали энтузіасты-народники разсмотрѣннаго періода,

Ходъ событій установилъ немалую разницу между состояніемъ умовъ въ Западной Европѣ и Россіи въ ту эпоху, когда для человѣчества вообще наступилъ моментъ исторической роли соціализма.

Онъ могъ вступить въ эту историческую роль при опредѣленныхъ условіяхъ. Это было прежде всего результатомъ яснаго пониманія классовыхъ интересовъ рабочихъ; это былъ, во вторыхъ, нравственный идеалъ, который одинъ способенъ удовлетворить требованіямъ справедливости при настоящемъ развитіи міровой интеллигенціи; это былъ, наконецъ, неизбѣжный фазисъ экономической и политической исторіи цивилизованныхъ націй, фатально подготовленный самими врагами соціализма. Какъ результатъ трехъ могучихъ историческихъ силъ, онъ *не можетъ не восторжествовать*. Но пути этого торжества могутъ—и даже должны быть очень различны среди разныхъ націй, вслѣдствіе историческихъ условій, существующихъ въ каждой изъ нихъ. Кризисы, переживаемые ими, могли, могутъ и должны быть и по ихъ качеству, и по ихъ напряженію, и по ихъ опасности, различны для каждаго народа.

Здѣсь и лежитъ разница между явленіями соціализма западнаго и русскаго.

Въ Западной Европѣ соціалистическая проповѣдь во второй половинѣ нашего вѣка приняла характеръ весьма близкій къ нормальному. На почвѣ машиннаго производства и всемірной конкуренціи изъ-за рынковъ выработался пролетаріатъ, которому юридическія условія позволили сплотиться, и въ которомъ росло на почвѣ стачекъ сознаніе противоположенія его интересовъ интересамъ эксплуатирующихъ его патроновъ. Когда раздался призывъ „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“, особенно же, когда Генеральный Совѣтъ Интернаціонала

открылъ свои засѣданія, когда «Капиталъ» Маркса выставилъ теорію прибавочной стоимости и классовой борьбы, вполнѣ готовые элементы сознанныхъ интересовъ формулировались въ „классовомъ сознаніи рабочихъ". Партія рабочихъ была уже въ «возможности» повсюду, и на этой почвѣ создали крѣпкій союзъ соціалистической интеллигенціи и рабочаго пролетаріата всѣхъ странъ. Отсюда слабость кризисовъ этой эволюціи и замѣчательные успѣхи послѣдней,

У насъ положеніе дѣлъ какъ разъ противоположно. Среди огромнаго населенія, не имѣвшаго возможности усвоить наслажденіе развитіемъ и потребность развитія, среди господствующихъ классовъ, живущихъ или ы, обычаю, или въ борьбѣ за самые низменные интереспо подъ жестокимъ гнетомъ абсолютизма, исторія петербургскаго періода, въ оппозицію старому московскому застою, выработала незначительную по числу интеллигенцію, жадную до самыхъ послѣднихъ результатовъ мірового идейнаго движенія. Эта интеллигенція была поставлена въ необходимость сдѣлаться посредницею между продуктами этого движенія и обществомъ, чуждымъ яснаго сознанія своихъ самыхъ насущныхъ коллективныхъ интересовъ и въ которомъ абсолютизмъ вытравилъ самыя элементарныя привычки солидарности. Эта интеллигенція стала неизбѣжно оппозиціонною. однако, и въ политической оппозиціи, и въ проповѣди общественнаго прогресса она не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ силою *идейною*. Какъ сила идейная, литературная, сближающая мѣстные элементы съ заимствованіями изъ идейныхъ сферъ другихъ странъ, она двинула декабристовъ на дворцовую площадь, создала литературу гуманитарныхъ идей подъ сапогомъ Николая I, перенесла въ московскіе и петербургскіе кружки утопіи Сенъ-Симона и Фурье, позже, въ молодежь университетовъ и гимназій, анархизмъ Прудона и Бакунина, идеалъ рабочаго и научнаго соціализма. Во всѣхъ этихъ фазисахъ двигателями являлись не стихійныя силы, дѣйствующія подъ вліяніемъ все яснѣе сознаваемыхъ коллективныхъ интересовъ, а небольшое меньшинство личностей, стоящихъ по развитію, по пониманію и по личной энергіи

далеко выше большинства, которое оставалось подъ игомъ обычая, знало заботы лишь о мелкихъ интересахъ, и въ которомъ отсутствовала всякая личная иниціатива. Эти идейные дѣятели, именно вслѣдствіе своего духовнаго уединенія, не могли не преувеличивать и представленіе о своихъ силахъ, и могущество и привлекательность идей, ихъ бросившихъ въ исторію. Они не могли также—какъ сила идейная—не встрѣтить сопротивленія въ унаслѣдованныхъ, обычныхъ формахъ культуры и мысли, сопротивленія, еще болѣе упорнаго, чѣмъ въ... полиціи и въ бюрократіи. Народническій соціализмъ начала 70-хъ годовъ сталъ какъ бы свѣтскою религіей; онъ бросилъ въ народъ тѣхъ страстныхъ „искателей истины", о которыхъ пришлось упомянуть и ренегату, готовившемуся отречься отъ своихъ вчерашнихъ вѣрованій (см. „Consp. et Pol."); тѣхъ „апостоловъ" новаго свѣтскаго евангелія, которые изумили міръ. На зло классовымъ интересамъ, на зло обычной рутинѣ, именно изъ класса, сознанные интересы котораго, не только матеріальные, но и умственные—интересы обширнаго развитія—были противоположны сознаннымъ интересамъ народныхъ массъ, обездоленныхъ и въ матеріальномъ и въ умственномъ отношеніи, вышли „народники", доходившіе до желанія забыть то, чему они учились, чтобы быть ближе къ народу. Приходилось бороться съ беззастѣнчивымъ правительствомъ, поигравшимъ въ реформы, но быстро перешедшимъ къ реакціи послѣднихъ 30 лѣтъ. Приходилось бороться и съ обществомъ, проникнутымъ и вредными привычками мысли и жизни, и трусостью за свои интересы, за свою шкуру. Приходилось бороться и съ собственною неподготовленностью, съ собственнымъ отсутствіемъ героическихъ традицій, съ собственными «рабскими привычками». Кризисъ не могъ быть инымъ, какъ очень тяжелымъ, и онъ былъ тяжелъ. Это было естественное, неизбѣжное слѣдствіе условій, при которыхъ совершалась и совершается исторія.

Но русская интеллигенція, сдѣлавшаяся народническою, сознательно соціалистическою и революціонною, пережила этотъ кризисъ, которому подобнаго не пред-

ставляла, да и не могла представить ни Западная Европа, ни Америка. Она сосчитала жертвы, созналась передъ собой въ ошибкахъ и въ увлеченіяхъ, взвѣсила и силы враговъ, и собственную энергію, и пошла искать исхода изъ этого кризиса, оставаясь вѣрною основнымъ задачамъ соціализма рабочаго, научнаго и международнаго, и неудержимой вражды... абсолютизму *).

П. Лавровъ.

---

*) Издатель считаетъ своимъ долгомъ указать, что ему пришлось въ 3—4 случаяхъ выпустить нѣсколько абзацовъ, а въ нѣсколькихъ случаяхъ выкинуть отдѣльныя слова—по цензурнымъ условіямъ. Кое-гдѣ купюры обозначены многоточіями.